ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

I.

ФОНД РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

2 шк.
3
peg.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 21 Марта 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

БИБЛИОТЕКА ...ЕСКОЙ АКАДЕМИИ

15684

Въ Типографіи Александра Якобсона.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ЦѢЛЬ И СОСТАВЪ КНИГИ.

Съ нѣкотораго времени въ образованномъ классѣ Сѣверно-Русскаго населенія пробудилось особенное желаніе узнать поближе Малороссію, или Южную Русь, эту богатую дарами природы и историческими воспоминаніями страну, о которой такъ много говорятъ и пишутъ. Съ другой стороны, уроженцы Малороссіи начали чувствовать живѣе прежняго жажду самопознанія, которая выражается множествомъ книгъ по предмету мѣстной исторіи и этнографіи, изданныхъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ Южно-Русскихъ городахъ. Удовлетворяя этому двойному требованію, я предпринялъ издать, въ неопредѣленномъ количествѣ томовъ, *Записки о Южной Руси,* въ которыхъ бы каждый просвѣщенный Русскій человѣкъ имѣлъ энциклопедію разнообразныхъ свѣденій о народѣ, говорящемъ языкомъ

Южно-Русскимъ. Эти свѣдѣнія собраны и обработаны, какъ мною самимъ, такъ и другими лицами. Первый томъ этихъ Записокъ занятъ преимущественно историческами воспоминаніями Малороссійскаго, или Южно-Русскаго народа, которыя представлены въ томъ видѣ, въ какомъ они передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и снабжены необходимыми поясненіями. Съ одной стороны, это — лѣтопись былого, незаписаннаго старинными людьми; съ другой — это вѣрное отраженіе внутренняго образа Южно-Русскаго племени, какимъ оно было въ-старину и какимъ видимъ его теперь.

О ПЕРЕВОДѢ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ДУМЪ И ПРЕДАНІЙ.

Такъ какъ языкъ нашихъ Малороссійскихъ думъ и преданій доступенъ не всѣмъ Великорусскимъ читателямъ, то я счелъ нужнымъ приложить къ нимъ возможно точный переводъ. Я говорю *возможно точный* потому, что передать въ-точности характеръ Южно-Русской рѣчи на Сѣверно-Русскомъ языкѣ нѣтъ никакой возможности, по недостатку многихъ сотвѣтственныхъ формъ въ языкѣ Сѣверно-Русскомъ. Часто то, что̀ по-Малороссійски выражается нѣжно и живописно, по-Великорусски выходитъ грубо и вяло. Поэтому многое надобно было оставлять безъ перевода, а иное переводить оборотами, далекими отъ дословной точности. Вообще я долженъ сказать, что весь мой переводъ есть только средство къ

уразумѣнію подлинника, но никакъ не замѣна его для людей, незнающихъ по-Малороссійски. Многое въ Малороссійскомъ языкѣ рѣшительно непереводимо на языкъ Великорусскій; въ этомъ сошлюсь на людей, родившихся на сѣверѣ и изучившихъ нашу южную рѣчь изъ просвѣщенной любознательности. Но, какъ Сѣверный и Южный Русскій народъ есть одно и то же племя, при всемъ различіи своихъ характеровъ, прозведенномъ различіемъ мѣстности и общественной жизни; то, при нѣкоторомъ вниманіи и навыкѣ, Великорусскому уроженцу не трудно понимать смыслъ и красоту Малороссійскаго языка, особенно на бумагѣ.

О МАЛОРОССІЙСКОМЪ ПРАВОПИСАНІИ.

Въ предлагаемомъ изданіи я старался упростить, сколько возможно, Малороссійское правописаніе и приспособить его къ легчайшему произношенію словъ. До сихъ поръ въ Малороссійской грамотѣ глазъ непривычнаго читателя непріятно поражала буква *ы*, которою литераторы наши выражали мягкое южное *и* (напримѣръ, въ словахъ *прийшли́*, *минýли*). Но она до такой степени несвойственна Южно-Русской рѣчи, что Полтавецъ, или Чигиринецъ не можетъ даже въ Великорусской книгѣ произнести звуковъ *вы, мы,* и. т. п. Онъ будетъ произносить нѣчто подобное словамъ *ми, ви,* но никогда не скажетъ *вы,* или *ми,* такъ твердо, какъ выговариваетъ его сѣверный уроженецъ. Въ Малороссійскомъ языкѣ, котораго образ-

цомъ служитъ для меня наиболѣе общее Малороссіянамъ нарѣчіе, именно Полтавско-Чигиринское, — вовсе нѣтъ звука *ы*, а потому я и исключилъ его изъ своего правописанія. Напримѣръ слово *волы* произносится Малороссіянами похоже на то, какъ еслибы написать это слово Французскими буквами (*voly*). Мягкое *и*, заключающееся въ этомъ словѣ, я выражаю, за неимѣніемъ въ Русскомъ алфавитѣ болѣе соотвѣтствующаго ему звука, осьмеричнымъ *и*; а острое *и* (напримѣръ въ словахъ *кони*) я выражаю десятиричнымъ *і*.

Буква *е* въ Малороссійскомъ языкѣ произносится послѣ согласныхъ не такъ, какъ, напримѣръ, въ Великорусскомъ словѣ *дерево*, а близко къ тому, какъ во Французскомъ словѣ *délecter*; и потому слово *дерево* по-Малороссійски надобно произносить такъ, или почти такъ, какъ еслибы оно было напечатано Французскими буквами (*dérévo*). Но есть въ Малороссійскомъ языкѣ и острое *е* послѣ согласныхъ, точно такое, какъ въ Великорусскомъ словѣ *денегъ*. Это *е* я выражаю буквою *є* (напримѣръ въ словѣ *зілле*).

Къ этому надобно еще прибавить, что буква *о* никогда не произносится какъ *а*, но всегда такъ чисто, какъ во Французскомъ языкѣ.

Многія Малороссійскія слова различаются отъ Великорусскихъ только удареніемъ, и потому Великороссіянинъ, взявшись читать по-Малороссійски, безпрестанно

впадаетъ въ такія непріятныя для слуха ошибки, какъ еслибы кто по-Великорусски читалъ такимъ образомъ: *Прíшла служанкá отъ сóсѣда.* Для устраненія этого важнаго неудобства, я ставлю надъ каждымъ неодносложнымъ словомъ острое удареніе. А чтобы показать повышеніе и пониженіе голоса разскащика, или декламатора (пѣвцы, читая свои думы, декламируютъ ихъ какимъ-то особеннымъ, какъ-бы заученнымъ способомъ), я ставлю надъ нѣкоторыми словами удареніе тяжелое. Если въ словахъ, имѣющихъ букву *і*, удареніе не поставлено, это значитъ, что его надобно сдѣлать на этой буквѣ. Но въ словахъ, имѣющихъ два раза букву *і*, я ставлю надъ одной изъ нихъ удареніе.

ИЗДАТЕЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1.

Изслѣдованія.

Важность изученія народной словесности. Стр. 1.

Старосвѣтскіе нищіе-пѣвцы и нищіе нашего времени. Стр. 2.

Кобзарь Архипъ Никонéнко 'Оржицкій. Стр. 7 — 14.

Нищіе въ Малороссійскомъ простонародьи занимаютъ первое мѣсто по развитію поэтическихъ и философскихъ способностей. Стр. 43. *Они играютъ роль воспитателей народа*. Стр. 45.

Кобзарь Андрей Шутъ Александровскій Стр. 43—51, 63—65.

Разскащикъ Семенъ Юрчéнко Мартыновскій. Стр. 65—73.

Лирникъ Дмитрó Погóрѣлый Звенигородскій. Стр. 81, 95.

Думы уцѣлѣли только на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Это объясняется не столько событіями Колíйщины, сколько переселеніемъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра. Стр. 82.

Заселеніе праваго берега Днѣпра стараніями Польскихъ пановъ. (Народонаселеніе начало быстро уменьшаться во время войнъ Хмѣльницкаго. — Два послѣднія переселенія. — Запустѣніе западной Украйны. — Новыя поселенія: старосты и магнаты; дворяне; права шляхтѣ на »заложеніе осадъ«; военные колонизаторы. — Зазывы на »слобо́ду«. — Повинности. — Чѣмъ обогащалась шляхта. — Враждебные жизненные элементы. — Сосѣдство Запорожцевъ. — Набѣги гайдамакъ.) Стр. 82 — 93.

Тождество гайдамацкихъ набѣговъ съ войнати Богдана Хмѣльницкаго. Стр. 94, 245, 285.

Когда жилъ и умеръ сотникъ Харко́? Стр. 96 — 99.

Разскащикъ Кондратъ Таранýха Смиля́нскій. Стр. 99.

Трудность собиранія пѣсень и преданій. Стр. 100.

Равнодушіе народа къ исторіи Малороссіи. (Загадочность настоящаго состоянія его духа.) Стр. 121 — 122.

Сбивчивыя понятія нашихъ историковъ о Паліи. (Онъ былъ одинъ изъ колонизаторовъ западной Украйны.) Стр. 128 — 131.

Думы, забытыя народомъ, продолжаютъ иногда существовать въ формѣ прозаическихъ разказовъ, со стихотворными отрывками. Стр. 169 — 170.

Воспоминанія народа объ отдаленнѣйшей Кіевской старинѣ. (Преданіе о морскихъ походахъ первыхъ Кіевскихъ князей, сохранившееся въ формѣ думы.) Стр. 171 — 172.

Историческія думы и пѣсни складываемы были не по воспоминаніямъ о старинѣ, а по свѣжимъ слѣдамъ событій. (Одиссей слушалъ рапсодію о себѣ самомъ. — Рапсодіи народовъ новаго образованія. — Невѣста Тимоѳея Хмѣльницкаго слушала думу о немъ. — Епископъ

Львовскій сложилъ думу о гетманѣ Самойловичѣ. — Пѣсня о Паліи въ Сибири выражаетъ моментъ сочиненія.) Стр. 178 — 180.

Поэтическое творчество Малороссійскаго народа перешло къ его литературнымъ представителямъ. (Аналогія между Гомеровыми рапсодіями и Малороссійскими думами. — Гомеръ и Вальтеръ Скоттъ. — Раздѣленіе народа цивилизаціею есть залогъ высшаго духовнаго развитія. — Вмѣсто бандуристовъ, цивилизованному Малороссійскому обществу нужны поэты.) Стр. 180 — 185.

Сочинителями историческихъ думъ и пѣсень были не нищіе слѣпцы, а очевидцы и участники воспѣтыхъ произшествій. (Разборъ думы о смерти козака бандуриста. — Палій въ Сибири игралъ на бандурѣ.—Популярное изображеніе Запорожца съ бандурою въ рукахъ.— Слѣпцы—нищіе учились думамъ у козаковъ-воиновъ.) Стр. 185—193.

Эпосъ былъ въ большомъ ходу въ княжеской, а потомъ и въ козацкой Южной Руси. (Молчаніе лѣтописцевъ о думахъ и пѣсняхъ. — Памятникъ эпическаго развитія народной Южно-Руской поэзіи, »Слово о Полку Игоревѣ«. — Кѣмъ онъ могъ быть написанъ и какимъ измѣненіямъ могъ подвергнуться. — Остатки славословій князьямъ уцѣлѣли донынѣ въ »щедрівкахъ«. — Высокое совершенство языка Малороссійскихъ женскихъ пѣсень. — Старосвѣтскіе бандуристы пѣли послѣдовательно рядъ историческихъ думъ, подобно Гомеру. — »Послѣдній менестрель« козацкій продаетъ слѣпцу свою бандуру и учитъ его думамъ.) Стр. 193—199.

»Невольницкія« думы сложены самими невольниками. (Въ Турціи образовалась какъ-бы цѣлая нація невольниковъ. — Они безпрестанно мѣнялись ролями съ вольными козаками.) Стр. 211 — 215.

Заслуги собирателей народныхъ пѣснь. Стр. 221.

Самъ народъ есть лучшій памятникъ своей прошедшей жизни. Стр. 135.

Малороссіяне—простолюдины не называютъ себя иначе, какъ »люде«. Стр. 235.

Неумѣнье нашихъ этнографовъ взяться за допросъ народа о его умственныхъ сокровищахъ. Стр. 236.

Разскащикъ Василь Суддéнко Черкасскій. Стр. 238 — 240.

Разскащикъ Харкó Цехмúстеръ Черкасскій. Стр. 240, 251, 267.

Путешествіе пѣшкомъ изъ Чигирина въ Сýботово. Стр. 268. 270.

Разборъ пѣсни о войнахъ Хмѣльницкаго, записанной въ Сýботовѣ. Стр. 271 — 273.

Разскащикъ Омéлько Каплаýхій Сýботовскій. Стр. 274 — 275.

Монастырскій разскащикъ. Стр. 279.

Старосвѣтскіе Малороссійскіе балагуры-самонасмѣшники. Стр. 288.

Старики и старухи, разсказывающіе, подобно Данту, о видѣніяхъ своихъ на томъ свѣтѣ. Стр. 303 — 304.

2.

Преданія, легенды и повѣрья.

О Золотыхъ Воротахъ. (Кіевскія Золотыя Ворота перенесены »лúцаремъ« Михайликомъ въ Цареградъ; но будетъ такое время, когда они воротятся на прежнее мѣсто.) Стр. 3.

Жидовскіе откупы до Хмѣльницкаго. (Церковные ключи хранились у Жида-откупщика.) Стр. 166.

Пограничные схватки жолнѣровъ съ козаками. (Жолнѣры и и Запорожцы сходились въ одинъ шинкъ и, заспоривъ между собой, дрались на сабляхъ. Отсюда началась козацкая война.) Стр. 110.

Хмѣльницкій и Барабашъ. (Ляхи притѣсняли козаковъ. Козаки жаловались королю. Король далъ козакамъ »права«; но Барабашъ утаилъ ихъ отъ земляковъ. Хмѣльницкій хитростью добылъ отъ Барабаша »права« и ушелъ съ ними въ Сѣчь.) Стр. 166.

Хмѣльницкій въ Запорожской Сѣчи. (Жолнѣры стояли на Запорожьи и брали десятую рыбу на рыбныхъ козацкихъ ловляхъ. Хмѣльницкій истребилъ ихъ.) Стр. 275.

Плата Хмѣльницкаго за плѣнныхъ. (За Ляха платилъ онъ по рублю, а за ксенза по три полтины). Стр. 276.

Хмѣльницкій надъ Случью. (Отобралъ у своихъ козаковъ всѣ деньги.) Стр. 148.

Легенда о Богданѣ Хмѣльницкомъ. (Прогнавши Ляховъ за Случь, онъ поставилъ надъ Случью, на страхъ имъ, вѣтряные барабаны, а самъ поѣхалъ къ королю просить прощенія. — Онъ долженъ былъ узнать короля между двѣнадцатью палачами. — Свиданіе съ королемъ). Стр. 114.

Преступленія и казнь Юрія Хмѣльницкаго. (За разореніе отцовской церкви, онъ осужденъ, до второго пришествія, скитаться въ горахъ и питать своею кровью змѣю.) Стр. 277.

Легенда о Мазепѣ и Паліи. (Мазепа заложилъ Палія кирпичомъ въ столбѣ. Царь Петръ освободилъ Палія, и Палій очаровалъ Мазепино войско.) Стр. 115.

Вторая легенда о Мазепѣ и Паліи. (Степанъ Плаха [Палій]

предсказалъ Царю Петру возстаніе Мазепы. — Петръ заключилъ Палія въ темницу. Если правду онъ пророчилъ, то будетъ жить тридцать лѣтъ однимъ нюхательнымъ табакомъ. — Когда Мазепа дѣйствительно оказался врагомъ Царя Петра, Царь освободилъ Палія изъ темницы, и тотъ очаровалъ приверженцевъ Мазепы. — Палій испрашиваетъ у Царя пощаду Малороссіи.) Стр. 117.

Третья легенда о Мазепѣ и Паліи. (Царь Петръ освободилъ Палія изъ Сибири. — Палій ввелъ Царя въ непріятельскій лагерь, и они подслушали, о чемъ совѣщается Мазепа съ Шведомъ и Туркомъ. — Потомъ Палій такъ зарядилъ пушки, что непріятели тотъ-часъ были разбиты. — Палій испрашиваетъ у Царя пощаду Гетманщинѣ.) Стр. 123.

Преданіе о сотникѣ Харкѣ. (Онъ обнаружилъ въ своихъ поступкахъ нѣчто, напомнившее Полякамъ Хмѣльницкаго. Его вызвали въ Паволочь и казнили). Стр. 96.

Легенда о сотникѣ Харкѣ. (Поляки сперва приковали коня Харькова цѣпями и тогда только осмѣлились лишить его жизни. Но и тутъ должны были рубить ему голову собственною его саблею, потому что никакое другое орудіе не взяло его.) Стр. 95.

Вербовка въ гайдамаки и развязка Уманской трагедіи 1768 года. (Изъ Запорожской Сѣчи вышло сперва трое гайдамакъ: Шéлестъ, Лускóнигъ и Гнúда. Они поселились въ Украинскихъ монастыряхъ, и каждый составилъ свою партію между поселянами. — Появленіе »Сѣчи« въ окресностяхъ Мотренинскаго монастыря. — Взятіе Уманя. — Прощанье Зализняка съ чурою. — Гайдамаки захвачены въ-расплохъ. — Воспоминаніе о казни гайдамакъ.) 293.

Максимъ Шило. (Гайдамаки казнили своего товарища за убіеніе Черкасскаго »губернатора« .—Пріѣздъ Максима Шило въ Черкасскій зáмокъ. — Униженіе предъ нимъ губернатора. — Смѣлость городового козака.) Стр. 241.

О гайдамакѣ Швачкѣ. (Гайдамаки атакованы въ болотѣ близъ Смилой. — Пѣсня о Швачкѣ.) Стр. 135.

Ночной набѣгъ гайдамакъ. (Отаманъ, предъ вступленіемъ въ городъ, »характе́рствовалъ« на успѣхъ. — Вторгнувшись въ домъ Дри́ги, гайдамаки пыткою заставили его выдать имъ червонцы.) Стр. 246.

Наймытъ-гайдамака. (Выраженіе благодарности къ бывшему хозяину.) Стр. 249.

Похожденія гайдамакъ въ Смилой. (Въ первый набѣгъ разграбили за́мокъ и увели съ собой »панну« и »хло̀пца«, но потомъ отпустили. Во второй—разбили, подъ предводительствомъ Вовчка́. Польскій отрядъ.) Стр. 132.

Встрѣча пасичника съ гайдамакою. (Пасичникъ отдалъ гайдамакѣ свою сорочку и накормилъ его. За это гайдамака указалъ ему зарытыя въ землѣ деньги.) Стр. 133.

Месть за имя Жида. (Одинъ гайдамака назвалъ Жидомъ другого и былъ убитъ имъ за это. Товарищи нашли убійцу правымъ.) Стр. 284.

Гайдамаки въ Мотренинскомъ монастырѣ. (Устройство Сѣчи. — Поляки ищутъ гайдамакъ въ монастырѣ. — Гайдамаки отвлекаютъ ихъ слухами о нападеніи на села.—Трусость Польскаго намѣстника при извѣстіи, что гайдамакъ не беретъ пуля.) Стр. 279.

Пребываніе Максима Зализняка въ Черкасахъ. (Наружность Зализняка.—Въѣздъ въ за́мокъ. — Гайдамаки разливаютъ водку по базару. — Зализнякъ требуетъ »сапъя́нцевъ.« — Гайдамака овладѣваетъ чужими сапогами.) Стр. 251.

Бѣгство гайдамакъ. (Донцы захватываютъ гайдамакъ въ-расплохъ. — Гайдамаки, уходя по Днѣпру на Запорожье, казнятъ Черкасскаго писаря.) Стр. 259.

О Золотой Грамотѣ. (Преслѣдованіе »благочестія« и сожженіе ктитора въ Мліевѣ. — Игуменъ Мотренинскаго монастыря пишетъ Золотую Грамоту). Стр. 149.

Похожденія гайдамакъ въ Каневъ. (Гайдамака овладѣваетъ конемъ поселянина. — Неживый вознаграждаетъ его мѣднымъ котломъ.— Крещеніе Жидовки въ Каневѣ.) Стр. 151.

Происхожденіе и конецъ гайдамаки Неживого. (Онъ былъ Су́ботовскій горшечникъ.—Его схватилъ обманомъ панъ Шéрба.) Стр. 278.

Гайдамаки въ Жáботинѣ. (Причиною гайдамачества въ Жаботинѣ былъ Жидъ-арендаторъ, насчитавшій на городовыхъ козаковъ плутовскіе проценты.) Стр. 285.

Гайдамаки въ Уманѣ. (Передъ началомъ »Уманской рѣзни«, гайдамаки велѣли Базиліянамъ пройти по улицамъ и отправить торжественные похороны.) Стр. 285.

Воспоминанія о религіозныхъ смутахъ въ Украйнѣ. (Католики обращаютъ »благочестиваго« священника въ уніятство. — »Благочестивые« монахи внушаютъ народу, какъ уничтожить унію. — Жалобы Переяславскому архіерею. — Поляки пыткою принуждаютъ »благочестиваго« священника къ Уніи. — Возвращеніе »благочестія« на мѣсто уніи.) Стр. 261.

Объ уніи и »благочестіи.« (Гоненія противъ »благочестиваго« духовенства. — Принужденіе народа къ уніи.) Стр. 137.

Взглядъ простолюдина на ярмарки по воскреснымъ днямъ и праздникамъ. (Посредствомъ ярмарокъ лукавый отвлекаетъ народъ отъ »благочестія,« такъ точно, какъ прежде посредствомъ уніи.) Стр. 138.

Обезоруженіе поселянъ послѣ Калíшвщины. (Десяти хатамъ позволялось имѣть одинъ ножъ и одинъ топоръ.) Стр. 139.

О Базиліянахъ. (Они преподавали по-Польски катихизисъ; а паны поощряли учениковъ деньгами.) Стр. 101.

Воспоминанія о Запорожцахъ, объ ихъ нравахъ и обычаяхъ. (Запорожцы возвратились изъ Турціи потому, что ихъ мертвецовъ не принимала земля. — Надпись Царя Петра на камнѣ близъ Савуръ-Моги-

лы. — О томъ, какъ возили изъ Украйны въ Сѣчь для продажи горилку, и какъ Запорожцы покупали. — Возвращеніе Запорожцевъ съ добычею изъ Польши. — Разбои Запорожскихъ »гультáевъ на шляхáхъ.« — Воровство вмѣнялось въ обязанность Запорожцу, разумѣется, не дома. — Казнь за волокитство. — Насмѣшливость. — Судъ за насмѣшки. — О томъ, какъ Запорожцы ѣли въ Польшѣ сметану, не пачкая усовъ, и какъ одинъ Запорожецъ натянулъ лукъ, присланный Полякамъ отъ непріятелей, въ знакъ вызова на войну. — Запорожцы были великіе силачи.— Слухъ о томъ, что Запорожье »зруйнýють«. — Предсказанія самихъ Запорожцевъ. — Бѣгство въ Турцію). Стр. 154.

О комышникахъ. (Варіантъ разсказа о разбояхъ Запорожскихъ гультаевъ на шляхахъ.) Стр. 75.

О Запорожцѣ Васюри́нскомъ. (Варіантъ разсказа о томъ, что Запорожцы были великіе силачи.) Стр. 141.

Искусъ предъ вступленіемъ въ Запорожское братство. (Запорожцы испытывали сметливость новичковъ въ пониманіи ихъ настоящаго, а не кажущагося, характера.) Стр. 286.

Поединки у Запорожцевъ. (Стрѣлялись изъ пистолетовъ черезъ бурку.) Стр. 302.

Запорожское щегольство. (Появляясь въ Украйнѣ, Запорожцы расточали весь блескъ нарядовъ, для привлеченія къ себѣ новичковъ.— Вольтижерскіе штуки. — Лукавое сватовство для попоекъ и постоевъ gratis.) Стр. 139.

Запорожцы на своихъ рыбныхъ ловляхъ. (Каждаго, кто приходилъ къ нимъ, сперва кормили и поили, а потомъ уже распрашивали, кто и зачѣмъ. — Сидя въ палаткахъ, пировали, играли въ карты и въ шашки; слушали игру на кобзѣ; танцовали и катались колесомъ.) Стр. 111.

Запорожское цѣломудріе. (Запорожская совѣсть позволяла любезничать только съ молодицами, но отнюдь не съ дѣвушками.) Стр. 113.

Торговля невольницами на Запорожьи. (Запорожцы увозили иногда изъ Украйны дѣвушекъ и потомъ, не зная, куда съ ними дѣваться, продавали Татарамъ). Стр. 102.

О Запорожскихъ хи́мородникахъ, или ка́верзникахъ. (Нѣсколько Запорожцевъ сидѣло въ Кіевѣ подъ арестомъ за переманиваніе къ себѣ карабинеровъ. Отъ скуки, они дурачили своихъ сторожей разными фокусъ-покусами, которые принимались за колдовство. — О томъ, какъ Запорожецъ рыдалъ, услышавъ отъ сторожа пѣсню о гайдамакахъ.) Стр. 77.

Преданіе о Козарахъ. (Народъ, въ своихъ преданіяхъ, производитъ Запоро́жцевъ отъ Козаръ.) Стр. 150.

Хлѣбосольство на Запорожьи. (Никто не смѣлъ попрекнуть пришельца тунеядствомъ.) Стр. 151.

Очаковская бѣда. (Юмористическій разсказъ о томъ, какъ у козаковъ не стало сала, и какъ они воевали, подъ предводительствомъ Потемкина съ Турками.) Стр. 289.

О Татарскихъ плѣнникахъ. (Татары гоняли плѣнныхъ, привязавъ руками къ длинной жерди по нѣскольку чѣловѣкъ. — Лѣсъ Перегонъ.) Стр. 5.

Преслѣдованіе Татаръ послѣ набѣга. (Воспоминаніе объ Арти́пармакѣ, который выводилъ въ Украйну Орду. — Поселяне гнались за Татарами; козаки, встрѣтивъ ихъ, ограбили по-непріятельски.) Стр. 102.

Тревога по случаю Татарскаго набѣга. (Народъ бросился изъ Черкасъ уходить за Днѣпръ. Сторожевые козаки не пустили его на Русскій берегъ.) Стр. 267.

О козацкомъ ополченіи въ 1790-хъ годахъ. (Воспоминаніе о Потемкинѣ, Кречетниковѣ, Нащокинѣ и Леонидовѣ. — Погреба Выдубицкаго монастыря, подрѣзанные Днѣпромъ. — Утайка трети жалованья.) Стр. 67.

О войнѣ съ Польшею въ 1793—1795 годахъ. (Костюшка былъ волшебникъ. — Умыселъ Поляковъ противъ постояльцевъ. — Плѣнные Поляки въ Кіевѣ на работахъ.) Стр. 73.

О новомъ козацкомъ героѣ, Гладкомъ. (Когда онъ родился, земля затрепетала.) Стр. 165.

Объ урочищахъ въ Звенигородкѣ. (Воспоминаніе о древнемъ Звенигородѣ. — Битвы между помѣщиками за границы. — »Грець« въ видѣ кулачнаго боя.) Стр. 104.

Объ урочищахъ въ Смилой. (Юрáсь, Домна и Мóтря, старинные колонизаторы Украйны. — Турецкое поселеніе.) Стр. 142.

Воспоминанія о прежнихъ повинностяхъ, урожаяхъ и цѣнахъ въ западной Украйнѣ. Стр. 143.

Странствованіе по тому свѣту. (Обмиравшая старуха видѣла на томъ свѣтѣ, въ раю, дѣтей своей госпожи. — На ея распросы, разсказываетъ рядъ другихъ видѣній. — Братья-чумаки, превращенные за вражду въ собакъ. — Всѣ подаянія и пожертвованія, сдѣлашныя на этомъ свѣтѣ, возвращаются »помершимъ душамъ« на томъ. — Богатые и бѣдные люди, превращенные въ тощихъ и жирныхъ воловъ. — Грѣшникъ страдающій отъ холода посреди пламени. — Грѣшникъ, томящійся жаждою въ источникѣ. — Скупая богачка въ кипящей смолѣ. — Грѣшникъ по поясъ въ раскаленыхъ угольяхъ — Разбойникъ переносящій змѣй изъ одной ямы въ другую. — Перекладина надъ бездною. — Завѣтъ возвращающейся на этотъ свѣтъ душѣ.) Стр. 303.

3.

Думы и пѣсни.

О морскомъ походѣ »старшаго князя«-язычника въ »Христіянскую Землю«. Записалъ А. Шишацкій-Иличъ. Князь предлагаетъ дружинѣ назначить по немъ преемника, на случай его смерти. — Дру-

жина совѣтуетъ князю ѣхать за море жениться. — Снаряженіе въ походъ. — Молитва богу Посвѣстачу. — Отплытіе Варяго-Русскаго флота. — Предчувствіе Князя. — Буря у Христіянскаго берега. — Сомнѣніе въ могуществѣ и истинности языческаго Бога. — Увѣрованіе въ Бога Христіянскаго. — Возвращеніе домой. — Совѣтъ о принятіи Христіянской вѣры. — Посольство за море для познанія истинной вѣры. — Возвращеніе посольства и торжество.) Стр. 172.

Отрывокъ изъ пѣсни о разореніи Кіева Батыемъ. Записалъ Э. О. Руликовскій. Стр.

Дума о Феськѣ Андыбе́рѣ, записанная П. Кулишемъ и дополненная варіянтомъ М. В. Нѣговскаго. (Козакъ-нетяга гуляетъ одинадцать лѣтъ, а на двѣнадцатомъ году приходитъ къ степной кабачницѣ, Настѣ-Горовой. Тамъ застаетъ трехъ Ляховъ, дукъ-сриблянниковъ. — Насмѣшки ихъ надъ козакомъ и совѣтъ прогнать его въ-зашей. — Настя, степная кабачница, исполняетъ этотъ совѣтъ въ-точности. Но козакъ упирается, руками въ косяки, ногами въ порогъ, а головою въ полку для мисокъ надъ дверью, и даетъ понятіе о своей силѣ. — Двое изъ Ляховъ-дукъ простодушно смѣются надъ комикомъ-великаномъ, но третій хватился за умъ и покупаетъ для него ки́нву пива. — Степная кабачница велитъ служанкѣ принесть самаго негоднаго пива; но та налила самаго лучшаго, называвшагося »пьяное чоло́« и подала козаку, отворачивая носъ отъ ки́нвы съ притворнымъ отвращеніемъ. — Когда у него зашумѣло въ головѣ, онъ началъ гремѣть ки́нвою объ полъ такъ сильно, что въ кабакѣ развалилась печка и помрачила сажею весь воздухъ. — Насмѣшки Ляховъ-дукъ надъ необразованностью козака-нетяги. — Козакъ тѣснитъ ихъ изъ-за стола къ порогу и садится съ лаптями на по́кутѣ. — Потомъ вынимаетъ изъ-подъ полы »позолоти́стый недоли́мокъ«, гремитъ имъ объ столъ и поетъ пѣсню, на которую являются козаки съ богатыми одеждами. — Дуки поняли тогда, что передъ ними не козакъ-нетяга, а Фе́ско Га́нжа Андыбе́ръ, гетманъ Запорожскій, и принялись его угощать. Но онъ проливаетъ напитки на свое дорогое платье, и велитъ козакамъ проучить ихъ по-козацки. Только пощадилъ того, который купилъ для него пива. — Козаки мстятъ дукамъ-богачамъ за то, что они захватили всѣ поля и »лу́ки.«) Стр. 200.

О козацкой жизни. Записалъ М. В. Нѣговскій. (Козакъ идетъ на войну. — Жена проклинаетъ его. — Козакъ смѣется надъ ея проклятіями. — Въ домѣ у него между тѣмъ все приходитъ въ безпорядокъ и запустѣніе. — Онъ возвращается и обходится жестоко съ женою. — Сосѣдки смѣются надъ ихъ жизнью; но жена козака скрываетъ пороки мужа. — Онъ идетъ въ корчму и грустно смѣется надъ домашней жизнью козака.) Стр. 215.

О смерти козака-бандуриста. Записалъ А. С. Аѳанасьевъ. (Козакъ, вышедъ изъ битвы въ жалкомъ положеніи, выражаетъ свои чувства игрою на бандурѣ и пѣснею. Онъ тоскуетъ о своихъ товарищахъ, предчувствуетъ близкую смерть и прощается съ бандурою.) Стр. 185.

О Марусѣ Богуславкѣ. Записалъ М. В. Нѣговскій. (Невольники томятся у Турокъ въ темницѣ. — Плѣнная дѣвушка изъ Богуслава объявляетъ имъ, что сегодня праздникъ Воскресенія Христова. — Это извѣстіе усиливаетъ ихъ горесть, и они проклинаютъ вѣстницу. — Но она обѣщаетъ освободить ихъ и, исполнивъ обѣщаніе, съ горестью разсказываетъ о своемъ отступничествѣ. — Молитва невольниковъ.) Стр. 210.

О бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова. Записалъ П. Кулишъ. (Изъ Азова уходило трое братьевъ-невольниковъ, двое на коняхъ, а третій пѣшкомъ. — Этотъ послѣдній проситъ конныхъ взять его между лошадей; но старшій братъ сурово отвергаетъ просьбу. — Пѣшій братъ проситъ по крайней мѣрѣ лишить его жизни и похоронить его тѣло; но эта просьба такъ-же отвергнута. — Пѣшій братъ проситъ оставлять для него по степи примѣты. — Конные братья рубятъ по пути вѣтви съ терновника. — Пѣшій находитъ ихъ и превозноситъ доброту братьевъ. — Выѣхавъ изъ зарослей на голую степь, средній братъ предлагаетъ старшему бросать для примѣтъ куски одежды по пути. — Старшій отвергаетъ предложеніе. — Средній одинъ рветъ свою одежду и разбрасываетъ по степи. — Меньшой, пѣшій, подбираетъ ихъ и оплакиваетъ участь братьевъ, которыхъ полагаетъ изрубленными въ куски. — Отдыхаетъ въ изнеможеніи на Осавýръ-могилѣ. — Обращеніе его къ волкамъ и орламъ, которые собрались къ нему на »темный пóхоронъ«. — Обращеніе къ своей участи и смерть. — Раскаяніе старшаго брата. —

Упрекъ средняго. — Ночлегъ надъ рѣчкою Самаркою. — Совѣщаніе, что̀ говорить отцу и матери. — Погоня и смерть.) Стр. 32.

О бурѣ на Черномъ морѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Буря разбила козацкія суда на три части, изъ которыхъ въ третей потопаютъ два брата и каются въ своихъ грѣхахъ. Богъ ихъ спасаетъ отъ смерти; они приплываютъ къ пристани, хватаются руками за камни и признаютъ вліяніе молитвы отца и матери на судьбу дѣтей.) Стр. 28.

О козакѣ Голо́тѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Дополненія и отмѣны противъ списка г. Лукашевича: (1) Начало сходно съ началомъ думы Андрея Шута о Феськѣ Ганжѣ Андыбе́рѣ. — Въ городѣ Киліи Татаринъ хвалится передъ Татаркою будущею побѣдою надъ козакомъ Голо́тою. — Козакъ не осмѣиваетъ, какъ въ спискѣ г. Лукашевича, наряда Татарина, потому что Татаринъ здѣсь по богатству одежды и вооруженія, представляетъ съ нимъ противоположность [пѣвецъ г. Лукашевича очевидно потерялъ изъ виду это важное обстоятельство и смѣшалъ двѣ оттѣняющія одна другую фигуры.] — Хвастовство Татарина передъ козакомъ. — Битва. — Козакъ одѣвается въ богатыя одежды убитаго врага и воспѣваетъ хвалу Киліинскому полю.) Стр. 15.

О Жидовскихъ откупахъ и о войнѣ изъ-за нихъ. Записалъ П. Кулишъ. Жиды взяли на откупъ всѣ козацкіе шинки, шляхи, церкви и рѣки. — Слухъ о Богданѣ Хмѣльницкомъ. — Походъ Хмѣльницкаго. — Бѣгство Жидовъ въ Поло́нне. — Хмѣльницкій требуетъ выдачи Жидовъ. — Отказъ. — Пушка-Сирота. — Взятіе и разграбленіе Полоннаго. — Дѣлежъ добычи.) Стр. 56.

О побѣдѣ подъ Корсунемъ. Записалъ М. В. Нѣговскій. (Отмѣны противъ списка г. Копытко (2): Упоминается Стеблевъ. — Козаки поймали Потоцкаго, связали какъ барана и привезли къ Хмѣльницкому. — Ему говорятъ: »Не вмівъ ти есѝ въ Ка́мянськімъ Подільці пробува́ти« и пр. — Ляхи упрекаютъ Жидовъ въ возмущеніи козаковъ. — Жиды уходятъ за рѣчку Случь. На Случи обломился мостъ. — Жидъ,

(1) У г. Максимовича этотъ списокъ перепечатанъ въ »Сборникѣ Украинскихъ Пѣсень«, на стр. 15.

(2) Въ »Сборникѣ Украинскихъ Пѣсень«, изд. М. Максимовичемъ, стр. 67.

торговавшій мелкимъ крамомъ, не *съ* зозаками, а »*козакамъ* пятами накивавъ« .) Стр. 223.

О Бѣлоцерковскомъ мирѣ и о войнѣ съ Поляками. Записалъ П. Кулишъ. (Отмѣны противъ списка г. Мурзакевича, напечатаннаго въ третьемъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 74. Поляки присвоили себѣ козацкихъ женъ. — Хмѣльницкій откладываетъ войну до весны. — Ляхи называютъ козаковъ родными братьями и просятъ выпустить ихъ за Вислу хоть въ однихъ сорочкахъ. — На Вислѣ ломается подъ бѣгущими ледъ. Козаки топятъ Ляховъ, посмѣваясь ихъ нѣжнымъ названіямъ родными братьями, и выражаютъ иносказательно невозможность братства между двумя враждебными политическими обществами.) Стр. 51.

Отрывокъ изъ пѣсни, проклинающей Богдана Хмѣльницкаго за предательство Татарамъ Украинскихъ поселянъ въ неволю. Записалъ П. Кулишъ. Стр. 322.

О войнахъ Хмѣльницкаго. Записалъ П. Кулишъ. (Слухъ о битвѣ за Дашевымъ подъ Сорокою. — Сравненіе Ляха съ козакомъ. — Рѣшимость не допустить Ляха господствовать самовластно въ Польшѣ.) Стр. 271.

О гайдамакѣ Швачкѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Запрожцевъ захватываютъ въ расплохъ. — Швачка связанъ вмѣстѣ съ эсауломъ. — Все имущество гайдамакъ разобрано по рукамъ.) Стр. 135.

О Васюри́нскомъ, по поводу разоренія Сѣчи. Записалъ П. Кулишъ). Воззваніе къ спокойному великому гетману. — Напрасная просьба къ Царицѣ. — Горесть Запорожцевъ. — Предложеніе Васюринскаго.) Стр. 321.

Надпись на популярномъ изображеніи Запорожца-кобзаря. Записалъ П. Кулишъ. — Воззваніе къ струнамъ. — Неизвѣстность происхожденія Запорожцевъ. — Похвала Запорожской жизни. — Глубокая грусть, въ видѣ шутокъ.) Стр. 315.

О вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Записалъ П. Кулишъ. (Отмѣны противъ думъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Метлинскаго: Достигнувъ

совершеннолѣтія, сыновья вдовы гуляютъ по Крыловскому рынку. — Вдова проситъ Бога покарать ихъ тремя несчастіями: неурожаемъ, неуваженіемъ и нелюбовью добрыхъ людей и несогласіемъ съ женами. — Все это исполняется.) Стр. 19.

О сестрѣ и братѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Пополненія противъ думы, помѣщенной въ третьемъ сборникѣ г. Максимовича: Братъ иносказательно представляетъ невозможность пріѣхать къ сестрѣ въ гости. — Сестра объясняетъ иносказаніе. — Сравненіе тягости одиночества съ разными явленіями природы.) Стр. 24.

ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ.

Въ наше время было бы излишнимъ толковать о томъ, какую важную роль въ народоописаніи играютъ языкъ описываемаго народа и все, что̀ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе на этомъ языкѣ. Простонародные разсказы и пѣсни составляютъ теперь предметъ изученія филологовъ, этнографовъ и историковъ, — не говоря уже о поэтахъ, для которыхъ это живой источникъ свѣжести, силы и разнообразія языка.

Подобно многимъ другимъ, я всегда былъ падокъ на простонародные разсказы; я рано началъ придавать имъ цѣну; но долго оставался въ заблужденіи, что для сохраненія ихъ достаточно одной памяти. Дѣло показало мнѣ не одинъ разъ, что въ памяти сохраняется только духъ и содержаніе разсказа, но формы уступаютъ въ ней мѣсто общимъ формамъ народной рѣчи, которою назвучался слухъ, и теряютъ оттого свой самостоятельный характеръ. Мнѣ стоило иной разъ большого труда припомнить точное выраженіе давно невстрѣчаемаго мною разскащика, которое могло бы служить для меня опорою въ извѣстномъ случаѣ; и наконецъ я убѣдился, что тутъ нечего полагаться на память, а надобно записывать каждый характерный оборотъ рѣчи въ разсказѣ и каждый переходъ отъ одной мысли къ другой.

Первыя народныя преданія записалъ я такимъ образомъ въ Кіевѣ. Я до сихъ поръ помню очень живо нищаго старика-слѣпца, который подходилъ къ моему окну съ улицы, держась за плечо *поводиря*-мальчишки, на которомъ только всего и было одежды, что остатки полотняныхъ шароваръ земляного цвѣта да

обрывки свитки, недоношенной его учителемъ. Обыкновенно слѣпецъ беретъ къ себѣ *въ науку* безроднаго сироту и даетъ ему практическіе уроки нищенства, то есть, учитъ его выпрашивать милостыню, терпѣть холодъ, зной и всѣ неудобства безпріютной жизни, копить денежку на черный день, не встрѣчая ни одного свѣтлаго, и быть равнодушнымъ къ своему положенію. Между нищими-слѣпцами встрѣчаются люди съ необыкновенною памятью, удерживающею, безъ малѣйшей потери, множество пѣсень и разсказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, потолкавшись по свѣту и наживъ, какъ говорятъ, копейку, получаютъ охоту къ осѣдлой жизни, покупаютъ въ людномъ селѣ хату съ огородомъ и заводятъ у себя школу нищихъ пѣвцовъ. Иногда они достигаютъ между своею братіею великой знаменитости. Многочисленные питомцы ихъ, разбредясь во всѣ стороны по Малороссіи, прославляютъ ихъ имена на днѣпровскихъ рыбныхъ ловляхъ, въ Полѣсьи, на Волыни и въ Слободской Украйнѣ. Встарину между учителями нищихъ были, говорятъ, даже такіе геніи, которымъ присвоивалось титло *старѣчихъ королей* и которые во всю жизнь получали дань отъ своихъ учениковъ, основавшихъ въ разныхъ концахъ Малороссіи собственныя школы. Но эти времена уже прошли. Слѣпые пѣвцы давно ужъ измельчали; вкусъ къ ихъ думамъ и пѣснямъ мало-помалу изчезъ въ народѣ, по мѣрѣ забвенія старинныхъ воспоминаній, или замѣнился грубымъ вкусомъ къ шуточнымъ стихотвореніямъ о *Хомѣ и Еремѣ*, о *Дворянкѣ*, вышедшей замужъ за *хлібороба*, и тому подобнымъ. Мой кіевскій нищій не зналъ ужъ ни одной исторической пѣсни, ни одной воинской, или поучительной думы. Я долго подозрѣвалъ въ немъ недовѣрчивость къ моему сочувствію и опасеніе какой-то хитрости съ моей стороны, какъ обыкновенно у нихъ бываетъ. Я долго пріучалъ его къ себѣ исправною подачею полновѣсной мѣдной монеты, которая рѣдко опускается въ сухую, изморщенную руку малороссійскаго *старца*, но наконецъ убѣдился, что онъ былъ нищій поколѣнія новаго, то есть — человѣкъ ниже своего ремесла. Старинные нищіе привлекали къ себѣ народъ не жалобами

на свое убожество, а звуками и содержаніемъ пѣсень, которыхъ не въ-силахъ была удержать память пѣвца-пахаря, пѣвца-работника, занятая иными заботами. Ницціе нашего времени добываютъ себѣ подачу однообразнымъ канюченьемъ, которое надоѣдаетъ слушателю, не возбуждая въ немъ никакого благороднаго чувства.

Такъ перебивался на свѣтѣ и мой старикъ съ своимъ поводиремъ. Но онъ не весь состоялъ изъ заученныхъ, скучныхъ фразъ своего ремесла и изъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ; въ немъ таилось кое-что̀ и лучшее, но только онъ не умѣлъ отыскать его между ненужнымъ хламомъ. Однажды я неожиданно услышалъ отъ него превосходную легенду о Кіевскихъ *Золотыхъ Воротахъ*, которой никогда ни прежде, ни послѣ ни отъ кого не слышалъ. Я заставилъ его повторить ее себѣ нѣсколько разъ; я слѣдилъ за его рѣчью съ карандашомъ въ рукѣ, и вотъ подлинный тонъ и складъ его рѣчи, безъ поправокъ.

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТЫХЪ ВОРОТАХЪ. (*)

.... Якъ лихолітте було́, то прийшо́въ чужозѐмець, Тата̀ринъ, и ото́ вже на Вишгородъ бъе, а да́лі вже й під Кѝевъ підступа́е. А тутъ Миха̀йликъ ли́царь бувъ, да якъ зійшо̀въ на ба́шту да пустѝвъ зъ лу́ка стрілу́, то стріла́ и впа́ла у ми́ску тому́ Тата́рину. Той ско́ро сівъ коло скамьі обідати, тілько що поблагослови́всь істи, ажъ та стріла́ такъ и встроми́лась у пече́ню.

»Э«, ка́же, »се жъ тутъ е си́льний ли́царь!... Пода́йте«, ка́же, »мині того́ Миха́йлика, то я одступлю́.«

(*) *Переводъ.*—Какъ было *лихолѣтье*, пришелъ чужеземецъ, Татаринъ, и вотъ ужъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кіеву. А тутъ былъ богатырь (1) Михайликъ. Какъ взошелъ на башню да пустилъ изъ лука стрѣлу, то стрѣла и упала Татарину въ миску. Только что сѣлъ онъ у скамейки и *благословился* обѣдать, какъ стрѣла и воткнулась въ *пече́ню* (жаркое). »Э«, говоритъ, »да тутъ есть могучій богатырь!... Выдайте«, говоритъ Кіевлянамъ, »выдайте мнѣ Ми-

(1) Великорусское слово *богатырь* не вполнѣ соотвѣтствуетъ малороссій-

Отъ Кия́не шушу́-шушу́, и ра̀дятця: А що̀ жъ? оддаймо!«

А Миха́йликъ ка̀же: »Якъ оддастѐ ви мене́, то въ оста́ннiй ра̀зъ бу́дете ба́чить Золоти́i Воро́та.«

Да сівши на коня́, оберну́всь до іхъ да й промо́вивъ:

»Ой Кия́не, Кия́не, пано̀ве грома́да!
Пога̀на ва̀ша ра̀да:
Якъ-би́ ви Миха́йлика не оддава̀ли,
По́ки свiтъ со̀нця, вороги́ бъ Ки́ева не доста́ли!«

Да взя́въ на ра́тище воро́та, — такъ якъ отъ снiпъ свято́го жи́та вiзьмешъ, да й поiхавъ у Царiгра́дъ черезъ Тата́рське вiйсько. А Тата́ре ёго́ й не ба̀чять. Отъ, якъ одкри́въ воро́та, то чужозе́мцi ввали́лись у Ки́евъ да й пiшли́ по́топтомъ.

А ли́царь Миха́йликъ и до̀сi живе́ въ Царигра́дi; передъ нимъ

хайлика, такъ отступлю.« Вотъ Кіевляне шушу-шушу, и совѣтуются: »Что̀ же? выдадимъ!« А Михайликъ говоритъ: »Какъ выдадите меня, то въ послѣдній разъ видѣть вамъ Золотыя Ворота.« Сѣлъ на коня, обернулся къ нимъ и проговорилъ: »Ой *Кіяне, Кіяне*, честна́я *громада!* (1) неразуменъ совѣтъ вашъ. Когдабъ вы Михайлика не выдавали, — *пока свѣтъ солнца*, не добыть бы врагамъ Кіева!« И поднялъ онъ копьемъ ворота — такъ вотъ, какъ поднимешь спопъ святого *жита* (2) — и поѣхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ. А Татары и не видятъ его. И какъ открылъ ворота, то чужеземцы ввалились въ Кіевъ да и *пошли по́топтомъ*.

И живетъ богатырь Михайликъ доселѣ въ Цареградѣ. Передъ нимъ стаканчикъ воды да просфорка; больше ничего не ѣстъ. И Золотыя Во-

---

скому *ли́царь* (рыцарь). Слово *витязь* подходитъ къ *ли́царю* ближе; но Великорусскій *витязь* не имѣетъ почти непремѣннаго свойства Малороссійскаго *ли́царя*, именно — сверхъестественнаго могущества, независящаго отъ физической силы и удачи.

(1) Міръ, мірская сходка. — (2) Житомъ называется въ Малороссіи рожь.

стоїть стака́нчикъ води́, и про́скурка лежи́ть; бі́льшъ ні́чо́го не ість. И Золоти́и Воро́та стоя́ть у Царігра́ді. И бу́де, ка́жуть, коли́сь таке́ вре́мя, що Миха́йликъ вѣ́рнетця въ Ки́евъ и поста́вить воро́та на своє́ мі́сто. И, якъ, идучи́ хто ми́мо, ска́же: »О Золоти́и Воро́та! стоя́ть вамъ изно́въ тамъ, де стоя́ли«, то зо́лото такъ и засся́е. А якъ же не ска́же, або́ поду́мае: »Ні, вже не бу́ть вамъ у Ки́еві!« то зо́лото такъ и поме́рхне. (1)

Вмѣстѣ съ легендой о временахъ отдаленнѣйшей Татарщины, въ умѣ моего Кіевскаго нищаго сохранилось воспоминаніе и о послѣднихъ Татарскихъ набѣгахъ на Южную Русь. Вотъ оно слово въ слово.

ПРЕДАНІЕ О ТАТАРСКИХЪ ПЛѢННИКАХЪ. (*)

Коли́сь-то, ще якъ По́льща пановала́, — бо тепе́ръ уже́ По́льщи тілько рука́въ, увесь світ — свѝта, а По́льщи тілько рука́въ, — По́льща ху́торъ, — такъ Тата́ре набіга́ли. Було́ на-

---

рота стоятъ въ Цареградѣ. И наступитъ, говорятъ, время, что Михайликъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворота на мѣсто. И, если, идучи мимо, кто-нибудь скажетъ: »О Золотыя Ворота! стоять вамъ тамъ опять, гдѣ стояли«, то золото такъ и засіяетъ. Если жъ не скажетъ, или подумаетъ: »Нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кіевѣ!« то золото такъ и померкнетъ (1).

(*) *Переводъ.*—Когда-то, еще какъ *пановала* Польша—теперь вѣдь отъ Польши остался только рукавъ: весь свѣтъ—*свѝта*, а Польша — только рукавъ, Польша — хуторъ, — такъ набѣгали тогда Татары.

---

(1) Одинъ изъ моихъ знакомыхъ слышалъ эту легенду близъ Кіева нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, но не обратилъ на нее должнаго вниманія. Помнитъ только, что въ ней герой преданія называется *Михайломъ Семильткомъ*. Извѣстный польскій писатель Михаилъ Грабовскій говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ эту легенду въ Гво́здовѣ, подъ Кіевомъ, почти слово въ слово такъ, какъ она у меня записана: обстоятельство весьма важное, какъ это увидимъ ниже.

вя̀же людéй рукáми до жéртки нúзку да й женѐ. Отъ же есть и гàй *Перегінъ*.

Такъ тоді-то разъ Татáринъ тàкъ нагнáвъ того́ мúру, що й землі вáжко. Ото́ ночу́ють вони́ въ степу́. Такъ тúі вже до людéй говòрять: »Чи вжѐ жъ мíжъ нáми немá тако́го сúльного, щобъ оцю́ сирúцю порвáвъ, або́ тако́го, щобъ ружжѐ замóвивъ, або́-що? Подавàймо ми оцю́ мóву по всéму́ обществу́ изъ конця́ въ кінéць, щобъ такъ якъ оцé.....« (1)

Подали́ ту́ю мóву, оди́нъ по одному́, оди́нъ по одному́. Ажъ оди́нъ и кàже: »Я«, ка́же, »розвяжу́ и собі, й вàмъ ру́ки, тільки не вúдайте менé«.

»Не бíйся,« ка́жуть, »аби́ тобі Бо́гъ помагáвъ.«

Ото́ вінъ стàвъ навко́лішки, стенýвся, — сирúця такъ и трíснула.

»Тепéръ же«, ка́же, »оди́нъ одно́му розвя̀зуйте ру́ки да забігàйте зъ усíхъ бо́ківъ по частя́мъ та й кричíть: «Сюдй на́ші! сюдй на́ші! Забірàй Ту́рка! бúй Ту́рка!«

Коли́ такъ якъ наро̀блять кри́ку, — Ту́рки не стя́мились да

Бывало Татаринъ навяжетъ къ жерди людей и гонитъ. Оттого и лѣсъ зовется *Перегонъ*.

Вотъ однажды Татаринъ нагналъ столько народу, что и землѣ было тяжко. Ночуютъ они въ степи; плѣнники и говорятъ между собою: »Неужели между нами нѣтъ такого, чтобъ разорвалъ этотъ ремень, заговорилъ ружье, или что̀ другое? Пустимъ-ка мы эту рѣчь по всему своему *обществу*, изъ конца въ конецъ, чтобъ такъ какъ вотъ...« (1) Пустили рѣчь одинъ черезъ другого; вотъ и говоритъ кто-то: »Я«, говоритъ, »развяжу и себѣ, и вамъ руки, только не выдайте мена.« — »Не бойся«, говорятъ; »лишь бы тебѣ Богъ помогъ.« Вотъ онъ сталъ на колѣни, встряхнулся — ремень такъ и треснулъ. »Ну, теперь«, говоритъ, »развязывайте одинъ другому руки, забѣгайте со всѣхъ сторонъ *по частямъ* да кричите: »Сюды наши! сюды наши! Бери Турка! бей Турка!« И какъ этакъ подняли крикъ: го, го! го, го! какъ подняли

---

(1) Разскащикъ не нашелъ здѣсь словъ для выраженія своей мысли.

въ-ро́стичъ, а на́ші за ни́ми; побѝли и́ порубѝли, а самѝ додо́му верну́лись.«

Заговоривъ о нищихъ слѣпцахъ, я вспомнилъ о другомъ пріятелѣ моемъ изъ этого класса народа, объ Архипѣ Никоне́нкѣ. Бѣдный! его уже нѣтъ на свѣтѣ. Жизнь его была исполнена великихъ огорченій, и онъ не зналъ, онъ не могъ знать, что у него былъ человѣкъ, истинно его любившій. Я видѣлъ его не болѣе трехъ разъ въ одномъ степномъ хуторѣ, не вдалекѣ отъ его родного мѣстечка Оржицы (1). Приводила его туда четырехлѣтняя хорошенькая, хотя запачканная, дѣвочка, его дочь отъ второго брака. Архипъ былъ чрезвычайно худощавъ, имѣлъ правильныя черты лица и очень пріятный голосъ. Онъ акомпанировалъ себѣ на *лі́рѣ* (родъ скрипки о трехъ струнахъ, съ колесомъ внутри вмѣсто смычка, какъ у петербургскихъ Савояровъ). Прежде онъ игралъ на настоящемъ національномъ инструментѣ украинскихъ пѣвцовъ, на *ко́бзѣ*, или *банду́рѣ*; но съ нѣкотораго времени перемѣнилъ бандуру на лиру, находя, что лира громче голоситъ и что по-этому на ней можно играть во время свадебъ, гдѣ, какъ извѣстно, у простонародія всегда бываетъ шумъ и гамъ, заглушающій тихое рокотанье бандурныхъ струнъ. Архипъ имѣлъ ту особенность между пѣвцами, что часто останавливался посреди пѣнія и, перебирая струны, примѣнялъ пропѣтый стихъ къ собственному положенію, или извлекалъ изъ пѣсни нравоученіе и доказывалъ его практическими примѣрами.

Я не успѣлъ переслушать всѣхъ его думъ; а онъ зналъ ихъ шесть, или семь и пѣлъ очень медленно, потому что, кромѣ размышленій вслухъ, покиваній главою и глубокихъ вздоховъ, ино-

---

крикъ, — Турки не опомнились да въ разсыпную, а наши за ними; перебили и перерубили всѣхъ, а сами воротились домой.

---

(1) Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи.

гда бывалъ сильно растроганъ содержаніемъ пѣсни; голосъ его дрожалъ всё болѣе и болѣе, и наконецъ рыданіе прерывало на нѣсколько минутъ пѣнье и музыку. Я не предвидѣлъ скорой разлуки съ этимъ прекраснымъ образцомъ Малороссійскихъ слѣпцовъ-музыкантовъ и не торопился выспрашивать у него все, что̀ онъ зналъ, или помнилъ. Мнѣ казалось, что будетъ сдѣлано очень хорошо, если я буду записывать его размышленія и разсказы по мѣрѣ того, какъ они будутъ произвольно высказываться передо мною; и это было бы дѣйствительно сдѣлано очень хорошо, еслибъ внезапная кончина Архипа не разорвала нашей только что начинавшейся дружбы. Теперь у меня отъ знакомства съ о́ржицкимъ бардомъ остались только отрывки изъ его разговоровъ да одна дума, *о козакѣ Голо́тѣ,* ненапечатанная еще ни въ одномъ сборникѣ. (1)

РАЗСКАЗЫ АРХИПА НИКОНЕНКА О СЕБѢ САМОМЪ. (*)

Я таки́й бувъ зъ-ма́лечку, що разъ хай проспіва́е, то я й перейму́.

Пе́рше було́ на́шому бра́ту до́бре: якъ узя́въ па́лицю да струме́нтъ, то й пішо́въ собі куди́ хочъ; ніхто́ не пита́въ, хто́ ти таки́й и звідки. А тепе́ръ, то вже за свій станъ не ходи́, ато́ за калаву́ромъ приста́влять. Тоді не було́ сёго́, щобъ жени́тьця,

---

(*) *Переводъ.* — У меня въ дѣтствѣ была такая память, что лишь только кто споетъ, тотъ-часъ и перейму.

Нашему брату было прежде хорошо: взялъ палку и инструментъ (т. е. ко́бзу) да и ступай себѣ, куда вздумалъ. Никто не спрашивалъ: кто ты таковъ и откуда? А теперь, такъ ужъ за свой станъ не ходи,

---

(1) Дума, напечатанная подъ этимъ заглавіемъ въ сборникакихъ г. Лукашевича и г. Метлинскаго, состоитъ только изъ нѣсколькохъ отрывочныхъ стиховъ.

або́-що: нашъ братъ увѐсь вѣкъ ходи́въ сѝтий и вкри́тий. А тепе́ръ хиба́ въ свою́ ха̀ту сховáється....

Пе́рша жінка въ мене́ була́ до̀бра люди́на. Було́, що зароблю́, то вона́ й заховàе. Отъ и назбіра́въ рублівъ півтора̀ста (1), та оце́ ха̀ту и ґру́нтъ (2) купи́въ. Ха́та въ мене́ до̀бра....

При тій жі́нці одни́хъ сорочо́къ изъ три́дцять нажи́въ. И не пита́въ, и не знавъ, дѐ вони́ и ски́лькі. Ска̀жешъ тілько було́: »Да̀й бі́лу сороч̀ку« — вона́ зна́йде й дасть. А цѐ вже леда́що! (3) По́ки сижу́ до́ма та стережу́, то й ціле; а ско́ро горілки вки́нувъ, або́ одлучи́всь, такъ усѐ й перево̀дить. Сорочо́къ изъ три́дцять було́ — усѐ попропива̀ла, то́-що. Оце́ чве́ртку со̀ли купи́въ (4), то за нѐдѣлю й нема̀. Богъ ёго́ зна́е, якъ мині й вѣку доживáть. Ста́нешъ ла̀ять, — »Я«, ка́же, »тебе́, сяки́й, таки́й си́ну, запалю́!« Такъ цу́ръ тобі́ й пекъ! »Я«, ка́же, »тебе́, сяки́й, таки́й

ато представятъ за карауломъ. Тогда не нужно было намъ ни жениться, ни что̀: нашъ братъ весь вѣкъ ходилъ сытъ и покрытъ. А теперь развѣ въ своей хатѣ укроешься отъ непогоды....

Первая жена была у меня добрая душа. Бывало, что̀ заработаю, она и спрячетъ. Вотъ и собралъ рублей полтораста (1), да вотъ и хату, и *грунтъ* (2) купилъ. Хата у меня славная....

При той женѣ однѣхъ рубахъ нажилъ я до тридцати. И не спрашивалъ, и не зналъ, гдѣ онѣ и сколько. Скажешь только бывало: »Дай чистую рубаху« — она сыщетъ и дастъ. А это ужъ такая дрянь! (3) Пока сижу дома да сторожу, то все и цѣло; а только лишнее выпьешь, или отлучишься, такъ и пошла транжирить. Рубахъ до тридцати было — все пропила, а не то — другимъ путемъ запропастила. Недавно вотъ купилъ четверку (4) соли; смотрю — черезъ недѣлю ужъ и нѣту! Богъ знаетъ, какъ мнѣ и вѣкъ свой доживать. Станешь бранить, — »Я«, говоритъ, »тебя, сякой, такой сынъ, подожгу!« Такъ ну тебя къ не-

---

(1) Разумѣется, ассигнаціями. — (2) Земля подъ хатой, дворомъ, огородомъ и садомъ. Пахотная земля въ полѣ *грунтомъ* не называется. — (3) Т. е. вторая жена. — (4) Четверть пуда.

сѝну, покѝну!« Да ѝ покѝне ледащѝця. Отъ и тепе́ръ уже́ шість неділь нема́.... А тепе́ръ знòвъ прителішуетця до ме́не. Пришлà оце́ вчо́ра: »Очѝни!«

»А що́«, кажу́ »небо́го? ищѐ не все рознеслà? Изнòвъ до мене́, щобъ изнòвъ що потягти́?«

Мовчѝть, якъ сатана́.

Такъ я взявъ, две́рі очинѝвъ: »Дѐ ти булà?«

»У дочки́.«

»Що́ жъ ти тамъ робѝла? дѐ пробулà, що ти своѐ врѐмя проходѝла? А тепе́ръ нà зіму до мѐне? Мині нема́ ні зимі, ні лі́та — я завсегдà въ робо́ті. Поздоро́въ, Бо́же, мѝръ — пропита́е мене́. А ти дѐ валаса́лася?«

Прѝйде та овала̀шить що-не́будь, та ѝ пійде. Сижу́ самъ собі въ ха́ті, гра́ю-гра́ю — ніхто́ не слу́хае. Хиба́ віжечки, верёвочку звить унесе́. А тепе́ръ, якъ одробѝлись у по́лі, до ѝ того̀ нема́е.

Надобно замѣтить, что Архипъ Никоненко пособлялъ своему пѣнію ремесломъ, болѣе нужнымъ для поселянъ: онъ ощупью вилъ веревки. Узнавъ объ этомъ, я отпустилъ ему нѣсколько фунтовъ пеньки и заказалъ свить для меня длинную веревку. Когда работа была представлена, оказалось, что въ ней не до-

---

чистому! »Я«, говоритъ, »тебя, сякой, такой сынъ, брошу!« И точно броситъ негодная. Вотъ и теперь ужъ шесть недѣль, какъ ея нѣту..... А теперь опять присосѣживается ко мнѣ. Приходитъ вчера: »Отвори!« — »А что́«, говорю, »голубушка? еще не все растаскала? Опять ко мнѣ, чтобъ опять что-нибудь стащить?« Молчитъ, какъ сатана. Вотъ я дверь отворилъ: »Гдѣ ты была?« — »У дочки.« — »Что̀ же ты дѣлала тамъ? гдѣ ты все это время пробродила? А теперь на зиму ко мнѣ? У меня нѣтъ ни зимы, ни лѣта — я всегда въ работѣ. Дай Богъ здоровье міру — прокормитъ меня. А ты гдѣ шлялась?« Придетъ, стащитъ что̀-нибудь да и была такова. Сижу одинъ себѣ въ хатѣ, играю на кобзѣ — никто не слушаетъ. Развѣ кто-нибудь возжи, или веревку свить принесетъ. А теперь, какъ покончили въ полѣ работу, такъ и того нѣту.

ставало одной трети вѣсу противъ пеньки. Бѣдный Архипъ былъ этимъ до-того встревоженъ, что не могъ пропѣть думы, безъ того чтобы не останавливаться и не размышлять для себя и для слушателя въ такихъ и подобныхъ выраженіяхъ:

(*) Хто̀ жъ се въ менѐ іхъ підчи́стивъ? (1)...Воно́ й берѐ, да не заразо́мъ, а потро́шку. Ви́дно, берѐ, да не ду́рень — розу́мний: щобъ я й не пізна̀въ ще. Са́ме мѐнше, а жмінь шість пропа̀ло. Ой су́киної ше́льми соба́ки необа́шної! Колиб̀ъ мині ѐго̀ пійма́ть да провчи́ть — воно́ бъ тоді одсахну̀лося. Одного́ я провчи́въ. Отъ, я̀къ о свято́му Микола̀і... дай, Бо́же, дожда́ть на то̀й годъ... укра́дено въ менѐ не бага̀то — пудъ три са̀ла! Дава̀й я ськать, дава̀й ськать, — люде́й поіть та випи́тувать; бо такъ нельзя́: ду́рно ніхто̀ не призна̀етця.... Послі́дні тенеткѝ розо́брано.... Отъ и найшо̀въ. Такъ вінъ ха́ту та горо́дъ прода̀въ, та мині й заплатѝвъ....

Богъ ѐго́ зна̀е, до чого̀ менѐ Богъ доведѐ. Я̀къ не зароблю́, то лежа̀тиму, по́ки й опу́хну. На Бо́га надійся, а Богъ нічо̀го не дасть. Пра́вда, воно́ й ска̀зано, що, ка́же, робѝ, небо́же, то й

(*) *Переводъ.* — Кто жъ это ихъ у меня подчистилъ? (1) Кто-то беретъ, да не разомъ, а понемножку. Не дуракъ, видно, беретъ, а умникъ: чтобъ я и не узналъ. По малой мѣрѣ, горстей шесть пропало. А, безсовѣстная собака! когдабы мнѣ поймать да проучить — такъ онъ бы отсталъ отъ меня. Одного этакого я проучилъ. Вотъ, дай Богъ дождать на тотъ годъ, о святомъ Николаѣ, украли у меня — пустяки — пуда три сала! Ну я искать, ну искать, людей поить да выспрашивать: даромъ, вѣдь, никто не признается.... Послѣднее рубище растаскали.... Ну, и нашелъ. Продалъ онъ хату да огородъ, и заплатилъ мнѣ....

Богъ знаетъ, до чего доведетъ Онъ меня. Какъ не заработаю, то буду лежать, пока и опухну. Правда, оно и сказано: *Робѝ, небо́же, то й Бо́гъ помо̀же.* Было у меня небольшое хозяйство, и то распол-

---

(1) Кто укралъ *коно́плі* (пеньку)?

Бо́гъ помо́же. Хазя́йствечко було́, и те́ ростекло́ся.... До́бре, якъ кому́ е пригле́діть, а якъ нема̀, то не тре́ба тобі нічо́го, якъ на тобі соро́чка. Ходи́, по́ки съ хребта̀ спаде́, да тоді дру́гу ськай....

Тутъ дітки мале́ньки, а тутъ ще й тѝмъ пристяза́ють: хло́пець бувъ годъ чотирна́дцяти, того́ взяли́, наняли́ за поду́шне. Ось оста́лась оця́ Явдо́шка; пя́тий годо́къ....Мале́, та якъ що гру́бе ска̀жешъ, то цілий день и немає. Воно́ й ту̀тъ бу́де, два ступні одъ ме́не, та не озвѐтця. Тре́ба й ту̀тъ терпіть. Лю́де серди́тимъ мене́ ро́блять. »Слипи́й«, ка́жуть, »та серди́тий.« Пе́рше годъ два́дцять чужи́хъ наймавъ, щобъ води́ли; ну, а воні́ не були́ такі, якъ свої. Хло́пець було́ мій у рівъ у таки́й увопре́, що ста̀ну — са̀жень косови́й, та й руко́ю не доста́ну....

Чи воно́ такъ и спѐршу було́, якъ Христо̀съ не народи́вся? Ка́жуть, тоді ні пісѐнь, нічо́го не зна̀ли. А якъ народи́всь Христо́съ, то кото́рі дога́дливі бува̀ли та христи́лись, такъ святи́ми ста̀ли; кото̀рі жъ плюва̀ли, то ка̀мінемъ ста́ли. Звісно, жили́ якъ звіръ; то які тутъ пісні?.....

злось. Хорошо, когда есть кому присмотрѣть, а какъ некому, то не нужно человѣку ничего, кромѣ рубахи. Ходи, пока свалится съ хребта, а тогда ищи другой....

Тутъ маленькія дѣтки, а тутъ еще и тѣмъ прижимаютъ: былъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати — взяли да наняли за подушное. Теперь осталась вотъ Явдошка; пятый годокъ.... Малютка, а скажешь что-нибудь грубое, такъ и изчезнетъ на цѣлый день. Она здѣсь же будетъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, да не откликнется. Надо и тутъ терпѣть. Люди меня сердитымъ считаютъ. »Слѣпой«, говорятъ, »да сердитой.« Прежде, лѣтъ двадцать нанималъ я чужихъ дѣтей водить меня, но тѣ не были такъ злы, какъ свои. Мой мальчикъ бывало затащитъ меня въ такой ровъ, что стану, подниму руку — косая сажень, да и рукою не достану....

Такъ ли оно было и прежде, когда Христосъ не родился? Говорятъ, тогда не знали ни пѣсень, ничего. А какъ родился Христосъ, тогда — кто

Про всѐ мині байду́же, а ко́бзи якъ-бу́ на неді́лю не було́, такъ я и го̀ри топлю́. А за жінкою́б айду́же. Иноді и въ-ночі вста́ну — гра̀ю собі, гра̀ю.....

Тепе́ръ, ба̀чте, малі старці наста́ли — нічо́го не тя̀млять. Стань ёго́ вчи́ть, то воно́ и́ слу́хать не хо́че. »Се«, ка́же, »все брехня̀ (1). Ва́ші панотці брехали́, и ви́ бре́шете.« А якъ коли́, то, попа́вши на́шого бра́та на шляху́, и попобъю́ть. Яка́ жъ воно́ брехня̀, коли́ воно́ такъ ѝменно було́? а вони́ не тя̀млять, та ще и́ на̀съ собива́ють. Коли́сь та̀къ було́, що намъ ка́зано на глу́мъ, а ми берем́о на у̀мъ: що на́че бъ то на шу́тку, а ми всѐ замі́ча́емо....А теперъ прийде до тебе́ вчи́тьця.... Якъ же ёго́ вчи́ть,коли́ воно́.....? Ото̀ до́бре було́, якъ ми поки́рні були́: що намъ ска́же на глу́мъ, а ми берем́о на у̀мъ. Ато́ якъ ви́вчитця, я́къ хліба ви́просить, то и́ потя́гне собі.... Посà дить було́ коло се́бе ...такъ якъ оцѐ сиди́ть, такъ и я̀ ся́ду. Хоть и не га-

---

понялъ дѣло да крестился, тотъ святымъ сдѣлался; а кто плевалъ, тѣ обратились въ камни. Извѣстно, жили, какъ звѣри: какія жъ тутъ пѣсни?

Все мнѣ ни по чемъ, а ко́бзы пусть только недѣлю при мнѣ не будетъ, такъ *я и горы топлю* (Богъ знаетъ что̀ готовъ дѣлать). А о женѣ мало мнѣ заботы. Иногда встану и ночью, и всё наигриваю себѣ....

Теперь, видите, малые нищіе настали — ничего не смыслятъ. Станешь его учить, а онъ и слушать не хочетъ. »Это«, говоритъ, »все вздоръ (1). Ваши отцы врали, и вы врете.« А иной разъ, поймавши нашего брата на дорогѣ, и поколотятъ. Какой же это вздоръ, коли оно именно такъ было? А они не смыслятъ, да еще и бьютъ насъ. Когда-то водилось такъ, что намъ говорили шутя, а мы мотали на усъ.... А теперь придетъ учиться къ тебѣ.... Какъ же его учить, когда онъ...? То̀ было хорошо, что мы были послушны: намъ скажутъ *на глумъ*, а мы беремъ на умъ. Ато, лишь только выучится, какъ выпросить хлѣба, такъ и побрелъ себѣ.. .. Посадитъ бывало кобзарь меня возлѣ себя.. . такъ вотъ какъ Явдошка сидитъ, такъ и я сяду. Хоть и не хотѣлось тогда слу-

---

(1) Говорится о думахъ и историческихъ пѣсняхъ.

ра̀здъ було́ слу́хать (1), а тепе́ръ и тѐ до́бре, и тѝмъ заро́бишъ копі́йку. Чи ска̀же що, чи ні — терпѝшъ; а тепе́ръ дити́ни рі̀дної не на́вчишъ, та̀къ у сві̀ті наста́ло. Оди́нъ Богъ, одні лю́де, да не одна́ково стано̀вится.«

Вотъ вамъ живая, хоть очень краткая, повѣсть объ одномъ изъ вымирающаго всё болѣе и болѣе поколѣнія пѣвцовъ, которыхъ Архипъ почитаетъ великими, называя своихъ современниковъ *малыми*. Смерть его нанесла великій ущербъ Малороссійской этнографіи. По немногимъ записаннымъ мною отрывкамъ его рѣчей можно предполагать, сколько добра скрывалось въ его головѣ, сокрушенной горемъ и нуждою.

Я записалъ отъ него не одну, а нѣсколько думъ, но только всѣ онѣ, кромѣ одной, извѣстны уже печатно. Впрочемъ Архипъ пѣлъ ихъ съ весьма интересными измѣненіями и дополненіями, и потому я помѣщаю ихъ здѣсь всѣ.

1.

ДУМА О КОЗАКѢ ГОЛОТѢ. (*)

Ой по́лемъ, по́лемъ Килиімськимъ,
То шля́хомъ би́тимъ Гордѝнськимъ,
Ой тамъ гуля́въ коза́къ Голо̀та.

шать, а теперь и то̀ хорошо, и тѣмъ копейку заработаешь. Скажетъ ли суровое слово — терпишь бывало; а теперь родного дитяти не научишь, — такъ стало на свѣтѣ. Всё тотъ же Богъ, всѣ тѣ же люди, да не попрежнему идетъ все на свѣтѣ.

(*) *Переводъ.* —По Килійскому полю, по Ордынской дорогѣ гулялъ козакъ Голота. Не боится онъ ни огня, ни меча, ни болота. На козакѣ

---

(1) Т. е. скучно. Говорится о думахъ, которыя и для самого Архипа были уже темны, и потому казались чѣмъ-то страннымъ.

Не боїтця ні огня́, ні меча́, ні тре́тёго болѡ̀та.
Пра́вда, на козако́ві ша́ти дороги́і —
Три семиря́зі лихи́і:
Одна́ недо́бра, друга́ него́жа,
А тре́тя й на хлівъ незго́жа. (1)
А ще, пра́вда, на козако́ві постоли́ вязѡ̀ві,
А уну́чи китайча̀ні —
Щѝрі жіно́цькі рядня́ні;
Воло́ки шовкѡ̀ві —
Удво́е жіно́цькі щѝрі вало́ві. (2)
Пра́вда, на козако́ві ша́пка бы̀рка,
Зве́рху дірка;
Трово́ю пошы̀та,
Вітромъ пі̀дбы̀та,
Куди́ віе, туди́ й провівае,
Козака́ моло́дого́ прохоложа̀е.

То гуля́е козакъ Голо́та, погуля́е,
Ні го́рода, ні села̀ не займа́е, —
На го́родъ Килію́ поглядае.
У го́роді Килиі Татѡ̀ринъ сидѝть борода́тий,
По гірницяхъ похожа̀е,

одежа дорогая — три ветхія сермяги: одна негодная, другая дрянная, а третья и на хлѣвъ швырнуть не сто́итъ. На козакѣ лапти вязовые, а онучи китайчатыя — изъ настоящей женской дерюги; оборы шелковыя — изъ чистаго женскаго *валу* вдвое. На козакѣ шапка баранья — сверху дыра; травою шапка сшита, вѣтромъ подбита; куда дуетъ, туда и продуваетъ, молодого козака прохлаждаетъ.

Гуляетъ козакъ Голо́та, погуливаетъ, ни города, ни села не трогаетъ, на городъ Килію посматриваетъ. Въ городѣ Киліи Татаринъ сидитъ бородатый. Онъ по горницамъ похаживаетъ, съ Татаркой разровари-

---

(1) Уже́ й закынуть неспосо́бна. *Примѣчаніе пѣвца.*
(2) Коза́къ прибира́всь на проч̀у́до; сла́ву свою́ пуска́въ на ввесь свѣтъ. *Пр. п.*

До Тата́рки слова́ми промовля́е:

»Тата̀рко, Тата̀рко!
Ой чи ти ду́маешъ те, що я̀ ду́маю?
Ой чи ти ба̀чишъ те, що я̀ ба́чу?«
Ка́же: »Тата́рине, ой, сіда̀й, борода́тий!
Я тільки ба̀чу, що ти передо мно́ю по гірницяхъ похожа́ешъ,
А не зна́ю, що̀ ти ду́маешъ да гада́ешъ.«

Ка́же: »Тата̀рко!
Я тѐ бачу: въ чи́стімъ по́лі не орѐлъ літа́е:
То коза́къ Голо́та до́бримъ конѐмъ гуля́е.
Я ёго́ хо́чу живцёмъ у ру́ки взя̀ти
Да въ го́родъ Килію запрода́ти,
Ще́ жъ нимъ передъ вели́кими пана́ми баша̀ми вихваля́ти,
За ёго́ мно́го черво̀нихъ не лічачи бра́ти,
Дороги́і су́кна не мірячи пощита́ти.«

То те́е промовля́въ, — дороге́ пла́тте надіва̀е,
Чо́боти обува̀е,
Шли́къ ба́рхотний на свою го́лову надіва́е,
На коня́ сіда̀е,
Безпѐчно за коза́комъ Голо̀тою ганя́е.
То козакъ Голо́та до̀бре коза́цький зви́чай зна́е, —
Ой на Тата́рина скри́ва, якъ во̀вкъ, поглида́е.

ваетъ: »Думаешь ли ты, Татарка, о томъ, о чемъ я думаю? видишь ли ты, что̀ я вижу?« — »Нѣтъ, сѣдой, бородатый Татаринъ, я вижу только, что ты по горницамъ похаживаешь, да не знаю, что̀ замышляешь.«

»Я вижу, Татарка, не орелъ въ чистомъ полѣ летаетъ: то козакъ Голо́та на добромъ конѣ гуляетъ. Хочу я живьемъ его взять и въ городъ Килію продать, хочу похвастать имъ передъ великими панами пашами и набрать за него червонцевъ безъ счету и дорогихъ суконъ безъ мѣры.«

Сказалъ, и въ дорогое платье одѣвается, въ сапоги обувается, на голову надѣваетъ бархатную шапку, садится на коня и безпечно гоняется за козакомъ Голо́тою.

А козакъ Голо́та хорошо козацкій обычай знаетъ; онъ посматри-

Ка́же: »Тата̀рине, Тата̀рине!
На віщо жъ ти ва̀жишъ:
Чи на мою́ ясне́ньку зброю,
Чи на̀ мого́ коня̀ вороно́го,
Чи на менѐ, козака́ молодо́го?«

»Я«, ка́же, »ва́жу на твою́ ясне́ньку зброю,
А ще лу́чче на твого́ коня̀ вороно́го,
А ще лу́чче на тебѐ, козака́ молодо́го.
Я тебе́ хо́чу живце́мъ у ру́ки взя̀ти,
Въ горо́дъ Килію запрода́ти,
Передъ вели́кими пана́ми баша̀ми вихваля̀ти
И мно́го черво̀нихъ не лічачи набра́ти,
Дороги́і су́кна не мірячи пощита́ти.«

То коза́къ Голо́та до̀бре зви́чай коза́цький зна́е,
Ой на Тата́рина скри́ва, якъ во̀вкъ, поглядае.
»Ой», ка́же, »Тата̀рине, ой сіди́й же ти, борода́тий!
Либо́нь же ти на ро̀зумъ небага́тий:
Ще ти козака́ у ру̀ки не взявъ,
А вже за ёго́ й гро̀ші пощита́въ.
А ще жъ ти міжъ коза́ками не бува̀въ,

ваетъ съ-искоса, какъ волкъ, на Татарина и говоритъ: »На что̀ ты, Татаринъ, мѣтишь: на мою ли блестящую сбрую, на моего ли вороного коня, или на меня самого, козака молодого?«

»Я«, говоритъ, »мѣчу на твою блестящую сбрую, а еще больше на твоего коня вороного, а еще больше на самого тебя, козака молодого. Хочу я тебя взять живьемъ и продать въ городъ Килію, хочу похвастать тобой передъ великими панами пашами и набрать за тебя червонцевъ безъ счету, а дорогихъ суконъ безъ мѣры.«

А козакъ Голота хорошо козацкій обычай знаетъ: онъ посматриваетъ съ-искоса, какъ волкъ, на Татарина: »Эй ты« , говоритъ, »сѣдой, бородатый Татаринъ! не богатъ, видно , ты умомъ-разумомъ: еще ты козака въ руки не взялъ, а ужъ и деньги за него сосчиталъ. Не бывалъ, вѣрно, ты еще между козаками, не ѣдалъ козацкой каши и не знаешь козацкихъ обычаевъ.«

Коза́цькоі ка́ши не ідàвъ
И коза́цькихъ звича́ївъ не зна́ешъ.«

То те́е промовля́въ,
На присішкахъ ста̀въ,
Безъ міри по̀роху підсипа́е,
Тата́рину гости́нця въ гру́ди посила̀е.
Ой ще коза́къ не примірѝвся,
А Тата́ринъ икъ лихій ма́тері съ коня́ покоти́вся.
Вінъ ёму́ віри не дони́ма̀е,
До ёго́ прибува̀е,
Ке́лепомъ міжѝ плечи грима́е,
Коли́ жъ оглѐдитця, ажъ у ёго́ й дȕху нема́е.
Вінъ тоді до̀бре дбавъ,
Чо́боти Тата́рські истяга̀въ,
На свої коза́цькі но̀ги обува̀въ;
Оде́жу истяга̀въ,
Па свої коза́цькі плѐчи надіва̀въ;
Ба́рхотний шли́къ издиймà̀е,
На свою́ коза́цьку го̀лову надіва̀е;
Коня́ Тата́рського за поводи́ взя̀въ,
У го̀родъ Січѝ припа́въ, (1)
Тамъ собі пъе-гуля̀е,

Сказалъ и привсталъ на стременахъ; подсыпалъ пороху не мѣрючи и послалъ въ грудь Татарину гостинецъ. Еще козакъ и не прицѣлился, а ужъ Татаринъ къ нечистому съ коня свалился. Тотъ однакожъ ему не довѣряетъ, приближается и бьетъ его чеканомъ въ спину; посмотрѣлъ— съ него и духъ вонъ. Тогда онъ принимается за дѣло: сапоги съ него стащилъ и на свои козацкія ноги надѣлъ; одежду съ него стащилъ и на свои козацкія плечи натянулъ; бархатную шапку снялъ и на свою козацкую голову надѣлъ. А Татарскаго коня взялъ за повода и прибылъ въ въ городъ Сѣчь (?). Тамъ пьетъ, гуляетъ и Килійское поле славитъ:

---

(1) Бо́же! дѐ ті городи́, не зна́емо, а бачъ, сла́ва ажъ о̀тъ де хо́дитьѣ *Пр. п.*

Пòле Килиімське хвàлить-вихваля́е:
»Ой пòле Килиімське!
Бода́й же ти літо й зіму зеленіло,
Якъ ти мене́ при нещасли́вій годи́ні сподоби́ло!
Да́й же, Бо́же, щобъ козаки́ пили́ та гуля́ли,
Хоро́ші ми́слі ма́ли,
Одъ ме́не більшу до́бичу бра́ли,
И непрія́теля пі́дъ но̀зі топта́ли!«

Сла́ва не вмрѐ, не поля́же,
Отни́ні до віка!
Дару́й, Бо́же, на мно́гі літа!

2.

ДУМА О ВДОВѢ И ТРЕХЪ СЫНОВЬЯХЪ. (*)

Ой якъ на сла́вній Украі̀ні,
Та въ сла́внімъ го́роді у Крило̀ві,
Тамъ жила́ стара́ жена̀ удова́
И міла въ себе́ три сини́,
Якъ я̀сні соколи́.
Зъ мали́хъ літъ до вели́кого зро́сту (1) кохàла-годува́ла,

»О, будь же ты, Килійское поле, лѣтомъ и зимою зелено, какъ мнѣ посчастливилось на тебѣ въ трудное время! Дай Богъ, чтобъ козаки пили да гуляли, добро замышляли, еще больше добычи добывали, непріятеля ногами топтали!«

(*) *Переводъ.* —На славной Украйнѣ, въ славномъ городѣ Крыловѣ, жила старушка вдова, и было у ней три сына, какъ три ясныхъ сокола. Съ малыхъ и до совершенныхъ лѣтъ она ихъ лелѣяла, кормила, чужимъ

---

(1) Ба́чте, до соверше́нного ума̀ бъ то. Та̀къ попро́сту воно́. *Пр. п.*

Чужи́мъ рука́мъ на потира́нне не дава̀ла,
Сла́ви-на̀мяти сподіва́лась.

Ско́ро сини́ порослѝ,
Усі три до ро̀зуму дойшли,
Усі три ко̀ні посідла́ли
И на ри́нокъ Крилівський гуля́ть поіжджа̀ли.
По ри́нку Крилівському проіжджа̀ли.
Ні до́брого, ні худо̀го не вида́ли; (1)
У домівку приіжджа̀ли,
Ой у домі́вці не велѝку за́знобку счини́ли —
Ма́тку старе́ньку зъ двора̀ вигони́ли:
»Иди́ ти, ма́ти, де ѝнде пробува́ти,
Хліба-со̀ли споко́йно вживати,
Бо бу́дуть, ма́ти, въ насъ, жѐни молоди́і,
Дітки мале́ньки́і,
Бу́дешъ ти іхъ прокліна́ти —
Ой не бу́дуть вони́ ща́стя й до̀лі собі ма́ти.
Ато́ ти йди де ѝнде пробува́ти,
Хліба-со̀ли споко́йно вжива́ти.«

То ма́ти се зачува̀е,

рукамъ прикасаться къ нимъ не давала, надѣялась оставить по себѣ добрую славу и память.

Когда сыновья взросли и всѣ трое достигли полнаго разума, сѣдлали они коней и выѣзжали гулять на Крыловскій рынокъ. Проѣхавъ по Крыловскому рынку, не видали ни добра, ни худа и воротились домой; а воротясь, не больно старую мать огорчили — только со двора прогнали: »Ступай, матушка, въ иное мѣсто проживать и спокойно хлѣбъ-соль кушать: будутъ у насъ молодыя жены и малыя дѣти, а ты станешь ихъ проклинать, и не будетъ имъ ни счастья, ни доли. Такъ лучше ступай себѣ въ иное мѣсто проживать и спокойно хлѣбъ-соль кушать.«

Слышитъ это мать, идетъ со двора, спотыкается, за слезами Божьяго

---

(1) Не знайшли́, ви́дно, съ кимъ ні би́тьця, ні боротьця. *Пр. п.*

Идé зъ дворà, спотикáетця,
За слёзáми свíта Бóжого не видáе,
Синівъ своíхъ кленѐ-проклинáе:
Бодàй же васъ, синú моі, бíдні вдовúченки, у пóлі
Побúло рáзомъ три недòлі:
Щобъ васъ пѐрва дóля побúла —
Щобъ Богъ хлíба не вродúвъ;
А дрýга дóля щобъ побила —
Щобъ не стáли васъ лю̀де знáти,
Дóбримъ слòвомъ покликáти;
Трѐтя дóля щобъ побúла —
Щобъ ви у своíй домíвці на промешкáнні щáстя й дòлі не мáли!«

То десь узя́вся близькúй сусіда,
Мáтку старéньку изъ землі підіймáе,
Хýстку свою̀ зъ кишéні винімáе,
Вдові старíй слёзи втирáе:
»Идú ти, мáти, до менѐ пробувáти,
Хлíба-сòли спокóйно вживáти.
Бýдешъ ти насъ на все дòбре наущáти,
Бýдемъ ми тебé шанувàти й поважàти.«

То мáти йде, спотикàетця,

свѣта не видитъ, сыновей своихъ проклинаетъ: »Пускай васъ, дѣти мои бѣдныя, постигнутъ въ полѣ три бѣды: первая бѣда — чтобъ вамъ Богъ хлѣба не уродилъ; другая — чтобъ люди перестали съ вами знаться и съ добрымъ словомъ къ вамъ отзываться; а третья — чтобъ вы дома въ въ своемъ житьѣ-бытьѣ счастья-доли не знали!«

Какъ вотъ откуда ни возьмись близкой сосѣдъ; онъ поднимаетъ старую мать съ земли, вынимаетъ изъ своего кармана платокъ и отираетъ ей слезы: »Поди, матушка, ко мнѣ на проживанье; ты будешь у меня спокойно хлѣбъ-соль кушать, будешь насъ учить всему доброму, а мы будемъ тебя почитать и уважать.«

Идетъ мать, спотыкается, за слезами Божьяго свѣта не видитъ. А

За слёза́ми світа Бо́жого не вида́е.
А синъ сиди́ть найме́нший, у кваті́рку поглядає,
Изъ ма́тки старе́нькоі насміха́етця.
»Ой дивітця«, ка́же, »бра́тця:
Либо́нь же на́ша ма́ти стара́ попере́дъ на̀съ у Жи́да-рандаря́ пробува́ла,
До́бру горілку попива́ла:
Не ду́рно йде, спотика́етця: (1)
Під̀ъ плече́мъ пля̀шку несе́, або́, мо́же, й дру̀гу.« (2)

То живу́ть сини́ го̀дъ, або два̀, або й трѝ.
За́разъ ім̀ъ Богъ погоди́въ —
У по́лі хлі́бъ не вроди́въ.
За́разъ дру̀га іхъ до́ля поби́ла —
Не ста́ли іхъ лю̀де зна́ти,
До́бримъ сло̀вомъ покликáти.
Трѐтя до́ля ихъ поби́ла —
Ой не ста́ли вони́ въ домівці на промешка́нні зъ молоди́ми же́нами ща́стя
й до̀лі собі ма́ти.

То въ неділю ра́но-поране́ньку,

меньшой сынъ сидитъ да посматриваетъ въ *кваті́рку* (форточку) и подсмѣивается надъ старой матерью: »Посмотрите«, говоритъ, »братцы: видно, наша старуха прежде насъ гостила у Жида-арендатора и пила-добрую водку: не даромъ идучи спотыкается. Вѣрно, подъ мышкой тащитъ фляжку, а пожалуй и двѣ.«

Живутъ сыновья годъ, два, или три. Тотъ-часъ Богъ ихъ наградилъ — въ полѣ хлѣбъ не уродилъ; тотъ-часъ другая бѣда ихъ постигла — не стали съ ними люди знаться и съ добрымъ словомъ къ нимъ отзываться; и третья бѣда ихъ постигла — не было у нихъ дома счастья съ молодыми женами.

И вотъ рано утромъ въ воскресенье не буйный вѣтеръ шумѣлъ, не

---

(1) Вінъ-то ду́мавъ, що до сусіди йде, то вже зъ пля̀шкою. *Пр. п.*
(2) Онъ за що ёму́ ста́ло за́пно! *Пр. п.*

Не буйні вітри́ шуміли,
Не дрібні до̀щики накрапа́ли,
Якъ бі́дні вдовиченки у своє́му дворі гомоніли.
»Ходімо,« ка́же, »ми, бра́тте, у чужи́й двіръ
Да упадемо́ ма́тері старе́нькій крижѐмъ до нігъ.
По́ки ми ма́тіръ свою́ поважа̀ли,
По́ти намъ Бо̀гъ годи́въ;
А не ста̀ли ми ма́тки старе́нькоі зна̀ти,
За́разъ насъ пѐрва до́ля поби́ла —
Богъ хліба не вроди́въ;
А дру̀га до́ля насъ поби́ла —
Не ста́ли насъ лю̀де зна́ти,
И до́бримъ сло̀вомъ покли́ка̀ти;
Трѐтя насъ до́ля поби́ла —
Не ста́ли ми въ доми́вці на промешка́нні зъ молоди́ми же́нами ща́стя
й до̀лі собі ма́ти.
То йдѝ ти, ма́ти, до насъ, стара́я, пробува́ти,
Споко́йно хліба-со̀ли вжива́ти.
Ми своіхъ бу́демъ женъ наущà̀ти,
Щобъ на тебе́ не наріка̀ли.«

То ма́ти стара́я, ой, до Бо́га ру̀ки здійма́е:
«Ой не услиша̀й, Го́споди, клятьбѝ моє́і,

частый дождикъ кропилъ: то бѣдные вдовины сыновья на своемъ дворѣ говорили: »Пойдемъ, братцы, на чужой дворъ да падемъ старой матери крестомъ къ ногамъ. Пока мы свою мать уважали, до тѣхъ поръ и Богъ намъ помогалъ; а какъ отреклись мы отъ своей матери, тотъ-часъ насъ первая бѣда постигла — Богъ хлѣба не уродилъ; и другая бѣда насъ постигла — перестали съ нами люди знаться и съ добрымъ словомъ къ намъ отзываться; а третья бѣда насъ постигла — нѣтъ намъ дома счастья съ молодыми женами. Такъ воротись ты, старушка матушка, къ намъ на проживанье, кушай спокойно нашу хлѣбъ-соль, а мы станемъ наставлять своихъ женъ, чтобъ тебя не попрекали.«

Тогда старушка мать къ Богу руки подымаетъ: »Боже! не внимай

Що я своіхъ синівъ клялà-проклинáла:
У своій голові велúкий прасýнокъ мáла.«

Зáразъ імъ Богъ погодúвъ —
У пóлі хлібъ уродúвъ.
Зáразъ іхъ стáли лю̀де знáти,
Дóбримъ слòвомъ покликáти.
Стáли вонú въ домівці на промешкáнні щáсте й дòлю собі мáти.

3.

ДУМА О СЕСТРѢ И БРАТѢ. (*)

Ой у неділю рáно-поранéньку,
Ой то рáнніми зорà̀ми,
То не сúва зозýлька закувáла,
То не дрібнá пта̀шка щебетáла,
Якъ сестрà до брáта на чужý чужúну
Дóбримъ здорòвъямъ покланя́лася;
Ой кватúрочку очиня́ла,
Слова̀ми промовля́ла,
Слёза̀ми ридáла:
»Бра̀тіку мій рідний,

моей клятвѣ, что проклинала я своихъ сыновей: у меня въ головѣ была тогда великая досада.«.

И тотъ-часъ Богъ ихъ наградилъ—въ полѣ хлѣбъ уродилъ; тотъ-часъ люди стали съ ними знаться и съ добрымъ словомъ къ нимъ отзываться, и счастливо зажили они дóма.

(*) *Переводъ.* — Въ воскресенье рано поутру, на зарѣ, не сѣрая кукушка куковала, не мелкая пташка щебетала: то сестра брату на чужую сторону привѣтъ посылала. Отворила окно и говоритъ со слезами: »Братецъ мой родной, голубчикъ мой сизокрылой! навѣсти меня на чужой сторонѣ, при моемъ горькомъ гореваньи.«

Якъ голу̀бонько си́зий!
Прибу̀дь ти до ме́не,
Одві́дай ти ме́не
На чужій чужѝні,
При злій хуртовѝні,
При нещастли́вій годи́ні.«

»Сѐстро«, ка́же, »ми́ла,
Роди́но серде́шна!
Не могу̀ я до тебе́ прибува́ти:
Я прожива́ю за те́мними луга̀ми,
За широ́кими поля̀ми,
За бистри́ми ріка̀ми.«

»Бра̀тіку мѝлий,
Якъ голу̀бонько си́зий!
Прибу̀дь же ти до ме́не.
Те́мніі лу̀женьки ясне́нькимъ соко̀ленькомъ перелети́,
Широ́кіі поля̀ мали́мъ-невели́кимъ перепѐлонькомъ перейди́,
Бистри́і річеньки й озе́ра бі́лимъ лебѐдонькомъ перепливи́;
Сядь-пади́ у моімъ дворі си́вимъ голу́бонькомъ,
Голо̀вку склони́,
Жалі́бнѐнько загуди́. (1)

»Сестра моя милая, сестра родная, сердечная! не могу я тебя навѣстить: я живу за темными лѣсами (2), за широкими полями, за быстрыми рѣками.«

»Братецъ мой милой, голубчикъ мой сизокрылой! темные лѣса яснымъ соколомъ перелети, широкія поля малымъ перепеломъ перейди, быстрыя рѣки бѣлымъ лебедемъ переплыви; пади сизымъ голубемъ на

---

(1) Богъ ёго́ зна́е, я́къ би то: затужи́ть? *Пр. п.*

(2) Въ подлинникѣ *луга́ми*; но лугомъ называется въ Украинской народной поэзіи и то, что̀ *мы* разумѣемъ подъ Великорусскимъ словомъ *лугъ*, и лѣсъ, растущій на низменныхъ, прирѣчныхъ мѣстахъ. Здѣсь слово *луга́ми* употреблено въ послѣднемъ значеніи.

Нехáй я бýду вихождáти,
Ой по гòлосу познавáти,
Родѝною сердéшною називáти,
И на хлѝбъ на сѝль закликáти,
И на здорòвъе тебé, брáте, бýду питáти.«

»Сѐстро«, кáже, »мúла,
Родѝно сердéшна!
Ой сподівáйся менé тоді въ гóсті,
Якъ бýдуть о Пéтрі бистрúі ріки-озѐра замерзáти, (1)
Объ Рíздві калúна въ лýзі процвітáти.
Пойдú ти, сéстро, до тúхого Дунаю.
Возьмú ти, сéстро, піскý у білу рýчку,
Посій ти, сéстро, на кàміню:
Колú той бýде пісóкъ на білому кáмені зіхожáти,
Синімъ цвітомъ процвітáти,
Хрещáтимъ барвінкомъ білéнький кáмінь устилати,
Рáзними крáсними цвитàми украшáти,
Тоді, сéстро, бýду до тебé въ гóсті прибувáти,
Твогó життя при бідности доглядáти.«

»Брàтіку«, кáже, »мúлий,

моемъ дворѣ, головку склони, жалобно заворкуй. Я выйду, узнаю тебя по голосу, назову близкимъ сердцу роднымъ, зазову на хлѣбъ на соль и стану спрашивать тебя о здоровьи.«

»Сестра«, говоритъ, »милая, сестра родная, сердечная! тогда ожидай меня въ гости, когда о Петрѣ быстрыя рѣки и озера станутъ замерзать, а о Рождествѣ калина на лугу расцвѣтать. Поди, сестра, къ тихому Дунаю, возьми, сестра, въ бѣлую руку песку, посѣй его на камнѣ: какъ взойдетъ песокъ на бѣломъ камнѣ, зацвѣтетъ синимъ цвѣтомъ, устелетъ камень крещатымъ *барвінкомъ* и украситъ разными цвѣтами,— тогда, сестра, прибуду я къ тебѣ въ гости и стану заботиться о твоей убогой жизни.«

---

(1) А Богъ ёгó знàе, колú тогó й дожидáть. А бýдуть, кáжуть, колúсь, замер-

Якъ голу̀бонько си́зий!
Не тепѐръ я на нога̀хъ ста̀ла,
Одъ стари́хъ люде́й прийовісти тако́і не чува́ла,
Щобъ о Пе́трі бистри́і ріки-озѐра замерза́ли,
Щобъ объ Різдві́ кали́на въ лу́зі процвіта́ла,
Щобъ жо́втий пісо̀къ на білому ка̀мені зіхожа́въ,
Щобъ си́німъ цвітомъ процвіта́ти,
Хреща́тимъ барвінкомъ біле́нький ка́мінь устила́ти,
Ра́зними кра́сними цвіта̀ти украша́ти:
А лишъ, бра́тіку, тебе́ до віку не сподіва́ти!
Якъ на пра̀зникъ хвале́бенъ лю́де до цѐркви йдуть,
Якъ бжілкѝ гудя́ть,
Чужі бра́тіки зихожа̀ютця,
Братъ изъ бра̀томъ,
Сватъ изъ сва̀томъ, (1)
Кумъ изъ кѝмомъ,
Сестра́ зъ сестро̀ю,
Одно̀ зъ одни́мъ схожа́етця
И пра̀зникомъ хвале́бнимъ поздоровля́етця;
А мене́ плече́ зъ плечѐмъ, пола́ зъ поло̀ю торка́е,
И въ вічи не вида́е. (1)

»Братецъ мой милой, голубчикъ сизокрылой! не сей-часъ я встала на ноги, но не слыхала отъ старыхъ людей, чтобъ о Петрѣ быстрыя рѣки и озера замерзали, а о Рождествѣ калина на лугу расцвѣтала, — чтобы желтый песокъ всходилъ на бѣломъ камнѣ, расцвѣталъ синимъ цвѣтомъ, устилалъ бѣлый камень крещатымъ барвинкомъ и украшалъ разными цвѣтами. Никогда мнѣ, мой братецъ, тебя не дождаться! На *хвалебный* праздникъ люди въ церковь идутъ, какъ пчелы гудутъ, сходится братъ съ братомъ, сватъ съ сватомъ, кумъ съ кумомъ, сестра съ сестрою и поздравляютъ другъ друга хвалебнымъ праздникомъ, а меня —

за́ть річки́ о Пе́трі. Бу́де, та тільки не за сіхъ люде́й; тоді бу́де, як̀ъ світъ перемінитця. Лю́де перемінятця, и світъ перемінитця. *Пр. п.*

(1) Бачъ, яка̀ бъ уже́ тамъ — поду́мать — рідня́: сватъ изъ сва̀томъ! *Пр. п.*

(2) Помісь би то не ба̀чить. *Пр. п.*

Ой якъ у на́шого отця́ та й ма́тки пили́ та іда́ли,
Тоді насъ и ку́ми, й побратѝми до́бре зна́ли;
А якъ насъ пришѝбола недо́бра годи́на,
Одцура́лась насъ близька́я й дале́кая, вся назва́ная, серде́шная роди́на!
Тя́жко«, ка́же, »бра́тіку!...
Якъ пти́ці перна́тій въ чи́стімъ по̀лі безъ дре́ва ночува́ти,
Якъ тя́жко та ва́жко живій ри́бі безъ води́ прожива́ти,
Якъ тя́жко та ва́жко білий ка̀мінь зъ сирої̀ землі проти се́бе изня́ти, —
Ой такъ тя́жко та ва́жко на чужій чужи́ні безъ кре́вної роди́ни поміра́ти!«

4.

ДУМА О БУРѢ НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ. (*)

Ой якъ на Чо́рному мо̀рі,
Та на білому ка́мені,
Тамъ сиди́ть я́сенъ соко̀ленько,
Смѝтно ма́е,
Жалібне́нько квѝлить-проквиля́е,
На Чо́рнее мо̀ре ся́е,
Далѐко поглядає,
Що на Чо́рному мо́рю не до̀бре вчиня́е:

хоть плечо плечомъ, полу полой задѣнетъ, — будто и въ глаза не видитъ. Какъ бывало у нашего отца и матери пивали, ѣдали, тогда насъ и кумовья, и пріятели знали, а какъ пришибла злая бѣда, — отреклась отъ насъ близкая и далекая, вся названная, задушевная родня. И какъ пернатой птицѣ трудно въ чистомъ полѣ безъ дерева ночевать, какъ трудно живой рыбѣ безъ воды дышать, какъ тяжело бѣлый камень съ сырой земли на грудь поднять, такъ тяжело, такъ трудно на чужбинѣ безъ кровнаго родного умирать!«

(*) *Переводъ.* — На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ, сидитъ ясный соколъ; сидитъ онъ смутенъ, жалобно стонетъ и смотритъ вдаль на Черное море, что на Черномъ морѣ не добро творится: поднимается

Проти́вну фи́лю зо дна мо̀ря зніма́е,
Су́дна коза́цькі на три ча̀сті розбива́е.
Пе́рву часть ввірва̀ло,
Въ гѝрло Дуна́йське замча́ло;
Дру́гу часть увірва̀ло,
У зе́млю Ора̀бську замча́ло; (1)
Трѐтю часть увірва́ло,
Ой не зна́ло, де поді́ти,
Серѐдъ Чо́рного мо̀ря утопи́ло.

У тій часті потопа́ло два братѝ ридне́нькі,
Това̀риші серде́шні.
Що ні до кого приплину́ти,
Опрощѐння приня́ти.
Ті два брати́ одѝнъ до одного́ приприва́ли,
Опрощѐнне прийма́ли
И слова̀ми промовля́ли,
Слёза́ми рида́ли:
Ой не ѐсть то насъ, бра́те, на Чо́рному мо́рі супроти́вна фи́ля потопля́е,
А ѐсть то отцѐва-ма́тчина моли́товъ побива́е-кара́е.
Намъ оте́ць-ма́ти позволя́ли одному́ въ вій́ську виступа́ти.
А дру́гому до́ма хлі́ба паха́ти.

противная волна со дна морского, разбиваетъ козацкія суда на три части. Первую часть оторвало и въ Дунайское устье умчало; другую часть оторвало — въ Арабскую землю унесло; третью часть оторвало и, не зная, куда дѣвать, среди Чернаго моря потопило.

Въ той части потопало два родныхъ брата, два сердечныхъ товарища, и не къ кому имъ приплыть, некому принести исповѣдь. Другъ къ другу они подплывали и со слезами исповѣдь творили: »Это, братъ, не противная волна на Черномъ морѣ насъ потопляетъ, — это насъ отцовская и материнская молитва караетъ. Отецъ и мать одному изъ насъ

---

(1) Въ другой разъ онъ пѣлъ:
По-за мо̀ремъ розімча́ло.

А то ми, бра́те, недо̀бре вчиня́ли —
Оби́два ко́ні посідла̀ли,
У військо виступа́ли,
Зъ отцéмъ, зъ ма́ткою опрощѐння не прийма́ли,
Ще ма́тку старéньку зневажа̀ли,
Стрéменемъ у гру̀ди одъ ко́ней одпиха́ли.
То щѐ ми, бра́те, недо́бре вчиня́ли —
Ми́мо цéркви свято́ї проїжджа̀ли,
За го́рдостю, за пи́шностю зъ глави́ шлика́ не здиймà ли,
На себé хреста́ не покладà ли
И Бо́га милосéрдного на по́мічъ не благà ли.
То щѐ ми, бра́те, недо́бре вчиня́ли —
По у́лицямъ до́брими кіньми гуля́ли,
Дітки малéнькі кіньми розбива́ли, (1)
Кровъ Христия́ньску безневѝнно проліва́ли.
Іхали ми го́родомъ-у̀лицею,
Тамъ стоя́ли три жѐни ста́ренькі;
Мо́же, ду́мали́ та й гада́ли проти́въ насъ що до̀бре сказа́ти,
Да ми й тамъ за го́рдостю, за пи́шностю проти́внимъ сло̀вомъ одказа́ли.

позволили въ войско вступить, а другому велѣли дома землю пахать: а мы, братъ, нехорошо поступили: осѣдлали коней, выѣхали въ войско, не простились съ отцомъ и матерью, да еще старую мать оскорбили — стременемъ въ грудь оттолкнули. И то̀ нехорошо мы, братъ, сдѣлали, что мимо святой церкви проѣзжая, по гордости и спѣси шапки съ головы не сняли, креста на себя не положили и милосердаго Бога на помочь не призвали. И то̀ нехорошо мы, братъ, сдѣлали, что по улицамъ на добрыхъ коняхъ гуляли, малыхъ дѣтей топтали, кровь Христіянскую безъ вины проливали. Ѣхали мы городомъ-улицей; тамъ стояли три старушки, и, можетъ быть, онѣ хотѣли сказать намъ что-нибудь хорошее, но мы по гордости и спѣси ответили имъ грубымъ словомъ. Не спрашивали мы, гдѣ святая церковь, а спрашивали, гдѣ новая корчма. Другіе ко-

---

(1) Колúсь рóскошъ булá й такúмъ. *Пр. п.*

Не пита́ли цѐркви свято́и
Да пита́ли корчмѝ ново́і.
Чужі козаки́ по церква́хъ молѐбні найма́ли,
А ми у шинкў пъемъ-гуля́емъ,
Та́нці-музѝки найма́емъ.
Коли́бъ да̀въ Богъ на суході́лъ вистуна́ти,
Вже бъ тепе́ръ могли́ зна́ти,
Якъ свято́і цѐркви не забува́ти,
Отця-ма́тку штѝть и поважа́ти.«

Ста́ли вони́ отце́ву й ма́тчину моли́тву сохваля̀ти,
Ста́ла на Чо́рному мо́рю супроти́вна фѝля утиха́ти,
Ставъ Госпо́дь милосе́рдний іхъ визволя̀ти.
Вони́ тоді до при́стані прибува́ють,
За бі́лий ка́мінь рука̀ми хвата́ютця,
На суході́лъ виступа́ють
И слова̀ми промовля́ють:
»Кото́рий чоловікъ отця-ма́тіръ шану́е-поважа̀е,
Богъ ёму́ милосе́рдний помага̀е;
Кото́рий чоловікъ отця́-ма́тери не шану́е, не пова̀жае,
Нещасли́вий той чоловікъ бува́е,
Та̀къ вінъ аби́-де ма́рне пропада́е.«

заки по церквамъ молебны нанимали, а мы въ корчмѣ пили, гуляли, да музыку нанимали. Когдабы Богъ намъ помогъ выйти на сушу, то теперь мы святой церкви никогда бъ не забывали, а отца и мать почитали.«

Какъ начали они прославлять отцовскую и материнскую молитву, стала на Черномъ морѣ противная волна утихать, сталъ ихъ милосердый Господь спасать. Прибываютъ они къ пристани, хватаются они руками за бѣлые камни, выходятъ на суходолъ и говорятъ: »Кто отца и мать уважаетъ и почитаетъ, тому милосердый Богъ помогаетъ; кто жъ отца и матери не уважаетъ и не почитаетъ — нѣтъ счастья тому человѣку! погибаетъ онъ безъ пути на свѣтѣ!«

5. (1)

ДУМА О БѢГСТВѢ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА. (*)

Якъ изъ землі Турѐцькоі,
Да зъ віри бесурмѐнськоі,
Изъ го́рода изъ Озо́ва не пи́ли-тумани́ вставали́:
Тіка́въ повчо́къ,
Мали́й-невели́чокъ, (2)
Тіка́ло три бра́тіки ріднѐнькі, (3)
Три това́риші серде́шні.
Два кінних, тре́тій піший-піхоти́нець,
За кінними біжи́ть-підбіга́е,
Чо́рний пожа́ръ під білі но́ги підпада́е,
Кровъ слідѝ заслива́е,
За стремѐна хвата́е,
Слова́ми промовля́е:
»Бра́ттє мѝле, бра́ттє лю́бе!
Хоть одѝнъ ви милосе́рде ма́йте,
Опра́ни кульба́ки (4), до́бичъ изъ ко́ней скидѝйте,
Мене́, бра̀та піхоти́нця, міжд̀о ко̀ні беріте,
Хочъ мѝлю верстъ увезіте
И доріженьку укажіте.

(*) *Переводъ.* — Изъ земли Турецкой изъ вѣры бусурманской, изъ города Азова не пыль, не туманъ вставалъ: то̀ уходилъ малый отрядецъ — три родныхъ брата, сердечные товарищи. Двое на коняхъ, а третій за ними пѣшкомъ подбѣгаетъ, по выжженной степи бѣлыми ногами ступаетъ, кровью слѣды заливаетъ. Хватаетъ онъ за стремена, говоритъ онъ братьямъ: »Братья мои милые! пусть изъ васъ хоть одинъ надо мною сжалится: сбросьте вы съ коней дорогія сѣдла, возьмите меня, пѣ-

---

(1) Се все стародàвні, невóлницькі. *Пр. п.* — (2) Отò вже Богъ ёгó знáе, щò воно́ знáчить. *Пр. п.* — (3) Колúсь-то булó охóтне вíйсько, такъ íхъ усíхъ трохъ и зàбрано. *Пр. п.* — (4) Хтò ёгó знáе, щò то булó такé! *Пр. п.*

Нехáй я бýду знàти,
Куди́ за вáми въ городи́ Христия́нські зъ тяжкóї невòлі втікáти.«

То стáрший братъ згóрда словàми промовля́е:
»Чи подобѐнство, мій брáте,
Щобъ я своé добрó Турéцьке на шляху́ покидàвъ,
Тебé, трупъ, на конѝ бравъ?
Одна́че ми самѝ не втечемó,
Ні тебѐ не ввезéмо.
Бу́дуть Крúмці та Нага́йці, безбóжні бусурмѐни,
Тебé, пішого-піхоти́нця на спочúнкахъ минàти.
А насъ бу́дуть кіньми доганя́ти
И назáдъ у Турѐщину завертáти.«

То братъ пішúй-піхоти́нець за кінними бижíть-підбíга́е,
Чóрний пожáръ пíдъ білі нòги підгорта́е,
Словàми промовля́е:
»Брáтте лю́бе, брáтте ми́ле!
Хочъ одúнъ же ви милосéрдее мáйте,
Назáдъ кóней завертàйте,
Зъ піховъ шáблі виймàйте,
Мині, брáту мѐншому, пішому-піхоти́нцю, зъ плíчъ гòлову здиймáйте,

---

шаго, на коня, провезите меня хоть одну милю и укажите дорогу, чтобъ я зналъ, куда мнѣ за вами уходить изъ тяжкой неволи въ города Христіянскіе.«

На это старшій братъ гордо отвѣчаетъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, чтобъ я свое Турецкое богатство по дорогѣ разбросалъ, а тебя, ни къ чему годнаго, на коня посадилъ? Равно мы и сами тогда не уйдемъ, и тебя не увеземъ. Быть можетъ, тебя, пѣшаго, безбожные бусурманы, Крымцы да Ногайцы, минуютъ гдѣ-нибудь на отдыхѣ, а насъ, конныхъ, догонятъ и воротятъ въ Турецкую землю.«

Снова пѣшій братъ за конными подбѣгаетъ, по черной выжженной степи бѣлыми ногами ступаетъ: »Братья мои милые! пусть хоть одинъ изъ васъ надо мною сжалится: поверните назадъ коней, выньте изъ ноженъ сабли, снимите мнѣ, пѣшему, голову съ плечъ, похороните въ чистомъ полѣ, не оставьте на поживу звѣрю да птицѣ.«

У чи́стому по̀лі похова́йте,
Звіру-птѝці на пота́лу не пода́йте.«

То братъ ста́рший зго́рда слова́ми промовля̀е:
»Чи подобѐнство, брате́, тебе́ руба́ти?
Одна́че ша̀бля не візьме,
Рука̀ не зведе́тця,
Сѐрце не осмі́литця
Тебе́ руба̀ти! (1)
А якъ ти живъ-здоро́въ бу̀дешъ,
Са̀мъ у зе́млі Христия́нськi увійдешъ.«

То братъ найме́нший, піший-піхоти́нець, за кінними бі̀жить-підбіга́е,
Слова̀ми промовля́е:
»Бра́тте мѝле, бра́тте лю̀бе!
Хочъ оди́нъ же ви милосе́рдее ма́йте,
Бу̀дете до терні̀въ, до байра́кі̀въ прибіга́ти,
Такъ у боки́ забіга̀йте,
Віти терно́ві руба́йте,
По шляху́ покида̀йте,
Мині, бра́ту пішому-піхоти́нцю, на призна̀ку дава́йте.«

То ставъ братъ ста́рший та середу́льший до терні̀въ, до байра́кі̀въ прибіга̀ти, —
У боки́ забіга̀ли,

Опять старшій братъ гордо отвѣчаетъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, рубить тебѣ голову? и сабля тебя не возьметъ, и рука не поднимется, и сердце не осмѣлится. А какъ ты живъ останешься, то самъ придешь въ города Христіянскіе.«

Снова меньшой братъ, пѣшій, за конными подбѣгаетъ: »Братья мои милые! пусть изъ васъ хоть одинъ надо мной сжалится! Какъ прибудете вы въ терновые буераки, то заѣзжайте по сторонамъ, рубите терновыя вѣтви, разбрасывайте по дорогѣ, оставляйте мнѣ, пѣшему брату, примѣты.«

---

(1) Звісно, одна́ кро̀въ. *Пр. п.*

Віти терно́ві зеле́ні руба́ли,
Бра́ту ме́ншому, пішому-піхоти́нцю, призна̀ку дава́ли.

Да ставъ же братъ найме́нший, пішій-піхоти́нець, до байра̀ківъ прибіга́ти,
Ставъ віти терно́ві знахожа́ти,
У ру́ки берѐ,
Къ сѐрцю кладе́,
Слова̀ми промовля́е
И слёза̀ми рида́е:
»Бо́же мій ми́лий, Сотворѝтелю небе́сний!
Ви́дно, то моі бра́тіки сюда́ зъ тяжко́і невòлі втіка́ли,
Объ мині вели́ке стара̀нне ма́ли.
Коли́бъ мині Госпо́дь помігъ зъ сиі тяжко́і невóлі Озівськоі втіка̀ти,
Могъ би я своіхъ бра́тіківъ при ста́рості літъ шановàти й поважа́ти!«

То ставъ же братъ ста́рший та середу́льший на полівку избіга́ти,
На степи́ висо́кі, на вели́кі дорòги росхідни́і, — (1)
Не ста́ло терні̀въ да байра̀ківъ руба́ти;
До ставъ же братъ середу́льший до ста́ршого промовля̀ти:

Приближаются старшій и средній братья къ терновымъ буеракамъ, заѣзжаютъ по сторонамъ, рубятъ зеленыя вѣтви, оставляютъ меньшому, пѣшему брату примѣты.

Вотъ меньшой братъ, пѣшій, подходитъ къ буеракамъ и начинаетъ находить терновыя вѣтви. Онъ беретъ ихъ въ руки, прижимаетъ къ сердцу и говоритъ со слезами: »Боже мой милый, Творецъ небесный! сюда-то, видно, мои братья изъ тяжкой неволи уходили и обо мнѣ заботились. О, еслибы мнѣ помогъ Господь уйти изъ тяжкой неволи Азовской,— почиталъ бы и уважалъ я своихъ братьевъ въ ихъ старости!«

Выѣзжаютъ старшій и средній братъ на поля, на высокія степи, на большія *расходныя* дороги, гдѣ уже не было больше терновника. Тогда средній братъ говоритъ старшему: »Снимемъ-ка, братъ, мы съ себя

---

(1) Въ другой разъ онъ пѣлъ:
На ви́шчиі степи́ Сама́рські, на шляхи́ Мура̀вські избіга́ти.

»Нумъ, бра́те, ми зъ себе́ зелéні жупа̀ни скида́ти,
Черво́ну та жо́вту китàйку видира́ти,
Пішому бра́ту, ме́ншому, на призна̀ку покла́дати;
Неха́й вінъ бідний зна̀е, куди́ за на́ми, кіннимн, тіка́ти.«

До ставъ же братъ ста́рший згóрда слова̀ми промовля́ти:
»Чи подобе́нство, бра́те, щобъ я свое добрò Туре́цьке на шматкú дравъ,
Бра́ту ме́ншому на призна̀ки дава́въ?
Якъ вінъ живъ-здоро́въ бу̀де,
Такъ са̀мъ у зе́млі Христия́нські, безъ на́шихъ призна̀ківъ уся́кихъ,
прибу́де.«

До братъ середу́льший милосѐрдє ма́е,
Изъ свого́ жупа́на черво́ну та жо́вту китàйку видира́е,
По шляху́ стѐле-покла́дае,
Ме́ншому бра́ту призна̀ки дава́е.

То ставъ братъ найме́нший, пішій-піхоти́нець, на полівку избіга̀ти,
На степи́ висо́кі, на великі доро̀ги росхідни́і, —
Нема́ ні терни́въ, ні байра́ківъ,
Ніякихъ призна́ківъ.

зеленые *жупа́ны*, станемъ мы изъ-подъ нихъ обрывать красную и желтую китайку и оставлять меньшому брату примѣты; пусть онъ знаетъ, куда за нами, конными, уходить изъ неволи.«

На это старшій братъ гордо отвѣчалъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, чтобъ я свою Турецкую одежу въ куски рвалъ, для примѣтъ меньшому брату? Когда останется живъ и здоровъ, то и безъ примѣтъ придетъ въ города Христіянскіе.«

Но средній братъ умилосердился, — обрываетъ изъ-подъ своего жупа́на красную да желтую китайку, стелетъ ее по дорогѣ, оставляетъ меньшому брату примѣты.

Всходитъ меньшой, пѣшій братъ на поля, на высокія степи, на большія расходныя дороги, — нѣтъ ни терновника, ни буераковъ и никакихъ примѣтъ; а находитъ онъ красную да желтую китайку, — беретъ ее

Ставъ червóну китáйку да жóвту знахожàти.
У рýки берѐ,
Къ сѐрцю кладé,
Словáми промовля̀е
И слёзàми ридáе:
»Що не дýрно жъ ся червóна да жóвта китáйка по шляхý валя́етця:
Либóнь моіхъ брáтіківъ на світі немáе:
'Альбо іхъ порýбано,
'Альбо іхъ пострѐляно,
'Альбо у гордý тяжкý позáймано!
Колúбъ я мòгъ дóбре знáти,
Що іхъ порýбано, áльбо пострѐляно,
Могъ би я въ чúстому пóлі тіла шукáти,
Въ чúстому пóлі поховàти,
Звіру-птúці на потàлу не дáти.«

Одно́ жъ брáта наймéншого, одно безвíддя,
Дрýге безхлíбъя,
Трéте те, що тúхий вітеръ зъ нíгъ валя́е. (1)
До Осавýръ-могúли прибувàе,
На Осавýръ-могѝлу зіхожáе,
Тамъ собі безпéчне девя́того дня спочѝвокъ мáе,

въ руки, прижимаетъ къ сердцу и говоритъ со слезами: »Не даромъ красная да желтая китайка по дорогѣ валяется: видно, нѣтъ моихъ братьевъ на свѣтѣ: или ихъ изрубили, или перестрѣляли, или въ тяжкую неволю снова угнали! Когдабъ я зналъ, что ихъ изрубили, или перестрѣляли, я бы сталъ искать ихъ тѣла въ чистомъ полѣ, я бы похоронилъ ихъ, не далъ бы въ пищу звѣрю да птицѣ.«

Межъ тѣмъ его самаго и жажда, и голодъ одолѣваютъ, и даже тихой вѣтеръ съ ногъ валитъ. Наконецъ приближается онъ къ Савуръ-могилѣ, всходитъ онъ на могилу и тамъ безопасно отдыхаетъ на девятый

---

(1) Що ти́хий вітеръ, да й то̀й валя́е; що вже хочъ би тамъ и тіло іхъ було́ (т. е. братьевъ), такъ вінъ не должéнъ нічо̀го рáди дать. *Пр. п.*

Девя́того дня изъ не́ба води́-погòди вижида́е.
Ма́ло-немно́го спочива̀въ,
Къ ёму́ вòвці-сірохма́нці нахожда́ли,
'Орли-чорнокри́льці налiта́ли, (1)
Въ голо́вкахъ сіда̀ли, —
Хотіли заздалегоди́ живота́ те́мний пòхоронъ одправля́ти. (2)
Тоді вінъ слова̀ми промовля́е:
»Вòвці-сірохма́нці, òрли-чорнокри́льці,
Гòсті моі ми́лі!
Хоть ма́ло-немно̀го обожді́те,
По́ки коза́цька душа́ зъ тіломъ розлу́читця.
Тоді бу́дете мині зъ ли́ба чо́рні òчи висмика́ти,
Біле тіло коло жо́втоі кòсті оббіра́ти,
И комиша̀ми вкрива́ти.«

Ма́ло-немно́го спочива̀въ...
Отъ, рука̀ми не візьме,
Нога́ми не пійде,
И я́сно очи́ма на не́бо не згля́не...
На не́бо взира̀е,

день бѣгства — въ девятый день ждетъ дождя небеснаго. Немного онъ опочилъ, какъ сбѣжались къ нему волки сѣрые, слетѣлись орлы-чернокрыльцы, садились въ-головахъ и надъ живымъ хотѣли уже отправить *темныя похороны*. И говоритъ онъ: »Волки сѣрые, орлы чернокрылые, гости мои милые! обождите хоть немного, пока козацкая душа разлучится съ тѣломъ. Тогда вы будете мнѣ черные очи выклевывать, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдать, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивать и покрывать камышами.«

Прошло еще немного времени... уже онъ руками не владѣетъ, ногами не ходитъ и ясно неба не видитъ... На небо взираетъ, тяжело вздыхаетъ,

---

(1) Я не ба́чивъ, чи чòрні кри́ла въ орлівъ. *Пр. п.*

(2) Бо́же, твоя́ во́ля! хто ёго́ повига̀дувавъ, хто ёго́ те́е! Що не мо́жна ви́думать би такъ нікóму въ світі. — (О словѣ *те́мний*:) Се, бачъ, та́йний: то звіръ да пти́ця. *Пр. п.*

Тя̀жко воздиха́е:
»Го̀лово моя́ коза́цькая!
Бува́ла ти у зѐмляхъ Туре́цькихъ,
У вірахъ бесурме́нськихъ;
А тепе́ръ припа́ло на безві́дді, на безхлі́бъі погиба́ти.
Девя́тий день хліба въ уста́хъ не ма́ю,
На безві́дді, на безхлі́бъі погиба́ю!«

Тутъ те́е промовля́въ... не чо́рна хма̀ра налі̀та́ла, (1)
Не буйні вітри́ вину́ли,
Якъ душа́ коза́цька-молоде́цька зъ тіломъ розлуча́лась.
Тоді во́вці-сірохма́нці нахожла̀ли
И о́рли-чорнокри́льці налі̀та̀ли,
Въ голо́вкахъ сіда̀ли,
Зъ ли́ба чо́рні о́чи висмика́ли,
Біле тіло коло́ жо́втої ко́сті оббіра́ли,
Жовту кість по-пі̀дъ зеле́ними яворами розноша́ли
И комиша́ми вкрива̀ли. (2)

А ще ставъ братъ ста̀рший да середу́льший до річки Сама́рки прибіга̀ти, (3)

хаетъ: »Голова моя козацкая! бывала ты въ странахъ Турецкихъ, межъ народовъ бусурманскихъ; а теперь пришлось тебѣ погибать на безводьи, на безхлѣбьи. Девятый день, какъ у меня въ устахъ хлѣба не было, отъ жажды и голоду погибаю!«

Сказалъ....и не черная туча налетѣла, не буйные вѣтры подули: то козацкая, молодецкая душа съ тѣломъ разлучилась. Тогда сѣрые волки сбѣгались, и чернокрылые орлы налетали, въ-головахъ садились и черныя очи выклевывали, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдали, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивали и камышами покрывали.

А между тѣмъ старшій и средній братья приблизились къ рѣчкѣ Са-

---

(1) До смѐрти бала́кавъ! *Пр. п.* — (2) Оце́ вже одного́ похова̀ли. *Пр. п.*
(3) Що̀ тутъ річка Сама́рка, чи вжѐ дале́ко? Ну, да все то чужа́ земля́ коли́сь була́. *Пр. п.*

Ста́ла іхъ те́мна нічка обійма́ти,
Ставъ братъ ста́рший до середу́льшого промовля̀ти:
»Ста́ньмо, бра́тіку, ту́та, кòні попасімо:
Тутъ моги́ли велѝкі,
Трава́ хорòша
И вода́ погòжа.
Ста́ньмо ту́течка підождімо,
По́ки сòнце обітрі́е, (sic)
Чи не прибу́де икъ намъ нашъ піший-піхотѝнець.
Тоді на ёго́ вели́ке усѐрдие ма́ю,
Усю́ дòбичъ скида́ю,
Ёго́, пішого, міждо кòні хвата́ю.«

— »Було́ бъ тоді, бра́те, якъ я̀ каза́въ, хвата́ти!
Тепе́ръ девя́тий дѐнь мину́въ,
Якъ хлібъ-сі̀ль івъ,
Вòду пивъ,
До́сі й на світі нема́е.«

Тоді вони́ ко́ней пусто́пашъ попускà̀ли,
Кульба́ки підъ себе́ послà̀ли,
Ру́жжя по комишà̀хъ поховà̀ли,
Безпѐчно спать полягà̀ли,
Світово́і зорі дожида́ли.

маркѣ, и захватила ихъ темная ночь. Говоритъ старшій братъ среднему: »Остоновимся, братъ, здѣсь да попасемъ лошадей. Тутъ могилы большія, трава хорошая, вода здоровая. Обождемъ здѣсь до свѣта, не прибудетъ ли къ намъ нашъ пѣхотинецъ. Я бы о немъ позаботился: бросилъ бы всю свою добычу и посадилъ бы его на коня съ собою.«

»Тогда было его взять, когда я говорилъ! А теперь ужъ девятый день, какъ онъ не ѣлъ и не пилъ; вѣрно, ужъ его нѣтъ на свѣтѣ.«

Пустили они коней на пастьбу, положили себѣ сѣдла подъ головы, а ружья спрятали въ камышахъ и спокойно, въ ожиданьи зари, уснули.

Ставъ Бо́жий свѣтъ свѣта́ти,
Ста́ли вони́ на ко̀ні сіда́ти,
Черезъ рѣчку Сама́рку у Христія́нські зѐмлі утіка́ти, —
Ставъ братъ ста̀ршій до середу́льшого промовля́ти:
»Якъ ми бу́демъ, бра́тіку, до отця́, до ма́тки прибува̀ти,
Якъ ми імъ бу́демъ повіда́ти?
Бу́демъ ми, бра́те, по пра̀ві каза́ти, —
Бу́де насъ отець-ма́ти проклина̀ти;
А бу́демо ми, бра́те, пере́дъ отце́мъ, пере́дъ ма́ткою олга̀ти, —
Такъ бу́де насъ Госпо́дь милосе́рдний и ви́димо, й невѝдимо кара́ти.
А хиба́, бра́те, та̀къ иска́жемо:
Що не въ одного́ па̀на пробува́ли,
Не одну́ невòлю ма́ли,
И ночно́і доби́ зъ тяжко́і невòлі втіка́ли,
Такъ ми й до ёго забіга́ли:
»Уста́нь, бра́те, зъ на́ми, козака́ми, зъ тяжко́і невòлі втіка́ти!«
Либо́нь-то вінъ та̀къ исказа́въ:
»Тіка̀йте жъ ви, бра́тця,
»А я бу́ду тутъ остава́тьця,
»Чи не бу́ду собі лу́ччого долі-ща̀стя ма́ти.« (1)

Когда жъ стало свѣтать, они осѣдлали коней и пустились уходить въ Христіянскія земли черезъ рѣчку Самарку. Говоритъ старшій братъ среднему: »Когда мы, братъ, воротимся къ отцу и матери, то ка̀къ станемъ имъ разсказывать? Скажемъ правду — проклянутъ насъ отецъ и мать; а солжемъ передъ отцомъ и матерью — покараетъ насъ милосердный Господь и видимо, и невидимо. Ужъ развѣ скажемъ такъ, братъ: что не у одного господина, не въ одинаковой неволѣ мы были и уходили изъ неволи ночью; заѣзжали и къ нему: »Вставай, братъ, уходи съ »нами, козаками, изъ тяжкой неволи.« А онъ будто-бы та̀къ отвѣтилъ: »Уходите, братцы, а я останусь здѣсь; не лучше ли мнѣ здѣсь посчаст-

---

(1) Другой кобза́рь въ Лубенскомъ уѣздѣ, Алекса́ндра Михайло́къ, пѣлъ такъ:

Не хо̀чу, моя́ вели́ка невòля,
А тре́те — й коня́ не ма́ю.

А бу́де оте́ць-ма́ти поміра́ти
И бу́демъ грунта́-худо́бу на дві ча̀сті паюва́ти, —
И тре́тє міжъ на́ми не бу́де міша̀ти.«

Тутъ те́е промовля̀ли,
И не си́зі орлѝ заклекота̀ли,
Якъ іхъ Ту́рки-яни́ченьки изъ-за моги́ли напа̀ли, —
Постреля̀ли, порубà ли,
Ко́ні зъ до́биччу наза̀дъ у го́родъ, у Турѐщину позаверта̀ли.

Полегла̀ двохъ братівъ голова́ ви́ще річки Сама̀рки,
Тре́тя у Осау́ръ-моги́ли.
А сла́ва не вмрѐ, не поля́же
Одни́ні до віка!
А вамъ на мно̀гая лі̀та! (1)

(*) Отакі старці коли́сь бува́ли (говорилъ Архипъ, пропѣвъ свои думы и покивая печально главою), такі́хъ співа́ли; такъ и лю̀де іхъ люби́ли! А тепе́ръ ёму́ співа́й, а воно́ й не слу́хае. Бу-

---

»ливится.« А когда умрутъ отецъ и мать и мы станемъ дѣлиться наслѣдствомъ, то между насъ не будетъ третьяго.«

Лишь только онъ сказалъ, какъ вдругъ — не сизокрылые орлы заклектали—Турки-янычары изъ-за могилы напали, изранили ихъ пулями, изрубили, а коней съ добычею завернули въ Турецкой городъ.

Легли головы двухъ братьевъ выше рѣчки Самарки, а третьяго — у Саворъ-могилы; но слава не умретъ, не погибнетъ отнынѣ и до вѣка. А вамъ многая лѣта!

(*) *Переводъ.* — Такіе-то нищіе когда-то бывали, такія пѣсни пѣли, вотъ и люди ихъ любили! А теперь поешь, и не слушаютъ. Бывало,

---

(1) Лександра Михайлю́къ пѣлъ:

Дару́й, Бо́же, ми́лості ва́шій и всёму́ війську Запоро́зькому на мно́гая лі̀та.

Этотъ стихъ переноситъ воображеніе въ то время, когда думы пѣлись »Гетма́нскимъ« и »Запорожскимъ« козакамъ.

ва́ло, въ кого́ є снага́, обійде чи два́дцять хатъ, чи три́дцять, а по́слі вѣрнетця додо́му: »Запряжи́, хло́пче, коня́, отъ до тако́го поідь, до тако́го поідь; тамъ мині обіща́ли.« Поіде хло́пець, такъ по́венъ візъ усёго́ наберє́.

Нищая братія въ Малороссіи заслуживаетъ особеннаго вниманія. Будучи послѣдними въ народѣ по своему убожеству и неспособности къ земледѣльческимъ и другимъ работамъ, Малороссійскіе нищіе занимаютъ первое мѣсто по развитію поэтическихъ и философскихъ способностей. Они почти всѣ слѣпы. Немногіе поступаютъ въ разрядъ нищихъ, то есть, собирателей милостыни, по какому-нибудь калѣчеству; еще меньше — по лукавству и охотѣ къ праздношатательству. Лучшіе изъ нихъ живутъ въ деревняхъ, гдѣ ихъ каждый знаетъ. Города рѣшительно портятъ нравственность нищаго.

Я разскажу здѣсь о моемъ знакомствѣ съ Андреемъ Шутомъ, слѣпымъ пѣвцомъ народныхъ думъ (въ мѣстечкѣ Александровкѣ, Сосницкаго уѣзда Черниговской губерніи), слѣдовательно нищимъ по ремеслу. Имя его сдѣлалось мнѣ извѣстно изъ статьи священника Базилевича, напечатанной въ »Этнографическомъ Сборникѣ«. Помѣщенная въ этой статьѣ дума Андрея Шута дала мнѣ высокое понятіе о достоинствѣ его пѣсень въ историческомъ отношеніи, и я воспользовался первымъ случаемъ завернуть въ Александровку, чтобы познакомиться съ почтеннымъ авторомъ упомянутой статьи. Натурально, одинъ изъ первыхъ моихъ вопросовъ былъ объ Андреѣ Шутѣ. Мнѣ отвѣчали, что Александровскій бардъ явится тотъ-часъ къ моимъ услугамъ, что онъ близкій сосѣдъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ другъ дома. Дѣйствительно, не прошло нѣ-

---

кто въ силахъ, обойдетъ двадцать, тридцать хатъ, а потомъ воротится домой: »Запрягай, *хло́пче*, коня да поѣзжай къ тому и тому; тамъ обѣщали мнѣ.« Поѣдетъ мальчикъ и наберетъ всякаго добра полонъ возъ.

сколькихъ минутъ, какъ Андрей Шутъ отворилъ дверь въ гостинную и привѣтствовалъ насъ громкимъ, чистымъ голосомъ.

Это былъ сѣдой старикъ съ клинообразной бородою, въ сѣрой, новешенькой свитѣ и въ свѣжихъ *постолахъ* (лаптяхъ), которыхъ оборы обхватывали очень красиво его ноги, завернутыя въ бѣлыя онучи. Лицо его было свѣжо, щеки румяны, черты правильны, хотя нѣсколько обезображены оспою, которая лишила его зрѣнія на семнадцатомъ году жизни. Онъ отличался бодрой осанкой и живыми движеніями, показывающими человѣка, постоянно занятого работой.

Андрей Шутъ, сдѣлавшись слѣпцомъ, долженъ былъ уплачивать государственныя подати наравнѣ съ зрячими людьми своего сословія и нашелъ для того необходимымъ выучиться вить веревки и вязать изъ пеньки крестьянскую упряжь. Онъ взялся за свой промыселъ съ такой усидчивостью и проворствомъ, что не только оставался всегда правъ предъ козацкимъ обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ, но еще скопилъ денегъ и построилъ себѣ хату. Далѣе — онъ обзавелся женою и зажилъ не хуже зрящаго. Теперь онъ вдовецъ, но у него есть взрослый и уже женатый сынъ, котораго онъ на свой счетъ обучилъ грамотѣ.

Это матеріальная сторона его жизни. Со стороны поэтической и философской, Андрей Шутъ едва ли имѣетъ себѣ равнаго между нищей братіей. Слѣпота развила въ немъ врожденный вкусъ къ пѣснямъ, и онъ, обладая превосходною памятью, усвоивалъ себѣ все, что̀ слышалъ. При его трудолюбіи и способностяхъ, ему не трудно было добыть себѣ бандуру и перенять искусство подъигриваться на ней подъ голосъ. Скоро онъ сдѣлался любимымъ музыкантомъ и пѣвцомъ во всемъ Сосницкомъ округѣ, а можетъ быть и далѣе, и выпускалъ изъ рукъ бандуру только во время постовъ, смѣняя музыку другимъ, болѣе скромнымъ ремесломъ.

Но каковы бы ни были успѣхи Андрея Шута въ пѣсняхъ и въ заработкахъ двоякимъ способомъ, ни тѣ, ни другіе, не могли наполнить души его. Лучшіе часы своей жизни онъ проводилъ въ

храмѣ Божіемъ, къ которому естественно прилѣпляется человѣкъ въ его положеніи. Чтеніе псалмовъ, молитвъ и церковное пѣніе возвышали его душу надъ нуждами и бѣдствіями преходящей жизни и устремляли ее къ безконечному. Чѣмъ больше входилъ онъ въ лѣта, тѣмъ больше удѣлялъ времени для посѣщенія заутрень, обѣдень, вечерень, всенощныхъ, и вѣрная память его, удерживая весь кругъ церковныхъ чтеній и пѣснословій, безпрестанно наводила его умъ на мысли о спасеніи души. Онъ рѣже прежняго выходилъ съ бандурой за спиною изъ дому на промыселъ, отвергъ всѣ тѣ пѣсни, которыхъ содержаніемъ были шутки, или страстныя движенія сердца, и пѣлъ только псалмы въ честь Іисуса и святыхъ да историческія пѣсни. Наконецъ онъ и совсѣмъ оставилъ бандуру, ограничивъ свои заработки только рукодѣльемъ да смиреннымъ испрашиваніемъ милостыни по праву слѣпоты своей.

Онъ смотритъ на ремесло нищаго, какъ на дѣло богоугодное. По его понятіямъ, нищій существуетъ на то, чтобы напоминать людямъ о Богѣ и о добродѣтели. Вступя въ этотъ классъ народа, онъ тотъ-часъ научился молитвамъ, которыхъ до тѣхъ поръ не зналъ, и первая его наставница въ пѣсняхъ, какая-то слѣпая старуха, передала ему вмѣстѣ съ пѣснями изустныя преданія о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи человѣческомъ и о пришествіи въ міръ Спасителя.

Малороссійское простонародье большею частью погружено въ насущныя нужды свои, до такой степени, что по-видимому теряетъ и самое расположеніе къ умственнымъ созерцаніямъ. На пѣсни подмываетъ его сердце въ періодъ живой молодости, или въ пору случайнаго веселья и горя, а преданія и повѣрья переходятъ у него изъ рода въ родъ только по неотступному требованью врожденной способности къ фантазированью. Нищіе исключаются слѣпотою изъ обыкновенныхъ условій сельскаго быта, какъ-будто для того, чтобы, развивъ, въ своемъ неизбѣжномъ сомоуглубленіи, мыслительныя способности, вносить въ общество поселянъ религіозно-философскую стихію и такимъ образомъ поддерживать нравственную жизнь его на извѣстной

высотѣ. Напримѣръ, Андрей Шутъ такъ разсказываетъ о своемъ участьи въ распространеніи познаній о Богѣ и поклоненія Ему молитвою.

РАЗСКАЗЪ АНДРЕЯ ШУТА ОБЪ УЧЕНИКѢ ЕГО. (1)

(*) Есть тутъ у насъ у Верхолíссі козáкъ Мúцъ у прúймахъ. Багáта вдовà тамъ живé, такъ вінъ до íї дочкú у прúйми й приставъ. Пáрень роботя́щий, такъ вонá й приняла́ ёго́ у прúйми. Да скупà собі бáба, такъ, щобъ не наймáть нàймита, посила́е зя́тя пáсти кóні. Отъ вінъ и пасé. А тамъ у Верхолíссі обíднівъ одúнъ чоловíкъ, а въ ёго́ два синú и дві дочкú; такъ одúнъ синъ у людéй слýжить, а дрýгого нúщий, кобзàръ узя́въ, Гордій изъ Ядýтъ. За годови́ще півторá цілкóвого поступúвъ. Вінъ и жúвъ при томý нищому два гóди. Да старшині трéба булó погóнича, такъ вінъ изискàвъ того́ хлóпця да й нанявъ нá годъ. Отъ вінъ и па-

---

(*) *Переводъ.* — Есть тутъ у насъ въ Верхолѣсьи козакъ Мыцъ, *въ пріймахъ*. Живетъ тамъ богатая вдова и приняла его къ себѣ *въ пріймы* (зятемъ). Парень работящій, такъ она и приняла его. Только такая скупая баба, что не хочетъ нанимать батрака, да и посылаетъ зятя пасти лошадей. Пасетъ онъ. А тамъ въ Верхолѣсьи обѣднѣлъ одинъ человѣкъ, и у того человѣка два сына и двѣ дочки; вотъ одинъ пошелъ служить къ хозяину, а другого взялъ къ себѣ нищій, кобзарь, Гордій изъ Ядутъ. Далъ ему на годъ полтора цѣлковыхъ. Мальчикъ и жилъ при томъ нищемъ два года. Но старшинѣ нуженъ былъ погоньщикъ, такъ онъ отыскалъ этого мальчика да и нанялъ на годъ. Вотъ и пасетъ онъ

---

(1) Здѣсь приводятся подлинныя слова его; но должно замѣтить, что говоръ Сосницкаго уѣзда отличается произношеніемъ *о* на *а* (напр. вмѣсто *конá*, тамъ говорятъ *канá*) и остраго *і* на *уэ* (напр. вмѣсто *вíлъ — вуэлъ*). Звукъ *ѣ* произносится тамъ почти такъ, какъ въ Великороссіи, а не за *і*, какъ пишу я здѣсь, согласно съ общимъ Малороссійскимъ выговоромъ. Есть и еще особенности, но о нихъ распространяться здѣсь не мѣсто. Нѣкоторыя изъ нихъ, непротивныя слуху *степовика*, удержаны мною, какъ въ разсказахъ, такъ и въ думахъ Андрея Шута.

ѣ ко́ней. И Оникі́й Мицъ у-ку́пі зъ нимъ пасе́, да й пита́е въ хло́пця: »Ты въ старця́хъ бу́въ?

»Бувъ«, ка́же.

»Тебе́ старці навчи́ли Бо́гу моли́тьця?«

»А я̀къ же?«

»Яки́ жъ ти молитви́ зна́ешъ?«

»Зна́ю«, ка́же, »*Отче нашъ, Святый Боже, Вѣрую...*«

»*А Помилуй мя, Боже?*«

»*И Помилуй мя, Боже,* знаю,«

»Навчи́ мене́ *Помилуй мя, Боже.*«

»До́бре.«

Отъ и дава̀й учи́ть: *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Наипаче омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предъ Тобою сотворихъ: яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ, и побѣдиши....* По се мі́сто: *и побѣдиши.* И дало́сь ёму́ пійти́ на косови́цю. Ко́сять и горі́лку пъю́ть, вже звісно. И тре́ба ёму́ похвали́тьця тому́ старши́ні!

лошадей. И Оникій Мыцъ пасетъ вмѣстѣ съ нимъ, и спрашиваетъ мальчика: »Ты въ нищихъ былъ?« — »Былъ«, говоритъ. — »Учили тебя нищіе молиться Богу?« — »А какъ же?« — »Какія жъ ты молитвы знаешь?« — »Знаю«, говоритъ, »*Отче нашъ, Святый Боже, Вѣрую....*« — »А *Помилуй мя, Боже?*« — »И *Помилуй мя, Боже,* знаю.« — »Научи меня *Помилуй мя, Боже.*« — »Хорошо.«

Вотъ и началъ учить: *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Наипаче омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ, и лукавое предъ Тобою сотворихъ: яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ, и побѣдиши....* До сихъ поръ: *и побѣдиши.* И случись ему

»Твій«, ка́же, »челяди́нець вели́кого сто́їть: він ъ уміє Бо́гу моли́ться, и мене́ навчи́въ.«

Що́ жъ? дава́й изъ ёго́ и зъ того́ хло́пця смія́ться: »Ко́ні пасу́ть, и Бо́гу молитьця у́чатця!« ...Хло́пець послі сёго́ го́ді да й го́ді вчить, и не сіда́е коло ёго́ — стиди́тця. Такъ и зоста́вс ь Оники́й: *и побіди́ши*, а бі́льшъ и не вмівъ Бо́гу моли́тьця; моли́вс ь тілько кусо́чокъ.

Отъ я разъ прише́въ до ёго́ те́щи за ми́лостинею, а він ъ еди́ть на ла́ві да во́вну бъе. Він ъ и кушнірську робо́ту зна́е. Поздорови́въ дне́мъ.

«Спаси́бу, діду. Сядь, погомони́; давно́ я тебе́ ба́чила.«

Я сівъ.

»Чи не гріхъ«, ка́жуть, сёго́дні робить?« [А тоді чи Сорока́ Му́ченикі́въ було́, чи Олексія Бо́жого Чоловіка.]

»Да мо́же«, кажу́, »не бу́де Олексій гніватьця.«

Изняли́ яку́сь річъ про святе́. А Оники́й у Чепіги, въ коза́ка, у Киселі́вці во́вну бивъ: а въ Чепіги си́нъ и ону́къ пись-

---

быть на косовицѣ. Косятъ, ну, извѣстно, и водку пьютъ. И похвались онъ тому старшинѣ: »Твой«, говоритъ, »*челядинецъ* дорогой человѣкъ: онъ умѣетъ Богу молиться, и меня научилъ.« Что́ же? всѣ принялись надъ нимъ и надъ тѣмъ мальчикомъ смѣяться. »Лошадей пасутъ, и Богу молиться учатся!«... Мальчикъ послѣ этого полно и полно учить, и сѣсть подлѣ него стыдится. Такъ и остался Оникій: *и побѣдиши*, а больше и не умѣлъ Богу помолиться; молился только немножко.

Вотъ однажды пришелъ я къ его тещѣ за милостынею, а онъ сидитъ и перебиваетъ шерсть. Онъ и овчины умѣетъ выдѣлывать. Поздравилъ я ихъ днемъ. »Спасибо, дѣдушка (говоритъ теща). Сядь, поговори съ нами; давно я тебя не видала.« Я сѣлъ. »Не грѣшно ли«, говорятъ, »сегодня работать?« [А былъ тогда день Сорока Мучениковъ, или, кажется, Алексѣя Божьяго Человѣка.] »Да, можетъ быть«, говорю, »Алексѣй не будетъ гнѣваться.«

Завели рѣчь о разномъ святомъ. А Оникій у козака Чепи́ги

мѐнниі, дакъ вінъ одъ іхъ де-що чувàвъ, да й почàвъ роскà-зувать.

Я слу́хавъ–слу́хавъ... »Ні« , кажу́, »Оникі́ю, се не тàкъ було́, а о̀сь якъ. Ось якъ Богъ свѣтъ создàвъ, о̀сь яки́ святи́і були́. Ти ду́маешъ, я на тѐ кажу́, щобъ ти мині мѝлостиню бѣлшу давъ? Ні, воно́ ѝменно такъ було́. Отъ спитàй и въ отця́ Геóргія.«

Тоді вже вінъ го́ді роскà́зувать да давàй питàть у менѐ. Да идучи́ у недѣлю до цѐркви, и зàйде до менѐ въ хàту, и давàй просить менѐ: »Навчи́ менѐ *Помилуй мя, Боже*. Я знàю тѣлько ось по́ки: *и побѣди́ши*.«

»Воно́« , кажу́, »велѝке, не ско́ро нàвчится.«

»Да мо́же таки́ нàвчимось.«

[А ёму́ вже лѣтъ трѝдцять бу́де.] Давàй я ёго́ вчить. Прокажу́ стихъ, словъ дѐсять, чи що, вінъ іхъ и твердѝть цѣлий тѝждень; а въ недѣлю зно́въ до менѐ за́йде. Оце було́ осіннёго врѐмя, Пили́-півкою, прѝйде изъ Верхолѣся — по̀лемъ да горо̀дами навпростѐць — ще й півні не проспіва́ють: »Ищѐ не дзвонѝли до у́трені?«

въ Киселевкѣ перебивалъ шерсть; а у Чепѝги сынъ и внукъ грамотные, такъ онъ кое-что̀ слыхалъ отъ нихъ, — вотъ и началъ разсказывать. Я слушалъ, слушалъ... »Нѣтъ«, говорю, »Оникій, это не такъ было, а вотъ какъ. Вотъ какъ Богъ свѣтъ создалъ, вотъ какіе были святые на свѣтѣ. Ты думаешь, я для того тебѣ разсказываю, чтобъ ты мнѣ бо́льшую милостыню далъ? Нѣтъ, оно именно такъ было. Спроси хоть и у отца Георгія.«Тогда ужъ онъ полно разсказывать, да началъ у меня распрашивать. Вотъ, идучи въ церковь, въ воскресенье, и заходитъ ко мнѣ въ хату, и давай просить меня: »Научи меня *Помилуй мя, Боже*. Я знаю только вотъ до какихъ поръ: *и побѣдиши*.« — »Она« , говорю, »длинна, эта молитва;-не скоро научишься.« — »Да, можетъ, какъ-нибудь и научусь.« [А ему уже будетъ лѣтъ тридцать.] Началъ я учить его. Скажу ему стихъ, словъ десять, что ли, — онъ и твердитъ ихъ цѣлую недѣлю, а въ воскресенье опять ко мнѣ заходитъ. Бывало осенью, въ Филипповъ постъ, придетъ изъ Верхолѣсья — полемъ да напрямикъ огородами — и пѣтухи еще не пропоютъ: »Еще не звонили къ зау-

»Ищѐ не скóро ѝ бýдуть. Сідàй.«

И я встáну. Я на лàвці сплю, — такъ, направо.

»Ну, дiду, прокàзуй *Помилуй мя, Боже.*«

Отъ я ѝ прокàзую, пóки до цéркви задзвóнять. И до цѐркви йдучѝ, усé про се самéе говóримо.

И вже тепéръ не пропýстить не одноéі слýжби, не ýтрені. 'Иноді тѐща ёгó ѝ лàе: «Чогó такѝ тобі знай до цѐркви ходить? Ми жъ такѝ не ходѝли разъ у разъ. Тілько булó понесѐ пáску. Да ѝ то жилѝ и хлібъ іли.«

»А нà що жъ«, кáже, »сі церквѝ и все те служѐние и слàва Госпóдня, колѝ намъ не ходѝть того дивѝтьця да слýхать?«

То-то не дàрмо, мáбуть, читàетця: *Господи, возлюбихъ красоту дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея.*

Такъ проповѣдывалъ Андрей Шутъ, сидя на креслѣ, которое стоитъ именно для него у двери гостинной добраго отца Георгія. Онъ говоритъ скороговоркой, и я не успѣлъ записать многихъ характерныхъ его выраженій, а потому долженъ былъ выбросить изъ своей стенографіи всѣ отступленія, въ которыя онъ любитъ вдаваться по пути главнаго разсказа. Само собою разумѣется, что, съ своей стороны, я помогалъ ему моими вопросами высказы-

---

тренѣ?« — »Не скоро еще будутъ и звонить. Садись!« И самъ я встану. Я на лавкѣ сплю, — такъ, направо. »Ну, дѣдушка, говори мнѣ *Помилуй мя, Боже.*« Я и говорю ему, пока начнутъ звонить къ заутренѣ. И въ церковь идучи, всѣ объ одномъ и томъ же толкуемъ.

И ужъ теперь не пропуститъ онъ ни одной обѣдни, ни заутрени. Иной разъ теща и бранитъ его: »Зачѣмъ тебѣ то и дѣло въ церковь ходить? Мы не ходили же всякой разъ. Только бывало снесетъ мужъ освятить пасху, и довольно. Однакожъ жили и хлѣбъ ѣдали.« — »А для чего же«, говоритъ, »церкви и все служеніе, и слава Господня, если не ходить намъ смотрѣть и слушать?« То-то, не даромъ, видно, читается: *Господи, возлюбихъ красоту дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея.*

ваться. Въ этомъ старикѣ мнѣ полюбилась довѣрчивая свобода обхожденія, чуждая впрочемъ и тѣни нахальства. Ему сказали уже, что я изъ Петербурга; онъ очень хорошо понималъ, что съ нимъ говоритъ, какъ бы онъ выразился, не простой человѣкъ; но при всемъ томъ, въ его манерахъ и словахъ не было замѣтно никакого смущенія, которое часто встрѣчаешь въ людяхъ, считающихъ себя Богъ знаетъ почему существами очень ничтожными. Онъ выражалъ только удовольствіе, что съ нимъ бесѣдуютъ люди столичные, люди, по его понятіямъ, не *селюка́мъ* чета, и, отвѣчая на мои вопросы, онъ не упускалъ случая освѣдомиться кой о чемъ и у меня. Разумѣется, мы скоро̀ съѣхали на историческія думы. Андрей Шутъ отзывается съ пренебреженіемъ о пѣсняхъ любовныхъ, обрядныхъ и т. п., но на думы онъ смотритъ, какъ на изустныя сказанія о томъ, что̀ творилось на свѣтѣ въ-старину, и хранитъ ихъ въ памяти съ уваженіемъ. Онъ очень охотно продиктовалъ мнѣ слѣдующіе драгоцѣнные памятники народной словесности: о *Вдовѣ и ея сыновьяхъ;* о *Га́нжѣ Андыбе́рѣ;* о *Хмѣльницкомъ и Барабашѣ;* о *Хмѣльницкомъ и Василѣ Молдавскомъ;* о *смерти Богдана Хмѣльницкаго* и объ *Иваськѣ Вдови́ченкѣ (Коновче́нкѣ)*. Эти шесть думъ помѣщены мною въ сборникѣ А. Л. Метлинскаго (1). Здѣсь помѣщаю седьмую думу Андрея Шута, еще нигдѣ ненапечатанную.

ДУМА О БѢЛОЦЕРКОВСКОМЪ МИРѢ И О ВОЙНѢ СЪ ПОЛЯКАМИ. (*)

Эй чи гара́здъ, чи до̀бре нашъ гетьма́нъ Хмелнѝцький учини́въ,
Що съ Ляха́ми, съ мости́вими пана́ми, у Бѣлій Це́ркві замири́въ?

(*) *Переводъ.* — Хорошо ли нашъ гетманъ Хмѣльницкій поступилъ, что съ Ляхами, вельможными панами, въ Бѣлой Церкви помирился? Онъ

---

(1) »Народныя Южнорусскія Пѣсни«, стр. 352, — 354, 377 — 399, 413 — 424.

Да велівъ Ляхáмъ, мостúвимъ панáмъ, по козакáхъ, по мужикáхъ стáціею стоúти,
Да не велівъ велúкоі стàціі вимишлúти.
То ще жъ то Ляхú, мостúвиі панú, по козакáхъ и по мужикáхъ стáціею постàли,
Да велúкую стàцію вимишлúли.
Одъ іхъ ключі поодбирàли,
Да стáли надъ іхъ домáми господарàми.
Хазяíна на конюшню одсилáе,
А самъ изъ ёго́ жоно́ю на подушкàхъ почивáе.

То козáкъ, альбо́ мужúкъ изъ конюшні прихождàе,
У кватúрку поглядáе —
Ажъ Ляхъ, мостúвий панъ, ищè зъ ёго́ жоно́ю на подушкáхъ опочивáе.
То вінъ одúнъ осьмáкъ у кармáні мàе,
Пійде зъ тоскú да зъ печáлі у кабáкъ да й тòй прогуля́е.
То Ляхъ, мостúвий панъ, одъ сна устáвае,
Юлицею йдè,
Казáвъ би якъ свинй нескрéбена попéреду ýхомъ ведè,
Ищé слýхае-прослухàе,
Чи не сùдить ёго́ де козáкъ, альбо́ мужúкъ...

велѣлъ Ляхамъ, вельможнымъ панамъ, у козаковъ и мужиковъ стоять постоемъ, только не велѣлъ имъ вымышлять большихъ поборовъ. Вотъ и размѣстились Ляхи, вельможные паны, у козаковъ и мужиковъ постоемъ, и начали вымышлять большіе поборы. Отобрали у нихъ ключи и сдѣлались въ ихъ домахъ господами. Хозяина Ляхъ на конюшню отсылаетъ, а самъ съ его женой на подушкахъ почиваетъ.

Приходитъ козакъ, или мужикъ съ конюшни, смотритъ въ окно и видитъ — Ляхъ, вельможный панъ, всё еще съ его женой на подушкахъ почиваетъ. Такъ онъ и послѣдній *осьмáкъ* (восемь злотыхъ) въ кабакѣ съ тоски, съ печали пропиваетъ.

Встаетъ отъ сна Ляхъ, вельможный панъ, идетъ по улицѣ и, какъ немытая свинья, настороживаетъ ухо: слушаетъ, не осуждаетъ ли его гдѣнибудь козакъ, или мужикъ. Входитъ въ кабакъ, и кажется ему, что

У кабáкъ ухождáе, —
Го ёмý здаётця, що ёго́ козáкъ мѐдомъ шкля́нкою, або́ горілки чáркою
витáе,
Ажъ ёго́ козáкъ межѝ очи шкля́нкою шмагáе,
Ищé стúха словàми промовля́е:
»Эй Ляхú жъ ви, Ляхѝ,
Мостúвиі панѝ!
Хотя́ жъ ви одъ насъ клю́чі поодбирáли,
И стáли надъ нáшими домáми господарàми....
Хотя́ бъ ви на нáшу куннàнію не нахождáли.«

Тогді жъ козакú стáли у рàді, якъ малúі діти;
Одъ своіхъ рукъ листѝ писáли,
До гетьмáна Хмелнѝцького посилáли,
А въ листáхъ пропѝсували:
»Пáне гетьмáне Хмелнѝцький,
Бáтьку Зинóвъ нашъ Чигирѝнський!
За́ що ти на насъ такúй гнівъ положúвъ?
На́ що ти на насъ такúй ясѝръ наслáвъ?
Ужé жъ ми тепéръ не въ чомý вòлі не мáемъ:
Ляхú, мостúвиі панú, одъ насъ ключі поодбирáли
И стáли надъ нáшими домáми господарàми.«

Тогді-то Хмелнúцький листú читáе,

козакъ привѣтствуетъ его стаканомъ меду, или чаркой водки; а козакъ выливаетъ ему стаканъ въ глаза и спокойно приговариваетъ: »Эхъ вы, Ляхи, вельможные паны! пусть ужъ вы у насъ отобрали ключи и сдѣлались въ нашихъ домахъ господами, но хоть бы въ нашу компанію не лѣзли!«

И собрались козаки на совѣтъ, какъ малыя дѣти; писали *отъ своихъ рукъ* письма и посылали къ гетману Хмѣльницкому: »Панъ гетманъ Хмѣльницкій, отецъ нашъ Зиновій Чигиринскій! за что ты на насъ такъ разгнѣвался? для чего ты наслалъ на насъ такое плѣненіе? Мы ужъ теперь ни въ чемъ не имѣемъ воли: Ляхи, вельможные паны, отобрали у насъ ключи и сдѣлались господами въ нашихъ домахъ.«

Стúха словáми промовлúе:
»Эй козакú, дiти, дрýзi, небожáта!
Пiдождiте ви мáло, трóхи, небагáто, —
Якъ одъ святói Покрóви до свiтлого триднéвного Воскресéния.
Якъ дасть Богъ, що прийде веснá краснá,
Бýде нáша вся голóта ряснá.«

Тогдi-то панъ Хмелнúцький дóбре дбáвъ,
Козакiвъ до сходъ сóнця у похóдъ випровожáвъ
И стúха словáми промовлявъ:
»Эхъ, козакú, дiти, дрýзi!
Прошý васъ, дóбре дбáйте,
На слáвну Украiну прибувáйте,
Ляхiвъ, мостúвихъ панiвъ, у пéнь рубáйте,
Кровъ iхъ Лáдську у пóлi съ жóвтимъ пескóмъ мешáйте,
Вiри святói Христиáнськоi у порýгу не подáйте!«

Тогдi Ляхú, мостúвиi панú, догáдливи бувáли,
Усi по лiсáхъ, по кущáхъ повтекáли.
То козáкъ и лiсомъ бежúть,
А Ляхъ за кущéмъ и лéжачи дрижúть.
То козáкъ Ляхá за кущéмъ знажождáе,
Кéлепомъ межú плечи наганáе

Читаетъ Хмѣльницкій письма и говоритъ: »Эй, козаки, дѣти, друзья мои, голубчики! погодите вы немножко, обождите отъ Покрова до свѣтлаго трехдневнаго Воскресенія. Дастъ Богъ, наступитъ красная весна, тогда вся наша голь пріодѣнется.«

Тогда панъ Хмѣльницкій выслалъ въ походъ козаковъ до восхода солнца и говорилъ имъ:» Эхъ, козаки, дѣти, друзья мои! прошу васъ, постарайтесь, — ступайте на славную Украйну, рубите Ляховъ, вельможныхъ пановъ, до остатка, мѣшайте съ желтымъ пескомъ ихъ Ляшскую кровь, не давайте имъ ругаться надъ святой Христіянскою вѣрой!«

Спохватились тогда Ляхи, вельможные паны, и всѣ разбѣжались по лѣсамъ и кустарникамъ. Козакъ и въ лѣсъ бѣжитъ, а Ляхъ и лежа за кустомъ дрожитъ. Находитъ козакъ Ляха за кустомъ, бьетъ его чека-

И сти́ха слова̀ми промовля́е:
»Эй Ляхи́ жъ ви, Ляхи́,
Мости́виі пани́!
Го́ді жъ вамъ по-за куща̀ми валя́тьця,
Пора́ до на́шихъ жіно́къ на опочи́вокъ ити́.
Уже́ на́ши жінки́ и подушкѝ поперебива́ли,
Васъ, Ляхівъ, мости́вихъ панівъ, ожида́ли.«

Тогді-то Ляхѝ козаківъ рідними брата̀ми узива́ли:
»Эй, козаки́, рідніі бра́тці!
Коли́бъ ви до́бре дба̀ли,
Да насъ за Вѝслу річку хоть у одни́хъ сорочка̀хъ пуска́ли!«

Отто́гді-то Ляха́мъ Богъ погоди́въ,
На Ви́слі річці лі́дъ обломи́въ.
Тогді козаки́ Ляхівъ рятова̀ли —
За па̀тли хвата́ли
Да ще й да̀лі підъ лі́дъ підпиха́ли,
И сти́ха слова̀ми промовля́ли:
»Эй, Ляхи́ жъ ви, Ляхѝ!
Мости́виі пани́!
Колѝсь наши діди́ надъ сіе́ю річкою козакова́ли
Да въ сій річці скарби́ похова́ли.

номъ въ спину и тихо приговариваетъ: »Эй вы Ляхи, вельможные паны! полно вамъ за кустами валяться; пора вамъ идти почивать къ нашимъ женамъ. Уже наши жены и подушки приготовили, васъ, Ляховъ, вельможныхъ пановъ, поджидаючи.«

Тогда Ляхи козаковъ родными братьями называли: »Эй козаки, родные братцы! сдѣлайте вы доброе дѣло, пустите насъ за Вислу рѣку хоть въ однѣхъ рубашкахъ.«

Тутъ Ляхамъ Богъ помогъ — на рѣкѣ Вислѣ ледъ обломалъ. Тогда козаки Ляховъ спасали, за волосы хватали да еще дальше подъ ледъ пихали и тихо приговаривали: »Эй вы, Ляхи, вельможные паны! когда-то наши дѣды надъ этой рѣкой козаковали и въ ней свои скарбы спрятали.

Якъ бу́дете ска́рби находи́ти,
Бу́демъ зъ ва́ми попола́мъ діли́ти,
Тогді бу́демъ зъ ва́ми за рідного бра́та жи́ти.
Ступа́йте! тутъ вамъ доро́га одна̀—
До са́мого дна̀.«

Дума Андрея Шута, помѣщенная въ »Этнографическомъ Сборникѣ«, напечетана съ нѣкоторыми пропусками и погрѣшностями противъ языка, а потому я, записавъ ее со всею точностію въ Александровкѣ, помѣщаю въ своихъ Запискахъ.

ДУМА О ЖИДОВСКИХЪ ОТКУПАХЪ И О ВОЙНѢ ИЗЪ-ЗА НИХЪ. (*)

Якъ одъ Кумівщини да до Хмелни́щини,
Якъ одъ Хмелни́щини да до Бря́нщини,
Якъ одъ Бря́нщини да й до сёго̀ жъ то дня,
Якъ у землі кралéвській да добра̀ не було́:
Якъ Жиди́-рандáри
Всі шляхи́ коза́цькі зарандова́ли,
Що на одній ми́лі
Да по три шинкѝ станови́ли.
Станови́ли шинки́ по доли́нахъ,
Зво́дили що́гли по висо̀кихъ моги́лахъ.
Ище́ жъ то Жиди́-рандáри
У тому́ не переста̀ли:

Какъ найдете вы ихъ, то будемъ съ вами пополамъ дѣлиться, и тогда будемъ жить съ вами, какъ съ родными братьями. Ступайте! тутъ вамъ дорога одна — до самого дна.«

(*) *Переводъ.* — Отъ Куми́вщины до Хмѣльниччины, отъ Хмѣльниччины до Брянщины, отъ Брянщины до нашихъ дней не было добра въ королевской землѣ. Взяли въ аренду Жиды всѣ козацкія дороги, и на одной милѣ становили по три кабака. Становили они кабаки по долинамъ, ставили шесты по высокимъ курганамъ.

На сла́вній Украíні всі коза́цьки торгѝ заорандова́ли
Да бра́ли ми́то-проми́то:
Одъ возово́го
По пів̀ъ-золото̀го,
Одъ пішого-пішени́ці по три дѐнежки ми́та бра́ли,
Одъ небора́ка ста̀рця
Бра́ли ку́ри да яйца,
Да ще́ пита́е:
»Ци нема́, ко́тикъ, сцѐ цого́?«

Ще́ жъ то Жидѝ-рандáри
У тому́ не переста̀ли:
На сла́вній Украíні всі коза́цьки церквѝ заорандова́ли.
Кото́рому бъ то козаку́, альбо́ мужику́ давъ Богъ дитѝну появи́ти,
То не йдѝ до попа́ благослови́тьця,
Да пійди́ до Жѝда-рандáра, да поло́жъ шоста́къ, щобъ позво́ливъ цѐркву одчини́ти,
Ту́ю дитѝну охрести́ти.
Ще́ жъ то кото́рому бъ то козаку́, альбо́ мужику́ давъ Богъ дитѝну одружи́ти,
То не йдѝ до попа́ благослови́тьця,
Да пойди́ до Жѝда-рандáра да поло́жъ би́тий та́рель, щобъ позво́ливъ цѐркву очини́ти,
Ту́ю дитѝну одружи́ти.

Но и того было съ нихъ мало: взяли они въ аренду на славной Украйнѣ всѣ козацкіе рынки, и брали мытъ отъ воза по полу-злоту, отъ пѣшаго по три денежки, у бѣдняги нищаго забирали куръ и яицы, да еще спрашиваетъ: »Нѣтъ ли, голубцикъ, есце цего?«

Но и того было съ нихъ мало: взяли они въ аренду на славной Украйнѣ всѣ козацкія церкви. Дастъ Богъ козаку, или мужику дитя, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а ступай къ Жиду-арендатору да положи *шестакъ* (шесть злотыхъ), чтобъ позволилъ церковь отворить, дитя окрестить. А кому изъ козаковъ, или изъ мужиковъ дастъ Богъ сына женить, дочь замужъ выдавать, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а ступай къ Жиду-арендатору да положи битый талеръ, чтобъ позволилъ церковь отворить, молодыхъ обвѣнчать.

Ищé жъ то Жидú-рандáри
У томý не перестàли:
На слáвній Украíні всі козáцьки рѐки зарандовáли.
Пéрва на Самàрі,
Дрýга на Саксàні,
Трѐйтя на Гнилíй,
Четвéрта на Пробóйній,
Пя́та на рíчці Кýдесці.
Котóрий би то козáкъ, альбó мужúкъ исхотівъ рѝби вловúти,
Жінку свою́ зъ дітьми покормúти,
То не йдú до пáна благословúтьця,
Да пійдú до Жúда-рандáра да поступúй ёмý чàсть оддáть,
Щобъ позвóливъ на рíчці рѝби вловúти,
Жінку свою́ зъ дітьми покормúти.

Тогдí жъ то одúнъ козáкъ мúмо кабáкъ идѐ,
За плечúма мушкѐтъ несé,
Хóче на рíчці утя́ вбúти,
Жінку свою́ зъ дітьми покормúти.
То Жидъ-рандáръ уквартúрку поглядáе,
На Жидівку свою́ стúха слóвами промовля́е:
»Эй Жидівочко жъ моя́ Рáся!
Щò сей козáкъ дýмае, що вінъ у кабàкъ не встýпить,

Но и того еще Жидамъ-арендаторамъ было мало: взяли они въ аренду на славной Украйнѣ всѣ козацкія рѣки. Первая аренда была на Самарѣ, другая на Саксани, третья на Гнилой, четвертая на Пробойной, пятая на рѣчкѣ Кýдескѣ. Кто изъ козаковъ, или мужиковъ вздумаетъ поймать рыбы, покормить жену и дѣтей, то не ходи къ пану за позволеніемъ, а ступай къ Жиду-арендатору да посули ему часть, чтобъ позволилъ въ рѣкѣ рыбы поймать, жену и дѣтей покормить.

Вотъ одинъ козакъ идетъ мимо кабака; за плечами у него мушкетъ. Хочетъ онъ на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену свою и дѣтей покормить. А Жидъ-арендаторъ въ окно посматриваетъ и говоритъ своей Жидовкѣ: »Эй Жидовка моя Рася! чтò этотъ козакъ вздумалъ? чтò онъ не зайдетъ

За де́нежку горілки не ку́пить,
Мене́, Жи́да-ранда́ра, не перепро̀сить,
Щобъ позво́ливъ ёму́ на рі́чці утя́ вби́ти,
Жінку свою́ зъ дітьми покорми́ти.«

Тогді-то Жидъ-ранда́ръ стиха підхожда́е,
Козака́ за пàтли хвата́е.
То коза́къ на Жи́да-ранда́ра ско́са, якъ ведмідь, погляда́е,
Ище́ Жи́да-ранда́ра мости́вымъ пàномъ узива́е:
»Эй Жѝду«, ка́же, »Жи́ду-ранда́ре,
Мости́вий па́не!
Позво̀ль мині на рі́чці утя́ вби́ти,
Жінку свою́ зъ дітьми покорми́ти.«

Тогді Жидъ-ранда́ръ у кабакъ вхожда́е,
На Жидівку свою́ сти́ха слова̀ми промовля́е:
»Эй Жидівочко жъ моя Ра̀ся!
Буть мині тепе́ръ у Бі̀лій Це́ркві наста́внимъ ра̀вомъ:
Назва́въ мене́ коза́къ мости́вимъ па̀номъ.«

Тогді-то у свяги́й божестве́нний день у четвертòкъ,
Якъ Жиди́-ранда́ри у Білую Цѐркву на сеймъ збира́лись,
Оди́нъ до одного́ сти́ха слова̀ми промовля́ли:

въ кабакъ купить за денежку водки и меня попросить, чтобъ я позволилъ ему на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену и дѣтей покормить?«

Потомъ Жидъ-арендаторъ подкрадывается къ козаку и хватаетъ его за волосы. А козакъ на него съ-искоса, какъ медвѣдь, посматриваетъ и Жида-арендатора вельможнымъ паномъ называетъ: »Эй Жидъ-арендаторъ, вельможный панъ! позволь мнѣ на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену свою и дѣтей покормить.«

Воротился Жидъ-арендаторъ въ кабакъ и говоритъ своей Жидовкѣ: »Эй Жидовка моя Рася! Быть мнѣ теперь въ Бѣлой Церкви *настáвнымъ рáвомъ*: назвалъ меня козакъ вельможнымъ паномъ.«

И собирались Жиды-арендаторы, въ святой божественный день четвертокъ, на сеймъ въ Бѣлую Церковь, собирались и говорили меж-

»Эй Жидѝ жъ ви, Жидѝ-рандàри!
Щò тепéръ у васъ на слáвній Украíні слѝшно?«

»Слѝшенъ«, говóрить, »тепéръ у насъ гетьмáнъ Хмелнѝцький:
Якъ одъ Бíлоі Цéркви да до слáвного Запорòжа
Не такà стоíть Жидівська сторóжа.«

Тогдí озовéтця одѝнъ Жидъ Овра̀мъ
[У того́ бувъ невелѝкий крàмъ, —
Тíлько шпилькѝ да голкѝ,
Що ходѝвъ по-за Днíпрòмъ да дурѝвъ козáцьки жíнкѝ]:
»Эй Жидѝ жъ ви, Жидѝ-рандàри!
Якъ изъ Нѝзу тѝхий вíтеръ повíне,
Вся вáша Жидівська сторóжа погѝне.«

Тогдí жъ то якъ у святѝй день божествéнний у вовтòрникъ
Гетьмáнъ Хмелнѝцький козакíвъ до схóду сóнця у похòдъ виправлявъ
И стѝха словàми промовлявъ:
»Эй козакѝ ви, дíти, дрýзі!
Прошýю васъ, дóбре дбайте,
Одъ сна вставàйте,
Рýський *Очинáшъ* читáйте,

ду собою: »Эй, Жиды-арендаторы! что̀ слыхать у васъ на славной Украйнѣ?«

»Слышно«, говорятъ, »у насъ про гетмана Хмѣльницкаго: уже отъ Бѣлой Церкви до славнаго Запорожья не по-прежнему стоитъ Жидовская сторожа.«

Отозвался тогда Жидъ Аврамъ [у него былъ мелкій товаръ, — только шпильки да иголки; ходилъ онъ съ ними за Днѣпромъ и обманывалъ козацкихъ женъ]: »Эй Жиды-арендаторы! какъ подуетъ изъ Низу (т. е. изъ Запорожья) тихій вѣтеръ — погибнетъ вся ваша сторожа.«

Въ святой Божій день вторникъ гетманъ Хмѣльницкій до восхода солнца высылалъ козаковъ въ походъ и говорилъ имъ: »Эй козаки, дѣти, друзья! прошу васъ, постарайтесь: вставайте отъ сна, читайте Русскій

На сла́вну Украіну прибува̀йте,
Жидівъ-ранда́рівъ у пѐнь руба́йте,
Кро̀въ ихъ Жидівську у по́лі зъ жо́втимъ пескомъ меша́йте,
Віри своє́і Христия́нськоі у пору́гу не пода̀йте,
Жидівському ша́башу не польгу́йте.«

Отогді-то всі Жид́и-ранда́ри дога̀дливи бува́ли,
Усі до го́рода Полонно́го повтека̀ли.
Тогді-то Хмелни́цький на сла́вну Украіну прибува̀въ,
Не одного́ Жи́да-ранда́ра не заста̀ва̀въ.
Тогді-то Хмелни́цький не пи́шний бува́въ,
До го́рода Полонно́го прибува́въ,
Одъ своіхъ рукъ листи́ писа̀въ,
У го́родъ Полонно́го пода̀ва̀въ,
А въ листа́хъ пропѝсувавъ:
»Эй Полоня́не, Полоня́нська грома́да!
Коли́бъ ви до̀бре доба́ли,
Жидівъ-ранда́рівъ мині до ру̀къ пода́ли.«

Тогді-то Полоня́не ёму́ одписа̀ли:
»Па̀не гетьма́не Хмелни́цький!

Отче нашъ, приходите на славную Украйну, рубите Жидовъ-арендаторовъ до остатка, мѣшайте въ полѣ съ желтымъ пескомъ ихъ Жидовскую кровь, не допустите ругаться надъ своей Христіянской вѣрой, Жидовскаго шабашу не уважайте.«

Спохватились Жиды-арендаторы и всѣ ушли въ городъ Полонное. Пришелъ Хмѣльницкій на славную Украйну и не засталъ въ ней ни одного Жида-арендатора. Онъ не возгордился, пошелъ и къ городу Полонному. Тамъ писалъ письма и посылалъ въ городъ, а въ письмахъ говорилъ: »Эй, Полоняне, *Полонянская громада*! хорошо бы вы сдѣлали, когдабъ Жидовъ-арендаторовъ мнѣ выдали.«

На это Полоняне ему отвѣчали: »Панъ гетманъ Хмѣльницкій! хоть

Хоть бу́демъ оди́нъ на одному́ лягáти,
А не мо̀жемъ тобі Жидівъ-рандáрівъ до рукъ подáти.«

Отогді-то Хмелни́цький у дрýгий разъ листи́ писáвъ,
У го́родъ Полонно̀го подавáвъ:
»Эй Полоня̀не, Полоня̀ньска громáда!
Нехоро̀ша ва́ша рáда.
Есть у ме́не одна́ пу̀шка Сирота́ —
Одчи́нятця ва́ши залі́зни шіро́ки воротá.«

Тогді-то якъ у святи́й день божестве́нний четвертòкъ
Хмелни́цький до схóду сòнця устáвавъ,
Підъ го́родъ Поляно́е блúжей прибувáвъ.
Пу́шку Сиротý упередý постановля́въ,
У го́родъ Поляно́го гостѝнця подавáвъ.
Тогді-то Жиди́-рандáри
Го́ркимъ гòлосомъ заволáли:
»Эй Полоня̀не, Полоня́ньска громáда!
Коли́бъ ви до́бре дба̀ли,
Одъ По́льщи воро́та одбива̀ли,
Да насъ за Ви́слу річку хочъ у одни́хъ сорочкáхъ пускáли!
То бъ ми за річкою Ви́слою пробува̀ли,

ляжемъ трупами одинъ на другомъ, а Жидовъ-арендаторовъ тебѣ не выдадимъ.«

Хмѣльницкій написалъ къ нимъ въ другой разъ: »Эй Полоняне, Полонянская громада! неразуменъ совѣтъ вашъ. Есть у меня пушка Сирота — отворятся ваши желѣзныя широкія ворота.«

И вотъ въ святой Божій день четвертокъ всталъ Хмѣльницкій до восхода солнца, подошелъ ближе къ городу Полонному, поставилъ впереди пушку Сироту и послалъ Полонянамъ гостинецъ. Тогда Жиды-арендаторы горькимъ воплемъ завопили: »Эй Полоняне, Полонянская громада! сдѣлайте вы доброе дѣло: отворите ворота съ Польской стороны и выпустите насъ за рѣку Вислу хоть въ однѣхъ рубашкахъ. Будемъ мы жить

Да собі дітей дожида́ли,
Да іхъ до́брими діла́ми наща́ли,
Щобъ на коза́цьку Украіну и крими́мъ о́комъ не поглядали.«

Отогді-то козака́мъ у го́роді Полоно́зі да́на во́ля на три часа́ съ полови́ною:
»Пи́йте-гуля́йте,
Коло́ Жидівъ-ранда́рівъ собі здо́бу хоро́шу ма́йте.«

Тогді-то козаки́ у го́роді Полоно́зі пи́ли-гуля́ли,
Здо́бу хоро́шу собі коло́ Жидівъ-ранда́рівъ ма́ли;
Обра́тно на славну Украіну прибува́ли,
Очерто́мъ сіда́ли,
Сребро́ й зла́то на три ча́сті паёва́ли:
Пе́рвую часть на Покро́ву Січову́ю да на Спа́са Межи́горського одда́ли,
Дру́гу часть на меду́ да на окови́тій горі́льці пропива́ли:
Тре́йтю часть междо́ собо́ю, козака́ми, паёва́ли.
Тогді-то не оди́нъ коза́къ за па́на гетьма́на Хмелни́цкого Бо́га проси́въ,
Що не оди́нъ Жидівський жупа́нъ носи́въ.«

Я провелъ двое сутокъ въ Александровкѣ и почти во все это время былъ неразлученъ съ Андреемъ Шутомъ. Пересказать всѣ

за рѣкой Вислою, и когда будутъ у насъ дѣти, то станемъ ихъ учить добру, чтобъ они на козацкую Украйну даже не взглянули косо.«

И дана была тогда козакамъ въ городѣ Полонномъ воля на три часа съ половиною: »Пейте, гуляйте и получите хорошую добычу отъ Жидовъ-арендаторовъ.«

И козаки въ городѣ Полонномъ пили, гуляли, отъ Жидовъ арендаторовъ хорошую добычу получили; потомъ пришли обратно на Украйну, садились въ кружокъ и дѣлили серебро-золото на три части; первую часть на *Сѣчевую Покро́ву* и на Межигорскаго Спаса отдали, другую на меду да на хорошей водкѣ пропили, а третью между собой раздѣлили. Не одинъ козакъ тогда молилъ Бога о панѣ Хмельницкомъ, одѣваясь въ Жидовскіе кафтаны.

наши бесѣды нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что записано мною очень мало. Но не могу умолчать, что было одно время, когда я привелъ Андрея Шута въ изумленье и восторгъ. Перебирая по начальнымъ стихамъ извѣстныя мнѣ думы — не знаетъ ли онъ ихъ варіянтовъ — я прочелъ ему лучшія наизусть. Онъ былъ озадаченъ, какимъ образомъ человѣкъ, живущій въ Петербургѣ, человѣкъ не его ремесла, знаетъ такія думы, о которыхъ онъ даже и не слыхалъ! Потребовались объясненія, и мы незамѣтно перешли къ преданьямъ старины, которыя въ его умѣ были перепутаны съ новѣйшими событіями. Тутъ ужъ мнѣ стоило большого труда отвѣчать на его вопросы. Мнѣ предстояла очень длинная лекція, которую не легко прочитать понятнымъ образомъ для простолюдина, хотябы этотъ простолюдинъ былъ и Андрей Шутъ. Я держался въ предѣлахъ времени, близко подходившаго къ началу жизни старика, и сѣдой, но неграмотный, Андрей очутился въ положеніи ребенка, слушающаго воспоминанія дѣдушки. Нужно было видѣть, что съ нимъ дѣлалось. Часто онъ не былъ въ состояніи усидѣть на своемъ мѣстѣ, быстро расхаживалъ сюда и туда, какъ-будто ища чего-то, потомъ останавливался съ полуразинутымъ ртомъ на нѣсколько минутъ и потомъ снова начиналъ ходить, потиралъ руки, упирался въ бока, то садился, то вставалъ и дѣлалъ множество невыразимыхъ движеній. Къ сожалѣнію, я не могъ остаться долѣе въ Александровкѣ, и мы не успѣли наговориться вдоволь, или лучше сказать — наслушаться другъ друга. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его, ибо у меня, какъ и у всякаго другого, есть свои помѣхи; но я знаю, что Андрей Шутъ здравствуетъ донынѣ и, судя по крѣпкому его сложенію и по трезвой, примѣрной жизни, будетъ здравствовать долго. Этого пожелаютъ, вмѣстѣ со мною, всѣ цѣнители Малороссійской народной поэзіи, такъ много ему обязанные за сохраненіе отъ забвенія драгоцѣнныхъ памятниковъ былого.

Въ Малороссіи замѣчается чрезвычайное множество слѣпцовъ, и надобно сказать, что почти всѣ они — по крайней мѣрѣ изъ, извѣстныхъ мнѣ — отличаются отъ прочихъ людей своего состоя-

нія высшимъ настроеніемъ ума, или рѣдкимъ благодушіемъ, или наконецъ способностью къ фантастическимъ представленіямъ. Я вспомню здѣсь нѣсколькихъ слѣпцовъ, съ которыми удалось мнѣ познакомиться.

Одинъ изъ нихъ, козакъ Семенъ Юрчéнко, восьмидесяти-лѣтній старикъ въ селѣ Мартыновкѣ, Борзéнскаго уѣзда Черниговской губерніи, лишась зрѣнія въ пожилыхъ лѣтахъ, продолжалъ управлять своимъ хозяйствомъ съ помощію пріемыша, такъ какъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ милостынѣ. Въ-послѣдствіи онъ прозрѣлъ безъ пособія медицины, но мнѣ не случалось послѣ того его видѣть. О его душевныхъ свойствахъ можно получить понятіе изъ слѣдующихъ его словъ, записанныхъ мною во время долгой бесѣды съ нимъ.

(*) Ми зъ жінкою — неха́й ле́гко ій душі! — прожили́ до ста̀ростей своіхъ. А дідизни було́ дово̀лі — ви́чний поко́й пре́дкамъ и дідáмъ! — и къ тому́ уже́ прижили́. А дітòкъ намъ Богъ не давъ. Дакъ ото́ ми зъ ба́бою й пора̀дились. Такъ вона́ й ка̀же: »Що̀ жъ то, стари́й? тобі є по́мічъ, а мині нема̀.«

»Постій, ба́бо, оженю́, такъ и тобі по́мічъ бу́де.«

Да ото́ й оженили́. Отъ и ба́бі е по́мічъ. Пра́ву ка́жуть: *Що ра́да, то не зра́да.* А вони́, сла́ва Бо́гу, до̀бри — ище́ не огриза́ютця. А якъ що не та̀къ, то не я вте́рплю да й скажу̀; а якъ

(*) *Переводъ.* — Мы съ женой — легко будь ея душѣ — прожили до старости. Дѣдовскаго добра было довольно — вѣчный покой предкамъ и дѣдамъ — да къ тому и сами нажили. А дѣтокъ намъ Богъ не далъ. Такъ вотъ мы съ бабой и посовѣтовались. Она и говоритъ: »Что̀ жъ это, старикъ? тебѣ есть помочь, а мнѣ нѣтъ.« — »Погоди, баба, женю пріемыша, такъ и тебѣ помочь будетъ.« Вотъ и женили. Есть и бабѣ помочь. Правду говорятъ: »Умъ хорошо, а два лучше.« А молодые, слава Богу, добрыя дѣти — еще не огрызаются. А что̀ не по-моему, то я не вытерплю и скажу; а какъ заспорятъ между собой,

міжъ собо́ю заведу́тця, то я й ціпуру́ покажу́; »Ось я«, кажу́, »васъ помирю́!«

А умремо́, то й бу́де імъ худібчина.

*

Спаси́бі вамъ за ягідкй! Понесу́ для внуківъ. (1)

»Чи вонй жъ тебе́ жа̀лують?« (2)

А я̀къ же? Прйде до мѐне да ся̀де на колінахъ:

»Дідусечку, голубчику! сліпѐсенький!» да й обниме.

»Да ну, йдіть!«

»Э, ні, дідусечку, ми тебе́ жа̀луемъ.«

Да якъ ся̀де на колінахъ, то й сѐрце радіе.

А другй ду́рні: »Чого́ вінъ іхъ жа̀луе? чи вонй ёго́ діти?

А я імъ: »Дура́чество ви говорите! Чоловікъ пта́шку по́йме, на ру́ку поса́дить да й ра́дуетця; а то жъ такй Християнйнъ, своє рідне.«

такъ я и палку покажу: »Вотъ я васъ помирю!« А умремъ, такъ имъ и останется хозяйствейцо.«

*

Спасибо вамъ за ягодки! Снесу внукамъ (1). »А они тебя любятъ?« (2) — Какъ же? Придетъ комнѣ, сядетъ на колѣняхъ: »Дѣдушка, голубчикъ! слѣпенькой!« и обнимется. »Да ну, подите прочь!« — »Нѣтъ, дѣдушка, мы тебя любимъ.« И какъ сядетъ на колѣняхъ, то и сердце радуется. А глупые люди: »Зачѣмъ онъ любитъ ихъ?« говорятъ: »развѣ они его дѣти?« А я имъ: »Что̀ за вздоръ вы говорите! Человѣкъ поймаетъ птичку, посадитъ на рукѣ и радуется; а это вѣдь Христіянинъ, свое родное.«

---

(1) Внуками онъ называетъ дѣтей своего пріемыша.

(2) Вопросъ собесѣдника.

Исторія прошедшей его жизни, характеризующая вообще добрую натуру Малороссійскаго поселянина, выразилась отъ-части въ слѣдующемъ полу-историческомъ его разсказѣ.

ПРЕДАНІЕ О КОЗАЦКОМЪ ОПОЛЧЕНІИ ВЪ 1790-ХЪ ГОДАХЪ. (*)

Діялось се въ 1790-му рóку. Тогдi въ Полщi зробúлась завирюха. Мiжъ Полщакáми и дóбри лю́де есть, да чáсомъ дiло ни́шкомъ рóблять. Отъ и вийшовъ укáзъ зобрáть Малороссíйськихъ козакiвъ. То насъ и зобрáли въ Чернíгові въ 1790-му гóдi; а 1791-го и 1792-го у Кúеві вже лáгерами стоя́ли. Изъ трёхъ губе́рень насъ нáбрано дéвять тúсячъ. Я й знáю, якъ Потёмкинъ набира́въ насъ. Вiнъ бувъ пе́рвымъ совiтчикомъ у Госуда́ринi; а Рече́тниковъ бувъ начáльникомъ. Ну, такъ оце́ насъ бува́ло що недíлі смо́трить. На страженнi вiнъ бага́цько вiйська потеря́въ; про ёго́ прило́жена й пiсня:

Ой Потёмкинъ генера́лъ
Мно́го вiйська потеря́въ....

(*) *Переводъ.* — Это было въ 1790 году. Тогда въ Польшѣ поднялась сумятица. Между Поляками есть и добрые люди, только иногда изподтишка дѣло затѣваютъ. Вотъ и вышелъ указъ собрать Малороссійскихъ козаковъ. Насъ и собрали въ Черниговѣ въ 1790 году, а 1791-го и 1792-го мы ужъ стояли лагеремъ въ Кіевѣ. Изъ трехъ губерній набрали насъ по девяти тысячъ. Я и помню, какъ Потемкинъ набиралъ насъ. Онъ былъ первымъ совѣтникомъ у Государыни; а Кречетниковъ былъ начальникомъ. Ну, вотъ бывало и дѣлаетъ намъ смотръ каждую недѣлю. Онъ потерялъ много войска въ сраженіи, такъ про него сложили и пѣсню:

Ой Потемкинъ генералъ
Много войска потерялъ....

А Госуда́риня — ска̀зано жино́щина — вона́ ёму́ те й прости́ла. Вінъ еказа̀въ ій: »Госуда́риня Екатери́на Алексіевна! нехáй дру́ги кома́ндують іми, а позво́льте изъ трёхъ губе́рній чи́стихъ мині Малороссіянъ набра́ть.« Отъ вона́—нехáй царству́е— и позво̀лила. Вінъ изъ трёхъ губе́рній и набра́въ де́вять ти́сячъ, и изъ Хвастовѐць ти́сячу. Отъ ми ви́шли въ Ки́евъ. А тамъ Дніпръ манасти́ръ Ви́дубський підри́завъ, и погреби́ були́ одкрѝти. То старши́ й ка́жуть: »А що̀, козаки́! ка́ша ости́ла—до бурякі́въ« Отъ ми тогді до буряківъ, да въ котли́. Тогді жъ я заслабівъ и оста́вся въ обо̀зі. Отъ Потёмкинъ першъ смотрівъ у Черні́гові все вій̀ско. Піхо́та жъ махну́ла, а по̀ки ми прибули́, вінъ уже́ пересмотрівъ и махну́въ у Петенбу̀рхъ. Ёго́ потрѐбували туди́. Ажъ ось—трѐба!—ука́зъ и пришо̀въ: »Помѐръ Потёмка, помѐръ!« А Леваний́довъ же тепе́ръ владіе вій̀ськомъ, и Рече́тниковъ, и гово̀рять: »Що̀ намъ робúть изъ оці́мъ ко̀рпусомъ? Чи ёго́ по повка̀мъ розбúть — такъ вели́ка си́ла — чи що̀« ? И послà̀ли ука́зъ до Цари́ці. А вона́ й одписа́ла: »На ва̀съ оддаю̀сь, на ва́ше сум-

---

А Государыня — какъ женщина — и простила ему. Онъ ей сказалъ: »Государыня Екатерина Алексѣевна! пускай командуютъ ими другіе, а мнѣ позвольте набрать изъ трехъ губерній чистыхъ Малороссіянъ.« Она — царство ей небесное — и позволила. Онъ и набралъ изъ трехъ губерній девять тысячъ, и изъ Хвастовцовъ тысячу. Вотъ и вышли мы въ Кіевъ. А тамъ Днѣпръ подрѣзалъ Выдубицкій монастырь, и погреба были открыты. Такъ начальники и говорятъ: »А что̀, козаки? каша наскучила — къ буракамъ!« Вотъ мы за бураки да въ котлы. Тогда же я заболѣлъ и остался въ обозѣ. Потемкинъ сперва смотрѣлъ все войско въ Черниговѣ. Пѣхота поспѣшила къ нему, а пока мы прибыли, онъ ужъ кончилъ смотръ и махнулъ въ Петербургъ. Его туда потребовали. Какъ вотъ — нужно же такъ случиться! — указъ и пришелъ: »Померъ Потемка, померъ!« Тогда ужъ войскомъ стали командовать Леонидовъ и Кречетниковъ, и говорятъ: »Что̀ намъ дѣлать съ этимъ корпусомъ? Разбить ли его по полкамъ — такъ сила велика — или какъ-нибудь иначе?« И послали докладъ къ Царицѣ. А она отвѣчала: »Отдаюсь на

лѣние. Того́ вже нема̀, кому́ я позво́лила зобра̀ть.« А вони́ й розсуди́ли — неха́й царству́ють: »Пусти́ть іхъ у госпо́ду. Па́ні одслужи́ли, тепе́ръ пусти́ть іхъ на свобо́ду, де хотя́ прожи́ть, — тілько однодво́рцівъ; а наймитівъ по повка̀мъ, бо ска́же: »Я своє́ одслужи́въ.«

Ото́ жъ ми й пришли́ у Ки́евъ 1793-го го́ду... уже́ не трѣба, замири́лось усе́. Тілько Нащо́кинъ... Я ёго́ зна̀въ и на рундуку́ стоя́въ на часа̀хъ. Разъ иде́ у ви́ступцяхъ и сертуку́ — а бувъ чоловічокъ собі невели́чкий, старѐнький — я и зроби́въ на калаву́ръ, а вінъ гово́рить: »Не на̀да, голу́бчикъ.« А вінъ не при кавалѐріи, не що. Отъ, якъ роспусти́ли насъ, то вінъ и зложи́въ муни́цію въ магази́ни. А тогді жъ то потре́бували въ По́лщу и попівъ, щобъ пра́вить по *благоче́стию* для Поля́ківъ, скілько іхъ привернулось. Ми жъ ото́ ви́шли ніччу на майда́нъ, щобъ позво́дно... А про́тивъ насъ Астраха̀нський повкъ. Отъ и пішли́ командува́ть: »Пали́!«... Трісь! тамъ трісь! Астраха́нський повкъ трісь! До то́го дотріскались, що за ру́лю немо́жна було́ взя́тьця, та̀къ розогрілась. Ми

васъ, на вашу совѣсть. Нѣтъ ужъ того на свѣтѣ, кому я позволила собрать.« Вотъ они и разсудили — царство имъ небесное: »Отпустить домой. Послужили Царицѣ, теперь отпустить ихъ на свободу; пускай живутъ, гдѣ пожелаютъ, — но только однихъ однодворцовъ; а наемниковъ — по полкамъ, ато скажетъ иной: »Я свое отслужилъ.«

Вотъ и пришли мы въ Кіевъ въ 1793 году... уже не нужно, все утихло. Только Нащокинъ... Я его зналъ и стоялъ на крыльцѣ у него на часахъ. Разъ онъ идетъ въ туфляхъ и въ сертукѣ — а былъ онъ человѣчекъ небольшой, старенькой — я и сдѣлалъ на-караулъ, а онъ говоритъ: »Не надо, голубчикъ.« На немъ не было ни кавалеріи, ничего. Вотъ, какъ распустили насъ, то онъ и сложилъ аммуницію въ магазины. А въ то время потребовали въ Польшу и поповъ, чтобъ служили по *благочестію* для Поляковъ, сколько ихъ обратилось. Вышли мы на выгонъ ночью, чтобы позводно... А противъ насъ Астраханскій полкъ. Вотъ и пошли командовать: »Пали!«... Хлопъ! тамъ хлопъ! Астраханскій полкъ хлопъ! До того дохлопались, что нельзя было взять рукою за

жъ холостѝми заря́дами стреля́емо, а изъ Астраха́нського яки́йсь бойнимъ — тільки зззъ! зззъ! почала́ зи́згать ку́ля. Якъ холостѝмъ заря́домъ, то воно́ тільки трісне; за̀разъ вже знать. Отъ ми стоімо́ да й ду̀маемъ: »Тутъ уже́ додо́му бъ то ско́ро йти, а тутъ о̀сь яке́ ли́хо!« Тутъ за́разъ нача́льники постерегли́ да: »По́лно! по́лно!« Ото́ ми й розийшли́сь. А и тогді не безъ за̀ідівъ було́: не дали́ намъ за треть го́да жа̀лованія.

Пришо́въ же я додо́му. Ну, нічого таіть гріха́: треба засва̀татьця одружи́тьця. Бо̀гъ же зна, коли́ бу́де тре́ба, бо однодво́рці повѝнни були́, якъ ука́зъ при́де, зно̀въ буть на мі́сті. А братъ ка́же: »Я за те́бе послужу́.« Така́ согла̀ска вже.

А тутъ донесли́ Госуда́рині — неха́й царству́е — що стрілка́мъ не о́ддано жа̀лованія. Отъ вона́ й приписа̀ла: »Оддà̀ть жа̀лованне!« Ажъ тутъ Левани́довъ кричѝть: »Пода̀й стрілко́въ! пода̀й Малороссійскихъ стрілко́въ!« То тутъ ки́дай и печѐне, й варе́не. Левани́довъ: »Пода̀й стрілко́въ! въ По́лщі зно̀въ закуёвдилось.«

ствол, — такъ разогрѣлся. Мы же стрѣляемъ холостыми зарядами, а изъ Астраханскаго кто-то боевымъ — только зззъ! зззъ! засвистѣли пули. Когда выстрѣлишь холостымъ зарядомъ, то только треснетъ, а пулю тотъ-часъ узна́ешь. Вотъ мы стоимъ и думаемъ: »Скоро и домой бы идти, а тутъ вонъ какая бѣда!« Но начальники тотъ-часъ замѣтили и закричали: »Полно! полно!« Вотъ мы и разошлись. И тогда было не безъ плутней: не выдали намъ жалованья за треть года.

Пришелъ я домой. Ну, нечего таить грѣха: нужно было засвататься, *одружиться*. Но Богъ знаетъ, когда опять понадобятся козаки: вѣдь однодворцы обязаны были опять быть на мѣстѣ, лишь только придетъ указъ. А братъ и говоритъ: »Я послужу за тебя.« Та̀къ, видите ли, условились.

А тутъ и донесли Государынѣ — царство ей небесное — что стрѣлкамъ не отдали жалованья. Она и предписала: »Отдать жалованье!« Какъ тутъ Леонидовъ кричитъ: »Подавай стрѣлковъ! подавай Малороссійскихъ стрѣлковъ!« Такъ тутъ ужъ бросай и печеное, и вареное. Леонидовъ: »Подавай стрѣлковъ! въ Польшѣ опять заварили кашу.« Вотъ

Отъ же й моїмý брáту итú бъ служúть, такъ немóжна: Леванúдовъ приписáвъ: »Безъ моéї відоми щобъ не перемінялись. Чи слíпúй, чи кривúй, щобъ булú налúчно«. Бáба моя — тогдí ще молодá — клáняетця: »Брáтіку, сокóлику! идú ти переміни!« А я ёмý й тогдí ще казáвъ: »А щò жъ, якъ не пíйдешъ? хазяйку засмутúшъ и вúгонишъ. Вонá на тéбе бýде плáкатьця.«

Отъ и списáли на бумáгу да въ Борзнý. А въ Борзні Михáйло Васúлёвичъ Часнúкъ комисáромъ бувъ. Пришлú до ёгó зъ бумáгою. А вінъ бувъ невелúчкий, да грубнéнький. »Голýбчики«, кáжé, »не нáша сúла. Сохрáнь Бóже перемінятьця! Генерáли кáжуть — немóжна.«

Мы й пішлú — нічого робúть — пішлú въ Черніговъ. Намъ и переклічка есть, а брáтú за нáми йдуть, якъ бурлáки. Губернáторъ кáже: »Не могý я изробúть нечóго.«

Отъ ми зъ Чернігова повернýли въ Кúевъ. Брáтú кáжуть: »Э, брáтця! ви насъ до убúтку доведетé. Ми додóму пíйдемъ.«

моему бы брату и идти, да нельзя: Леонидовъ предписалъ: »Безъ моего вѣдома чтобъ не перемѣнялись; слѣпой, или хромой — чтобы всѣ были на лицо.« Баба моя — тогда еще молодая — кланяется: »Братецъ, мой соколъ! ступай ты вмѣсто мужа!« А я и прежде говорилъ ему: »Что же, если ты не пойдешь? хозяйку мою опечалишь, а потомъ и изъ дому выгонишь. Она вѣчно будетъ на тебя плакаться.«

Вотъ написали бумагу, да въ Борзну. А въ Борзнѣ Михайло Васильевичъ Часникъ былъ коммиссаромъ. Пришли къ нему съ бумагою. А онъ былъ небольшого росту, да толстенькой. »Голубчики мои«, говоритъ, »не наша сила. Боже сохрани перемѣняться! Генералы говорятъ — нельзя.«

Мы и пошли — нечего дѣлать — пошли въ Черниговъ. Намъ есть и перекличка, а братья идутъ за нами, какъ бурлаки. Губернаторъ говоритъ: »Не могу я ничего сдѣлать.«

Вотъ мы съ Чернигова повернули въ Кіевъ. Братья говорятъ: »Эхъ, братцы! вы насъ введете въ убытокъ. Пойдемъ мы лучше домой.« — »Ступайте«, говоримъ. »Что же дѣлать? мы васъ не нево-

»Идіть«, ка́жемъ. »Що́ жъ робúть? ми васъ не сúлуемъ.«

А въ мого́ бра́та но́ви чо́боти. »На«, ка́же, »бра́те, тобі сі чо́боти, а мині дай старѐньки.«

»Ні«, кажу́, »бра́те; ти до́ма не роздобу́дешъ, а я тутъ безъ чобітъ не бу́ду.«

Инши жъ пішли́, а дру́ги оста́лись зъ на̀ми. А мій братъ ка́же таки́: »Учи́ мене́ свого́ артику́лу, щобъ мене́ послі не би́ли.«

Ажъ ото́ почу́ли, що мо̀жна зминя́ться. Пита́ють мого́ бра́та: »Ра̀дъ Бо́гу и Госуда́рині служи́ть?«

»Радъ, ва́ше високопроисходи́телство.«

И записа̀ли ёго́.

Отъ ми вже бъ то й росхо̀дитьця, ажъ тутъ даганя́ють: »Посто́йте жъ, ище́ не йдіть, бо такъ не дійдете.«

И дали́ намъ бума̀гу.

Якъ дали́ ту бума́гу, тогді у насъ изъ бра́томъ сѐрце зомліло. И радъ, и смутно на душі. Самъ уго́ру пішо́въ, а ёго́ на́че притопта̀въ. Се́рце отта́къ и отта́къ! Пита́ю: »Що̀, братко́? яки́й я?«

»Білий. А я, братко́?«

»И ти́ білий.«

лимъ.« А у моего брата новые сапоги. »Возьми«, говоритъ, »братъ, себѣ эти сапоги, а мнѣ дай старенькіе.« — »Нѣтъ«, говорю, »братъ, ты дома не добудешь, а я тутъ безъ сапогъ ходить не буду.« Иные ушли, а другіе остались съ нами. А мой братъ говоритъ: »Учи меня своему артикулу, чтобъ меня потомъ не били.« Какъ вотъ услышали, что можно одному идти вмѣсто другого. Спрашиваютъ моего брата: »Радъ Богу и Государынѣ служить?« — »Радъ, ваше высокопревосходительство.« И записали его. Вотъ пришлось намъ и разставаться, какъ тутъ догоняютъ: »Погодите, не уходите еще: такъ не дойдете домой.« И дали намъ бумагу. Какъ дали бумагу, у насъ съ братомъ сердце и заныло. И радъ, и грустно на душѣ. Самъ словно выросъ, а его притопталъ къ землѣ. Сердце такъ и колотится! Спрашиваю: »Что̀, братецъ? каковъ я?« — »Блѣденъ. А я, братецъ?« —

Ну, що̀ жъ робúть? Пішлú до Дніпрá, взялú горілки, поцілувáлись, попрощáлись: »Идіть собі зъ Бóгомъ!«

А тутъ (дóма) лю́де сказáли, що обоіхъ візьмуть; то мáти лéдві хо̀дить, а жінка тільки що жúва. Скáзано, бабáмъ повірили.«

Онъ же сообщилъ мнѣ слѣдующія интересныя подробности о послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія, показывающія, какъ историческія событія, лица и явленія вѣка представлялись уму простолюдина.

1.

ПРЕДАНІЕ О ВОЙНѢ СЪ ПОЛЬШЕЮ ВЪ 1792 — 1795 ГОДАХЪ. (*)

Костю́чка бувъ кролéмъ у Пóлщі. И старúй бувъ, кáжуть, да кàверзникъ велúкий. А якúй кáверзникъ? Посàдять у клітку, а вінъ и втечѐ. То давъ прикáзъ: »Сю нічъ порізать абó поколóть постоя́лцівъ; а хто не згу́бить, тому́ самóму гóлову зрубáть.«

А въ одногó бувъ кýмъ изъ нáшихъ. Прийшóвъ додóму... зві-

»И ты блѣденъ.« Ну, что̀ же дѣлать? Пошли къ Днѣпру, купили водки, поцѣловались, простились. »Идите себѣ съ Богомъ!«

А тутъ (дома) люди сказали, что обоихъ насъ запишутъ въ службу; такъ мать едва движется, а жена чуть жива. Извѣстно, бабамъ повѣрили.

(*) *Переводъ.* — Костюшко былъ королемъ въ Польшѣ. И старъ ужъ былъ, говорятъ, да большой пройдоха. Посадятъ его въ клѣтку — онъ и уйдетъ. Такъ онъ-то далъ приказъ: »Въ эту ночь перерѣзать, или переколоть постояльцевъ; а кто своего постояльца не истребитъ, тому самому срубить голову.«

А у одного Поляка былъ кумъ изъ нашихъ. Пришелъ домой... из-

сно вже, замири́лось, то бувъ на гуля́нці або́–що, — ажъ хазя́інъ смутни́й, все здиха́е.

»Чого́ се ти, ку́ме, смутни́й таки́й?«

»А що жъ?« ка́же, »намъ всімъ прика́зано отта́къ и та̀къ зроби́ть. То повече́рай, збира̀й муни́цію да и втіка̀ймо оби́два.«

То той положи́въ ло́жку — уже́ наівсь! — да до свого́ това̀риша: Оттака́ й така̀ річъ!

»Що̀ ти ка́жешъ! ходімъ до пору́тчика.«

Отъ за́разъ бараба́нъ збо̀ръ. Хто вече́равъ, ло́жку ки́давъ, за муни́цію. Хто спать лігъ, встава̀въ; хто куди́ гуля́ть пішо́въ, и то̀й прибігъ. Отъ, примірно̀, Більмачі́вка недалѐко, то й почу̀ла бараба́нный га́ласъ; Ива́нгородъ, або́ Хвастовці недалѐко, и та̀мъ чу́ють, що трево́га, збира́ются й собі въ похо́дъ; а Борзна́, такъ три́дцять версто̀въ, такъ тамъ нечу́тно̀ було́ бараба́на, то й ви́різано всіхъ на́шихъ.

Отъ тутъ уже́ дава̀й збира́ть козаківъ. Прихо̀димъ у Ки́евъ, ажъ тамъ уже́ по́вни шпаковні. Де Андре́й Первозва́нний, то й та̀мъ іхъ по́вно у лёха́хъ. Ото́, що̀ імъ робіть? Ста́ли вони́ реш-

---

вѣстно, смирное время, такъ онъ былъ на пирушкѣ, что ли; приходитъ — хозяинъ что-то невеселъ. »Что̀ это ты, кумъ, такъ невеселъ?« — »Что̀ же?« говоритъ, »намъ всѣмъ приказано то-то сдѣлать. Такъ поужинай, собирай аммуницію и уйдемъ оба. »Тотъ положилъ ложку — ужъ и наѣлся! — да къ своему товарищу: такое и такое дѣло. »Что̀ ты говоришь! пойдемъ къ поручику.« Вотъ тотъ-часъ забили сборъ. Кто легъ спать, вставалъ; кто куда гулять ушелъ, и тотъ прибѣжалъ. Вотъ, примѣрно, Бѣльмачовка недалеко, то и услышала барабанный бой; Ивангородъ, или Хвастовцы недалеко — и тамъ, слышатъ тревогу, сбираются и себѣ въ походъ; а Борзна́, примѣрно, въ тридцати верстахъ — тамъ ужъ не слышно барабана — и вырѣзали всѣхъ нашихъ.

Давай наши собирать козаковъ. Приходимъ въ Кіевъ — тамъ ужъ полны казематы. Гдѣ Андрей Первозванный, и тамъ ихъ (Поляковъ) полны погреба. Что̀ съ ними дѣлать? Обратили ихъ въ арестантовъ.

тàнтами. Булó поженýть чоловíка пятнáдцять на Днíпръ пáлі бить, пíйде жъ пятнáдцять чоловíка, а чоловíка сімъ прúйде. Тя́гнуть залíзну бáбу, щобъ убивáть пáлі, а дáлі й самí бóвть у вóду своéю вóлею! бо вмирáть — вмирáть. Генерáламъ кáжуть, що оттáкъ и такъ: Полякú тóлпятця; а вонú: »Катъ іхъ берú, нехáй тóплятця.«

Іхъ брáли на допрóсъ (1). »А щó жъ?« кáжуть, »ми не по своíй вóлі: корóль велівъ, шляхта.«

2.

ПРЕДАНІЕ О КОМЫШНИКАХЪ. (*)

Комúшники тúі жилú по комишáхъ и очеретáхъ. Булó идѐ чумáкъ, то вúскочать, обдерýть да й булú такúі. Отó разъ идýть чумакú, отъ іхъ два вискáкуе. Одúнъ рáтище на дорóзі встромúвъ и кричúть: »Одъ возівъ, чортя́!«

Бывало погонятъ ихъ человѣкъ пятнадцать къ Днѣпру бить сваи; человѣкъ пятнадцать туда пойдетъ, а человѣкъ только семь воротится назадъ. Тянутъ желѣзную бабу, которою вколачиваютъ сваи, а потомъ бултыхъ въ воду, по своей волѣ; потому что, какъ ни умирать, все равно умирать. Докладываютъ генераламъ, что Поляки бросаются въ воду, а тѣ: »Катъ ихъ бери, пускай бросаются.«

Призывали ихъ къ допросу(1). »Что же?« говорятъ, »мы взбунтовались не по своей волѣ: король, шляхта велѣли.«

(*) *Переводъ.* — Камышники жили по камышамъ и очеретамъ. Идетъ чумакъ, они выскочатъ, ограбятъ и были таковы. Вотъ однажды идутъ чумаки, какъ и выскочили двое. Одинъ воткнулъ копье на дорогѣ и кричитъ: »Прочь отъ возовъ, чертенята!« Всѣ молодцы такъ и разбѣ-

(1) По дѣлу возстанія.

Усі парубки́ такъ и порозбіга̀лись; а ота́манъ и зоста̀всь.

»Тѝ ота́манъ?«

»Я«, ка́же.

»Дава̀й гро́ши.«

»Що̀ жъ«, ка́же, »лю́де до́бри? ми йдемо́ пі̀дъ ху́ру, то дѐ въ насъ ти́ї гро́ши?«

«Брѐшешъ, вра́жий си́ну!«

И ставъ шука̀ть, шука̀ть у воза́хъ. Одну́ шку́ру пі̀днявъ — нема́. Вінъ до дру́гої. А ота́манъ чума́цький, Товсту́ха, собі ума́ прибира́е, що̀ ёму́ роби́ть. Ви́нявъ двійло, а гайдама́ка до ёго́. Дакъ и то̀ не худопахо́локъ: якъ уда̀рить! »Эй«, ка́же, »сюди́!«

Отъ хло́пці позбіга̀лись, потрощи́ли і́мъ но́ги на га́музъ да й покѝдали.

»Ой, бра́тці, доколі́ть насъ!«

»Ні, якъ заробѝли, такъ и одві́чайте.«

У чумакі́въ коле́са товстѝі; то въ коле́сахъ було́ попродо̀вбуе дирки́, да туди́ гро́ши поло̀жить, да й позабива̀е гві́здка́ми; то ёго́ хоть якъ хо̀чъ нехай разбива́е, а гро́ши є̀.

жались, а отаманъ и остался. »Ты отаманъ?« — »Я«, говоритъ. »Давай деньги.« — »Что̀ же«, говоритъ, »добрые люди? мы веземъ кладь, такъ что̀ у насъ за деньги?« — »Лжешь, вражій сынъ!« И началъ искать, искать въ возахъ. Приподнялъ одну шкуру — нѣту. Онъ къ другой. А чумацій отаманъ, Товстуха, придумываетъ, что̀ бы съ нимъ сдѣлать. Вынулъ дышло, а гайдамака къ нему. Но и тотъ не плохой парень: какъ хватилъ его! »Эй«, говоритъ »сюда«! Тогда молодцы сбѣжались, изломали имъ ноги въ мязгу и бросили. »Эй, братцы, приколите насъ!« — »Нѣтъ, какъ заслужили, такъ и терпите.«

У чумаковъ колеса толстыя, и они въ колесахъ долбили дыры, клали туда деньги и заколачивали гвоздями; такъ ужъ какъ ни ограбитъ чумака камышникъ, а деньги цѣлы.

3.

ПРЕДАНІЕ О ЗАПОРОЖСКИХЪ ХИМОРОДНИКАХЪ, ИЛИ КАВЕРЗНИКАХЪ. (*)

Якъ стоя́ли ми въ Кіевѣ, то я зъ други́ми стра̀жъ держа́въ. Мiжъ на́ми були́ Запоро̀зцi въ холодни́цi. Ста́рший Запоро́жець у залiзахъ седи́ть, а товари́ство въ колодка̀хъ. Ста́рший здоро́вий, оттакѝй! да й то̀ не худопахо́лки.

А Запоро́зцi во̀лни лю́де були́. Ка́же: »Хочъ до крові неха́й бъю́тця, а коли́ до насъ нема̀ про́зьби, то ми й не помага̀емъ«. За те, що іхъ изъ степівъ прогаля́ли и добува̀ть не позволя́ли, то кошови́й розсѐрдився, що одъ іхъ увесь стѐпъ одбира́ли и завоёвувать не позволя́ли. Тогдi iмъ таки́ и тiснiйше ста́ло, бо вередова̀ть почали́. А вони́ на̀шiй Цари́цi служи́ли. До іхъ и зъ на̀шихъ утіка́ли, бо тамъ вольнiйшъ було́.

Отъ оцёй старши́й и товари́ство пiдмовля́ли до себе Моско́вського карабинера; а той не пiшо́въ, да своiмъ офице́рамъ и объяви́въ, то іхъ и позабира̀ли. То було́ гово̀рить: »У насъ отта̀къ, ба́тькови

(*) *Переводъ*. — Какъ стояли мы въ Кіевѣ, то я съ другими козаками бывалъ на часахъ. Въ арестантской сидѣли Запорожцы. Старшій Запорожецъ сидитъ въ желѣзахъ, а его товарищи въ колодкахъ. Старшій былъ вотъ этакой толстый, да и другіе не плохіе молодцы.

А Запорожцы были люди вольные. Говорятъ: »Хоть до крови пускай дерутся, а когда къ намъ нѣтъ просьбы, то мы и не помогаемъ.« Кошевой разсердился за то, что ихъ гнали изъ степей и не позволяли воевать. Тогда имъ тѣснѣе таки стало, потому что начали буянить. А они нашей Царицѣ служили. Къ нимъ уходили и изъ нашихъ, потому что тамъ больше было воли.

Такъ этотъ-то старшій и его товарищи переманивали къ себѣ Московскаго карабинера, а тотъ не поддался да своимъ офицерамъ и объявилъ, — вотъ ихъ и арестовали. Бывало онъ говоритъ намъ: »У насъ вотъ такъ, *батьковы дѣти*, водилось: коли пожелалъ — ступай къ

дiти, дiялось: колú зажелàвъ, ступàй до насъ; а нi, сказáвъ: »Минi й тýтъ дóбре служúть Бóгу й Царúцi за вiру »Христиáнську,« а не пiдвóдь!«

А на ёмý одéжа слáвна: штанú оксамúтни чóрни, кýртка зелéна, а шáпки не бáчивъ, — и не надівàвъ (вінъ), прáвду сказáть.

Оцé за нимъ хóдимо, калаýримо, а вінъ намъ кáже: »Щò ви, бáтькови дiти, хòдите за мнóю? Ви бъ три днi надо мнóю стоялú, ви бъ дýмали, що я передъ вàми, а я Бóгъ знáе, де бувъ би!«

Да булó своймý товарúству, що въ холодникý, гласъ и оддаè: »Сéдiть«, кáже, »хлóпцi; ви шуткýйте, шуткýйте, да ждiть ладý, пóки бумáга прúйде зъ пóвку. Побáчимъ, хто виновàтъ: чи ми, що пiдмовлялú, чи вінъ, що насъ пiдъябедивъ. Не погáне мóре, що собáки хлéпчуть: не погáни й лю̀де, що пiдъ прикáзомъ седя̀ть.«

А воní, сказáно, седя̀ть у калаýрнi; iхъ и на робóту зъ решта́нтами не виганялú. Тутъ и лóжечко для прáпорщика. То якúй Запорóжець: »Отъ увяжiть менé«, кáже, »въ мiшóкъ, чи встережетè менé, що менé бережетé?«

намъ, а нѣтъ — говори: »Мнѣ и тутъ хорошо служить Богу и Царицѣ за Христіянскую вѣру, а не вводи въ бѣду.«

А одежа на немъ славная: штаны бархатные черные, куртка зеленая, а шапки не видалъ я, — и не надѣвалъ онъ, правду сказать. Ходимъ бывало за нимъ, караулимъ, а онъ намъ говоритъ: »Что̀ вы, *батьковы дѣти*, ходите за мною? Еслибъ я захотѣлъ, то вы три дня стояли бы надо мною, вы думали бы, что я передъ вами, а я Богъ знаетъ гдѣ былъ бы!« И откликается бывало къ своимъ товарищамъ, что̀ сидѣли въ холодной: »Сидите« говоритъ, »ребята; шутите себѣ да дожидайтесь порядка, пока придетъ бумага изъ полка. Посмотримъ, кто виноватъ: мы ли, что подговаривали, или онъ, что наябедничалъ на насъ.« Не осквернятъ моря собаки тѣмъ, что пьютъ изъ него воду: и людямъ то не въ укору, что сидятъ они подъ арестомъ.« А они, извѣстно сидятъ въ арестантской; ихъ и на работу съ арестантами не гоняли. Тутъ и кровать для прапорщика. Вотъ иной Запорожецъ и говоритъ: »Завяжите меня въ мѣшокъ; убережете ли меня?« — »А почему же?« — »Давайте сюда

»Чòмъ?«

»Кѐте мішóкъ.«

Да и влізе въ мішóкъ, да до свóлока ёгó й притя́гнуть за трямкú; а вінъ изъ-за двереéй и йдѐ да: »Здорóви, вражи синú! устереглѝ?«

Абó котóрий-нéбудь Запорóжець: »Що, ви дýмаете, я не знàю, що ви вміете крàсти?«

Да разъ до менé: »А нà що ти пятакá вкравъ?«

Я й не бàчивъ пятакá!«

»А ну, скúнь чóботъ!«

Скúнувъ, ажъ у чòботі пятàкъ.

А вінъ: »А, ідя́ть васъ мýхи!«

Да й смі́етця вра́жий Запорóжець. А то вінъ хѝмородою хѝморóдивъ. Скáзано — кàверзники.

А ста́рший булó лежúть да: »Гуля́йте, хлóпці, гуля́йте да заспіва́йте лишъ пісню!«

»А якóі«, кажý, »вамъ пісеньки заспівáть? мóже, оттакóі, дя́дьку, оттакóі?«

А я й не знàвъ, що вінъ Запорóжець: на ёмý неякóі кавале́ріі немá, а въ залізахъ, да дýмаю: »Тàкъ служа́щий«, да й заспівàвъ ёмý Запорóзькоі:

мѣшокъ.« И влѣзетъ въ мѣшокъ, и подтянутъ мѣшокъ къ перекладинѣ; а онъ, какъ тутъ, и идетъ изъ-за двери: »Здравствуйте, вражьи дѣти! а что, уберегли?« А иной изъ Запорожцевъ: »Вы думаете, я не знаю, что вы умѣете красть?« Да разъ ко мнѣ: »А зачѣмъ ты укралъ пятакъ?« — »Что вы? я и не видалъ пятака!« — » А сними-ка сапогъ!« Снялъ, а въ сапогѣ пятакъ. Тогда онъ: »А, чтобъ васъ ѣли мухи!« и смѣется, проказникъ. А вѣдь это онъ не съ-проста дѣлалъ: колдовалъ. Извѣстное дѣло — колдуны. А старшій бывало лежитъ да и скажетъ: »Гуляйте, *молодцы*, гуляйте да спойте-ка пѣсню!« — »А какую,« говорю, »спѣть вамъ пѣсню? не хотите ли, дядя, спою вотъ эту?« А я не зналъ, что онъ Запорожецъ: на немъ нѣтъ никакой кавалеріи, и въ желѣзахъ; думаю: »Такъ служащій«, и спѣлъ ему Запорожскую:

Ой поіжджа́е да по Украíні да коза́ченько Шва́чка....

То вінъ слу́хавъ-слухавъ, слізми́ обли́вся да мене́ за го́лову: »Ахъ, сы́ночку мій! се жъ на́ша ба́тьківщина! се жъ на́ша отцѣвська пісня! Се не пісенька, се щи́рая пра́вдонька! Такъ ми у́ своіхъ батьківъ служи́ли, да оце про іхъ и пісню проло́жено!«

Причинъ частой слѣпоты между Малороссійскими простолюдинами я не берусь объяснять. Но приведу коротенькой разсказъ слѣпца Бориса Запа́ры (въ Богуславѣ, Кіевской губерніи) о томъ, отъ-чего, по его убѣжденію, онъ ослѣпъ. На вопросъ мой: »Чи ти сліпи́мъ и роди́всь?« онъ отвѣчалъ:

»Ні, мене́ ма̀ти прокляла́. Пришли́ до насъ разъ за поду́шнимъ. А я тоді ще маленькимъ був та кажу́: »Ма́мо, да̀й хліба!«

А вона́ росѐрдилась та ка́же: »Вра̀жа дити́но! я тобі якъ да̀мъ хліба, то въ тебе́ й о̀чи повила́зять!«

Отъ зъ того́ ча́су якъ почали́, якъ почали́ болíть у мене́ о́чи! а да́лі й зовсімъ ставъ небачить. (*)

Замѣчательна его благодарность за сорочку, которую для него купили:

Ой поіжджа́е да по Украíні да коза́ченько Шва́чка....

Долго онъ слушалъ, потомъ залился слезами и схватилъ меня за голову: »Ахъ, сынокъ ты мой! вѣдь это наше отцовское наслѣдіе! это отцовская наша пѣсня! Не пѣсня это, а истинная правда! Такъ мы у своихъ отцовъ, служили, и пѣсня эта про нихъ сложена!«

(*) *Переводъ.* — Нѣтъ, меня прокляла мать. Разъ пришли къ намъ за подушнымъ. А я тогда былъ еще мальчишкой и говорю: »Матушка, дай хлѣба.« А она разсердилась и говоритъ: »Чортово дитя! какъ дамъ я тебѣ хлѣба, такъ и глаза у тебя вылѣзутъ.« Съ того времени и начали болѣть у меня глаза, а потомъ я и совсѣмъ ослѣпъ.

Нехáй васъ такъ Сúнъ Бóжий прикрúе, якъ вúй оцé менé прикрúете. (*)

Вообще Малороссійскіе простолюдины благодарятъ иногда въ оборотахъ, истинно краснорѣчивыхъ. Одна старуха сказала молодому человѣку:

Нехáй тобі Госпóдь помóже, де ти ступнѣмъ стýпишъ и зъ речáми обéрнесся! (**)

Ему же сказалъ однажды старикъ нищій:

Пáночку лебéдочку! щóбъ тебé Госпóдь такъ узрівъ, якъ тúй менé вздрівъ! Тілько, пáне, се й твогó, що ти своéю рукóю даси; ато всѣ не твоé. Гóсподи! постановúй се передъ твоéю душéю! (Въ-сторону:) А, людúна жъ предóбра! (***)

Но возвращаюсь къ слѣпцамъ. Въ Звѣнигородкѣ, Кіевской губерніи, я провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ съ лирникомъ Дмитромъ Погорѣлымъ, который объяснялъ свои пѣсни самыми фантастическими разсказами, выдавая ихъ за несомнѣнную истину. Это былъ первый изъ Заднѣпровскихъ пѣвцовъ-нищихъ, котораго я услышалъ. Мнѣ долго не удавалось проникнуть въ глубину Кіевской губерніи, въ мѣста, памятныя исторіи по упорной борьбѣ козаковъ съ Польскою шляхтою. Я не сомнѣвался, что, если на лѣвой сторонѣ Днѣпра поютъ думы о временахъ Хмѣльницкаго,

---

(*) Пускай васъ такъ Сынъ Божій прикроетъ, какъ вы меня прикроете.

(**) Помоги тебѣ Господь, гдѣ бъ ты ногой ни ступилъ и съ рѣчью ни озвался.

(***) Господинъ мой, лебедушка мой! пусть тебя такъ Господь призритъ, какъ ты меня призрѣлъ! только и твоего, что̀ ты своей рукою подашь, а остальное все не твое. Господи! поставь все это передъ твоей душою! (Въ-сторону:) А, человѣкъ-то добрый!

то на его родинѣ должны существовать первообразы этихъ думъ и многія другія, намъ неизвѣстныя. Вышло напротивъ: въ Кіевской губерніи я не записалъ ни одной думы, хотя преданія о Хмѣльницкомъ живутъ въ устахъ народа.

Это объясняется не столько недавними событіями *Колі́ивщины*, которыя вытѣснили изъ памяти Украинскихъ поселянъ картины отдаленнаго времени, сколько переселеніемъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра, начавшимся во времена Хмѣльницкаго и кончившимся при Самойловичѣ. Правый берегъ, преимущественно предъ прочими частями Малороссіи, былъ театромъ войнъ Хмѣльницкаго и чрезъ то, мало-помалу, наконецъ почти совсѣмъ обезлюдѣлъ. Въ продолженіе этихъ войнъ, многія тысячи людей пали на поляхъ битвъ, въ которыхъ участвовали не одни козаки, но и огромныя массы призванныхъ къ оружію поселянъ; другія истреблены Поляками въ селахъ и мѣстечкахъ, взятыхъ приступомъ, а третьи погибли отъ самихъ козаковъ, которые мстили землякамъ своимъ за приверженность къ Полякамъ. Въ то же самое время правый берегъ Днѣпра пустѣлъ отъ переселенія жителей въ другія мѣста, то небольшими, но безпрестанно выходившими партіями спокойныхъ поселянъ, скрывавшихся въ лѣсахъ, или на лѣвомъ, сравнительно безопаснѣйшемъ берегу, то многолюдными »громадами« козаковъ, которые, послѣ какого-нибудь всенароднаго бѣдствія, искали себѣ новыхъ земель для поселенія и такимъ образомъ основали Острогожскія, Сумскія, Ахтырскія и другія слободы. Но въ конецъ обезлюдѣла Западная Украйна въ то время, когда она по-видимому была успокоена отъ потрясавшихъ ее такъ долго войнъ Богдана Хмѣльницкаго и его преемниковъ, то есть, когда отдѣленный отъ Польши лѣвый берегъ Днѣпра образовалъ, подъ протекціей Царя Московскаго, новую »Гетма́нщину«. Туда перешли съ праваго берега вооруженные полки козацкіе; туда переселялись недовольные Польскимъ правительствомъ и невѣрившіе его обѣщаніямъ — забыть давнишнія обиды; туда наконецъ гетманъ Самойловичъ по разореніи Чигирина, а гетманъ Скоропадскій на возвратномъ пути отъ береговъ Прута, переселили всѣхъ, какихъ могли захватить, жи-

телей со всѣмъ ихъ имуществомъ и даже съ деревянными церквами, которыя были разобраны и увезены на возахъ. Эти переселенія сдѣланы были на основаніи Андрусовскаго договора, по которому не только каждый получилъ право переходить со всею движимостію на лѣвый берегъ Днѣпра, но признано даже средствомъ къ сохраненію мира между двумя государствами, чтобы вдоль ихъ границъ лежала безлюдная полоса въ нѣсколько миль шириною. Народъ до сихъ поръ помнитъ эти переселенія и говоритъ: »Се було́ ще до *зго́ну*«, или: »Се було́ вже після *зго́ну*«, а весь періодъ войнъ козацкихъ, названный въ Польскихъ хроникахъ hosticum, онъ называетъ въ своихъ преданіяхъ *руи́ною*.

Такимъ образомъ прекраснѣйшія побережья Днѣпра, почти цѣлые нынѣшніе уѣзды Чигиринскій, Черкасскій и Каневскій, какъ-будто были обречены на вѣчное запустѣніе. Да и весь почти этотъ край превратился въ пустыню, какъ объ этомъ мы знаемъ изъ »Лѣтописи Величка«, который, проходя съ Малороссійскими козаками отъ Корсуня и Бѣлой Церкви на Волынь въ 1705 году, былъ пораженъ безлюдьемъ Западной Малороссіи.

»Поглянувши паки (говоритъ онъ), видѣхъ пространные тогобочніе Украино-Малороссійскіе поля и розлеглые долины, лѣсы и обширные садове, и красные дубравы, рѣки, ставы, озера запустѣлые, мхомъ, тростіемъ и непотребною лядиною заросшие. Видѣхъ же къ тому на розныхъ тамъ мѣстцахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилько небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ въ умѣ: *кто суть сія?* Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душею, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша Украино-Малороссійская во область пустынѣ Богомъ оставленна и насельницы ея, славные предки наши, безвѣстни явишася.« (1)

Было бы однакожъ дѣломъ неестественнымъ, еслибы страна,

(1) »Лѣтопись Самоила Величка«, т. I, стр. 5.

такъ щедро надѣленная природою, оставалась долго пустынею. Лишь только перестала въ ней свирѣпствовать война, лишь только зазеленѣли пепелища, тотъ-часъ появился на нихъ опять человѣкъ. Всѣ прежніе обитатели Западной Украйны, неотдѣленные отъ нея Днѣпромъ и неудерживаемые какимъ-нибудь насиліемъ, возвращались на дорогую для сердца *бáтьковщину* и *матери́зну*. Владѣтели Украинскихъ старо́ствъ и помѣстій вспомнили о своихъ правахъ и присылали отъ себя урядниковъ — »губернаторовъ, экономовъ, лѣсничихъ« — сперва только для занятія земель, а потомъ и для заботъ объ ихъ заселеніи. Нѣкоторыя дворянскія фамиліи мѣстнаго происхожденія, уцѣлѣвшія или въ глубинѣ Польши, или въ безопасномъ Полѣсьи, возвращались на родину не только сами, но приводили съ собой и подданныхъ, которые состояли какъ изъ Украинскихъ переселенцевъ въ Полѣсье, такъ и изъ природныхъ *Польщуко́въ*, — и ихъ-то деревушки появились прежде всего на Днѣпровскомъ побережьи. Здѣсь разумѣются преимущественно мѣстности въ верхней Украйнѣ, вокругъ Кіева и Бердичева, гдѣ издавна владѣли землями дворяне средней руки: Залѣскіе, Бѣжинскіе, Проскуры, Олизары, Тышовы-Быковскіе и другіе. Южная же и восточная части Западной Украйны состояли изъ однихъ старо́ствъ и владѣній магнатскихъ. Уманщина перешла отъ Струсей къ Потоцкимъ, Смиля́нщина отъ Конецпольскихъ къ Любомирскимъ; и въ этихъ огромныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ »дѣдичи« никогда сами не жили, заселеніемъ земель и устройствомъ ихъ имѣній занимались ихъ урядники и уполномоченные, такъ точно, какъ въ верхнихъ повѣтахъ — сами владѣльцы-дворяне. Въ староства, крулевщины и волости южной и восточной части Западной Украйны такъ-же мало-помалу собирался народъ, то изъ разныхъ скрытыхъ мѣстъ, то изъ дворянскихъ селъ верхней Украйны. Это мы знаемъ изъ процессовъ, часто возникавшихъ здѣсь по подобнымъ случаямъ.

Самымъ дѣятельнымъ моментомъ такой колонизаціи была средина XVIII вѣка, и быстрѣе всего развивалась она въ Уманщинѣ, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Салезія Потоцкаго, вое-

воды Русскаго. Въ имѣніяхъ Любомирскихъ и въ старо́ствахъ Сангушковъ, Яблоновскихъ, Потоцкихъ и другихъ, лучшимъ средствомъ къ заселенію пустыхъ земель была признана раздача шляхтѣ правъ на »заложеніе осадъ« (¹). Такія права получались безъ всякаго затрудненія, и всегда было много на нихъ охотниковъ — то изъ самихъ управителей тѣхъ же владѣній, то изъ арендаторовъ небольшихъ частей ихъ, то изъ разной предпріимчивой шляхты, приливавшей въ Украйну изъ глубины Польши, то наконецъ изъ военныхъ людей отряда, постоянно квартировавшаго на этомъ пограничьи и потому называвшагося *Украинскою партіею*. Эти военные люди, привыкнувъ къ здѣшнему краю, не желая возвращаться въ родныя мѣста и пользуясь свободою заниматься внѣ служебныхъ обязанностей чѣмъ угодно, основывали обыкновенно домы и заводили постоянное хозяйство невдалекѣ отъ становищъ своихъ хоругвей. Всѣ вообще основатели новыхъ поселеній должны были больше всего стараться о привлеченіи къ себѣ людей, и потому каждое поселеніе возникало не иначе, какъ на правахъ *слободы*, то есть увольненія отъ всѣхъ почти повинностей и налоговъ на извѣстное число лѣтъ. Обыкновенно осадчіе кликали кличъ въ разныхъ сборныхъ пунктахъ — на ярмаркахъ, на переправахъ, на церковныхъ и монастырскихъ праздникахъ — и переманивали къ себѣ народъ разными обѣщаніями. Разумѣется, зажиточный селянинъ нѣ соблазнялся зовомъ *на слободу*. Но во всякомъ селѣ были сироты, обиженные старшими родичами, были бродяги, спустившіе съ рукъ послѣдній достатокъ, были любовники, опасавшіеся разлуки, или страдавшіе отъ преслѣдованій, — много было людей, желавшихъ перемѣнить обстановку жизни. Все это внимало обѣщаніямъ льготъ, какъ сигналу къ освобожденію отъ житейскихъ нуждъ и горестей. Есть преданіе изъ временъ заселенія Смилянщины, что князь Ксаверій Любомирскій велѣлъ окличникамъ провозглашать на ярмаркахъ, что, кто придетъ къ

(¹) Osadzić — заселить.

нему съ чужой женою и чужими волами, онъ и такого не выдастъ, и за такого будетъ стоять.

Когда такимъ образомъ вдоль береговъ Днѣпра, на старыхъ пожарищахъ и развалинахъ, въ углубленіи прохладныхъ, напоенныхъ водою долинъ, запестрѣли землянки, мазанки и срубленныя на живую руку хаты, за Днѣпромъ такъ-же нашлось много людей, которые пожелали пользоваться сравнительно бо́льшими льготами у новыхъ владѣльцевъ Западной Украйны. А эти, съ своей стороны, посылали къ нимъ зазывы и облегчали имъ средства къ переселенію. При тогдашнемъ состояніи земской управы и пограничнаго дозора на лѣвомъ берегу Днѣпра, переходъ въ Польскую Украйну былъ такъ же не труденъ, какъ теперь въ другую губернію, и Каневскія, Черкасскія, Чигиринскія пустыни наполнялись всё болѣе и болѣе выходцами изъ противулежащихъ селъ и городовъ Гетма́нщины. У Днѣпровскихъ рыбаковъ до сихъ поръ сохранились воспоминанія о *фигурахъ*, то есть крестахъ съ повѣшенными на нихъ снопомъ жита, цѣпомъ и серпомъ. Такія фигуры выставлялись на береговыхъ возвышенностяхъ въ знакъ того, что нѣкто заселяетъ слободу и приглашаетъ къ себѣ поселянъ на извѣстныхъ льготахъ. Льготами было увольненіе »подданныхъ« отъ чиншей и всякихъ повинностей на извѣстное число лѣтъ, что́ собственно и называлось *слобо́дою*. Чтобы всякому прохожему и проѣзжему было ясно, на сколько именно лѣтъ дана »слобо́да« какому-нибудь селу, на выгонѣ становили столбъ, на-подобіе креста, въ котораго перекладину вколачивались деревянные колышки. По истеченіи каждаго года, одинъ колышекъ выбрасывался, а по прошествіи всѣхъ лѣтъ, слобожане обязаны были платить чиншъ владѣльцу земли и отбывать повинности. (1)

Повинности Украинскимъ »подданныхъ« были довольно легкія: въ казну взносилось только *подымное*; панщины назнача-

(1) На Волыни и въ Полѣсьи такія села назывались *волицами* и *вульшками*, отъ воли, а въ Украйнѣ *слободами* отъ свободы. (»Opis Powiatu Wasylkowskiego«, przez E. Rulikowskiego, str. 27.)

лось не болѣе двѣнадцати дней въ году съ хаты, такъ какъ тогдашняя система хозяйства не требовала болѣе рабочихъ дней. Хлѣба сѣяли мало, ибо Черноморская торговля хлѣбомъ не существовала вовсе, и панскіе доходы извлекались преимущественно изъ выкармливанія скота, изъ меду, воску, сала, винокуренія въ небольшихъ размѣрахъ и т. п. Губернаторы и другіе панскіе урядники обогащались подарками, которые народъ имъ дѣлалъ, по стариннымъ обычаямъ, всякой разъ, когда имѣлъ какую-нибудь надобность во »дворѣ«, а такъ-же разнаго рода торговлею, болѣе, или менѣе позволительною, — преимущественно доставкою фуража Русскимъ войскамъ, которыя въ то время постоянно находились на границахъ, или въ самыхъ предѣлахъ Турціи. Они посылали такъ-же на Запорожье разнаго рода жизненныя потребности, которыя покупались за безцѣнокъ въ краю, почти баснословно плодородномъ, а продавались, или промѣнивались на лошадей дорого и потому приносили огромныя выгоды. Шляхта обогащалась такимъ образомъ сама собою и не имѣла побужденій ни въ обычаяхъ, ни въ какой-либо нуждѣ обременять поселянъ работами. По-этому новыя села достигали цвѣтущаго состоянія довольно скоро, а въ-слѣдствіе того народопаселеніе края росло какъ-бы какимъ чудомъ. Все способствовало здѣсь благосостоянію народа. Но, подобно всякому юному обществу, Украинцы отличались беззаботностію касательно будущаго, не собирали хлѣба въ прокъ, полагаясь на плодородіе почвы, даже не пахали на зиму (1), и потому иногда неурожайный годъ вдругъ поражалъ ихъ всѣми ужасами голода. Въ исторіи земледѣлія на Украйнѣ представляются намъ двѣ противоположности: или необыкновенно низкія цѣны, или совершенный недостатокъ хлѣба, голодъ и даже моръ отъ голоду. Но эти бѣдствія происходили единственно отъ тогдашняго состоянія этой страны и ни коимъ образомъ не относятся къ Польскимъ дворянамъ, которые уже въ другой разъ были ея колонизаторами.

(1) Пахать на зиму начали Украинцы только съ XIX столѣтія.

Изъ мѣстныхъ документовъ отдаленнаго времени, когда Польское дворянство безразлично состояло изъ Русскихъ »благочестивыхъ« и Польскихъ католическихъ фамилій, мы видимъ, до какой степени этотъ край былъ безлюденъ. Короли Александръ и Казиміръ Ягеллонъ, даруя какому-нибудь князю во владѣніе здѣшнія земли на разстояніи отъ Синюхи до Ты́кича и отъ Роси до устья Тя́смина, именовали на этихъ земляхъ всего только какихъ-нибудь двоихъ, троихъ подданныхъ; а лѣтъ черезъ сто, или полтораста, мы находимъ Западную Украйну уже очень многолюдною областью, и самыя войны Богдана Хмѣльницкаго служатъ тому доказательствомъ. Пятидесяти-лѣтній періодъ hosticum, или *руи́ны*, съ изложенными выше обстоятельствами, превратилъ снова Западную Украйну въ пустыню; а черезъ полъ-вѣка Польское, уже чисто католическое дворянство сдѣлало ее опять многолюдною областью. Въ смыслѣ колонизаторовъ, магнаты и шляхтичи дѣйствовали безукоризненно: они и не могли дѣйствовать иначе, ибо въ такомъ случаѣ земли ихъ оставались бы незаселенными пустынями. Но, вводя начала гражданственности въ новое населеніе Украйны, они неизбѣжно должны были ввести въ нее и латинскую, или по крайней мѣрѣ уніятскую Церковь. Собственно говоря, это было явленіе очень обыкновенное, а не какая-нибудь систематическая пропаганда. Польскіе колонизаторы Украйны, привлекая народъ на свои земли, должны были наконецъ позаботиться и о религіозныхъ его нуждахъ. Они строили въ селахъ церкви и водворяли при нихъ уніятскихъ священниковъ. Можетъ быть, единственный изъ колонизаторовъ Украйны, занимавшійся ея заселеніемъ съ серьезными и обдуманными видами, Салезій Потоцкій, видя совершенный недостатокъ духовенства въ новыхъ »осадахъ«, вызвалъ сюда викарія уніятской митрополіи, ксенза Рыло, и велѣлъ ему посвятить разомъ шестьдесятъ священниковъ. Въ другихъ селеніяхъ устроивались парафіи сами собою, и въ нихъ водворялись приходскіе священники, то уніятскіе, то »благочестивые«. Появлялись такъ-же — хотя очень рѣдко — и монашескія общества католическія, то возвращаясь на развалины —

часто только на мѣста — прежнихъ своихъ монастырей, основанныхъ еще до Хмѣльницкаго, то будучи вызваны вновь кѣмъ-нибудь изъ колонизаторовъ. Такъ въ Смилой существовалъ маленькій монастырь Капуцыновъ, въ Ржищевѣ — Тринитаръ, въ Лысянкѣ — Францысканцевъ. Многочисленнѣе и многолюднѣе другихъ были монашескія общества Базиліянъ, которые почти исключительно завѣдывали всѣми школами на Украйнѣ. Эти школы, открытыя для каждаго безъ исключенія, соединяли въ себѣ молодежь всѣхъ сословій и состояній. Сюда приходили и »паничи«, сыновья помѣщиковъ, земскихъ урядниковъ и панскихъ управителей, и поповичи, и дѣти убогой шляхты, мѣщанъ и даже сельскихъ мужиковъ, которые имѣли средства и желаніе приготовить своихъ сыновей какъ-бы къ чему-то высшему. Такія школы естественно были самою сильною пропагандою уніятскаго вѣроисповѣданія. А между тѣмъ на Украйнѣ и въ то время было не безъ »благочестиваго« духовенства, которое съ своей стороны имѣло на нее вліяніе. Выше уже сказано, что нѣкоторыя парафіи заняты были священниками »благочестивыми«. Основатели селъ, не смотря на то, что сами были католики, ни мало тому не противились; а нѣкоторые, желая понравиться народу и внушить ему къ себѣ особенную приверженность, выбирали ему священниковъ по его желанію. Владѣтель Смилянщины былъ до такой степени благосклоненъ къ Греко-Русскому духовенству, что уніятскія консисторіи постоянно жаловались на его пристрастіе. Греко-Русскіе монахи пустынно-жительствовали во многихъ мѣстахъ на Украйнѣ, или занимая старинные монастыри, по лѣсамъ и Тясминскимъ островамъ, или разсѣявшись небольшими обществами по уединеннымъ пустынямъ. Все свѣтское и монашествующее духовенство »благочестивое« находилось подъ властью Кіевскихъ митрополитовъ и Заднѣпровскихъ архіереевъ; отъ нихъ оно было сюда присылаемо (1), къ нимъ обращалось по дѣламъ

(1) Впрочемъ много приходило священниковъ изъ Молдавіи и Валахіи, и надобно сказать, что между этими пришельцами были люди весьма сомнитель-

своимъ, хотя въ то же время не могло не признавать власти Польскаго правительства, живя въ Польской провинціи.

И вотъ на Украинской почвѣ, столько разъ облитой кровью, стали опять одинъ въ виду другого непріязненные жизненные элементы: народности Польская и Русская, вѣроисповѣданія латинское и »благочестивое«. Нетрудно дагадаться, что отсюда неизбѣжно должны были возникать ежедневные столкновенія и споры. Народъ здѣшній, не смотря на то, что едва только поселился на своихъ давнихъ пепелищахъ, принесъ съ собой неблагопріятныя для Поляковъ воспоминанья и понятія; преданіе о войнахъ, продолжавшихся нѣсколько десятковъ лѣтъ, было свѣжо; поводы къ козацкимъ возстаніямъ не только не были позабыты, но еще усилены очарованіемъ прошедшаго. Все это оживало при всякомъ удобномъ случаѣ и поддерживало чувство природнаго разъединенія между шляхтою и простонародьемъ. Собранное въ села и мѣстечка населеніе не могло все, до одного человѣка, быть спокойнымъ и земледѣльческимъ обществомъ. Въ немъ отзывались привычки къ бродячей и своевольной жизни; а недостатокъ *полиціи*, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, вообще въ Польшѣ и особенно въ провинціяхъ, столь отдаленныхъ и вновь организующихся, способствовалъ какъ нельзя болѣе ко всякого рода безпорядкамъ. Гайдамачество, то есть открытый грабежъ, было въ Украйнѣ явленіемъ весьма обыкновеннымъ, и такъ какъ оно совершалось въ смыслѣ нѣкоторой какъ-бы праведной мести убогаго надъ богатымъ, козака надъ Ляхомъ, то не знало никакого стыда, ни узды въ своихъ неистовствахъ. Въ наше время странно это слышать, но внутреннія и внѣшнія обстоятельства Западной Украйны XVIII вѣка сами породили — и должны были неизбѣжно породить — такое явленіе. Господствующій классъ ея населенія состоялъ изъ католиковъ; чернорабочій — изъ послѣдователей Греко-Рус-

---

ныхъ качествъ. Поселяне вѣрили имъ на слово, что они посвящены тамъ-то и тамъ-то; но участіе, какое они принимали въ возбужденіи черни противъ католиковъ и уніятовъ, заставляетъ догадываться, что̀ это были за люди.

ской Церкви; между ними посредствующій, торговый, факторскій классъ, простиравшій свои жадныя руки ко всѣмъ предметамъ сбыта и потребленія, ко всѣмъ ввознымъ и вывознымъ товарамъ, состоялъ исключительно изъ Евреевъ. Шляхетство подчинялось нравственному вліянію ксензовъ, въ то время какъ многочисленный чернорабочій классъ, говорившій на своемъ языкѣ, имѣлъ свое собственное духовенство. Это духовенство посвящалось большею частію въ подвластномъ Россіи городѣ Кіевѣ, или въ Переяславѣ за Днѣпромъ и переносило оттуда въ народъ идею объ отрозненности отъ братій, живущихъ подъ державою Царя православнаго, подъ гетманствомъ единородца и единовѣрца, подъ управленіемъ старшинъ и пановъ, молящихся въ одной и той же церкви съ народомъ. Поселяне простодушно называли своихъ священниковъ *попами благочестивыми*, а свою вѣру *благочестіемъ*, и этимъ не говоря говорили, что католическіе и уніятскіе попы нечестивы, а католическая вѣра и унія — нечестіе.

Всѣ эти обстоятельства отразились самымъ неблагопріятнымъ образомъ въ сосѣдней области, подвластной безженному Запорожскому *кошу* и населенной разсѣянными на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ *палáнками* и хуторами, которые образовались изъ выходцевъ Польской и Московской Малороссіи, недовольныхъ житьемъ на родинѣ. Эти выходцы унесли съ собою въ степи воспоминанія о всеобщей войнѣ »благочестивыхъ« съ католиками и угнетенныхъ съ угнетателями, подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго. Для нихъ не существовалъ новый порядокъ вещей на поприщѣ побѣдъ »козацкаго батька«, между Черкасами и Чигириномъ, между Бѣлою Церковью, Корсунемъ и Уманемъ. Къ нимъ доходили вѣсти только о томъ, что на берегахъ Роси и Тясмина, которыхъ обагренныя кровью воды воспѣты бандуристами въ энергическихъ думахъ, по-прежнему господствуетъ Ляхъ, или — что все одно у нихъ значило — панъ, по-прежнему верховодитъ ксензъ, по-прежнему обираетъ »добрыхъ людей« Жидъ, и сердце одичалыхъ степныхъ рыболововъ, пасичниковъ и чабановъ билось такою жъ фанатическою ненавистью

къ этимъ тремъ классамъ Украинскаго населенія, какъ и во времена Перебійноса. Между Украйной Польскаго государства и Запорожьемъ никогда не прекращались сношенія, и »добрые молодцы« являлись почти на каждой ярмаркѣ въ Уманѣ и въ другихъ городахъ съ произведеніями своихъ зимовниковъ, хуторовъ и паланокъ. Они пригоняли туда лошадей, привозили рыбу, мѣха и тому подобные товары, и не всѣ выручаемыя деньги пропивали на Украинскимъ рынкахъ. За свою выручку они добывали въ *Польшѣ*, какъ называли они этотъ край, хорошее оружіе и богатую конскую сбрую, порохъ, свинецъ, водку, сукно, одежу и прочая, а остальное серебро и золото увозили въ кожаныхъ *чересахъ* (поясахъ) на Запорожье, чтобы было что̀ оставить по себѣ на похороны и поминовеніе козацкой души, у которой бывало не безъ грѣховъ, или про запасъ на черный день. Это оружіе, эти одежды и деньги, вывезенныя изъ »Польши«, возжигали въ душахъ Запорожскихъ гультаевъ чувство, которое превращало ихъ религіозную ненависть къ католикамъ и Жидамъ въ фанатизмъ и подстрекало ихъ всего сильнѣе къ удалому набѣгу на помѣщичьи, старостинскія и церковныя имущества, въ подражаніе Хмѣльницкому.

Такимъ-то образомъ начались набѣги Запорожской вольницы, извѣстной подъ именемъ *гайдамакъ*, на земли, едва только заселенныя стараніями Польскаго дворянства. Письменныя преданія не сохранили воспоминаній о первыхъ гайдамацкихъ набѣгахъ; но можно смѣло утверждать, что эти набѣги совпадаютъ съ началомъ колонизаціи Уманскаго, Чигиринскаго, Черкаскаго и другихъ округовъ. Старосты, губернаторы и помѣщики Украинскіе противопоставляли имъ свои надворныя хоругви, въ которыхъ начальствовала шляхта, а рядовые набирались какъ изъ шляхты, такъ и изъ простыхъ поселянъ, и которыя составляли гарнизоны по крѣпостямъ, подъ названіемъ городовыхъ козаковъ. Кромѣ того Польская »юнацкая« молодежь, любя военное ремесло по духу тогдашией жизни, приходила на Украйну со всей Польши, чтобы участвовать въ борьбѣ здѣшнихъ хоругвей съ гайдамака-

ми. Лишь только получалось извѣстіе о соединеніи гайдамакъ въ большую толпу и появленіи Запорожцевъ, надворные козаки и то, что̀ называлось Украинскою партіею, предпринимали противъ нихъ экспедицію и пускали въ ходъ свои военныя хитрости. Но у гайдамакъ всегда были на Украйнѣ тайные доброжелатели, дававшіе имъ во̀ время вѣсть о засадахъ, о сильныхъ и слабыхъ мѣстахъ, а подъ-часъ и убѣжище въ своихъ домахъ и даже монастыряхъ. По-этому почти каждый гайдамацкій набѣгъ увѣнчевался кровавыхъ успѣхомъ, и иногда въ одну ночь изчезали многочисленныя семейства католиковъ и Жидовъ, а ихъ за́мки и дома превращались въ кучи пепла. Съ своей стороны Польскія ополченія, преслѣдуя гайдамакъ въ самую глубь Запорожскихъ степей, наѣзжали на Запорожскія паланки и убивали кого могли, не находя явно виновныхъ. Это влекло за собой обоюдныя жалобы Русскаго и Польскаго правительствъ. Наряжались, какъ обыкновепно водится, коммиссіи для рѣшенія спорныхъ пунктовъ; но, пока судебная процедура совершалась съ торжественной своей медленностью, молодцоватые Польскіе дворяне съ одной стороны и неумогонные гультаи съ другой расправлялись собственными средствами; а потому мелкая война, можно сказать, кипѣла безпрестанно на Польскомъ пограничьи. Запорожскій кошъ, мстя Полякамъ за ихъ *подъѣзды,* потакалъ »добрымъ молодцамъ« въ ихъ *промыслахъ* и, безъ сомнѣнія, самъ направлялъ эти промыслы; а старосты, губернаторы и пограничные паны, не признавая надъ собой никакой власти, поступали безъ всякихъ оглядокъ и даже не оправдывались, подобно кошу, невозможностью обуздать своевольныя партіи удальцовъ. Такъ подготовлена была кровавая драма 1768 года, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Коліивщины....

Заведя рѣчь о Дмитрѣ Погорѣломъ и его склонности къ фантастическимъ представленіямъ, я незамѣтно зашелъ въ область недавней исторіи края, и сдѣлалъ не лишнее дѣло. Безъ этого взгляда на прошедшее, многое въ моихъ разсказахъ о Звенигородскомъ

слѣпомъ пѣвцѣ и о другихъ пѣвцахъ и разскащикахъ правой стороны Днѣпра было бы понятно не для всѣхъ моихъ читателей. Преданіями о набѣгахъ гайдамакъ полны всѣ головы въ Западной Малороссіи, способныя удерживать преданія. Тамошніе простолюдины, потерявъ въ своихъ бѣдствіяхъ и переселеніяхъ цѣпь старинныхъ воспоминаній, ставятъ *Хмельни́щину* рядомъ съ *Колі́ївщиною* и, перезабывъ патріотическія думы о первыхъ козацкихъ войнахъ, воспѣваютъ стариннымъ складомъ пѣсень и стариннымъ ихъ напѣвами подвиги новыхъ героевъ козачества, Харка, Швачку, Зализняка, Гонту и другихъ. Еслибы эти герои успѣли въ своихъ препріятіяхъ такъ какъ Хмѣльницкій, духъ пѣсенности проявился бы здѣсь, безъ сомнѣнія, въ болѣе роскошныхъ и самостоятельныхъ формахъ, и предшественники Зализняка и Гонты на поприщѣ гайдамачества непремѣнно явились бы въ такомъ же поэтическомъ свѣтѣ, какъ Наливайко, Сомко-Мушкетъ и Остряница. Но какъ этого не случилось и возстаніе Зализняка и Гонты было напраснымъ порывомъ Украинцевъ къ самодѣятельности, то въ пѣсняхъ о гайдамакахъ послышался только какъ-бы отголосокъ музы прежняго козачества, а изъ дѣйствующихъ лицъ кровавой гайдамацкой драмы блескомъ поэзіи озарились только немногія. Остальныя, извѣстныя намъ по преданіямъ, какъ напримѣръ Чуприна и Чортоусъ, оставлены во мракѣ забвенія, и кровавая судьба ихъ не почтена отъ народа ни однимъ риѳмованнымъ двустишіемъ. Зато нѣкоторыя лица, невписанныя въ исторію, воспѣты бандуристами съ особенною любовью. Это ужъ капризъ популярной славы, которая не всегда избираетъ въ свои любимцы достойнѣйшихъ. Такъ сотникъ Жаботинскій Харко́, о котораго подвигахъ мы не знаемъ ровно ничего, воспѣтъ не хуже самого Зализняка въ пѣснѣ, записанной Черноморцемъ Вареникомъ въ Землѣ Черноморскихъ Козаковъ (1). Эту самую пѣсню

(1) »Нар. Южнор. Пѣсни«, изд. Метлинскаго, стр. 425.

пѣлъ мнѣ въ Звѣнигородкѣ лирникъ Дмитро Погорѣлый съ нѣкоторыми отмѣнами (1). Но его комментаріи интереснѣе самой пѣсни. Именно:

ЛЕГЕНДА О СОТНИКѢ ХАРКѢ. (*)

....У Паволочі була́ у ёго́ хрещена́ ма̀ти, зъ вели́кого поколі́ния па̀ні; то вінъ-то надіявся, що ёго́ тамъ не за́ймуть, та напи́вшлись до́бре, якъ лігъ спа́ти, тогді та па́ні: »Тепѐръ«, ка́же, »Ляшки́, ма́ете часъ, оступа́йте Харка́!« То Ляхи́ за ёго́.

Отъ же щѐ бъ вони́ ёго́ не стра́тили, коли́бъ ёго́ коня́ не приковà ли: кінь би ёго́ вѝзволивъ, не дàвъ би ёму́ пропа́сти; вінъ би й гу̀би, й зу̀би усімъ порозбива́въ и будѝнокъ розвали́въ, бо то кінь бувъ лицàрський. Ато взяли́ бі́сові Ляхи́ та й приковà ли за чоти́ри ноги́ у ста́ні. То кінь, якъ почу̀въ Харко́ву кровъ, то дава̀й иржа́ти; та вже нічо́го не вра́дивъ. А Ляхи́, якъ ста́ли Харка́ руба́ть, то руба́ли ажъ три дні, та ніяк̀ъ не порубаю̀ть; и

(*) *Переводъ.*—....Въ Паволочи была у него крестная мать, госпожа знатнаго рода; онъ и надѣялся, что его тамъ не тронутъ, да, хорошенько подгулявши, какъ уснулъ, она и говоритъ: »Теперь«, говоритъ, »Ляхи, самая пора, окружите Харка!« Ляхи и бросились къ нему. Но и тутъ еще не сгубили бы его, еслибъ не приковали его коня: конь бы его выручилъ; онъ бы и губы, и зубы всѣмъ расшибъ и домъ разрушилъ бы, затѣмъ что то былъ конь богатырской. А то чортовы Ляхи взяли да и приковали его по всѣмъ четыремъ ногамъ въ конюшнѣ. Конь, какъ почуялъ кровъ Харкову, началъ ржать, но ужъ ничего не сдѣлалъ. А Ляхи, какъ стали рубить Харка, то рубили цѣлыхъ три дня, да ни какъ не изрубятъ; и сабля иззубрилась пуще желѣза; наконецъ догада-

---

(1) См. тамъ же, стр. 427. Еще одинъ варіантъ, записанный Зоріаномъ Ходаковскимъ, напечатанъ въ »Укр. Нар. Пѣсняхъ«, изд. Максимовичемъ. М. 1834; стр. 121.

ша́бля позуби́лась гіршъ, якъ залізо; та вже дорозумова́лись, щобъ руба́ть ёго́ ёго́ жъ ша́блею. А въ ёго́ ша́бля була́ лицарська; то та ша́бля ёго́ й побідила.

Сотникъ Харко́ представляетъ загадочное явленіе въ исторіи Польской Украйны. Н. А. Маркевичъ въ своей »Исторіи Малороссіи« (т. II, стр. 659) упоминаетъ о его возстаніи подъ 1765, а о его смерти подъ 1766 годомъ, ссылаясь на неизданную статью М. А. Максимовича о Коліивщинѣ. Г. Скальковскій въ »Наѣздахъ Гайдамакъ« не говоритъ о немъ ни слова, хотя не долженъ былъ пропустить его безъ внима́нія уже по одному тому, что о немъ поются пѣсни, изъ которыхъ одна была напечатана г. Максимовичемъ задолго до выхода въ свѣтъ книги г. Скальковскаго. Можно бы думать, что сотникъ Харко́ былъ предшественникъ Мартына Бѣлуги въ Жаботинской сотнѣ и погибъ незадолго до возстанія своего преемника, по темному подозрѣнію въ какихъ-то замыслахъ. Но въ мѣстечкѣ Смилой я встрѣтилъ старика, Кондрата Тарану́ху, который зналъ его лично и по разсказу котораго онъ предводилъ Жаботинскою сотнею, спустя лѣтъ десять послѣ Коліивщины. Вотъ этотъ разсказъ.

ПРЕДАНІЕ О СОТНИКѢ ХАРКѢ. (*)

Я са́мъ знавъ Харка́. Вінъ бувъ со́тникомъ у Жа́ботині. Воні́ зъ Леле́кою ви́шли сюди́, якъ Моска́ль розруйнова́въ Січъ, та й поженѝлись у Жа́ботині. Лелѐка жъ ставъ господарова́ть: млини

лись, что его надобно рубить его же саблею. А у него сабля была богатырская; она-то его и побѣдила.

(*) *Переводъ.* — Я самъ зналъ Харка. Онъ былъ сотникомъ въ Жаботинѣ. Онъ да Лелека вышли изъ Сѣчи, когда ее разорили, и женились въ Жаботинѣ. Лелека сталъ хозяйничать: держалъ на откупу

держа́въ, ско́тъ продава́въ, то́-що; а Харко́ зроби́всь со́тникомъ у Жа́ботині, и у его́ було́ со́рокъ чоловікъ козаківъ. То було́ до панівъ посила́е: »Я васъ«, ка́же, »заслоня́ю й стережу́, а ви мині дава́йте ко́шту и прови́зії.« То пани́ було́ й присила́ють ёму́ въ Жа́ботинъ.

Бра́вий бувъ коза́къ! Було́ іде — жупа́нъ голуби́й на-вёрсі, кра́сний на-спо́ді, чо́боти сапъя́нці, ша́пка чо́рна, похи́листа; самъ чоловікъ плечи́стий, руся́вий, повнови́дий. Було́ разъ проіде си́вимъ коне́мъ, у дру́гій воронимъ, у тре́тій була́нимъ, у четве́ртый бі́лимъ... то́й же еднора́лъ! а коза́къ! А було́ до войни́ таки́й жва́вий, що вже зъ нимъ козаки́ ні́чо́го не боя́тця. Наза́дъ *Отче нашъ* переговори́въ — ступа́й сміло: ку́ля не візьме.

И пішла́ вже така́ сла́ва, що су́противъ ёго́ ніхто́ не вето́іть. То Ляхи́ й ду́мають собі: »Отъ же ми ёго́, вра́жого си́на, году́емо, та ви́годуємо тако́го гайдама́ку, якъ Хмельни́цький. То була́ Хмельни́ччина, а ще бу́де Харківщина!«

Да й присла́ли до ёго́ въ Жа́ботинъ: »Про́сить панъ до Па́волочи въ го́сті.«

мельницы, торговалъ скотомъ и тому подобное; а Харко́ сдѣлался сотникомъ въ Жаботинѣ, и у него было сорокъ козаковъ. Онъ бывало посылаетъ къ панамъ: »Я васъ«, говоритъ, »заслоняю и берегу, а вы за то поставляйте мнѣ содержаніе и провизію.« Паны и присылаютъ бывало все это ему въ Жаботинъ.

Славный козакъ былъ! Бывало ѣдетъ — жупанъ голубой на немъ сверху, красный подъ-исподью, сапоги сафьянцы, шапка черная на-бокъ, самъ онъ человѣкъ плечистый, русоволосый, полнолицый. Бывало одинъ разъ проѣдетъ на сѣромъ конѣ, въ другой на ворономъ, въ третій на буланомъ, въ четвертый на бѣломъ... точно генералъ... а козакъ! А на войнѣ такой былъ дока, что съ нимъ козаки ничего не боялись. Проговоритъ наизворотъ *Отче нашъ* — ступай смѣло: пуля тебя не тронетъ.

И пошла ужъ такая слава, что противъ Харка не устоитъ никто. Вотъ Ляхи и думаютъ: »Кормимъ мы этого вражьяго сына, да пожалуй выкормимъ такого разбойника, какъ Хмѣльницкій. Тогда была *Хмельни́ччина*, а теперь будетъ *Харківщина*!« И прислали къ нему въ Жа-

Вінъ и поіхавъ....

А я зъ Лелéкою дóбре знавсь такúй. Зъ Харкóмъ — нічого хвáстать, а зъ Лелéкою ми такúй дóбре гуляли. То вінъ сáмъ мині роскáзувавъ: »Я«, кáже, »ёмý й казáвъ: »»Эй, не ідь, бгá»те!«« [А Лелéка той кортáвивъ трóхи] »»Эй«, кажý, »не ідь, »бгáте! бо не дýрно кінь на воротáхъ спотикáетця.«« [А Харкó якъ виіздúвъ до Пáволочи, то кінь на воротáхъ спіткнýвся].

»Ні, якъ такúй не слýхать панівъ? Воні мене́ й годýють, и все.«

Ну, було́-жъ ёмý хочъ не напивáтьця, було́ ёмý лить у кишéню; хусткú въ ёго́ були́ — було́ ёмý въ хусткú лить, то бъ ёго́ такúй не взялú. Ато якъ напúвсь, то ёго́ пъяно́го взялú къ чóрту та й стрáтили.

Какъ ни обстоятельно опредѣлено здѣсь время появленія Харка въ Жаботинѣ, но я не совсѣмъ довѣряю Кондрату Таранýхѣ. Онъ знавалъ сотника Харка послѣ 1775 года (годъ разоренія Сѣчи), а со мной бесѣдовалъ въ 1843 году. Если онъ былъ въ какомъ-нибудь 1776 году хоть двадцатилѣтнимъ парнемъ, для того чтобы послѣ *гуля́ть до́бре* съ Лелекою, товарищемъ Харка, то во время знакомства со мною ему должно́ было быть не менѣе 87 лѣтъ, въ чемъ я очень сомнѣваюсь. Правда, мнѣ

ботинъ: »Проситъ тебя панъ въ Паволочь въ гости.« Онъ и поѣхалъ. А мы съ Лелекою были хорошіе пріятели. Съ Харкомъ — нечего хвастать, а съ Лелекою мы таки славно кутили. Такъ онъ самъ разсказывалъ мнѣ: »Я«, говоритъ, »и говорилъ ему: »»Эй, не ѣзди, бгатъ!«« [А Лелека тотъ немного картавилъ] »»Эй«, говорю, »не ѣзди, бгатъ! не да»ромъ конь твой въ воротахъ спотыкается.«« [Какъ выѣзжалъ Харко́ въ Паволочь, то конь въ воротахъ споткнулся.] »Нѣтъ, какъ можно ослушаться пановъ? Они меня и кормятъ, и все.« Ну, хоть-бы онъ не напивался! надобно было ему выливать вино въ карманъ; были у него платки — надобно было въ платки выливать, такъ его всѣ бы еще не взяли. Ато какъ напился, такъ его сонnаго и отправили къ чорту.

указали въ Смилой на Кондрата Таранýху, какъ на человѣка *древняго,* но, войдя къ нему въ хату, я нашелъ его за шитьемъ какой-то одежи, и на мой взглядъ ему было не больше 60 лѣтъ. По своему обыкновенію, я развязалъ ему языкъ и заставилъ смотрѣть на себя благосклонно штофикомъ водки, вынутымъ изъ кармана. Тутъ явился пріятель Таранýхи, по ремеслу бондарь. Они куликнули вдвоемъ очень исправно, и, подкуражившись, старикъ, вѣроятно, присвоилъ себѣ, для большаго эффекта, разсказъ своего отца, или другого старожила, который точно могъ знать Харка и добре гулять съ Лелекою даже и гораздо прежде разоренія Сѣчи. Пріурочить же преданіе о Харкѣ къ этому событію онъ могъ потому, что послѣ него появилось въ Украйнѣ много Запорожцевъ, и разсказы о томъ, какъ они содержали въ наймѣ мельницы и торговали скотомъ, были, вѣроятно, въ числѣ первыхъ воспоминаній юности Таранýхи. Какъ бы то ни было, только сотникъ Харкó долженъ былъ процвѣтать въ Жаботинѣ никакъ не послѣ разоренія Сѣчи, и вотъ тому доказательства. Во первыхъ, тогда уже наступило спокойствіе въ Украйнѣ, невозмущаемое никакими возстаніями со стороны городовыхъ, или надворныхъ козаковъ и казнями со стороны Поляковъ. Во вторыхъ, въ преданіи Таранýхи Ляхи опасаются, чтобы Харкó не сдѣлался вторымъ Хмѣльницкимъ, тогда какъ имъ было бы ближе и естественнѣе сравнивать его съ Зализнякомъ и Гонтою, если-бы онъ существовалъ послѣ Коліивщины. Наконецъ въ третьихъ, пѣсня о Харкѣ, сложенная послѣ разоренія Сѣчи, не могла бы сдѣлаться народною пѣснею въ Землѣ Черноморскихъ Козаковъ. Ее занесли туда Запорожцы, свято хранившіе пѣсенныя воспоминанія о своихъ *батькáхъ,* какъ это видно изъ словъ Запорожскаго химородника, приведенныхъ въ разсказѣ Семена Юрчéнка (1).

(1) См. выше, стр. 80.

Я думаю, немногіе изъ тѣхъ, кто самъ не пробовалъ собирать въ народѣ пѣсни и преданія, знаютъ, съ какими препятствіями сопряжено это по-видимому не очень мудреное дѣло. Заходите вы въ какую угодно хату и попросите спѣть самую общеизвѣстную пѣсню, — вамъ будутъ отвѣчать: »Хиба́ ми пъя́ні, щобъ співа́ли?« или что-нибуь подобное. Нищій же пѣвецъ, встрѣченный на дорогѣ, попотчиваетъ поэтически настроеннаго путешественника семинарскими псалмами, или какою-нибудь »Чечоточкою«; пѣсни *козацкія* и *невольницкія* онъ оставитъ для пріятеля, а на распросы о старинѣ навѣрное будетъ отвѣчать: »Якъ намъ, па́не, те́е знать, що дія́лось у старовину́? ми лю́де недавніи«. Но какимъ образомъ сблизиться съ каждымъ бродягою, распѣвающимъ свои пѣсни на *при́спахъ* мужичьихъ хатъ, и съ каждымъ сѣдоусымъ, недовѣрчивымъ старикомъ, который, можетъ быть, въ молодости самъ былъ гайдамакою? Не каждый приметъ за благо вашу чарку горилки, какъ Таранýха, не каждый пустится тотъ-часъ въ раздобары о томъ, что́ не относится къ *дѣлу*. Нужно имѣть въ запасѣ много времени, чтобы пріучить къ себѣ простолюдина и ему понравиться. А между-тѣмъ почти всѣ мы, антикваріи, этнографы и любители сельскихъ нравовъ, вырываемся изъ городовъ на короткій срокъ; намъ некогда даже надышаться воздухомъ полей, луговъ и лѣсовъ; безконечныя заботы сложной цивилизованной жизни преслѣдуютъ насъ всюду и отвлекаютъ отъ самыхъ пріятныхъ предпріятій. Мы дѣлаемъ на лету свои наблюденія, торопливо записываемъ пѣсни отъ старой ключницы въ родномъ домѣ, или думу случайно сблизившагося съ нами нищаго пѣвца, и тѣмъ оканчиваемъ свою попытку къ этнографическому изслѣдованію своей родины. Я самъ долженъ сознаться со стыдомъ, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи только сотую часть того, что́ имѣлъ бы возможность сдѣлать, еслибъ не гонялся за разными, менѣе важными интересами жизни. Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ собралъ я главную массу своихъ записокъ. Въ-теченіе этого долгаго періода человѣческой жизни я былъ, волею и неволею, занятъ иного рода дѣлами и

только изрѣдка прибавлялъ что-нибудь къ своимъ этнографическимъ матеріаламъ. Но я надѣялся, что въ это время кто-нибудь изъ Малороссіянъ приготовитъ къ печати подобный трудъ, къ которому и я могъ бы примкнуть съ своимъ только лишь начатымъ сборникомъ. Ничего подобнаго однакожъ между собирателями народныхъ преданій и повѣрій не случилось, или по крайней мѣрѣ до меня не дошелъ слухъ о такомъ трудѣ. Видя, какъ медленно идетъ разработка нашей этнографіи и надѣясь оживить своимъ примѣромъ другихъ, я рѣшился издать эти Записки, не держась въ нихъ никакого плана, ни системы, которые были бы возможны только при несравненно большемъ накопленіи матеріаловъ. Я включаю сюда все, что́ нахожу въ своихъ записныхъ книжкахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно внесено туда, предоста́вляя каждому рыться въ моемъ несортированномъ скарбѣ и находить между множествомъ для него ненужнаго что́-нибудь и пригодное, — подобно тому, какъ я рылся въ памяти стариковъ, старухъ, пахарей, чабановъ, старосвѣтскихъ, почти неграмотныхъ пановъ и престарѣлыхъ монаховъ.

На основаніи такого объясненія, я помѣщу здѣсь безъ связи нѣсколько выписокъ изъ книжки, которая была у меня въ рукахъ во время моихъ бесѣдъ съ Дмитромъ Погорѣлымъ.

1.

О БАЗИЛІЯНАХЪ. (*)

Базиля́не у́чать було́ по-По́льскій, и кото́рий хло́пчикъ, або́ дівочка ска́же Бо́же прика́заніе, то стросци́на (1) дасть пятака́, грйв-

(*) *Переводъ.* — Базиліане бывало учатъ народъ вѣрѣ по-Польски, и который мальчикъ, или дѣвочка, проговоритъ заповѣдь, тому жена ста-

(1) Жена старосты.

ню, або́ хрѐстикъ. Сказано — мани́ла. У одно́го хло́пчика спита́ла: »На що́ тебе́ Богъ созда́въ?«

А вінъ ка́же: »Щобъ па̀нщину роби́въ.«

Тому́ дала́ срі́бного зло́того.

2.

ТОРГОВЛЯ НЕВОЛЬНИЦАМИ НА ЗАПОРОЖЬИ. (*)

Тогді та̀къ було́, що оце́ пі́дмо̀вить дівку, завезѐ на Запоро́жжя, прода̀сть, а самъ вѐрнетця. Мині оди́нъ признава̀вся: »Я«, ка́же, »прода̀въ Ва́рку, то й ка̀юся, и не бу́ду до ві́ку жени́тьця.«

И не жени́вся.

3.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ТАТАРЪ ПОСЛѢ НАБѢГА. (**)

....А той Арти́пармакъ таки́й бувъ, що води́въ Орду́ по всій Украі́ні. То де позво̀лено було́ яси́ръ брать, то й бра̀ли. Була́ та́я

ро́сты давала по пятаку, по гривнѣ, или по крестику. Извѣстное дѣло — заманивала. — У одного мальчика спросила: »На что̀ тебя создалъ Богъ?« А онъ отвѣчалъ: »Работать на пановъ.« Такъ этому дала она серебряный злотый.

(*) Въ то время водилось такъ, что подобьетъ какой-нибудь повѣса дѣвушку, увезетъ на Запорожье, продастъ (Татарамъ), а самъ воротится домой. Мнѣ одинъ человѣкъ признавался: »Я«, говоритъ, »продалъ Варвару, и до сихъ поръ каюсь, и ужъ никогда не женюсь.«

И не женился.

(**).... Тотъ Арти́пармакъ водилъ Орду по всей Украйнѣ, и гдѣ позволено было ей брать плѣнныхъ, тамъ и брала она. Была та Орда въ

Орда́ въ Капу́стиній, и въ Ірка́хъ, и въ Калнйболотахъ. А тутъ наро́дъ зійшо́вся зъ ціпа́ми: »Ходімо, вйбъемъ вра́жу Орду́, щобъ ії й ду́ху не було́ !«

А Арти́пармакъ сказа́въ: »Не займа́йте, бо пу́шки на васъ наведу́ и всіхъ ви́бъю, а Орда́ зоста́нетця ціла.«

Та й повернувъ на Криві Коліна, да тамъ уже́ не зна́ю, де вінъ ії дівъ. Ма́буть, де взя́въ, туди́ й ви́вівъ.

А въ насъ тогді бувъ коза́къ Ку́зубъ. Той и ка́же: »Поідемо, бра́тці, за Ордо́ю, чи не доста́немо по червінцю.«

Отъ мій ба́тько, да ще́ оди́нъ чоловікъ, да той Ку́зубъ сіли на ко́ней та й поіхали. Приіхали въ Ірки, ажъ тілько въ одній ха́ті три Татарюги сидя́ть посере́дъ ха́ти го́лиі и грію́тця коло́ огню́, бо се було́ въ-зи́мку, и люльки ку́рять. Отъ на́ші іхъ повбива́ли та, не знайшо́вши при нихъ нічо́го — бо ска́зано голо́та — и повернули додо́му. Коли́ жъ зустріча́ють вата́гу козакі́въ: те́-жъ ідуть на ча́ти.

»Здоро́ві, козаки́!«

»Здоро́ві!« ка́жуть на́ші.

Капустной, и въ Иркахъ, и въ Кальниболотахъ. Народъ собрался съ цѣпами: »Пойдемте, перебьемъ вражью Орду, чтобъ и духу ея не осталось!« Но Артипармакъ сказалъ: »Не троньте, ато наведу на васъ пушки и всѣхъ перестрѣляю, а Орда останется цѣла.« И повернулъ на Кривыя Колѣна, и не знаю ужъ, гдѣ онъ тамъ ее дѣвалъ. Видно, откуда взялъ, туда и вывелъ.

А у насъ былъ тогда козакъ Кузубъ. Онъ и говоритъ: »Поѣдемъ, братцы, въ погоню за Ордой, не добудемъ ли по червонцу.« Вотъ мой отецъ, да еще одинъ человѣкъ, да тотъ Кузубъ сѣли верхомъ и поѣхали. Пріѣхали въ Ирки, смотрятъ — только въ одной хатѣ три Татарина сидятъ голые среди хаты, грѣются у огня — это было зимою — и курятъ трубки. Наши ихъ перебили и, не найдя при нихъ ничего — извѣстно, голь — воротились домой. Какъ встрѣчаютъ ватагу козаковъ: тоже ѣдутъ на поиски. »Здравствуйте, козаки!« — »Здравствуйте!« говорятъ наши. »А гдѣ вы были?« — »Да вотъ«, говорятъ, »ѣздили за

»А дѐ ви були́?«

»Та оцѐ«, ка́жуть, »іздили за Ордо́ю.«

»А що́ ви тамъ ба́чили?«

»Нічо́го. Трохъ го́лихъ Тата́ръ уби́ли та й верну́лись зъ поро́жніми рука́ми.«

»Дава́йте жъ сюди́, вра́жі сини́, и своіхъ ко́ней!«

Та й побра́ли въ нихъ ко́ней. А вони́ серде́шніі му́сили йти додо́му пішки. То сміху́, сміху́ опісля́ зъ того́ було́! Отта́къ вою́й Орду́! До́вго сміялись, якъ було́ зберу́тця у купна́ніі.

4.

ПРЕДАНІЯ ОБЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ ЗВЕНИГОРОДКѢ. (*)

Черезъ Звенигоро́дку тече́ невели́чка річка *Погибна*. Та и ввесь байра́къ зове́тця Погибна. Коли́сь тамъ були́ вели́кіі ло́зи. Отъ Татарва́ якъ набігла, то кілько чоловікъ сховалось та й сидя́ть у тихъ ло́захъ. Коли́ жъ дивлятця, ажъ Татарю́га піймавъ чоловіка та й веде́ чере́зъ місто́къ. То вони́ й ка́жуть: »Отъ поги́бне чоловікъ ні за соба́ку!«

Ордой.« — »Что жъ вы тамъ видѣли?« — »Ничего. Троихъ голыхъ Татаръ убили и воротились съ пустыми руками.« — »Подавайте жъ намъ, вражьи сыны, и своихъ лошадей!« И забрали лошадей у нихъ. А они бѣдняги принуждены были воротиться домой пѣшкомъ. Такъ ужъ сколько было смѣху послѣ! Вотъ какъ воюютъ съ Ордою! Долго смѣялись, какъ соберутся бывало въ компаніи.

(*) *Переводъ.*—Черезъ Звенигородку течетъ небольшая рѣчка *Погибна*. Да и весь оврагъ называется Погибною. Когда-то росли въ немъ густыя лозы, и во время Татарскаго набѣга нѣсколько человѣкъ тамъ спрятались. Смотрятъ — Татаринъ поймалъ человѣка и ведетъ черезъ мостикъ. Они и говорятъ: »Вотъ погибнетъ человѣкъ ни за собаку!« А

А одúнъ ка́же: »Побіжу́ я ёго́ оборонію́; у мене́ ціпъ е.«

Да зъ ціпомъ до того́ Тата́рина вúскочивъ та и вбúвъ Тата́рина, и чоловіка одня́въ.

То вже тогді ти́і лю́де й ка́жуть: »Отъ же, якъ мавъ чоловікъ погúбнути, то неха́й лу́чче річка зовётця Погúбною, щобъ тутъ уже́ нікóли лю́де не погиба́ли!«

А оцюди́ черéзъ го́ру есть о́зеро *Топи́ло*. Тамъ хлóпець чищó втопúвсь, та й прозва́ли Топúломъ. А вонó такъ, що якъ лі́то жаркѐ, то все й вúсохне.

А за тіéю долúною, черезъ стрѐлицю (1)—уро́чище *Коза́цький Курінь*. Якъ було́ ще тутъ колúсь старóство, то було́ старостя́ньскиі козакú стережу́ть дубúни.

А ще есть тутъ у Gудзіївці могúла *Звенúгородъ*. Бо́гъ ії зна́е, чого́ вона́ такъ зове́тця. Тілько ка́жуть, що Звенúгородъ бувъ колúсь коза́чий го́родъ: одъ жа́дного двора́ коза́къ вихо́дивъ. И на са́мій оттіи могúлі су́дъ стоя́въ, бо го́родъ далéко росхо́дився. А въ Gудзі-

---

одинъ говоритъ: »Побѣгу я обороню его; у меня цѣпъ есть.« Выскочилъ съ цѣпомъ къ Татарину и убилъ Татарина, а человѣка выручилъ. Тогда тѣ люди говорятъ: »Вмѣсто того, чтобъ человѣку погибнуть, пусть лучше рѣчка называется Погúбною, чтобъ ужъ никогда въ ней люди не погибали!«

А здѣсь за горой есть озеро *Топúло*. Тамъ мальчикъ, что-ли, утопъ, отъ-того и прозвали озеро Топúломъ. А оно въ жаркое лѣто высыхаетъ до дна.

А за той долиной, пройдя лѣсокъ, — урочище *Козацкій Курень*. Какъ было еще тутъ когда-то старóство, то бывало старостинскіе козаки сторожатъ дубовый лѣсъ.

А есть еще тутъ въ Гудзіевкѣ могила *Звенúгородъ*. Богъ знаетъ, отъ-чего она такъ называется. Говорятъ только, что Звенигородъ былъ когда-то козачій городъ: всякій дворъ поставлялъ козака. И на самой этой могилѣ стоялъ судъ: городъ далеко раскидывался. А въ Гудзіевкѣ

---

(1) Жидкій лѣсокъ.

івці живъ колись чоловікъ Гудзь, то одъ ёго вже и вся слобода Гудзіёвкою прозвалась.

Ще *Шугайлова* могила есть. А звалась вона Шугайловою ще тогді, якъ Україною князі правили (1). То було оце якъ стануть грянічитьця, то село на село йде. Той каже: »Сюди грянича!« а той каже: »Сюди!« Такъ одинъ козакъ, Шугайло, вискочивъ коне́мъ на могилу, а ёго зъ того боку кулею якъ далі, такъ вінъ зъ коня. Тамъ ёго й закопали, и могила зъ того часу якъ Шугайлова, то й Шугайлова.

А у самому городі, оце саме, де городничий живе, зовётця *Натягайлівка*. Що було якъ бъётця навкулачки парафия на парафию, то якъ доженуть до того міста, то вже добре за чуби натягають; отъ и Натягайлівка.

А де тепе́ръ живе́ Головачёвський, то звався *Грецький Кутокъ*. Було якъ збираютця на грець, чи то, бачъ, навкулачки,

---

жилъ когда-то человѣкъ Гудзь, такъ по немъ и вся слободка прозвалась Гудзіевкой.

Еще есть *Шугайлова* могила. А назвалась она Шугайловою еще тогда, когда Украйной управляли князья. Вотъ бывало какъ начнутъ спорить за границы, такъ село и идетъ на село. Одинъ говоритъ: »Тутъ граница!« а другой: »Тамъ!« Вотъ одинъ козакъ, Шугайло, взбѣжалъ верхомъ на могилу, а его какъ хватила пуля съ противной стороны, такъ онъ съ коня. Тамъ и погребли его, и могила съ того времени прозвана Шугайловой.

А въ самомъ городѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ живетъ городничій, урочище *Натягайловка*. Бывало, какъ выйдетъ одна парафія противъ другой на-кулачки, да какъ нагонятъ другъ друга на этомъ мѣстѣ, такъ ужъ за чубы порядкомъ натягаютъ; вотъ и Натягайловка.

А гдѣ теперь живетъ Головачёвскій, то мѣсто звалось *Грецкій Кутокъ*. Бывало, какъ соберутся на *грець*, то есть на-кулач-

---

(1) На вопросъ мой: »Які князі?« Дмитро отвѣчалъ: «Полякі«.

то зійдутця на той кутóкъ самúі старúі та й розкладáютъ рáду, якъ зайтú, чи зъ того̀, чи зъ того̀ бóку, кому́ попèреду, а кому́ позàду, а кому́ по бокàхъ итú; и такъ собі тáйно змóвлятця да пóтімъ ужé й пускàють дітвóру, ажъ пóки й до старúхъ дійде. Було́ оцé такúй старúй чоловікъ бýде, якъ я, то бóроду въ зýби та й пішóвъ гуля́ть зъ кулакáми; та чáсомъ старúй бъéтця ще лýчче молодóго. Тепèръ якъ гуля́ть, то йдýть абó на музúки, абó у шúнкъ, а тогдì — то всè навкулáчки. Оцé зострінутця де-нéбудъ хлóпці:

»Здорóвъ, брáте!«

»Здорóвъ!«

»А давàй навкулáчки!«

»Давáй!«

Той того̀ въ грýди, а той того̀. (1)

А по сéй бікъ Погúбної — *Кучугýрівка*. Колúсь сéе мíсто було́ зовсімъ пустè. То якúйся чоловікъ прийшóвъ, чи зъ Бердúчова, чи що, на слобóду та й сівъ собі коло́ Погúбної. Отó призивáють ёго́ панú: »Якъ тебé зовýть?«

ки, то самые старые бойцы сойдутся въ этомъ куткѣ и держатъ совѣтъ между собою, какъ заходить, съ той, или съ другой стороны, кому впереди, кому позади, кому по сторонамъ идти, и, условившись между собой, пускаютъ сперва мальчишекъ въ драку, а потомъ доходитъ дѣло и до старшихъ. Бывало выйдетъ на-кулачки такой старикъ какъ я, — бороду въ зубы и пошелъ гулять съ кулаками, и иной разъ старый дерется лучше молодого. Теперь сбираются гулять туда, гдѣ музыка, или въ корчму, а тогда — всѣ на-кулачки. Встрѣтятся гдѣ-нибудь мальчишки: »Здравствуй, братъ!« — »Здравствуй!« — »Давай на-кулачки! — Давай!« и тотъ-часъ одинъ другого въ грудь.

А по сю сторону Погибной — *Кучугýровка*. Мѣсто это было когда-то совсѣмъ пусто; наконецъ приходитъ какой-то человѣкъ *на слобóду*

---

(1) Этимъ поясняется примѣчаніе Архипа Оржицкаго на стр. 20.

»Олійникъ.«

»Э, трéба тобі дрýге прізвище дать, щобъ тебé твоі панú звідти не взялú«. (1)

»Та я«, кáже, »панóве, на такúхъ кучугýрахъ сівъ, що нíхтó не зàйде, ні заіде«.

»Ну, будь же ти Кучугýромъ«.

»Якъ Кучугýръ, то й Кучугýръ, да опісля́ и ввесь той кутóкъ назвáвся Кучугýрівкою.

А по тòй бікъ річки Звенигорóдки зовéтця міcто *Ця̀півка.* Тò жъ булá колúсь пустúня, а одинъ чоловíкъ изъ жінкою прийшóвъ на слобóду жъ такú та й сівъ собі одúнъ одúмъ за річкою. Такъ булó жінка ёгó вèйде въ-рáнці та на курéй: *Куръ, куръ! цяпъ, цяпъ!* А лю́де зъ сёгó бóку, смію̀тця булó та й прозвàли тогó чоловíка Ця́помъ, а одъ Ця́па и ввесь кутòкъ ставъ Ця́півка.

А ще, якъ іхати на Калнúболота, то, одъ гóрода верстóвъ пя̀ть, стоíть кáмень *Пù̀санка,* що синú постáвили колúсь надъ

изъ Бердичева, что ли, и поселяется возлѣ Погибной. Вотъ и призываютъ его къ себѣ паны: »Какъ тебя зовутъ?« — »Олійникъ.« — »Нѣтъ, надобно тебѣ дать другое прозвище, чтобъ твои господа не взяли тебя оттуда.« (1)—»Да вѣдь я«, говоритъ, »господа, поселился на такихъ *кучугýрахъ* (2), что ко мнѣ нѣтъ никакого доступа.« — »Ну, будь же ты Кучýгуромъ.« И пошелъ онъ называться Кучугуромъ, а потомъ и весь тýтъ конецъ назвался Кучугуровкою.

А по ту сторону рѣчки Звенигородки зовется мѣсто *Ця́пивка.* Тоже было когда-то пустошью, и пришелъ одинъ человѣкъ съ женой на слобóду же и поселился особнякомъ за рѣчкою. Вотъ бывало жена его выйдетъ утромъ изъ хаты и зоветъ куръ: *Куръ, куръ! цяпъ, цяпъ!* А люди съ этой стороны бывало смѣются и прозвали того человѣка Ця́помъ, отъ Ця́па и весь околотокъ началъ называться Ця́пивкою.

А еще по дорогѣ въ Кальнúболота, верстахъ въ пяти отъ города,

---

(1) Чтобы выразумѣть это мѣсто, надобно оглянуться на стр. 84 — 86.

(2) Мѣсто, гдѣ горы нагромождены кучами.

ба̀тькомъ. Пи́санка той бувъ ро́домъ изъ Стебно́го [дві версті одъ Звенигоро́дки], старѝй, дідѝзний чоловѝкъ; и такѝй, ка́жуть, бувъ коза́къ, що -неха́й до ёго́ стреля̀е, то ру́ку наста̀вить да й ку̀лі верта̀е наза́дъ. Якъ ще були́ козаки́ у старосци́ни Солтико̀вої, то вже було́ безъ ёго́ не пѝйдуть гряни́читьця, бо не іхъ бу́де си́ла. А якъ же Пи́санка є, то вже йдуть смѝло. Такъ отъ надъ тимъ-то Пи́санкою и стоѝть той ка́мінь Пи́санка.

Изучая воспоминанія нашихъ современниковъ о недавней старинѣ, мы получимъ возможность представить себѣ ясно положеніе дѣлъ въ эпохи отдаленнѣйшія, о которыхъ до насъ дошли только немногія лѣтописныя и архивныя извѣстія, въ смыслѣ живописи исторіи. Между положеніемъ Западной Украйны въ концѣ прошлаго столѣтія и положеніемъ Украйны Обѣихъ Сторонъ Днѣпра до возстанія Хмѣльницкаго существуетъ параллель, взаимно объясняющая обѣ одна отъ другой отдаленныя эпохи. Напримѣръ, изустные разсказы о томъ, какъ въ-старину *граничились* сосѣди помѣщики, или старосты (что̀ въ этомъ случаѣ значило почти одно и то же) совпадаютъ съ документальными преданіями о пограничной войнѣ Адама Киселя съ Іереміею Вишневецкимъ. Документы объ этомъ у меня въ рукахъ, и я ихъ напечатаю въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

стоѝтъ камень *Пи́санка:* когда-то сыновья поставили его надъ отцомъ. Пи́санка тотъ былъ родомъ изъ Стебно́го [въ двухъ верстахъ отъ Звенигородки], старый, дѣдовскихъ временъ человѣкъ, и такой былъ козакъ, что ты стрѣляй въ него, а онъ руку подставитъ и возвращаетъ тебѣ пули. Когда еще служили козаки у жены старо́сты, Солтыковой, то бывало безъ него никогда не выступятъ драться съ сосѣдями за границу: не на ихъ сторонѣ будетъ сила. А съ Писанкой идутъ смѣло. Такъ надъ тѣмъ-то Писанкой и стоитъ тотъ камень Писанка.

5.

ПОГРАНИЧНЫЯ СХВАТКИ ЖОЛНѢРОВЪ СЪ КОЗАКАМИ. (*)

Есть десь річка Жовтѐнька. То по одну́ сто́рону, на за́ходъ со́нця, стоя́ли жовніри, а проти́въ со́нця стоя́ли Запоро́зці. Изій-дутця було́ въ шинкъ на дешéву горілку. То жовніри, а то козаки́; у ряду́ сидя́ть собі. Та якъ напъю́тця горілки, то й заведу́тця би́тьця за гряни́цю, та ча́сомъ кото́рий кото́рого й зарубає. А да́лі вже та̀къ завели́сь, що ста́ли й дуже би́тьця, и проженýть бува́ло жовні́рівъ ажъ гѐть за сло́боду, а въ слободі позабіра̀ють усé та й вѐрнутця. То жовніри проси́ли короля́, щобъ поста́влено імъ пéвну гряни́цю. Отъ коро́ль и ка̀же козака́мъ: »Приженіть тихъ жовні́рівъ ажъ у Варша̀ву.« Отъ вони́ якъ пригна̀ли, то коро́ль и ка̀же ота́ману: »Чимъ тебé наградúть? Отъ тобі награ́да: де поба́чишъ Жѝда, або бага́того мужика̀, то печи́ й дери́.« Такъ оттогді-то бувъ Нечà̀й и Хмельнѝцький.

Отбросивши въ этомъ преданіи конецъ, въ которомъ грубѣ́йшій смыслъ гайдамачества смѣшанъ съ неяснымі воспоминаніями

(*) *Переводъ.*—Есть гдѣ-то рѣчка Желтенькая (Желтыя Воды). На западной сторонѣ стояли *жолнѣры* (Польскіе солдаты), а на восточной Запорожцы. Соберутся бывало въ кабакъ на дешевую водку и сидятъ рядомъ; да напившись и начнутъ драться за границу и иного на смертъ изрубятъ. Наконецъ ужъ такъ раззадорились, что стали драться не на шутку, и прогонятъ бывало козаки жолнѣровъ далеко за слободу, а слободу разграбятъ и воротятся. Такъ жолнѣры просили короля, чтобъ опредѣлилъ имъ точную границу. Тогда король и говоритъ козакамъ: »Гоните жолнѣровъ въ самую Варшаву«, и когда козаки ихъ пригнали, то король и говоритъ отаману: »Чѣмъ тебя наградить? Вотъ тебѣ награда: гдѣ увидишь Жида, или богатаго мужика, жарь его и грабь.« И вотъ тогда-то были Нечай и Хмѣльницкій.

о Хмѣльницкомъ, обращу опять вниманіе читателя на параллель между концомъ и началомъ козачества, которая въ немъ высказывается. *Дикое Поле* было ареною борьбы между злоупотребленіями пановъ и реакціею козачества, стоявшаго за равновѣсіе сословій. Что разсказано здѣсь Дмитромъ Погорѣлымъ въ сбивчивыхъ припоминаньяхъ слышаннаго, то въ думѣ о Ганжѣ Андыберѣ (1) облечено въ поэтическія краски; но обѣ повѣсти, по характеру событій, могли бы имѣть мѣсто какъ во времена Наливайка, такъ и во времена Зализняка.

Отъ пребыванія моего въ Звенигородкѣ въ записной моей книжкѣ остались еще два разсказа очевидца о Запорожцахъ, съ помѣткою: »Пасічникъ изъ Кременчуга.« Теперь уже я не могу припомнить, какъ я встрѣтился съ этимъ пасичникомъ; но разсказы его не нуждаются въ характеристикѣ разскащика.

1.

ЗАПОРОЖЦЫ НА СВОИХЪ РЫБНЫХЪ ЛОВЛЯХЪ. (*)

Я служивъ два года у Берславі, а тамъ недалеко рибні заводи Запорозькиі. То було якъ прійдешъ у заводъ, то воні тебе не станутъ питать, що ти за чоловікъ, а зразъ: »Дайте лишъ козаку попоісти, та й горілки чарку піднесіть, бо вінъ, може, здалека йде, то втомивсь.«

(*) *Переводъ.* — Я служилъ два года въ Бериславѣ, а оттуда невдалекѣ были Запорожскіе рыбные *заводы*. Бывало, какъ придешь на заводъ, то Запорожцы не спрашиваютъ, что ты за человѣкъ, а тотчасъ: »Дайте-ка поѣсть козаку и чаркой водки попотчивайте; можетъ быть, онъ пришелъ издалека и усталъ.« А когда поѣшь, то еще ложись

---

(1) См. ниже.

Отъ якъ наісйсь, то ще ля̀жъ одпочи́нь, да тогдѝ вже пита́ють: »Хто̀ ти таки́й? Мо́же, робо̀ти шука́ешъ?«

Отъ и ска́жешъ: »Шука̀ю.«

»Такъ и въ на̀съ е робо́та; приставáй!«

То й приста́нешъ, и ча́сомъ за мі́сяць рублівъ два̀дцять зарóбишъ.

А наро́дъ бувъ усé роскòшний. Ши́ї таки́ї, що хочъ обі́дде гни. Уже́ вони́ до себе́ якого-не́будь не прийму́ть. А у́си до́вгі, що ажъ за у̀ши позакла́дують. У недíлю було́ зберу́тця гуля̀ть; то бага́тиї осо̀бо, а вбóгиї осо̀бо. Бага́тиї й шатѐръ собі напну́ть и справля́ють ба̀лъ: горíлку пьють, у ка̀рти, а найбíльше въ ша̀шки, гра́ють. На ко̀бзі було́ лірникъ імъ гра́е, підобга́вши но́ги, а вони́ танцю́ють. Пíйде було́ навприсядки, то гѐть обíйде — чо̀ртъ зна́е де. То вже наро́дъ муштро̀ваний бувъ! Або́ ко̀лесомъ пíйде... то чо̀ртъ ёго́ зна́е, якъ вíнъ тамъ ко́титця: зовсíмъ якъ ко́лесо! (1)

отдохни, а потомъ уже спрашиваютъ: »Кто ты таковъ? Не ищешь ли работы?« Ну, скажешь имъ: »Ищу.« — »Такъ и у насъ есть работа; приставай къ намъ.« Пристанешь бывало на работу и иной разъ въ мѣсяцъ рублей двадцать заработаешь.

Народъ былъ, эти Запорожцы, дородный. Шеи у нихъ — хоть ободье гни. Ужъ они въ свое общество какую-нибудь дрянь не примутъ. А усы такіе длинные, что за уши закладывались. Въ воскресенье соберутся бывало гулять: богатые особо, а бѣдные особо. Богатые разобьютъ палатку и дѣлаютъ балъ: водку пьютъ, играютъ въ карты, а всего больше въ шашки. Кобзарь бывало играетъ имъ на кобзѣ, поджавши подъ себя ноги, а они танцуютъ. Пустится бывало въ-присядку, то далеко, чортъ знаетъ какъ далеко, обойдетъ кругъ. То̀ ужъ народъ былъ ученый! Или какъ пойдетъ колесомъ кататься... то чортъ его знаетъ, какъ онъ катится: ну, колесо да и только! (1)

---

(1) То, что̀ разсказывается здѣсь объ отособленіи богатыхъ и убогихъ, воспѣто въ пѣснѣ, напечатанной въ сборникѣ г. Метлинскаго, на стр. 449.

Тéмна хмáра наступа̀е, ставъ до̀щикъ иттú,
Благослови́, отáмане, намѐтъ напасти́!

2.

ЗАПОРОЖСКОЕ ЦѢЛОМУДРІЕ. (*)

Роскáзувала однá старá бáба, що, кáже, якъ булà я дівкою, то, кáже, Запорóжець ставъ зо мнóю жартувàть. А дрýгий стоіть да й кáже: »Врàжий сúну! нà що ти зъ дівкою жартýешъ? хибá тобі немá молодúці?«

»Я«, кáже, »тільки тàкъ.«

Да вúнявъ зъ кишéні такýу хорóшу шовкóву хýстку! да й кáже: »Нà жъ тобі, бісова дівко, носи. Се тобі за тè, що съ тобóю пожартовàвъ.«

(*) *Переводъ.* — Разсказывала одна старуха, что когда я, говоритъ, была дѣвушкою, то Запорожецъ началъ заигрывать со мной. А другой стоитъ и говоритъ: »Вражій сынъ! зачѣмъ ты съ дѣвушкою шалишь? развѣ мало тебѣ молодицъ?« — »Я«, говоритъ, »только такъ.« Потомъ вынулъ изъ кармана такой славный шелковый платокъ! и говоритъ: »Возьми, чортова дѣвка, и носи. Это я за то тебѣ даю, что пошалилъ съ тобой немножко.«

Ой напяли́ козачéньки червóний намѐтъ,
Беру́ть вонú вино́, пúво и соло́дкий медъ.
Усі панú, усі дукú въ намѐту сіли,
На́ше бра́ття сірома́шня та й не посмі́ли,
Взяли́ ква́рту мéду зъ жáрту, на дощі сіли.
Иде́ коза́цький отама́нъ, ста́ло ёму́ жàль;
Взявъ изъ сéбе голуби́й жупàнъ, намъ намѐтъ напъявъ —
Иде́ бага́чъ, та йде дука́чъ, пъянъ валя́етця,
Зъ коза́цького отама́на насміха́етця:
»За що та́я голо́тонька напивàетця!« (Тутъ пропускъ.)
Оди́нъ веде́ за чупри́ну, другúй ду́ла бъе;
»Не йди́ туди́, вра́жий сúну, де голо́та пъе!«

А вже въ іхъ тàкъ (разсказывалъ мнѣ ***Климъ Бѣликъ*** въ Кумéйкахъ), що якъ садовúшъ, то садовúй бага́того и вбо́гого; а якъ же нi, то й хазя́ина по гру́дяхъ: »Ма́терi твоїй бісъ! бага́того, такъ и трактýешъ, а менé, такъ и нi!«

Такъ какъ я, по поводу исторіи сотника Харка, разсказалъ уже о своемъ знакомствѣ съ древнимъ человѣкомъ мѣстечка Смилой, Кондратомъ Таранухою, то, чтобъ не возвращаться къ нему послѣ, завернемъ въ его низенькую хату и послушаемъ его разсказовъ.

1.

ЛЕГЕНДА О БОГДАНѢ ХМѢЛЬНИЦКОМЪ. (*)

Хмельни́цький пѐрвый підня́въ гайдама́къ. Написа́въ таки́й листъ, що: »Гей! хто́ до мене́ приста́не?« та й назбира́въ козакі́въ. Якъ назбира́въ, то й почали́ різати Ляхівъ и Жидову́. А якъ поба́чить було́ хоро́шу па́ні, або́ Жидівку, то зми́луетця та й перехрѝстить у свою́ віру. И панівъ перехри́щуввавъ... Отъ, якъ ста́въ воёва́ть, якъ ста́въ воёва́ть, то повоёва́въ Ляхівъ ажъ по Случъ; одісла́въ вій́ську додо́му, а надъ Слу́ччу поста́вивъ вітряни́і бараба́ни. Що подмѐ вітеръ, то Ляхи́ ду́мають, що у коза́цькому вій́ську въ тру́би гра́ють, да й боя́тця йти́ за Случъ. А Хмельни́цький тимъ ча́сомъ ба́чить, що бага́цько ли́ха наробѝвъ, та взявъ да й полѝзъ до короля́ прохáти ми́лости. А коро́ль наряди́въ одина́дцять катівъ у королѐвське пла́тте, а са́мъ двана́дцятий

(*) *Переводъ.* — Хмѣльницкій первый поднялъ гайдамакъ. Написалъ онъ такую бумагу, въ которой сказано: »Эй, ко мнѣ, молодцы!« и собралъ вокругъ себя козаковъ. Собралъ — и давай съ ними рѣзать Ляховъ и Жидовъ. Но когда увидитъ бывало красивую пани, или Жидовку, то умилосердится и перекреститъ въ свою вѣру. И пановъ перекрещивалъ.... Вотъ, какъ принялся воевать, то завоевалъ у Ляховъ землю по самую Случь; потомъ отослалъ войско домой, а надъ Случью поставилъ вѣтряные барабаны. Вѣтеръ подуетъ, а Ляхи думаютъ, что то въ козацкомъ войскѣ играютъ въ трубы, и боятся идти за Случь. А Хмѣльницкій между тѣмъ увидѣлъ, что надѣлалъ бѣды, и полѣзъ къ королю просить милости. Вотъ король нарядилъ одинадцать палачей въ

ставъ. Якъ прилізе Хмельни́цький до яко́го ка́та, за́разъ ёму́ го́лову одтя́ть. Отъ же Хмельни́цький не полізъ и до одно́го ка́та, да пря́мо до короля́. Прилізъ до ёго́ ра́чки и впа́въ у но́ги. То коро́ль піднявъ ёго́ за го́лову та й сказа́въ: »Ой ти, свавóльнику! бага́цько ти неви́нныхъ душъ занапасти́въ!«

2.

ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ И ПАЛИ. (*)

Мазе́па боя́вся Палія́, щобъ вінъ ёго́ не звоёва́въ, та взявъ ёго́ да й замурова́въ у стовбъ у таки́й, що тілько мале́ньке вікóнце, а то ввесь замурóваний; и якъ хто пода́сть у те вікóнце шмато́къ хліба, то тілько вінъ и жи́въ. Отъ, замурова́вши Палія́, и ставъ Мазе́па воёва́ть зъ Царе́мъ. А тогді ще Моско́вськоі землі бувъ тілько оди́нъ рука́въ та й го́ді. А се вже тепе́ръ такъ Государь розжи́вся: давъ Госпóдь милосе́рдний, що позавоёвувавъ собі и городівъ, и земе́ль. А тогді Моско́вськоі землі було́ тілько такъ,

---

королевское платье, а самъ сталъ между ними двѣнадцатый, и велѣлъ — лишь только Хмѣльницкій прилѣзетъ къ которому-нибудь палачу, тотъчасъ отсѣчь ему голову. Но Хмѣльницкій не полѣзъ ни къ одному палачу, а прямо къ королю. Прилѣзъ къ нему на червенькахъ и упалъ къ ногамъ. Тогда король поднялъ его за голову и сказалъ: »Ахъ, ты, *своевольникъ!* много ты невинныхъ душъ погубилъ!«

(*) *Переводъ.* — Мазепа боялся Палія, чтобъ онъ его не побѣдилъ, и заложилъ его въ каменномъ столбу, въ которомъ было только маленькое окошечко. Кто-нибудь подастъ кусокъ хлѣба въ окошко — тѣмъ только и питался Палій. Засадивши Палія въ столбъ, началъ Мазепа воевать съ Царемъ. А въ то время Московской земли былъ только одинъ рукавъ. Это ужъ теперь такъ Государь разжился: помогъ Ему Господь милосердый завоевать городовъ и земель. А тогда Московской земли бы-

якъ на рукàвъ. Отъ зовсімъ ужé Мазéпа одоліває Царя́. А Царь якъ дочу́всь, що въ такімъ и такімъ містéчку замуро́ванъ у стовбъ Палія́, за́разъ, послáвъ такúхъ, що розруйнова́ли геть чúсто той стовбъ. Отъ, якъ вúпустили Палія́, то вінъ ажъ тремтúть увéсь, тàкъ ослáбъ. То Царь му́сивъ прохáти у Мазéпи на дванáдцять день згòди, поки одхàявъ Палія́. А якъ одхàявъ, то Палій сівъ на коня́ да объіхавъ кругóмъ Мазéпине вíйсько, да якъ постàвивъ оттáкъ (1) рáтище, то імъ здалóсь, що то лісъ стоітъ. Отъ вонú и почалú іхаті черезъ той лісъ, схиля́ючись; а Палієви козакú давàй рубáть імъ гóлови. А Мазéпа постерігъ, що лúхо, да якъ удàрить у тарабáни: »Гей, брàтці, втікàйте, бо ще старúй собáка жúвъ!«

Здѣсь кстати привести другую легенду о тѣхъ же лицахъ, записанную мною со словъ П. Е. Чуйкевича, который слышалъ ее отъ чабана близъ Новой Басани, Переяславскаго уѣзда Полтавской губерніи. Въ ней фантастическій элементъ преобладаетъ надъ историческимъ еще въ сильнѣйшей степени, и самыя имена переиначены. Семенъ Палій обращенъ въ Степана Плаху, а Мазепа

ло не больше, какъ рукавъ. Вотъ Мазепа совсѣмъ одолѣваетъ Царя. А Царь услышалъ, что въ такомъ-то мѣстечкѣ заложенъ въ столбъ Палій, и тотъ-часъ послалъ разорить тотъ столбъ дочиста. Какъ выпустили Палія, то онъ весь дрожитъ, такъ ослабъ. Поэтому Царь принужденъ былъ просить у Мазепы на двѣнадцать дней перемирія, пока Палій не оправился. А лишь только оправился, — сѣлъ на коня, объѣхалъ кругомъ Мазепино войско и какъ поставилъ вотъ этакъ (1) копье, то имъ показалось, что то лѣсъ стоитъ. Вотъ и ѣдутъ они черезъ тотъ лѣсъ наклоняясь, а Палієвы козаки давай рубить имъ головы. Спохватился Мазепа, что бѣда, и ударилъ въ барабаны: »Эй, братцы, уходите: еще старый песъ живъ!«

---

(1) Тутъ Таранúха протянулъ рýку такъ, какъ будто держалъ отвѣсно, упéрши въ землю, копье.

является крестнымъ сыномъ царя Петра, Мазепенкомъ. Между г. Чуйкевичемъ и чабаномъ завязался какъ-то разговоръ о старинѣ, и молодой путешественникъ хотѣлъ прислужиться старому пастуху своими книжными свѣдѣніями. Но старикъ не повѣрилъ, чтобъ исторія Мазепы и Палія совершилась такъ просто и попотчивалъ его произведеніемъ народной фантазіи, которому не достаетъ только стихотворной формы, чтобы быть эпосомъ.

ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ. (*).

У Мазе́пи роди́вся сы́нъ. Царь Петро́ бувъ ку́момъ. Отъ, якъ уже́ були́ на підпи́тку, то Петро́ и призва́въ до себе́ козака́ Степа́на Пла́ху. [А той Степа́нъ Пла́ха таки́й бувъ чоловікъ, що знавъ усе́, що́ бу́де напере́дъ за сто лі́тъ.]

»Скажи́«, ка́же, »Степа́не Пла́хо, що́ зо мно́ю бу́де?«

»А о́тъ що зъ тобо́ю бу́де, Ца́рю«, ка́же Пла́ха: »черезъ три́дцять рі́къ твій хрище́никъ воёва́тиме на те́бе.«

»Бре́шешъ, Степа́не!« ка́же Петро́: »чи мо́жна, щобъ моє́ дитя́ підняло́ на мене́ ру́ки?«

Да й звелівъ забити Пла́ху въ кайда́ни и посади́ть у темни́цю, — не дава́ть ёму́ ні пи́ти, ні і́сти,, тілько рі́жо́къ зъ тоба́кою положи́ти біля ёго.

(*) *Переводъ*. — У Мазепы родился сынъ. Царь Петръ былъ кумомъ. Вотъ, когда ужъ подгуляли, Петръ и призвалъ къ себѣ козака Степана Плаху. [А Степанъ Плаха былъ такой человѣкъ, что зналъ все, что̀ будетъ за сто лѣтъ впередъ]. »Скажи«, говоритъ, »Степанъ Плаха, что̀ со мною будетъ?« — »Вотъ что̀ съ тобою будетъ, Царь«, говоритъ Плаха: »черезъ тридцать лѣтъ твой крестникъ будетъ воевать противъ тебя.« — »Лжешь, Степанъ!« говоритъ Петръ: »можно ли, чтобъ мое дитя подняло на меня руки?« И велѣлъ забить Плаху въ колодки, посадить въ темницу и не давать ему ни пить, ни ѣсть, только положить возлѣ него рожокъ съ табакомъ. »Вотъ«, говоритъ, »тебѣ,

»Отъ же«, ка́же, »тобі, Степа́не, рі́жо́къ тобà́ки. Коли́ твоя́ пра́вда, то ти въ темни́ці бу́дешъ жить три́дцять лі́тъ одно́ю тоба́кою; а коли́ брехня́, то зги́нешъ.«

Посади́въ та й байду́же опісля́ на того́ Пла́ху.

А Мазе́пенко тимъ ча́сомъ ростѐ, и, скоро спо̀внилось ёму́ три́дцять лі́тъ, за́разъ зібра́въ свою́ вата́гу — га̀йда въ степъ! да й забушова́въ. »Гей«, ка́же, »Ца́рю! дава̀й на погуля́нне!«

Петро́ жахну́вся: знавъ, що ніяко́ю си́лою не одоліе. Мазе́пенко бо сей таки́й бувъ ло́мусъ, що поста̀вивъ пу́шку на доло́ні та якъ стрѐливъ изъ Бико́ва, то дося́гъ ажъ у Остѐръ и розби́въ у Острі цѐркву. И до̀сі стоіть та це́рква розби́та.

Узяли́ Царя́ Петра́ ду́мки та га̀дки; сумує на столи́ці, не мо́же жа́дної ра̀ди приложи́ти. Коли́ жъ де взявсь стари́й салда̀тъ: »А що́«, ка́же, »Ца́рю! ба̀чъ тепе́ръ, що пра́вду каза́въ Степа́нъ Пла́ха?«

»Яки́й Степа́нъ Пла́ха?«

»А забу́въ христи́ни въ Мазе́пи? Тамъ Степа́нъ Пла́ха тобі

Степанъ, рожокъ табаку. Коли твоя правда, то ты будешь жить въ темницѣ тридцать лѣтъ однимъ табакомъ; а коли ложь, то погибнешь.« Посадилъ и позабылъ о Плахѣ.

Между тѣмъ Мазепенко (сынъ Мазепы) ростетъ и лишь только исполнилось ему тридцать лѣтъ, тотъ-часъ собралъ свою ватагу — гайда въ степь! и забушевалъ: »Эй«, говоритъ,« Царь! выѣзжай на *погуляньe*!« Петръ ужаснулся; зналъ, что никакою силою не одолѣетъ его. Этотъ Мазепенко былъ такой громадина, что поставилъ пушку на ладони да какъ выстрѣлилъ изъ Быкова, то досягнулъ до самого Остра и разбилъ въ Острѣ церковь. И до сихъ поръ стоитъ въ Острѣ разбитая церковь. Призадумался Петръ, горюетъ, сидя въ столицѣ, не можетъ ничего придумать. Какъ откуда ни возьмись старый солдатъ: »А что̀, Царь«, говоритъ онъ, »теперь видишь, что Степанъ Плаха говорилъ правду!« — »Какой Степанъ Плаха? — »А развѣ ты позабылъ крестины у Мазепы? Тамъ Степанъ Плаха сказалъ тебѣ, точно въ глазъ попалъ, что

сказа́въ, якъ у о̀ко вліпи́въ, що твій хріще́нихъ черезъ три́дяцть лі̀тъ воёва̀тиме на те́бе.«

То Петро́ ажъ за го̀лову вхопи́всь: »За̀разъ, за́разъ ви́пустить ёго́ зъ темни́ці!«

Пришлѝ до Степа́на царськії слу̀ги, та якъ гля̀нули на ёго, то ажъ за сѐрце іхъ заколупи́ло. На тому́ Степа́ну Пла́сі вже тільки ко̀жа да ко́сти; уве́сь ажъ мо́хомъ обрісъ, и борода́ до по́яса. Біля́ ёго́ ріжо́къ, тілько въ ріжку́ вже пу̀сто. Якъ-би́ ще днѐмъ, або́ двома̀ опізни́всь Петро́, то тілько бъ и ба̀чили Степа́на Пла́ху.

Отто́ за́разъ розби́ли на ёму́ кайда́ни, понеслѝ на носи́лкахъ до Петра́, бо кудѝ вже само́му ёму́ йти! Принеслѝ до Царя́, то Царь ажъ слізми́ вми́вся. »Простѝ«, каже́, »мене́, Степа́не, за твою̀ обѝду! Пришло́сь и мині тепе́ръ кру́то: Мазе́пенко гаса́е по степу́ та кли́че на погуля̀нне.«

То Пла̀ха тогді: »Не журі́сь, Ца́рю; вѝзволю тебе́ зъ бі̀ди, дай тілько мині вѝгулятьця на во́лі.

Отъ и пішо́въ гуля́ть. Пъе дѐнь, пъе дру̀гий, пъе трѐтій; и якъ вѝгулявсь, то бере́ зъ собо́ю одина́дцять козакі̀въ, а самъ два-

---

твой крестникъ чрезъ тридцать лѣтъ будетъ воевать противъ тебя.« Тогда Петръ схватился за голову: »Тотъ-часъ, тотъ-часъ выпустить его изъ темницы!«

Пришли къ Степану царскіе слуги, взглянули на него, — у нихъ и сердце заболѣло.

На Степанѣ Плахѣ уже только кожа да кости; весь онъ оброс мохомъ, и борода до пояса. Возлѣ него рожокъ, только въ рожкѣ ужъ пусто. Еслибъ еще днемъ, или двумя опоздалъ Петръ, то не застали бы въ живыхъ Степана Плахи. Тотъ-часъ разбили на немъ колодки и понесли на носилкахъ къ Петру — куда ужъ ему самому идти! Принесли къ Царю — Царь слезами облился. »Прости меня«, говоритъ, »Степанъ, за твою обиду. Пришлось и мнѣ теперь плохо: »Мазепенко разъѣзжаетъ по степи и зоветъ на *погулянье*.« Тогда Плаха: »Не горюй, Царь, выручу я тебя изъ бѣды, дай только мнѣ оправиться на волѣ.« Вотъ и пошелъ гулять. Пьетъ одинъ день, пьетъ другой, пьетъ третій; и когда

на̀дцятий, та й гайда̀ въ степъ. Ско́ро забà чивъ Мазе́пенкову ватáгу, за́разъ узя́въ та й объ їхавъ ї кругóмъ. Якъ объ їхавъ, то козаки́ Мазе́пенкови мовъ подуріли и ста́ли оди́нъ одного́ коло́ть да руба́ть. А Мазе́пенко навтікача̀; а Степа́нъ Пла́ха съ козака́ми за ни́мъ. Ско́ро настúгъ, за́разъ ёго́ и проколо́въ спúсомъ. Тільки то бісова тварь! Изожра́въ оди́нъ списъ, изожра́въ дрýгий, изожра́въ трѐтій, и такъ усі одина́дцять списівъ поівъ; та вже якъ уда́ривъ ёго́ Пла́ха своімъ двана́дцятимъ, тогді вже ёму́ й капу́тъ. А по́тімъ узя́въ Степа́нъ Пла́ха Мазе́пенка, спали́въ та й по́пелъ по степу́ розвіявъ.

Отъ за того́-то вра́жого Мазе́пенка розгнівався ду́же Царь Петро́ на Вкраіну. За́разъ шле ука́зъ, щобъ руба́ли въ пень уве́сь наро́дъ.

Уже́ й ша̀блі повийма́ли, щобъ руба́ть. А тутъ усю́ди въ тру́би та въ жоломійки смýтно та жа́лібно вигрàвають, а по церква́хъ молѐбні пра́влять, щобъ одвернувъ Госпо́дь гнівъ царськи́й.

Ажъ ось шле Петро́ дрýгий ука́зъ: вели́ть всімъ го́лови здийма́ть.

оправился, беретъ съ собой одинадцать козаковъ, а самъ садится на коня двѣнадцатый, и гайда въ степь! Лишь только увидѣлъ Мазепенкину ватагу, тотъ-часъ и объѣхалъ ее кругомъ. Объѣхалъ — тогда Мазепенкины козаки словно обезумѣли и стали одинъ другого колоть да рубить. Мазепенко — бѣжать, а Степанъ Плаха съ козаками за нимъ, и лишь только настигнулъ, тотъ-часъ и прокололъ его копьемъ. Да то была бѣсова тварь! Проглотилъ одно копье, проглотилъ другое, проглотилъ тертье, и такъ всѣ одинадцать копій переѣлъ; но какъ ударилъ его Плаха своимъ двѣнадцатымъ, тогда ужъ ему и конецъ. А потомъ взялъ Степанъ Плаха Мазепенка, сжегъ и пепелъ развѣялъ по вѣтру.

За того-то окаяннаго Мазепенка разгнѣвался крѣпко Царь Петръ на Украйну. Тотъ-часъ посылаетъ указъ, чтобъ рубили до остатку весь народъ. Уже и сабли вынули, чтобъ рубить. А тутъ вездѣ на трубахъ да на свирѣляхъ печально и жалобно играютъ, а въ церквахъ молебны служатъ, чтобъ отвратилъ Господь гнѣвъ царскій. Какъ вотъ, посылаетъ

То вже й шáблі поодпускáли, та щè такúй голівъ не здúймáють. А тутъ усю́ди въ трýби та въ жоломíйки смýтно та жáлібно вигравáють, а по церквáхъ молéбні прáвлять, щобъ помúловавъ Госпóдь невúннні дýши.

Колú жъ шле Петрó трèтій укáзъ: прощáе ввесь народъ. Тогдí вже всю́ди скóки та музúки. Звеселúвся ввесь лю́дъ Христиáнський.

Легенды объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, уклоняясь отъ точныхъ датъ и фактовъ, тѣмъ не менѣе интересны для историка-этнографа, какъ искреннее выраженіе образа мыслей народа и взгляда его на свою собственную исторію. Не принявъ во вниманіе того и другого, мы не проникнемъ въ самыя тайныя причины историческихъ явленій въ Малороссіи, и, изображая событія народной жизни, будемъ, такъ сказать, скользить по поверхности. Каждый, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіею Южно-Русскаго племени, согласится, что записанныя мною легенды и преданія во многихъ мѣстахъ болѣе или менѣе противорѣчатъ тѣмъ понятіямъ о здѣшнемъ народѣ, которыя онъ составилъ въ своемъ умѣ по сочиненіямъ лѣтописцевъ (1) и историковъ. Народъ какъ-будто стоитъ въ сторонѣ и смотритъ на свою исторію (или на то, что называютъ его исторіею), какъ на что-то внѣ его происходящее. Душа его всегда остается спокойною, о чемъ

Петръ другой указъ: велитъ всѣмъ головы снимать. Уже и сабли отпустили, но всё еще не снимаютъ головъ. А тутъ вездѣ на трубахъ да на свирѣляхъ печально и жалобно играютъ, а въ церквахъ молебны служатъ, чтобъ Господь помиловалъ невинныя души. Наконецъ посылаетъ Петръ третій указъ: прощаетъ весь народъ. Тогда ужъ всюду танцы да музыка. Возрадовался весь людъ Христіянскій.

---

(1) Не такихъ, разумѣется, какъ Самовидецъ, этотъ Несторъ Малороссійской исторіи.

бы ни разсказывалъ онъ въ своихъ преданіяхъ. Вы не замѣтите въ немъ ни тѣни политическихъ страстей, волновавшихъ такъ долго Малороссію. Онъ даже не сохранилъ чувства, которое можно бы назвать героическимъ. Онъ простодушно славитъ сильнаго, онъ смиренно клонитъ голову передъ всякою бурею въ родѣ той, какую воздвигла его фантазія въ легендѣ чабана о Мазепѣ и Паліи, и чаетъ своего спасенія отъ Бога, а не отъ людей. Какъ все это произошло въ немъ? Ужъ конечно не отъ упадка моральныхъ силъ, ибо самыя сказанія и пѣсни его о самомъ себѣ исполнены поэтической свѣжести, показывающей, что это племя находится еще въ періодѣ возможности высокаго нравственнаго развитія. Состарѣлости въ немъ вовсе незамѣтно. Откуда же на почвѣ, сплошь напоенной кровью, усѣянной костями, стрѣлами и »переколотыми шаблюками« , явилось племя такъ глубоко спокойное, хотя въ то же время оживленное неослабнымъ стремленіемъ къ лирическому выраженію своего настоящаго и эпическому — былого? Подобные вопросы неизбѣжно должны возникнуть въ умѣ этнографа въ-слѣдствіе изученія изустной словесности Малороссійскаго народа, а возникнувъ, они поведутъ его къ новому пересмотру всего, что̀ ни происходило въ Малороссіи. Восходя въ старину по доступнѣйшимъ для нашего изслѣдованія явленіямъ, мы мало-помалу разложимъ массу Южно-Русской исторіи на ея элементы, увидимъ взаимное дѣйствіе ихъ одного на другой и въ потемкахъ старины не останемся безъ свѣточа. Этимъ свѣточемъ будетъ для насъ современность. Только она, обнятая со всѣхъ сторонъ, поставитъ насъ въ возможность постигнуть подлинную, прямую жизнь народа въ его прошедшемъ, въ связи съ жизнію политической, которая, находясь подъ условіями жизни народной, въ свою очередь оказываетъ на нее болѣе или менѣе замѣтное вліяніе.

Есть у меня еще одна легенда о Мазепѣ и Паліи, записанная въ селѣ Кумейкахъ, между Каневомъ и Черкасами, отъ глубокаго старика, *Клима Білика*. Въ ней Царь Петръ омалоро́ссія-

ненъ народнымъ воображеніемъ еще болѣе, нежели въ двухъ первыхъ, и ни одной чертой не отчужденъ отъ родныхъ героевъ.

ТРЕТЬЯ ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ И ПАЛІИ. (*)

Був-то такúй Мазèпа, такúй-то гетьмàнъ, що й Цàрь ёго́ бáтюшкою звавъ. А Кочубéй да Искра довідались, що вінъ хóче зъ Швéдомъ бить на востóчного Царя́, та й пішлú до Царя́ до востóчного: »Эй«, кáжуть, »Цàрю востóчний! хóче Мазéпа на тебé бúть.«

А Царь не поня́въ віри. »Чи мòжна«, кáже, »щобъ вінъ на менé бивъ?«

Отъ же и въ пісні співáють:

»А Царь«, кáже, »віри не поня́въ
Та назàдъ іхъ одісла́въ.« (1)

Тíлькі що воні́ одішлú, ажъ біжúть гонèць до Царя́: »Становітця«, кáже, »на батàлію, ато Мазéпа бúтиме на васъ!«

(*) *Переводъ.* — Былъ когда-то гетманъ Мазепа, котораго и Царь называлъ батюшкой. А Кочубей съ Искрой узнали, что онъ хочетъ воевать съ Шведомъ противъ восточнаго Царя и пошли къ Царю восточному: »Гой ты, Царь восточный!« говорятъ они, »хочетъ Мазепа воевать противъ тебя.« Но царь имъ не повѣрилъ. »Можно ли«, говоритъ, »чтобъ онъ противъ меня воевалъ?« Поэтому и въ пѣснѣ поютъ:

А Царь віри не поня́въ
Та назàдъ іхъ одісла́въ. (1)

Только-что они отошли, какъ скачетъ гонецъ къ Царю: »Готовьтесь къ битвѣ«, говоритъ: »Мазепа на васъ ударитъ!« Царь изумился:

---

(1) Пѣсня эта напечатана во второмъ сборникѣ г. Максимовича, 1834 года, стр. 110 — 111.

То Царь тоді зумѝвся. »Біжѝ жъ«, ка́же, »чи не наженѐшъ іхъ! біжѝ якъ мо́жна, щобъ вінъ іхъ не потра́тивъ!«

Коли́ жъ прибіжѝть, ажъ імъ уже́ й го́лови одтя́то.

Ото́, якъ ставъ бить Мазе́па на Царя́, то Богъ зна́е, що́ й робѝть. Ажъ на розділъ на це́ркву постя́гувавъ у Бату́рині пу́шки да бивъ. Та̀къ избѝвъ, що вже — ка́же коза́къ (1) — та̀къ на́ше військо завертілося, що пропада̀ть да й тілько!

Царь бідкаетця. »Чи нема̀«, ка́же, »въ на́шому ца́рстві тако́го чоловіка, щобъ знавъ, якъ одоліть Мазе́пу? Неха́й обзива̀етця«, ка́же, »бу́ду жа̀ловать ёго́.«

А оди́нъ стари́й Запоро́жець осмѝливсь та й ка̀же: »Пійду́ я до Царя́ та й скажу́, що у насъ є̀сть таки́й, Палій Семе́нъ.«

[А пе́рвый Импера́торъ таки́й жорсто́кий бувъ, що тілько збреши́, то й го̀лову зніме.]

Та й пішо́въ.

»А чого̀ ти«, ка́же, »коза́че, прийшо́въ?«

»Прийшо́въ«, ка́же, »я, Ца́рю, пора́дить тебе́, що є̀сть у насъ таки́й чоловікъ, Семѐнъ Палій. Вінъ одоліе Мазе́пу.«

»Скачи«, говоритъ, »вслѣдъ за ними! спѣши какъ только можно, ато онъ ихъ погубитъ!« Прискакалъ гонецъ, а имъ ужъ головы отсѣкли.

Вотъ, какъ началъ Мазепа воевать противъ Царя, то Богъ знаетъ что̀ и дѣлать. Въ Батуринѣ встащилъ онъ пушки на самый *раздѣлъ* на церковь и всё стрѣляетъ. Такъ избилъ, что — говоритъ козакъ (1) — наше войско совсѣмъ завертѣлось; погибать да и только. Царь безпокоится. »Нѣтъ ли«, говоритъ, »въ нашемъ царствѣ такого человѣка, который бы зналъ, какъ одолѣть Мазепу? Пусть обозвется«, говоритъ, »я его пожалую.« Тогда одинъ старый Запорожецъ осмѣлился и говоритъ: »Пойду я къ Царю и скажу, что есть у насъ такой человѣкъ — Палій Семенъ.« [А первый Императоръ былъ такой строгій, что только солги, то и голову сниметъ.] И пошелъ. »А зачѣмъ ты, козакъ, пришелъ?« говоритъ Царь. — »Пришелъ я, Царь, посовѣтовать тебѣ, что

---

(1) Отъ котораго слышалъ это преданіе разскащикъ.

А Царь ка́же: »Нема́ Палія́, стра̀чений.«

»Ни, Ца́рю, жѝвъ, тілько на Сибе́рі.«

Отто́ посла́ли по ёго по́шту таку̀ о́гненну, що й пти́ця не злети́ть. Примча̀ли до Царя́: »Эй«, ка́же, »Палію, Палію Семѐне! о̀тъ ца́рство втра́тимъ!«

А вінъ ка́же: »Не бійсь, коли́ я заіду, то ще бу́де по-на̀шому.«

Ото́ за́разъ ёму́ істи.

»Ні«, ка́же, »нехай задзво́нять до слу̀жби Бо́жоі« ..... (1)

»Тепе́ръ«, ка́же, »дава́йте мині коня̀!«

Пішо̀въ до стані, такъ не доберé собі коня̀. Струснѐ за гри́ву, то такъ и впадѐ. »Ні«, ка́же, »Ца́рю, нема̀ въ те́бе тако́го коня́.«

А Царь розгнівавсь: »Якъ-то нема́? я Царь, та нема́ въ мене́ коня̀ для те́бе?«

у насъ есть такой человѣкъ — Семенъ Палій. Онъ одолѣетъ Мазепу.« А Царь говоритъ: »Палія нѣтъ ужъ на свѣтѣ.« — »Нѣтъ, Царь, онъ живъ, только въ Сибири.«

Вотъ послали за нимъ огненную *почту*, быстрѣе птицы. Примчали Палія къ Царю: »Эй, Палій Семенъ!« говоритъ Царь, »вотъ потеряемъ царство!« А онъ говоритъ: »Не бойся, какъ *запьду*, то еще будетъ по нашему.« Тотъ-часъ дали ему поѣсть. »Нѣтъ«, говоритъ онъ, »пускай сперва благовѣстятъ къ Божіей службѣ.« ..... (1)

»Теперь«, говоритъ, »давайте мнѣ коня!« Пошелъ въ конюшню — не можетъ найти по себѣ коня. Встряхнетъ за гриву — конь такъ и повалится. »Нѣтъ«, говоритъ, »у тебя, Царь, нѣтъ по мнѣ коня.« Царь разсердился: »Какъ нѣтъ? я Царь, и у меня нѣтъ для тебя коня?« —

---

(1) Точками отдѣленъ здѣсь одинъ моментъ дѣйствія отъ другого. Разскащикъ не счелъ нужнымъ говорить о томъ, что̀ само собою разумѣется, т. е. ,что желаніе Палія было исполнено, и онъ молился въ церкви.

»Нема́«, ка́же. »Пустіть мене́ въ коза́цьке вій̀ськò, то я собі вибéру коня́.«

Пійшóвъ у коза́цьке вій̀ськò; гля́не, ажъ ёгó конéмъ вòду везýть. Вінъ ажъ заплàкавъ: »Я«, ка́же, »въ неволі, и кíнь мій у невóлі!«

Сівъ на коня́, то кінь підъ нимъ, такъ якъ орèлъ!

»Тепéръ«, ка́же, »пòідьмо, Ца́рю, у Мазéпине вій̀ськò, то почýемъ, щò про тебé говòрять.«

А Палій̀ такúй лúцарь бувъ, що не вольшèбствомъ, а áнгельскимъ чúномъ воёвáвъ, — такúй, що іздить по чужóму вій̀ську— ніхтó ёгó й не бàчить; а якъ гля́не кому́ въ вічі, то зъ-рòду не вúдержить.

Поіхали, ажъ сидя́ть у наме́ті тро́е: Мазéпа, Шве́дъ и Турéцький Башà, та й ка́жуть: »Оце́ зобъ̀ємъ усé ёгó вій̀ськò та й цàрство ёгó на́-трое розділимъ.«

»Бачъ«, ка́же, »Ца́рю, щò говóрять!«

Мазéпа жъ и Турéцький Баша́ не бàчили Царя́ зъ Палiéмъ, а Шведъ постерíгъ, що се щось не пéвне, та й вúстреливъ на Палія́ зъ рушни́ці.

Такъ Палій̀ обернýвсь до Царя́ та й ка́же: »Якъ-бú не стара́ шкýра, то бъ, мóже, й пробúвъ би. Вра́жий синъ и сè дóбрий!«

»Нѣту«, говоритъ Палій̀. »Пустите меня въ козацкое войско, такъ я выберу по себѣ коня.« Пошелъ Палій̀ въ козацкое войско, смотритъ — его конь везетъ воду. Онъ и заплакалъ: »Я«, говоритъ, »въ неволѣ, и конь мой въ неволѣ!« Но какъ сѣлъ онъ на коня, то конь подъ нимъ — словно орелъ! »Теперь поѣдемъ, Царь, въ Мазепино войско, такъ услышишь, что про тебя говорятъ.« Поѣхали, смотрятъ — сидятъ въ палаткѣ втроемъ Мазепа, Шведъ и Турецкій Паша и говорятъ: »Истребимъ все его войско и царство между собой раздѣлимъ.« — »Видишь, Царь, что говорятъ!« Только Мазепа и Турецкій Паша не видѣли Царя и Палія, а Шведъ смекнулъ, что это что-то неспроста и выстрѣлилъ по Палію изъ ружья. А Палій̀ повернулся къ Царю и говоритъ: »Еслибъ не старая кожа, то, можетъ, и пробилъ бы. Хорошъ и этотъ бестія.«

Їдуть звідти уже́, а Запоро́зці сидя́ть да въ ка̀рти гуля́ють.

А Палій ка́же: »Здоро́ві, пани́ молодці! чи бу́демъ би́тьця, чи бу́демъ мири́тьця?«

А оди́нъ Запоро́жець ка̀же: »Се Палій поіхавъ!«

»Дѐ тобі«, ка́жуть, »у чо́рта той Палій тутъ бу́де!«

Коли́ жъ вінъ уіхавъ у своє́ вій́ську, та й клейно́ди свої ви́ставивъ. Такъ вони́ й похоло́нули.

А Мазе́па одъ Палія́ бувъ навче́нъ (1). Такъ Царь ка́же: »Що жъ, Палію? ти ёму́ нічо̀го не зро́бишъ, бо й вінъ одъ тебе́ навче́нъ.«

»Ні« , ка́же, »Ца́рю, хочъ вінъ и навчѐнъ одъ ме́не, да я ёму́ не сказа̀въ усіе́і пра́вди.«

Отъ и взя̀въ заряжа́ть пу́шки на̀вхрестъ: та туди́, а та туди́; та туди́, а та туди́. »Тепе́ръ«, ка́же, »стреляйте, то не бага̀то оста́нетця.«

Якъ уда̀рили жъ, то такъ якъ били́на на пожари́щі оста́нетця, то такъ съ того́ вій́ська оста́лось. Отъ и погна̀ли Мазе́пу...

Ѣдутъ уже оттуда, а Запорожцы сидятъ и играютъ въ карты. »Здравствуйте, паны молодцы!« говоритъ Палій. »Что̀, будемъ биться, или мириться?« А одинъ Запорожецъ говоритъ: »Это Палій поѣхалъ!«— »Кой чортъ Палію быть здѣсь!« Какъ тутъ онъ въѣхалъ въ свое войско и знаки свои выставилъ. Они такъ и обмерли.

А Мазепа былъ *наученъ* Паліемъ (1), а потому Царь и говоритъ: »Что же, Палій? тебѣ съ нимъ не справиться: вѣдь ты самъ его научилъ.«—»Нѣтъ, Царь«, отвѣтилъ Палій, »хоть я и научилъ его, да не всему.« И началъ заряжать пушки накрестъ, одну сюда, а другую туда, одну сюда, а другую туда. »Теперь«, говоритъ, »стрѣляйте; немного ихъ останется.« Выпалили изъ пушекъ, и осталось отъ того войска столько, сколько остается травы послѣ пожара. Вотъ и погнали Мазепу...

---

(1) *Навче́нъ* здѣсь значитъ наученъ *характе́рству*, то есть чародѣйскому искусству воевать.

Такъ хотівъ Царь за Мазе́пу усю́ Гетьма́нщину ви́губить, да ото́ й ка́же Палію́, якъ уже́ побили́ Мазе́пу: »Ну, тепе́ръ, Палію Семе́не, чого́ ти одъ мене́ хо́чешъ? чи вели́кого па́нства, чи зла̀та, чи що́?«

А вінъ ка́же: »Що́ жъ, Ца́рю? я бу́ду проси́ть тебе́ объ одну́ річъ; подару́й мині!«

»Що́ таке́? кажи́.«

»Не плюндру́й«, ка́же, »Гетьма́нщини.«

»Ну«, ка́же, »до́бре; для те́бе дару́ю.«

Наши историки почти такъ же неясно понимали обстоятельства, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Палій, какъ и простолюдины. Виною тому, между прочимъ, недостаточное знакомство наше съ Польской литературой, въ которой, независимо отъ ошибочныхъ иногда взглядовъ на событія, изображено множество обстоятельствъ, вводящихъ историка въ познаніе дѣйствительнаго положенія вещей. Недавно Эдуардъ Руликовскій напечаталъ въ Варшавѣ прекрасную монографію Васильковскаго уѣзда (Opis Powiatu Wasylkowskiego), въ которой приведено, между прочимъ, двѣ-три страницы изъ записокъ Отвиновскаго (1), проливающія свѣтъ на обстоятельства, способствовавшія появленію въ исторіи такой личности, какъ Палій. Онѣ согласны съ тѣмъ, что́ мною высказано выше, на стр. 84—85, о заселеніи праваго берега Днѣпра послѣ *руи́ны* и *згóну*. Палій у Отвиновскаго является колонизаторомъ

Царь за Мазепу хотѣлъ опустошить всю Гетманщину и когда ужъ разбили Мазепу, — говоритъ Палію: »Ну, Палій Семенъ, чего ты отъ меня хочешь? высокихъ почестей, богатства, или чего другого?« А онъ говоритъ: »Нѣтъ, Царь: я попрошу тебя объ одномъ дѣлѣ; исполни это.« — »Что́ же такое?« — »Не опустошай«, говоритъ, »Гетманщины.« — »Ну«, говоритъ Царь, »быть по твоему!«

---

(1) Pamiętniki Otwinowskiego.

опустошенной войною страны, — такимъ точно, каковы были въ Украйнѣ Польскіе старосты, съ своими »губернаторами, экономами, лѣсничими« и другими *официалистами*, или помѣщики, владѣвшіе землею по праву наслѣдства и пожалованія. Разница только въ томъ, что его право владѣть населенными имъ землями должно было прекратиться съ окончаніемъ Турецкой войны, какъ читатель увидитъ изъ слѣдующаго разсказа Отвиновскаго.

»Во время Турецкой войны, когда король Янъ III освобождалъ изъ-подъ Турецкаго ига Брацлавскую Украйну, уступленную Туркамъ по договору 1686 года, — козаками, участвовавшими въ этой войнѣ, предводительствовалъ Палій. Король Янъ III утвердилъ его въ этомъ начальничествѣ и, сверхъ того, подъ условіемъ военной службы съ извѣстнымъ числомъ козаковъ въ эту компанію, позволено было ему *осадить* (заселить) пустыя Хвастовскія земли, принадлежавшія Кіевскимъ епископствамъ, и пользоваться всякими доходами до самого окончанія войны съ Турками. Дѣйствительно Палій, во все продолженіе этой войны, въ точности выполнилъ возложенную на него обязанность, то приводя по нѣскольку тысячъ козацкаго войска въ генеральный лагерь, то истребляя, зимою въ Подоліи на переправахъ, хищныхъ Татаръ. Не смотря на то, по окончаніи войны, Рѣчь Посполитая, не нуждаясь болѣе въ службѣ Палія противъ Турокъ, потребовала возвращенія Хвастова. Но Палій, не слушаясь гетманскихъ повелѣній, не только не хотѣлъ возвратить Хвастовскихъ земель, но овладѣлъ еще и другими, сосѣдними землями, изъ которыхъ позволялъ великимъ панамъ брать едва малую часть доходовъ; свои же доходы употреблялъ на содержаніе козаковъ. Почему на мирномъ сеймѣ 1699 года опредѣлено отобрать у Палія эти имущества силою оружія. Въ то время Кіевскій епископъ, Гомолинскій, выслалъ двоихъ своихъ духовныхъ для отобранія у Палія своихъ земель. Палій посадилъ ихъ сперва подъ стражу, а потомъ прогналъ изъ Хвастова, говоря, что онъ »поселился въ »вольной козацкой Украйнѣ, на которую Рѣчь Посполитая не имѣ»етъ никакого права, а имѣетъ право только онъ, какъ истинный

»козакъ и гетманъ козацкаго народа.« Гетманъ Яблоновскій приказалъ генералу Брандту, стоявшему въ Бѣлой Церкви, схватить Палія и представить къ нему. Брантдъ прислалъ нѣсколько человѣкъ, которые спрятались въ лѣсу возлѣ пасикъ, а въ Хвастовъ отправили одного Жида, чтобы онъ, торгуя у Палія медъ, выманилъ его изъ города къ пасикамъ. Но эта хитрость не удалась, ибо Палій, подгулявъ на то время, остался самъ въ городѣ, а къ пасикамъ выслалъ своего пасынка, Семашка. Когда онъ былъ уже въ четверти мили отъ Хвастова, одинъ изъ пасичниковъ далъ знать Палію о засѣвшихъ въ лѣсу людяхъ, которые закрыли себя и своихъ лошадей вѣтвями. Узнавъ объ этомъ, Палій тотъ-часъ послалъ къ Семашку хлопца съ предостереженіемъ о засадѣ. Семашко въ ту же минуту отрубилъ на полѣ Жиду голову и, возвратясь какъ можно скорѣе въ городъ, сдѣлалъ вылазку съ нѣсколькими сотнями конницы и истребилъ притаившихся въ лѣсу Брандтовыхъ рейтаръ. Послѣ этого произшествія, гетманъ Яблоновскій немедленно выслалъ вторично къ Хвастову 4,000 войска; а Палій велѣлъ жителямъ окрестныхъ мѣстечекъ и деревень съ женами и дѣтьми уходить въ Хвастовъ и сдѣлалъ ниже стараго города пригородокъ, въ который было ввезено множество хлѣба въ снопахъ и сѣна и сложено въ скирды на случай долгой осады. Но когда *кварцяное* войско подступило и пришелъ на другую ночь съ двумя стами гренадеръ оберстерлейтенантъ Гольцъ и зажегъ гранатами скирды въ пригородкѣ, гдѣ и козаковъ много погибло, Палій черезъ нѣсколько дней окупился, выдавши нѣсколько бочекъ денегъ гетманамъ, а Польское войско оставлено зимовать по мѣстечкамъ около Хвастова.«

Этотъ послѣдній фактъ сомнителенъ. Еслибы Яблоновскій снялъ осаду за деньги, то не располагалъ бы своего войска на зимнія квартиры вокругъ Хвастова. Гораздо вѣроятнѣе, что Поляки, будучи не въ силахъ ничего сдѣлать съ осажденными, старались овладѣть по крайней мѣрѣ не-Хвастовскими имѣніями, признававшими власть Палія, и заняли ихъ своимъ войскомъ. Но и въ этомъ они не успѣли. Палій вездѣ ихъ колотилъ, прогналъ

изъ подвластныхъ себѣ селъ и въ 1702 году овладѣлъ Бѣлою Церковью, по праву »истиннаго козака и гетмана козацкаго народа«. Только подозрительная зависть Мазепы сокрушила этого полудикаго *лицаря*, посмѣвавшагося безсилію Польскихъ правителей и, въ предѣлахъ полуразрушеннаго ихъ государства, создавшаго нѣчто въ родѣ независимаго княжества. Палій, по словамъ его современника Самоила Величка, желая быть подъ властью Русскаго Царя, »склонялся подъ рейментъ Мазепинъ, пріѣздячи до него въ Батуринъ съ праздничными привѣтствами и отъ него розные отбираючи подарунки« (1). Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ былъ схваченъ Мазепою и обвиненъ передъ Царемъ Петромъ въ намѣреніи подражать Богдану Хмѣльницкому не только относительно Поляковъ, но такъ-же и Русскихъ. Заключеніе его въ темницу, ссылка въ Сибирь и потомъ появленіе на Полтавскихъ боевыхъ равнинахъ воспѣты въ прекрасныхъ пѣсняхъ и думахъ, доказывающихъ, что Палій обладалъ свойствами, привлекающими любовь народа, и составлялъ противоположность съ нелюбымъ ему Мазепою....

Однакожъ онъ отвлекъ насъ далеко въ сторону отъ разсказовъ Таранухи.

Гайдамакъ Тарануха не могъ видѣть самъ, но долженъ былъ слышать о нихъ преданія очевидцевъ. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ онъ могъ припомнить только немногое, такъ какъ теченіе бесѣды не навело его на обстоятельства, съ которыми въ его памяти вязались разсказы старожиловъ. Выписываю изъ дорожнаго моего альбома и это немногое, продолжая прерванную нумерацію.

---

(1) Лѣтопись Самоила Величка, т. II, стр. 550.

3.

ПОХОЖДЕНІЯ ГАЙДАМАКЪ ВЪ СМИЛОЙ. (*)

Гайдама́ки дра́ли Смі́лу разі́въ три, чи що́. У пе́рвий разъ якъ прийшли́, то па́ні заховалась у лёху́, а па́нна у гру́бі; тілько па́нну таки́ знайшли́ и за́мокъ розгра́били. А по́тімъ узя́ли па́нну и хло́пця Ѳедірку та ві́вели ажъ до Кури́лові могили́, а тамъ ватя́жко змі́ловавсь та й ка́же: »Иди́ жъ, па́нно, та моли́ за мене́ Бо́га, ато́-бъ ти на сій могили́ полягла́!«

И хло́пця Ѳедірку пусти́ли. А се було́ зімо́ю. Па́нна жъ таки́ хочъ у черевічкахъ бігла по снігу́, а Ѳедірка бо́сий.

А въ дру́гий разъ прихо́дивъ ватя́жко Вовчо́къ, та й ставъ коло́ Костянтинова, у Шолу́дьковімъ садку́; душъ іхъ десятокъ тілько. Стоіть вінъ тамъ, а повкъ Поляківъ, почувши, що тутъ гайдама́ки зібра́лись, притягну́въ ажъ изъ Білої Церкви та й наткну́всь на той садо́къ. А Вовчо́къ якъ вискочить звідти, то жовніри назадъ!

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки грабили Смилу раза три, или больше. Когда пришли они въ первый разъ, то *пани* спряталась въ погребъ, а *панна* въ печкѣ; но панну гайдамаки всё таки отыскали и замокъ разграбили. А потомъ взяли панну и мальчика Ѳедорку и вывели къ самому Курилову кургану; тамъ отаманъ умилосердился надъ ними и говоритъ: »Ступай, панна, да моли за меня Бога, а не будь это я, то лежать бы тебѣ на этомъ курганѣ.« И мальчика Ѳедорку отпустили. А было это зимою. Панна по крайней мѣрѣ въ башмачкахъ бѣжала по снѣгу, а Ѳедорка босикомъ.

А въ другой разъ приходилъ въ Смилу отаманъ Вовчокъ и остановился возлѣ Константинова, въ Шолудьковомъ садикѣ; было съ нимъ только человѣкъ десять. Стоитъ онъ тамъ, а отрядъ Поляковъ, услыхавъ, что тутъ собрались гайдамаки, пришелъ изъ самой Бѣлой Церкви да и наткнулся на этотъ садикъ. Вдругъ Вовчокъ выскакиваетъ оттуда. *Жолнѣры* назадъ. А Вовчокъ былъ и самъ маленькаго росту — только

А Вовчо́къ той и са̀мъ невели́чкий—тільки плечѝстий ше́льма—и на невели́чкому ко̀нику, та якъ узя̀въ іхъ гнать, то такъ ра́тищемъ и на то̀й, и на то̀й бікъ іхъ и кладе́. А на ёму́ бувъ кажано́къ (1); то зъ-пі̀дъ того́ кажанка́ кровъ такъ и ллетця, що по ра́тищу бі̀жить у рука̀въ. Та якъ догна̀въ до Смілянськоі гре́блі и вони́ вскочили въ Смілу, тогді вернувсь та й ка́же: »Ота̀къ Вовчо́къ! женѐ Ляхівъ повчо́къ!«

Этотъ разсказъ напомнилъ пріятелю Таранухи, бондарю́, коечто изъ слышаннаго имъ о гайдамакахъ, и онъ принялъ нить исторической нашей бесѣды такимъ образомъ:

ВСТРѢЧА ПАСИЧНИКА СЪ ГАЙДАМАКОЮ. (*)

Роска́зувавъ мині оди́нъ ді̀дъ, що—ка́же—сижу́ я въ па̀сіці, коли́ жъ чортъ несѐ бурла̀ку. Уве́сь обша̀рпаний.

»Здоро̀въ, ді̀ду!«

»Здоро́въ!«

»А що̀ бу́демо роби́ти? дава́й на сорочкѝ мінятьця!«

Я вже злака́всь. »Дава̀й«, кажу́.

плечистая бестія—и на маленькомъ конѣ. Какъ принялся онъ гнать ихъ, то на обѣ стороны копьемъ такъ и кладетъ. На немъ былъ *кажано́къ* (1), изъ-подъ котораго такъ и льется кровь, что̀ текла по копью въ рукавъ. Пригналъ къ Смилянской плотинѣ, они вскочили въ Смилу, а онъ воротился и говоритъ: »Вотъ такъ Вовчо̀къ! гонитъ Ляховъ полчокъ!«

(*) *Перево́дъ.* — Разсказывалъ мнѣ одинъ старикъ: Сижу я, говоритъ, въ пасикѣ, какъ и несетъ нечистый ко мнѣ бурлака. Весь оборванный. »Здорово, старикъ!« — »Здравствуй!« — »А что̀ будемъ дѣлать? давай мѣняться рубашками!« Я ужъ испугался. »Давай«, говорю,

(1) Родъ куртки, или полукафтанья изъ кожи.

Оддàвъ ёмý сорóчку.

Вінъ скúнувъ тée рáмъе, надівъ сорóчку: »Давáй и штанú!«

Оддáвъ я й штанú.

»Давáй, діду, мéду!«

Я — кáже — ажъ тремчý ввесь зъ переляку. Пішóвъ, одрізавъ ёмý зáбоценъ такóго вже гáрного, гречáного!

Вінъ наівсь та й кáже: »Чи ти, діду, знáешъ Вóвчу Гать?« (1)

»Знáю.«

»Отъ же«, кáже, »тамъ е пенёкъ дубóвий, обшмóрганий колéсами. То ти зáвтра встáнь до сходъ сóнця, та пійдú туди́, та одлічú три ступні, и вúкопаешъ тамъ грóші. Отó тобі за тé, що ти менé приодівъ и нагодовáвъ.«

Пішóвъ я на другúй день, ажъ справді повнісинький ýлень самúхъ пятаківъ!

Понравился Кондрату Таранýхѣ пріятельскій разсказъ. Онъ пожалѣлъ, что съ нимъ никогда не случилось ничего подобнаго тому, что̀ съ пасичникомъ, и какъ-то невзначай припомнилъ еще кое-что о гайдамакахъ, а именно:

и отдалъ ему свою рубашку. Онъ сбросилъ свое лохмотье, надѣлъ рубашку. »Давай и штаны!« Отдалъ я и штаны. »Давай, старикъ, сотовъ.« Я, говоритъ, весь дрожу отъ страху. Пошелъ и вырѣзалъ ему сбоку въ ульѣ самыхъ лучшихъ, гречневыхъ сотовъ. Онъ поѣлъ и говоритъ: »Знаешь ты, старикъ, Волчью Гать?« (1) — »Знаю.« — »Тамъ«, говоритъ, »есть дубовый пень, обтертый осями. Встань завтра до восхода солнца, поди туда, отсчитай три шага и выроешь деньги. Это тебѣ за то̀, что ты меня пріодѣлъ и накормилъ.« Пошелъ я на другой день — въ самомъ дѣлѣ полнехонькой улей чистыхъ пятаковъ!

---

(1) Въ Черкасскомъ уѣздѣ, близъ села Дубівки.

4.

О ГАЙДАМАКѢ ШВАЧКѢ. (*)

Гайдамáки дéрли народъ рокívъ, мóже, зъ дѐсять, ажъ пóки мандебýрия (1) стáла. Тогдi стíйчики, що зáмку стерегли́, и застýкали íхъ оттýтъ у лóзахъ. А колíямъ нíчимъ стрелять, — кýль немá; то оцé вйрíже зъ лози́ та й хрѐстикъ наріже, та й стреляе. Швáчка íми довóдивъ. Есть про ёго́ й пíсня. Коли́ хóчете, то й заспíваю:

Ой на козáченькívъ, ой на Запорóзцівъ та пригòдонька стáла:
Ой у сѐреду та й у обíдній часъ íхъ Москвà забрáла.
Крѝкнувъ Швáчка та на осаýлу: »Изъ кòней додóлу!
Охъ и не дàймося, панóве молóдці, ми Москалямъ у невòлю!«
Москáлики ýмні, Москалі́ розýмні, рòзуму добрáли:
Ой наперéдъ Швàчку изъ осаýлою до-кýпи звязáли.
Охъ извязàли и попаровáли й на возй поклáли,

(*) *Переводъ*. — Гайдамаки грабили народъ лѣтъ, можетъ, десять, пока не установилась *магдебургія* (1). Тогда замковая стража и захватила ихъ здѣсь въ лозахъ. А у разбойниковъ пуль не было, нечемъ стрѣлять; такъ они рѣжутъ изъ лозы пули, нарѣзываютъ на нихъ крестики и стрѣляютъ. Предводительствовалъ ими Швачка. Есть про него и пѣсня. Коли хотите, я спою.

»Постигло несчастье козаковъ Запорожцевъ: въ среду, въ обѣднюю пору, захватили ихъ въ плѣнъ *Москали*. Крикнулъ Швачка асаулу: »Долой съ лошадей! Не дадимся, паны молодцы, въ неволю *Москалямъ!*« Но *Москали* были люди умные, придумали, что̀ сдѣлать: прежде всего связали Швачку вмѣстѣ съ асауломъ. Потомъ перевязали попарно гайдамакъ, положили на возы и повезли въ тюрьму изъ Богуслава въ Бѣлую Цер-

---

(1) Подъ этимъ словомъ разсказчикъ разумѣетъ военныя мѣры, принятыя Польскимъ правительствомъ для возстановленія порядка въ Украйнѣ.

Изъ Богуслàвья до Бѝлоі Цѐркви іхъ у невòлю забрàли.
Охъ дѐ жъ вáші, пановé молóдці, воронѝі кóні?
Ой нáшиі кòні въ пáна на припóні, а самі ми въ невòлі!
Охъ а дѐ жъ вáші, пановé молóдці, а срібниі ýзди?
Ой нáшиі ўзди въ кóнехъ на занýзді, а самі ми у нýжді!
Охъ а дѐ жъ вáші пановé молóдці, яснéнькиі спѝси?
Ой нáшиі спѝси вже въ пáна у стрісі, а самі ми у лісі!
Охъ а дѐ жъ вáші, пановé молóдці, грімкѝі рушнѝці?
Ой нáші рушнѝці въ пáна у світлѝці а самі ми въ темнѝці!
Охъ а дѐ жъ вáші, пановé молóдці, голубѝі жупáни?
Ой нáші жупàни поносѝли пáни, а самі ми пропàли!
Охъ а дѐ жъ вáші, пановé молóдці, чòботи сапъянці?
Ой нáші сапъянці позабірáли райці у неділеньку врáнці!
Охъ пошлімо гáлку, охъ пошлімо чóрну, а до Січи рѝбу істи,
Охъ нехàй донесé, охъ нехáй донесé до кошовòго вісти.
Охъ ужé жъ гàльці, охъ ужé чóрній та назàдъ не вертáтьця:
Ой ужé жъ нàмъ, пановé молóдці, изъ кошовѝмъ не видатьця! (1)

ковь. Гдѣ же ваши, паны молодцы, вороные кони? »»Наши кони стоятъ »привязанные у пана, а мы сидимъ въ неволѣ!«« Гдѣ ваши, паны молодцы, серебрянные узды? »»Нашими уздами взнузданы кони, а мы терпимъ нуж»ду!«« Гдѣ ваши, паны молодцы, громкія ружья? »»Наши ружья у пана »въ свѣтлицѣ, а мы сидимъ въ темницѣ!«« Гдѣ ваши, паны молодцы, голубые жупаны? »»Наши жупаны износили паны, а мы пропали!«« Гдѣ ваши, паны молодцы, сапоги сафьянцы? »»Наши сафьянцы забрали судьи, »поутру въ воскресенье!«« Пошлю я черную галку въ Сѣчь ѣсть рыбу, пускай передастъ кошевому вѣсти. Ужъ той черной галкѣ назадъ не воротиться, а намъ, паны молодцы, съ кошевымъ не видаться.« (1)

---

(1) Отрывокъ этой пѣсни, напечатанный во второмъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 128, ошибочно отнесенъ къ разрушенію Сѣчи. Издатель былъ введенъ въ заблужденіе, вѣроятно, тѣмъ, что здѣсь упоминается кошевой. Но откуда и куда Запорожцы посылали галку?... Здѣсь эта посылка имѣетъ важное значеніе: она показываетъ тѣсную связь между гайдамацкими набѣгами и кошемъ.

»Ну, скажи́, будь ла́ско (спросилъ бондарь), гайдама́ки якъ иду́ть було́, то й пісні співа́ють?«

»Ні, гайдама́ка йде ти́хо (отвѣчалъ Тарану́ха). А се вже вони́ тогді співа́ли, якъ у невóлі сиділи.«

Не худо было бы представить людямъ, никогда небесѣдовавшимъ по-пріятельски съ Малороссійскими поселянами, все теченіе разговора между мной, Тарану́хой и бондаремъ. Но я въ то время рѣдко записывалъ фразу за фразой, отъ-части по трудности такого дѣла, а отъ-части потому, что полагался на свою память. Можетъ быть, я бы и припомнилъ его ранѣе двѣнадцати лѣтъ; но теперь я долженъ ограничиться только тѣмъ, что́ сохранилось въ моей записной книжкѣ, то есть воспоминаніями, къ которымъ приводилъ Тарану́ху нашъ разговоръ. Вотъ они.

5.

ОБЪ УНІИ И БЛАГОЧЕСТІИ. (*)

Дóвго тяга́лись по Вкраíні ти́і колíї, та опісля́ вже почали́ усю́ди іхъ хвата́ть, и якъ ста́ла мандебу́рия на нихъ, то ста́ли гони́тельства и на попівъ благочести́вихъ. Люде́й гони́ли сúлою на прися́гу; то й ба́тько присягáвъ на унію. А де-кото́рíі не хотíли та хова́лись. Не хотíли лама́ти вíри, а жда́ли тако́го вре́мя, що знóвъ бу́де благоче́стие. И я тогді роди́всь, якъ мандебу́рия

»Ну, скажи пожалуйста (спросилъ бондарь) гайдамаки пѣли пѣсни на походѣ?« — »Нѣтъ, (отвѣчалъ Тарану́ха) гайдамаки идутъ, бывало, тихо. Это они пѣли, уже сидя въ неволѣ.«

(*) *Переводъ.* — Долго таскались по Украйнѣ эти разбойники, а потомъ ужъ начали ихъ хватать и какъ появилась противъ нихъ *магдебургія*, то начались гоненія и на *благочестивыхъ* поповъ. Людей гоняли насильно къ присягѣ; и отецъ мой присягалъ на *унію*. А иные не хотѣли и прятались. Не хотѣли нарушать вѣры и ожидали такого време-

вста́ла. То ба́тько не хотівъ хрести́ть мене́ увъ уніята, а хотіли везти́ ажъ у Виногра́дський манасти́ръ, та вже я́кось знайшли́ попа́ ту́та и въ-ночі та́йно охристи́ли.

Такъ Польша до конца политическаго своего существованія осталась вѣрна религіозной іерархіи, за которую получила столько жестокихъ, но напрасныхъ уроковъ! Разсказъ Таранýхи, имѣющій всю цѣну лѣтописи, относится къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія.

6.

ВЗГЛЯДЪ ПРОСТОЛЮДИНА НА ЯРМАРКИ. (*)

....А якъ ужé забрáла край Царúця, та стáло всю́ди благочéстие, тогді и́родъ у пéклі й тýжить одúнъ до дрýгого: »Отъ лúхо! всю́ди благочѐстие стало! Тепéръ ужé нельзя́ нікóго ні на гріхъ, ні на щó підвести́: у бýдень бýдуть робúть, а въ неділю по церквáмъ ходúть.«

А дрýгий кáже: »Не журúсь, брáте: ми такúхъ на іхъ панівъ нáшлемъ, що въ неділю не бýдуть по церквáмъ ходúть, а зрóблять усю́ди по неділямъ я́рмарки; то й самú нікóли не бýдуть у цéркві, и народъ бýде ярмарковáти.«

ни, когда опять настанетъ *благочестіе*. И я тогда родился, когда появилась *магдебургія*. Отецъ не хотѣлъ крестить меня у уніата, а хотѣлъ везть въ Виноградскій монастырь; наконецъ нашли какъ-то здѣсь попа и крестили меня тайно ночью.

(*) *Переводъ*. — ...Когда ужъ овладѣла краемъ Царица и установилось всюду *благочестіе*, черти въ аду начали горевать: »Вотъ намъ бѣда! всюду *благочестіе!* Теперь ужъ никого нельзя искусить на грѣхъ: въ будни станутъ работать, а по воскресеньямъ ходить въ церковь.« А другой чортъ говоритъ: »Не горюй, братъ: мы нашлемъ на нихъ такихъ

Отъ же й справдйлось дияволъске слóво! Тепéръ у насъ що неділя, що свято, то й ярмарокъ, не въ тімъ, то въ тімъ селі.

7.

ОБЕЗОРУЖЕНІЕ ПОСЕЛЯНЪ ПОСЛѢ КОЛИВЩИНЫ. (*)

Після гайдамáччини, якъ ужé Ляхи́ стáли зновъ прáвити Вкраіною, то булó на дéсять хатъ одúнъ ніжъ и однá сокúра: боялись, щобъ знóвъ народъ не збунтовáвсь. Оцé ввійде жовніръ у хáту: »А, ти, мужúку, сизмáтику! у тебé два ножі, galganъ, гайдамáка!« Візьме и пропáло.

8.

ЗАПОРОЖСКОЕ ЩЕГОЛЬСТВО. (**)

Булó що рóку наіздя́ть на ярмарокъ у Смілу Запорóзці зъ Січи. Приіде булó іхъ чоловікъ дванáдцять, тринáдцять. А наря́дъ на іхъ такúй, що, Бóже, твоя́ вóля! Зóлото та срібло́! Оцé шáпка на

господъ, что не будутъ по воскресеньямъ ходить въ церковь, а заведутъ вездѣ въ эти дни ярмарки, такъ и сами никогда въ церковь не заглянутъ, и народъ будетъ весь на ярмаркахъ.« Что́ же? вѣдь исполнилось дьявольское слово! Теперь у насъ что̀ воскресенье, что̀ праздникъ, то̀ и ярмарка, не въ одномъ, такъ въ другомъ селѣ.

(*) *Переводъ.* — Когда послѣ *гайдамаччины* начали опять Ляхи управлять Украйной, то на десять хатъ опредѣлено было имѣть по одному ножу и по одному топору: боялись, чтобъ опять не взбунтовался народъ. Взойдетъ бывало *жолнѣръ* въ хату: »А, мужикъ, еретикъ! у тебя два ножа, негодяй, гайдамака!« Взялъ — и пропало.

(**) *Переводъ.* — Бывало каждый годъ пріѣзжаютъ Запорожцы въ Смúлу на ярмарку, — человѣкъ по двѣнадцати, по тринадцати. Разодѣты такъ, что, Боже, твоя воля! Золото да серебро! Шапка на Запо-

ёму́ бу́де оксами́тна, черво́на, зъ ріжками, а око́личка — такъ па́льці на три — або́ сі́ва, або́ чо́рна; на спо́ді у ёго́ жупа́нъ — самі́й чи́стий кармази́нъ, якъ огонь, що й очи́ма не зогля́нешъ; а зве́рху черке́ска зъ вилётами або́ сі́ня, або́ голуба́; штани́ суко́нни сі́ні, широ́кі, такъ и вися́ть ажъ почти́ по передка́хъ; чо́боти черво́ні; а на ляду́нці або́ зо́лото, або́ сріблó; и черезплічники, то й тè все позоло́чуване; ша́бля при боку́ вся бу́де въ зо́лоті — ажъ гори́ть. А якъ иде́, то й до землі не доторка́етця. А оце́ було́ ся́дуть на ко́ней та по я́рмарку — якъ и́скри ся́ють! Кі́не оце́ було́ бриль та й не допу́стить: підбіжи́ть коне́мъ та й ухва́тить. А ско́ро въ кого́ впа́въ, то вже оце́ йдуть, пъють и гуля́ють за ёго́ гро́ші. А хра́брость, така́ хра́брость! Було́ йде, то ій Бо́гу до землі не доторка́етця! тілько шамъ, шамъ, шамъ, шамъ — пішо́въ гуля́ть!

Сва́тають було́ дівча́тъ. Мою́ сестру́ засва́тали; то ко́ней у ба́тька поодгодо́вували, самі неділь зо́ дві погуля́ли, та по́тімъ: »Поідемо жъ ми за свидітельствомъ та бу́демо вінча́тьця.«

Якъ поіхали, то тілько й ба́чили.

рожцѣ бархатная, красная, съ углами, а околышъ — пальца въ три шириною — сѣрый, или черный; съ-исподи у него жупанъ изъ самаго дорогого краснаго сукна, — горитъ, какъ огонь, просто — глаза ослѣпляетъ; а сверху черкеска съ вылётами, или синяя, или голубая: штаны суконные синіе, широкіе — такъ и нависли почти на переда сапогъ; сапоги красные; на ладункѣ золото, или серебро; даже и перевязи въ позолотѣ, а сабля при боку вся въ золотѣ — такъ и горитъ. Идетъ и земли не касается. А какъ сядутъ на коней да проѣдутъ по ярмаркѣ, то словно искры сверкаютъ. Взброситъ бывало Запорожецъ шляпу и не допуститъ упасть: подлетитъ на конѣ и схватитъ. А кто не схватитъ, тотъ на свой счетъ поитъ и угощаетъ товарищей. А ужъ какая храбрость! Бывало идетъ Запорожецъ, смотришь, ну, ей Богу, земли не касается! Только шелеститъ платьемъ и пошелъ, и пошелъ.

Сватаютъ бывало дѣвушекъ. И мою сестру сосватали да откормивши у отца лошадей и говорятъ: »Поѣдемъ теперь за свидѣтельствомъ и будемъ играть свадьбу.« Уѣхали — и поминай какъ звали.

9.

ПРЕДАНІЕ О ЗАПОРОЖЦѢ ВАСЮРИНСКОМЪ. (*)

Яку́ жъ вамъ тепе́ръ пісню заспіва́ть? Хиба́ про Васюри́нського?

Васюри́нський козарлю́га все пъѐ та гуля́е,
Ота́мана кошово́го ба̀тькомъ называ́е:
»Позво́ль, ба́тьку ота́мане, намъ на ба̀шті ста́ти....

Васюри́нський, зна́ете, той бувъ таки́й си́льний, що якъ причаща́етця, то чоти́рі чоловіки держя́ть попа́, щобъ не впавъ одъ ду́ху. Таки́й бувъ ли́царь, що тілько дхнѐ, то одъ само́го ду́ху не вста́ішъ на нога́хъ. Якъ прийшли́ Москалі Січъ жакува́ти, то вінъ проси́въ, щобъ тілько позво́лено ёму́ стать на ба̀шті: »Ми«, ка́же, »ста́немо съ кулака̀ми, то ні списъ, ні ку́ля не візьме.«

А опісля́, якъ поба̀чили, що Москва́ вже все позабіра̀ла, то сіло іхъ со́рокъ ти́сячъ на човни́ та й поіхали до Ту́рка.

(*) *Переводъ.* — Какую же теперь вамъ пѣсню спѣть? Развѣ про Васюринскаго?

»Васюринскій *козарлюга* (козакъ-громадина) все пьетъ да гуляетъ, кошевого отамана отцомъ называетъ: »Позволь, отецъ нашъ отаманъ, взойти намъ на башню...«

Видите ли, этотъ Васюринскій былъ такой силачъ, что во время причащенія, четыре человѣка поддерживали священника, чтобъ не унялъ отъ его духу. Такой былъ онъ богатырь, что только дохнетъ — не устоишь на ногахъ отъ одного дыханія. Когда пришли *Москали* разорять Сѣчь, онъ просилъ, чтобъ только позволили ему взойти на башню: »Мы«, говоритъ, »станемъ съ кулаками — и ни копье, ни пуля не возьметъ насъ.« А потомъ какъ увидѣли Запорожцы, что *Москали* все ужъ захватили, то сорокъ тысячъ ихъ сѣли на лодки и поплыли къ Турку.

Я не преминулъ случая распросить Таранýху объ урочищахъ въ Смилой, такъ какъ съ ихъ названіями всегда соединяются какія-нибудь историческія воспоминанія, или характеристическіе случаи обыденной жизни. Вотъ его слова.

10.

ПРЕДАНІЕ ОБЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ СМИЛОЙ. (*)

Не знáю, чи згадáю всі врóчища, бо е въ насъ іхъ до кàта. Оцé зáразъ *'Юрова Горá*. Булó у якóгось пáна трóе дітéй; то синъ Юрáсь збудовáвъ собі домóкъ на 'Юровій Горі — ще й дóсі слідъ знать; а однá дочкá, Дóмна, грèблю Смілянську сúпала; а другá, Мóтря, Мотрéнинъ манастúръ збудовáла.

А зновъ есть, верстóвъ, мóже, пятнáдцять одъ Смілоі, *Гérусівъ Яръ*. Тамъ, кáжуть, Тýрки колúсь сидíли. И колóдязь тамъ есть, увéсь вúкладенъ кáмнемъ; а глибóкий такúй, що роскáзувавъ Смілянський такúй нашъ чоловікъ, що — кáже — разъ якъ одвалúвъ кáмінь та якъ кúнувъ туди́, то летівъ, летівъ та тілько — дзень!

А ще есть *Барабашúха* яръ, верстóвъ дéсять одъ Смілоі. Тамъ колúсь козáкъ Барабáшъ сидівъ.

(*) *Переводъ.* — Не знаю, вспомню ли всѣ урочища: ихъ у насъ бездна. Вотъ здѣсь *Юрова Гора*. У какого-то господина было трое дѣтей: сынъ Юрій выстроилъ себѣ домикъ на Юрьевой Горѣ, — до сихъ поръ примѣтенъ слѣдъ; одна дочь, Домна, насыпала Смилянскую плотину; а другая, Матрена, построила Матренинъ монастырь.

Далѣе, верстахъ, можетъ, въ пятнадцати отъ Смилой, *Гéрусовъ Яръ*. Тамъ, говорятъ, жили когда-то Турки. Есть тамъ и колодезь, весь выложенный камнемъ, и такой глубокой, что — разсказывалъ мнѣ одинъ Смилянской человѣкъ — разъ, говоритъ, я отвалилъ камень да какъ бросилъ туда, то долго, долго летѣлъ и наконецъ зазвенѣлъ, ударившись въ воду.

Есть ищé *Холóдний Яръ*, дáвній дýже.....

А колó Юрового дóму есть, на горі такú, могúла; зовéтця *Роскóпана*..... Отъ íї й вúдно звíдсі. Та и зъ Черкáсъ, скóро вúйдешъ за цáрину, зáразъ и вúдно..

11.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРЕЖНИХЪ ПОВИННОСТЯХЪ, УРОЖАЯХЪ И ЦѢНАХЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ УКРАЙНѢ. (*)

Тогдí, булó, дасú два рублі *чѐнши* посéсорові, та одбýдешъ дванáдцять день *шáрварку*, грéблю бъ то гатúть, а тамъ ужé що загадáють; та *возовѐ* одбýдешъ, шість візъ привезéшъ колóдъ; та заплáтишъ *коменнóго* півкóпи грóшей, та *òсипу* кóрець жúта, та півкóрця овсá и ячмѐню, та й сидúшъ дóма. А пáнщини нíякої не булó. Тíлько толóкою булó зòремъ ланъ посéсорові, та вúжавши складéмъ и звòзимъ та й гóді. Оцé, булó, прúйде до хáти: »Прохáвъ панъ на толóку орáть, [абó тамъ жать, чи косúть].«

Есть еше яръ *Барабашúха*. Жилъ тамъ когда-то козакъ Барабáшъ.

Есть *Холодный Яръ*, очень старинный.....

А возлѣ Юрового дому есть на горѣ жъ могила *Раскопанная*..... Вотъ и видать ее отсюда. Да и изъ Черкасъ, только выйдешь за *цáрину* (полевыя ворота), тотъ-часъ и видать.

(*) *Переводъ.* — Тогда бывало дашь два рубля *чúншу* поссессору, да двѣнадцать дней отбудешь *шáрварку*, стало быть, чинить плотину, или вмѣсто того что-нибудь другое дѣлать: да *возовое* отбудешь — привезешь шесть возовъ лѣсу; да *коменнóго* заплатишь двадцать-пять грошей, да четверть ржи, да полъ-четверти овса и ячменю, а потомъ и сиди дома. Барщины никакой не было. Только бывало гуртомъ вспашемъ большую ниву для поссессора, потомъ сожнемъ и свеземъ — и только. Придетъ бывало прикащикъ къ хатѣ: »Просилъ панъ гуртомъ орать [или жать, или сѣять],« и на такой зовъ бѣгутъ изъ хаты двое, или трое рабочихъ,

То зъ ха́ти два̀, або́ трѝ бі́жи́ть, и въ оди́нъ день зро̀бля́ть толо́кою, що тре́ба, та й напъю̀тця, й наі́дя̀тця въ посе́сора; ще й музи́ки гра́ють. До̀бре було́ жить!

Урожа́і були́ кудѝ про́ти тепе́решніхъ! Зна́ете, степи́ були́ во̀льніи, бо ще Смі́ля́нки, Рохмистрівки и Кова́ли́хи тогді не було̀, то по́ля було́ дово̀лі. Ро́кі̀въ дѐсять, або́ пятна̀дцять перело́гомъ лежи́ть; та якъ зо̀решъ на новині та посіешъ кавуні̀въ, то вро̀дя̀ть такѝі, що зъ землі не знімешъ. А на дру́гий годъ посіешъ пшенѝці, або́ жи́та. То, було́, якъ зало̀жишъ чоти́рі па́рі волі̀въ та день попо̀решъ, то вро́дить тобі на однімъ дні кіпъ со̀рокъ, да такѐ густе́, що було́ кіпъ чотѝрі за́ день на́жнешъ; а тепе́ръ попога-ня́йся, по́ки на́жнешъ и дві ко̀пи. Та було оце́ попо̀решъ ро́кі̀въ три та й пуска̀ешъ зновъ на перелігъ, а оре́шъ новину̀. А тепе́ръ я̀къ воно́ бу́де роди́ть, коли́ що ро́ку все на однімъ мі́сті о̀рють? Изъ копи́, було́, наберешъ чѐтверть, якъ до̀брий ко́лосъ.

А ці̀ни о̀сь які були́. Мішо́къ гре́чки таки́й, що четверикі̀въ два, — трѝ копі̀йки; про́са, овса́, ячме́ню — трѝ копі̀йки; жи́та

сдѣлаютъ гуртомъ въ одинъ день, что̀ нужно, напьются и наѣдятся у поссессора, — и музыка, бывало, играетъ. Хорошо было жить!

Урожаевъ нечего и сравнивать съ теперешними. Степи, видите ли, были тогда еще свободны, потому что не было еще тогда ни Смиля́нки, ни Ротмистровки, ни Ковалихи, такъ пахатной земли было сколько угодно. Бывало, лѣтъ десять, или пятнадцать лежитъ земля въ пару, а потомъ какъ вспашешь на новинѣ да насѣешь арбузобъ, такъ уродятъ такіе арбузы, что съ земли не поднимешь. А на другой годъ сѣешь бывало пшеницу, или рожь. То бывало, какъ запряжешь четыре пары воловъ да поработаешь день, то получишь урожая копъ сорокъ, и такая густая пашня, что въ день нажнешь копы четыре. Года черезъ три опять бывало пускаешь подъ паръ, а новь пашешь. А теперь куда ему родить, когда каждый годъ пашутъ всѣ на томъ же мѣстѣ? Изъ копы бывало получишь четверть, если колосъ хорошъ.

А цѣны были вотъ какія. Мѣшокъ гречи четверика въ два стоилъ три копейки; проса, овса, ячменя — три копейки; ржи три мѣры въ

ко́рець у Сми́лій — два́дцять копіёкъ, а въ Біла́зеръе повези́, то три́ гро́ші; пшени́ці ко́рець — со́рокъ копіёкъ; візъ кавунівъ — гри́вня.

Еслибы въ каждомъ селѣ я находилъ по одному Кондрату Тарану́хѣ, то сборникъ мой былъ бы преисполненъ интереснѣйшихъ въ своемъ родѣ вещей, а совокупность ихъ представила бы живое изображеніе Украинскаго народа, съ его воспоминаніями, пѣснями, образомъ мыслей и способомъ выраженія ихъ. Но жатва моя часто была такъ-же скудна, какъ и у г. Скальковскаго, который, собираясь писать »Наѣзды Гайдамакъ«, »нарочно посѣщалъ (говоритъ онъ) почти всѣ тѣ мѣста Западной Украйны, которыя были поприщемъ гайдамацкихъ подвиговъ« (стр. 144), но не записалъ *ни одной* пѣсни о гайдамакахъ, *ни одного* преданія объ ихъ похожденіяхъ. Я проѣхалъ города: Васильковъ, Бѣлую Церковь, Таращу, Каневъ и посѣтилъ множество лежащихъ между ними селъ, но часто, на большихъ разстояніяхъ и при многочисленныхъ попыткахъ расположить стариковъ и старухъ къ говорливости, встрѣчалъ только тупоуміе, озабоченность текущими дѣлами, ничѣмъ несмягчаемую угрюмость, а иногда и подозрительность, которыя доводили меня до отчаянія. Надобно было довольствоваться только характеристическими фразами, которыя народъ разсыпаетъ въ своихъ разговорахъ, не зная имъ цѣны, и моя записная книжка въ этихъ мѣстахъ или оставалась пустою, или наполнялась отрывками въ родѣ слѣдующихъ.

ОТДѢЛЬНЫЯ ВЫРАЖЕНІЯ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПОСЕЛЯНЪ. (1)

У ха́ті въ ій, якъ у вінóчку; хлібъ ви́печений, якъ со́нце; сама́ сиди́ть, якъ квіточка.

Смилой — двадцать копеекъ, а въ Бѣла́зерьи три гривны; пшеницы три мѣры — сорокъ копеекъ; возъ арбузовъ — гривна.

---

(1) Прелесть этихъ выраженій могутъ чувствовать только знающіе Малороссійскій языкъ; переводить ихъ было бы напрасно.

Мóже вінъ такýю пісню знáе, що якъ-бú заспівáвъ, то й вóлосъ би завъя́въ!

А чомъ ви, хлóпці, не оретѐ? — Да, дядьку, свя́то. — Якѐ свя́то? — Чересло́ й лемішъ изня́то!

Хочъ у стýпу всадíть да пирогáми годýйте, все бýду однáка. (1)

Вамъ хочъ гóлову пробúй, то не вгóдишъ.

Не по чимъ и бъѐ, якъ не пó голові! (2)

Якъ розгуля́етця́ погóда та протúвъ вíтру якъ поженѐ буруни́, то дубъ грáе по буруна́хъ то вгóру, то внизъ якъ візъ по балка́хъ.

Кровъ дзюри́ть, булькотúть зъ спúни.

Велúка бувáе чубани́на на вкула́чкахъ, а йнший довідаетця, що й молотúть немóжна: помякчáть рéбра!

Пѐкъ ёму, моя́ мáти рідна! пóночі зовсíмъ не бáчу.

Пошли́ тобі, Бóже, на сíмъ свíті пáнство, на тíмъ свíті вíчнее цáрство!

Е щó й íсти, й пúти, е по чому́ й походúти, тíлько ні на чому гаразд гостéй посадити. (3)

Такъ якъ ка́жуть за дванáдцять миль киселю́ íсти, ні зъ сéго́, ні съ того́ приíхала до менé кумá зъ Ніженя.

Чого́ ти на менé дúвисся, якъ чортъ на попá?

Я живу́ якъ у рѐшеті: відки вíтеръ подмѐ, то пóвні хáти.

Якъ у водí не безъ чóрта, такъ у велúкого пáна не безъ Жúда.

Идé Москаля́ такъ якъ травú.

Якъ же мині знать, котóрий мині годъ? Якъ родúвсь, то безъ пáмяти бувъ; якъ рíсъ, то рóзуму не мавъ; а якъ ужé до рóзуму дойшóвъ, тоді бъ то й лічúть, та багáцько літъ уплило́.

На що ти тамъ ячмíнь посíявъ?— Да тамъ, пáне, такá лю́ба ріля́, що дитúна вúросла бъ, колú-бъ посадúвъ!

---

(1) Т. е. не сдѣлаюсь полнѣе.

(2) Въ томъ-то и дѣло! отъ этого-то все и зависитъ!

(3) Говорила хозяйка немеблированной свѣтлицы.

Оттàмъ, мáтінко, лихíі лю́де! якъ напàло на менé сéмеро перéкупокъ, то лéдві одгрúзлась.

Якъ занедýжавъ, то тàкъ не хóчетця вмирáть! чи ми жъ кому́ приклóнимося? чи ми обíдець испрáвимъ, чи ми чужóго чоловíка погодýемъ, колú ми такі бíдні?

Тàкъ хóлодно, що якъ-бú не вмівъ дрижáть, то змèрзъ би, Тàкъ болúть, що якъ-би не вмівъ стогнáть, то вмèръ би.

Водá чúста якъ слёзà. Дівка — якъ топóля. Гáрна, хочъ водú напúйсь. Швидкúй, якъ мотúль. Провóрний, якъ вітеръ у пóлі. Сидúть, якъ грибъ. Хлóпець молодúй, якъ барвінокъ. Повнолúций, якъ місяць. Рості, якъ зъ водú. Щебéче, якъ лáстівка. Похожáе, якъ пáва. Сòколъ, не пáрубокъ! Пъянúй, якъ нічъ. Надýвсь, якъ сичъ. Біга, якъ дзúга. Бóретця, якъ рябець. Пнéтця, якъ жáба на кýпу. Вертúтця, якъ шкуратъ на огні. Величáетця, якъ порося́ на óрчику. Дúвитця, якъ теля́ на нові двéрі. Цашкóмъ ставъ (1). Мовчúть, якъ стінá. Хóдить, такúй якъ квачъ (2). Гóстрий, якъ брúтва. Въéтця, якъ гáдина. Весéла, якъ я́сочка. Тéпло, якъ у вýсі. Дóбре. якъ у Бóга за дверúма. Житте ёмý, якъ у Христá за пàзухою.

Байстрýкъ, та ростè якъ струкъ!

Отъ якъ вúхоръ злетúть да летúть не звісно кудú, то такъ нáше добрò ростеклóсь, — якъ слúня по водí.

Такъ якъ водà зъ відрá течé, а воно́ схне, то такъ вонà сóхнула въ нáшихъ очáхъ, — скорій, ніжъ поліно въ печі.

Ти менè слýхай, а своімъ рóбомъ не ходú.

Тутъ тешú да тешú, а тамъ трèба пупъ напя́ть. (3)

Инший такúй е, що въ менé, кáже, світлíйше óко попросúть; а другúй: А въ менé світлíйше вкрàсти.

Трéба робúть потáй-Бóга, щобъ и чòртъ не знавъ.

---

(1) Уперся, какъ козелъ.

(2) Т. е. такъ пьянъ.

(3) Говорено при сравненіи плотницкой работы съ косовицею.

Якъ увійде въ комóру, то хочъ-би́ гадю́ка лежа́ла, то зогна́въ би да вкравъ.

Хиба́ на́довго старий жѐнитця? або́ са́мъ умре́, або́ жінка поки́не.

Чого́ ти тру́сисся, якъ сичъ на него́ду?

Діла робúть не хóчешъ, а пúка — хочъ пацюкú бий.

Ой, місяцю-місяцю! світишъ, та не гріешъ,—даре́мне въ Бóга хлібъ ісú. Я давъ би дві зімі за одно́ лúто.

Душа́ не сусідъ: ії не вúпрешъ. (1)

Зна́йте мене́ перепеча́йку, що на воро́тяхъ тісто!

Госпóдь милосе́рдний нікóли не спить: у того́ ща́сте одбира́е, а тому́ да́е.

Тамъ такóго наговорúвъ, що й кла́сти нікуди.

Ідьте, се́рдечко, навпрямѐць, а тамъ живе́ть Андрій Швець; а тамъ — кру́то собъ — живе́ть Кулúна Вакýленкова: ії чоловіка торікъ взялú въ Москалі. А тамъ прова́ллечко, а за прова́ллечкомъ — гулькъ — по горóду хóдить сúва кобúла, а на прúзьбі лежúть рудá собáка. Отó, се́рдечко, й отáманъ живе́ть.

По части преданій, въ этихъ мѣстахъ записано у меня очень мало. Помѣщаю выписки изъ дорожнаго альбома.

1.

ХМѢЛЬНИЦКІЙ НАДЪ СЛУЧЬЮ. (*)

...Якъ ста́въ Хмельни́цький надъ Слу́ччу, на горі, то обобра́въ своé вíйсько та́къ, що не зоста́лось у козакíвъ гро́шей ні въ кишѐняхъ, ні зашúтихъ. (2)

(*) *Переводъ.* — Когда Хмѣльницкій расположился надъ Случью на

---

(1) Говорится о голодѣ.

(2) Разсказывалъ одинъ старикъ въ Корсунѣ. Этотъ старикъ былъ единствен-

2.

О ЗОЛОТОЙ ГРАМОТѢ. (*)

Ляхи́ взяли́ся гнать на благочѣ́стие. »Чого́ вони́«, ка́жуть, »на на́шій землі живу́ть, а *благочести́вого Го́сударя́* поминаю́ть?« И дава́й головки́ лупи́ть благочести́вимъ. Ото́ спали́ли першъ ти́таря въ Мліеві, а да́лі й хуторкй черне́чі Мотре́нинські попали́ли. А въ тому́ манастирі бувъ гу́менъ... охъ, забу́въ же я, я̀къ ёго́ зва́ли! (1) Ба́чить, що ли́хо Ляхи́ ро́блять, полу́плять го́лови благочести́вимъ; а писа́ка до́брий бувъ, та я̀къ удра̀въ *Золоту́ Гра́моту!* А Максимъ Залізня̀къ приіхавъ на поклоне́ние, а вінъ ёму́ й підні́съ: »Вели́къ світь Госуда́риня (2) вели́ть різать Жи́да й

горѣ, то обобралъ свое войско такъ, что не осталось у козаковъ денегъ ни въ карманахъ, ни зашитыхъ въ одежѣ.

(*) *Переводъ.* — Ляхи начали преслѣдовать *благочестіе.* »Зачѣмъ они«, говорятъ, »живучи на нашей землѣ, молятся въ церкви за *благочестиваго Государя*?« И давай головушки снимать *благочестивымъ.* Сперва сожгли ктитора въ Мліевѣ, а потомъ пережгли и монашескіе Матренинскіе хуторки. А въ Матренинскомъ монастырѣ былъ игуменъ.... ахъ, позабылъ я его имя! (1) Видитъ онъ, что Ляхи дѣлаютъ бѣдовое дѣло — перегубятъ *благочестивыхъ*, — и хватилъ *Золотую Грамоту*... писака былъ онъ славный. Въ это время пріѣхалъ на поклоненіе Максимъ Зализнякъ; онъ и поднесъ ему: »*Великъ свѣтъ* Государыня (2) велитъ рѣзать Жида и Ляха до послѣдней ноги,

---

ный человѣкъ съ *оселедцемъ*, котораго я встрѣтилъ въ своей жизни. Въ Черниговской губерніи оставляемыя у хлопчиковъ на головѣ чупри́ны, называютъ *леверже́тъ*.

(1) Мельхиседекъ Яворскій.

(2) Это выраженіе встрѣтилось мнѣ въ одной пѣснѣ:

Вели́кий світь на́ша ма́ти! жа̀лю наробі́ла. —
Сла́вне вій́ськo Запоро́зьке та й занапасти́ла!

Ляха́ до ногѝ, щобъ и не смерді́ли на Вкраі́ні.« Якъ гукнѹ́въ Залізня́къ на охо́тника, такъ такъ и повали́въ наро́дъ, — уся́ Смілянщина й Чигири́нщина. Якъ пішли́ ви́нники, то́-що, тогді вже *веліла ма́ти й ва̀лъ бра́ти.* (1)

3.

ПРЕДАНІЕ О КОЗАРАХЪ. (*)

Запоро́зці пе́рше зва́лись Коза́ри (2) и сиді́ли въ Ка́неві, по́тімъ въ Рома́нкові, по́тімъ у Старо́му Кодаку́, а да́лі ни́жче Никопо́ля. Служи́ло іхъ три́ у короля́. Коро́ль заплати́въ двомъ жа̀лованне, а тре́тёму сказа̀въ: »Отъ же я двомъ заплати́въ грішми, а ти, коли хо́чъ, иди́ въ Ка́невъ, осади́ собі тамъ сло́боду.« Отъ вінъ пішо́въ та й завівъ тамъ Січъ. (3)

чтобъ и духу ихъ не было въ Украйнѣ«. Кликнулъ кличъ Зализнякъ — народъ такъ и повалилъ къ нему со всей Смілянщины и Чигиринщины, и какъ зашевелились виноркуры и другіе этакіе люди, тогда ужъ нечего было Ляхамъ и думать о защитѣ.

(*) *Переводъ.* — Запорожцы назывались прежде Козарами (2) и жили въ Каневѣ, потомъ въ Романковѣ, потомъ въ Старомъ Кодакѣ, а наконецъ ниже Никополя. Король заплатилъ двоимъ (предводителямъ) жалованье, а третьему сказалъ: »Я заплатилъ двоимъ деньги, а ты, коли хочешь, ступай въ Каневъ и засели тамъ себѣ слободу«. Онъ пошелъ и основалъ тамъ Сѣчь. (3)

---

(1) Разсказывалъ тотъ же старикъ въ Корсунѣ.

(2) Замѣчу по случаю этого преданія, что увеличительное отъ слова *козакъ — козарлю́га*, а уменьшительное ласкательное — *козу́ря*. Примѣры:

Васюри́нській козарлю́га все пъе та гуля́е...

Лу́чче бъ, козу́рю, могли́ мої о́чі на поти́лиці ста́ти....

(3) Не относится ли къ тремъ войскамъ Рѣчи Посполитой — Коронному, Литовскому и Запорожскому? — Преданіе записано въ Корсунѣ.

4.

ХЛѢБОСОЛЬСТВО НА ЗАПОРОЖЬИ. (*)

Въ Запоро́жжі ніхто́ було́ не ска́же старо́му: »Ду́рно хлібъ ісѝ.« Приідь, ра́тище встромѝ, янча́рку повісь та й лежѝ собі хочъ три мі́сяці, пий и іжъ гото́ве. Тілько встань, Бо́гу помолѝсь; колѝ е гро̀ші, идѝ въ корчму́ — горілку пий. А якъ же ска̀же хто: »Ду́рно хлібъ ісѝ«, то козакѝ такъ и нападу́ть: »А ти вже закозаковà вся, сякѝй-такѝй сѝну!« (1)

5.

ПОХОЖДЕНІЯ ГАЙДАМАКЪ ВЪ КАНЕВѢ. (**)

»Що́ то, ді́ду, за гайдама̀ччина була́?« (2)

Проклѧта була́! Самово́льці такі були́, що... Невірне такъ

(*) *Переводъ.* — Въ Запорожьи никто бывало не смѣетъ сказать старому человѣку: »Ты даромъ хлѣбъ ѣшь.« Пріѣзжай туда всякъ, воткни въ землю копье, повѣсь саблю и лежи себѣ хоть три мѣсяца, — пей и ѣжь все готовое. Только и дѣла, что встань да помолись Богу; а когда есть деньги, ступай въ корчму пить водку. Если же кто скажетъ: »Даромъ хлѣбъ ѣшь«, то козаки тотъ-часъ и накинутся: »А ты ужъ закозаковался, сякой, такой сынъ!«

(**) *Переводъ.* — »Что̀ это, старикъ, было за гайдамачество такое?« (2)

Проклятое было! Своевольники такіе были, что.... И какъ просла-

---

(1) Записано въ Корсунѣ.

(2) Вопросъ путешественника.

було́ прослáвилось! Якъ попъѣтця, то ёму́ не кажи́ ні зло́го, ні до́брого, — така́ соба́ча ю́ха!

Були́ ми зъ ба́тькомъ у я́рмарку пі́дъ Мо́шнами, на Свяму́ Не́ділю, то іхъ и наткнувъ хтось, що въ Бі́лика кінь до́брий есть. А мого́ ба́тька й торкнули: »Утіка́й, Дми́тре, ато́ бу́де тобі ли́хо!« То ба́тько якъ ру́шивъ зъ я́рмарку! Добіга́е до сёго́ хреста́, що пі́дъ мі́стомъ стоіть, огля́нетця, ажъ вінъ лети́ть изъ узво́зу, такъ якъ ворона. И до села́ не допусти́въ, нагна́въ. А тутъ чередá хо́дить. То ба́тько вики́нувъ коня́ та й пусти́въ у че́реду.

Ганя́всь вінъ, ганя́всь за тимъ коне́мъ; ганя́всь-ганя́всь, — не пійма́въ; та ажъ до ха̀ти прийшо́въ до ба́тька: »Иди́, си́ну вра́жий, та коня́ мині дай!«

То ба́тько му́сивъ самъ лови́ть коня́ и одда́въ ёму́.

»Ну, при́йдешъ же у Ка́невъ, то тамъ Неживи́й тобі запла̀тить.«

Прийшо́въ ба́тько въ Ка̀невъ, ажъ Ка̀невъ уже́ спа́ленъ. Атамъто пани́ зроби́ли собі за̀мочокъ та ажъ у три́ ряди́ па́лями обгороди́лись и запѐрлись тамъ. А гайдама́ки дава̀й соло́му вози́ть, та

вилась было эта сволочь! Какъ напьется, то не смѣй сказать ему ни злого, ни добраго, — такіе собаки!

Случилось мнѣ съ отцомъ быть на ярмаркѣ подъ Мо́шнами о Святой. Имъ и сказалъ кто-то, что у Бѣлика конь добрый. А моему отцу и шепнули: »Уходи, Дмитрій, ато не миновать тебѣ бѣды!« Отецъ скорѣе съ ярмарки. Доскакалъ до креста, что̀ стоитъ подъ городомъ, оглянется — летитъ за нимъ гайдамака съ горы, какъ ворона. Не допустилъ отца и до села, нагналъ. Тутъ близко ходило стадо. Отецъ отпрегъ коня и пустилъ въ стадо. Сколько ни гонялся гайдамака за конемъ, не поймалъ; наконецъ пришелъ къ самой хатѣ, къ отцу: »Поди, вражій сынъ, отдай мнѣ коня!« Тогда отецъ принужденъ былъ самъ поймать коня и отдалъ ему. »Ну, приходи ты въ Каневъ«, сказалъ гайдамака, »тамъ Неживый тебѣ заплатитъ.« Пришелъ отецъ въ Каневъ, а Каневъ уже выжженъ. Паны сдѣлали тамъ себѣ острожекъ, окружили его въ три ряда частоколомъ и заперлись. А гайдамаки натаскали соломы, зажли,

якъ запалѝли, то все тамъ и съ панáми, и зо всімъ такъ огнéмъ и взялóсь. У якóгось пáна кінь бувъ, óгиръ такúй, що пять сотъ рублівъ вартъ, а сідлó самѐ пять сотъ рублівъ вáрте булó; такъ завелѝ того коня ажъ у островѝ у лугъ, а гайдамáки й тáмъ найшлѝ... Такъ отó прихóдить бáтько въ Кáневъ, а гайдамáки посадѝли дванáдцять Жидівокъ у-рядъ, та зáйде зъ бóку та й бъѐ зъ пистóля. Усіхъ вúбили; а до одніéї три рáзи примéръ робúли, такъ не спáлить та й гóді. Отъ и пішлѝ до отáмана: »Щó тутъ робúть, пáне отáмане? три рáзи робúли примéръ до Жидівки — не спалѝло.«

»А щó жъ? мóже, вонá схóче вúхреститьця?«

»Хóчешъ вúхреститьця?«

»Хóчу«, кáже. »Я вже и *Вірую во едúного Бóга* знáю.«

Отъ и почалѝ затя́зці збірáть христúни. Де молодúцю попадýть: »Идú кумóю!« А самú кýмами. А пóслі якъ стáли даровáть своїй хрищéниці, то наскидáли самúхъ денежóкъ стíлько, що й конѐмъ не повезéшъ.

И дóбра молодúця зъ тиéї Жидівки вúйшла; віру нáшу опісля

и все вмѣстѣ съ панами сгорѣло. У одного пана былъ такой жеребецъ, что̀ стоилъ рублей пять-сотъ, да сѣдло стоило пять сотъ рублей. Этого коня отвели далеко въ острова на лугу, но гайдамаки и тамъ его нашли. Вотъ приходитъ батько въ Каневъ; смотритъ — гайдамаки посадили двѣнадцать Жидовокъ рядомъ и стрѣляютъ по нимъ изъ пистолета, зашедши сбоку. Всѣхъ перестрѣляли, а къ одной прицѣливались три раза, но порохъ никакъ не вспыхивалъ. Гайдамаки пошли къ отаману: »Что̀ намъ дѣлать, панъ отаманъ? три раза прицѣливались мы къ Жидовкѣ — не вспыхнуло«. — »Что же? можетъ, она захочетъ креститься?« — »Хочешь креститься?« — »Хочу«, говоритъ. »Я ужъ и *Вѣрую во единаго Бога* знаю.« Вотъ и начали гайдамаки сбирать крестины. Встрѣтятъ молодицу: »Иди кумою!« а сами кумовьями. Потомъ начали дарить свою крестницу и набросали ей столько однѣхъ денежекъ, что коню не подъ силу было бы свезти. И добрая женщина вышла изъ той Жидовки; вѣру нашу потомъ хорошо соблюдала и была очень набожна.

хорошѐ держа́ла и така́ була́ богомільна. Було́, тільки задзво́нять до це́ркви, то и йде.

Такъ ото́ ба́тько й приступи́въ до тихъ затя́зцівъ. А вони́ у Нетере́бці ви́рвали каза́нъ: »На жъ тобі«, ка́жуть, »оцей каза́нъ.« Ба́тько взя́въ каза́нъ, а Нетере́бці опісля́ прийшли́ та й узяли́.

Такѐ-то прокля́те було́ та гайдама́ччина! Бага́то нако́іли ли́ха. А опісля́ ще пани́ та Жиди́ наро́дъ де́рли. Прии́де: »Се тобі гайдама́ки дали́, або́ ти са́мъ гайдама́чивъ!« та й берѐ, що зу́здрить. Такѐ-то! (1)

6.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАПОРОЖЦАХЪ, ОБЪ ИХЪ НРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ. (*)

Козаки́ пі́дъ Мазе́пою змінѝли та й пішли́ пі́дъ Ту́рка. Ту́рокъ давъ і́мъ зе́млю и все. Коли́ жъ умѐръ коза́къ, а земля́ й ви́кинула; умѐръ дру́гий — и друго́го ви́кинула, трѐтій — ви́кинула й трѐ-

---

Только бывало начнутъ благовѣстить, тотъ-часъ и идетъ въ церковь. Приступилъ отецъ къ гайдамакамъ; а они въ то время вынули изъ печи въ винокурнѣ въ Нетеребкѣ котелъ. »Возьми«, говорятъ, »себѣ этотъ котелъ.« Отецъ, и взялъ, а Нетеребцы потомъ отъ него и отобрали.

Такое-то проклятое дѣло было гайдамачество! Много натворили бѣды гайдамаки, а потомъ еще паны да Жиды грабили народъ. Придетъ панъ, или Жидъ: »Это тебѣ гайдамаки дали, или ты самъ гайдамачилъ?« и беретъ, что ни увидитъ. Такая-то бѣда!

(*) *Переводъ.*—Козаки въ гетманство Мазепы измѣнили и поддались Турку. Турокъ далъ имъ землю и все. Только — умеръ одинъ козакъ, а земля и выбросила его; умеръ другой — и другого выбросила, тре-

---

(1) Разсказывалъ въ Кумейкахъ Климъ Бѣликъ.

тёго. Такъ воні тоді: »Эй, бра̀тці серде́чниі! вернімось, бо насъ тутъ и земля̀ не прийма́е.« А Царь Петро́ вже зазива́е. »Верні̀тця«, ка́же, »не бу́де вамъ ніякоі ка́ри, ні упомѝнку.« Такъ воні̀ й вернýлись. То іхавъ разъ ба́тько поузъ Са́вуръ-Могѝлу, а тамъ вели́кіі шляхѝ йдуть: оди́нъ у Моско́вщину, а дру́гиі у на̀шу сто́рону. То міжъ ти́ми шляха́ми, коло тиі Са́вуръ-Моги́ли ка̀мінь вели́кіі лежи́ть. А зъ нимъ ходи́въ тоді на Дінъ Васи́ль Куце́нко, письме́ннии. Такъ ба́тько ка̀же; »Иди́ лишъ, Васи́лю, прочита́й, що̀ на тімъ ка̀мені напи́сано.« А той пішо́въ та й прочита̀въ: »Про́клятъ, про́клятъ, про̀клятъ, хто бу́де одъ Запоро́зцівъ одбі-ра́ть зѐмлю, по́ки свѝтъ со̀нця!« Госуда́рь таке́ заклятте положи́въ. (1)

Мій ба́тько таки́ водѝвся зъ тими́ Запоро́зцями. Бува́ло, то

тій — выбросила и третьяго. Тогда они: »Эй, братья милые! воротимся въ отечество: насъ тутъ и земля не принимаетъ.« Между тѣмъ Царь Петръ зоветъ къ себѣ: »Воротитесь«, говоритъ, »не будетъ вамъ никакой кары, ни упрека.« Однажды отецъ мой ѣхалъ мимо Савуръ-Могилы, гдѣ проходятъ большія дороги: одна въ Московскій край, а другая въ нашу сторону, и между тѣхъ дорогъ, возлѣ Савуръ-Могилы, лежитъ большой камень. Съ отцомъ ходилъ тогда на Донъ Василій Куцéнко, грамотный человѣкъ. Отецъ и говоритъ: »Поди-ка, Василій, прочитай, что̀ на томъ камнѣ написано.« Тотъ пошелъ и прочиталъ: »Проклятъ, проклятъ, проклятъ, кто будетъ отбирать у Запорожцевъ землю, *пока свѣтъ солнца*!« Такое заклятіе Государь положилъ. (1)

---

(1) Любопытно было бы знать, какимъ побужденіемъ управлялся Василь Куцéнко, читая на камнѣ то, чего на немъ не было написано. Отецъ разскащика ходилъ на Донъ около того времени, когда у Запорожцевъ шли споры съ Сербскими поселеніями за земли. Василь Куцéнко могъ посѣщать ихъ рыбные »заводы« для заработковъ, подобно Кременчугскому пасичнику (см. выше, стр. 111) и наслушаться тамъ разсказовъ объ ихъ мнимыхъ правахъ. Идучи степью съ чумаками, онъ передавалъ имъ то, что̀ видалъ и слыхалъ во время своихъ странствованій въ разныхъ мѣстахъ, и естественно соблазнился ролью человѣка, который умѣетъ заставить другого разинуть ротъ. Чтобъ еще больше поразить простодушныхъ своихъ слушателей, онъ импровизировалъ надпись на камнѣ; а отецъ Клима Бѣлика принялъ его продѣлку за чистую монету.

горілку, то́-що во́зять у Січъ. Роска́зуе було́, що, ка́же, якъ привезе́шъ горілку, то й прийде купова́ть, и за́разъ бере́ волочо́къ, тяга́е, са́мъ пъе и душъ де́сять часту́е. Хто стоіть, жо́дного часту́е. Уже́ жъ ти ёму́ не кажи́ нічо́го. То ви́пъютъ такъ якъ на корхъ зъ бо́чки, та тоді вже́: »Запла́тимъ же, пани́ молодці, за горілку«, та й закупить усі бочки́, и вже запла́тить до́бре. А якъ же бъ що сказа́ въ, той стоявъ би тамъ не знать до́ки, та, мо́же, й наза́дъ повізъ би горілку. »Не йдіть«, ка́жуть, »до вра́жого си́на купова́ть: ча́рки горілки жа́луе.«

Жва́вий наро́дъ бувъ! Було́ якъ пійде коне́мъ, то не та́къ, якъ на́ші, а такъ, якъ па́нъ: коли́бъ струснувся! Такъ и пізна́ешъ ёго́ оддалеку́.

Разъ стою́ за ворітьми́, ажъ іхъ іде тро́е, а за ни́ми по одному́ коню́ підъ въюками, и що тамъ срібла́ въ тихъ въю́кахъ! Такъ ду́маю, що четверикъ на жо́дному.

»Здоро́въ«, ка́жуть, »хлопча́!«

Мой отецъ водился таки съ Запорожцами. То водку, то что-нибудь другое возилъ онъ въ Сѣчь. Бывало разсказываетъ: Какъ привезешь водку, вотъ и приходитъ Запорожецъ покупать и тотъ-часъ беретъ *волочо́къ* (цилиндрическую стклянку на снуркѣ), опускаетъ въ бочку, пьетъ самъ и потчиваетъ человѣкъ десять товарищей. Кто бы тутъ ни случился, каждаго потчиваетъ. И ужъ не говори ему ни слова. Выпьютъ Запорожцы изъ бочки водки пальца на четыре, и тогда ужъ говорятъ: »Ну, паны молодцы, заплатимъ теперь за водку«, купятъ всѣ бочки и ужъ хорошо заплатятъ. А когдабы что-нибудь сказалъ имъ непріятное, то и стоялъ бы съ водкой Богъ знаетъ сколько времени, а пожалуй и уѣхалъ бы не продавши. »Не покупайте«, говорятъ Запорожцы, »у вражьяго сына: онъ чарки водки жалѣетъ.«

Удалый народъ былъ! Ѣдетъ бывало верхомъ, такъ ужъ не по нашему, а погосподски: и не встряхнется! Издали его узна́ешь.

Разъ я стою за воротами, смотрю — ѣдетъ трое Запорожцевъ и ведутъ по коню подъ вьюками... сколько тамъ серебра въ тѣхъ вьюкахъ! Думаю, четверикъ на каждомъ. »Здорово, хлопче!« говорятъ мнѣ.

»Здоро́ві!«

»А дѐ тутъ Дмитро́ Біликъ живе́?«

»Оце́«, кажу́, »й Біликъ.«

»А до́ма?«

»До́ма.«

Заіхали, пообідали въ ба́тька та й поіхали.

А то вони́ верта́лись изъ По́льщи. Ка́жуть ба́тькові: »Уже́, Дми́тре, надра̀ли; бу́де зъ насъ, поки й на̀шого віку.«

Не одну́ жъ По́льщу вони́ дра́ли: було́ й на̀шимъ одъ іхъ ли́хо. Ні харчі, було́, не провезе́шъ, нічо́го. Роска́зувавъ ба́тько, що йдемо́ — ка́же — зъ Запоро̀жжя. А братъ до бра́та на Запоро̀жже ходи́въ, такъ вінъ ёму́ два во́зи ри́би накла́въ. Идемо́ зъ Запоро̀жжя, ажъ ди́вимся — ра̀тище на шляху́ встро́млене. Уже́ жъ и не йди́ да́льше, ато̀ якъ ви́скочать прокля̀ті коми́шники, то недо̀вго на свѣтъ диви́тимесся. Зупини́ли воли́, ажъ и іде іхъ три. Два жъ стоіть на ко̀няхъ, а оди́нъ до во́за: »Розшнуро̀вуй візъ, вра́жий си́ну!«

Розшнурова́въ.

Вінъ и почà въ изъ во́за ри́бу викида́ть. А въ другому́ во́зі

»Здравствуйте!« — »А гдѣ Дмитрій Бѣликъ живетъ?« — »Вотъ онъ живетъ«, говорю. »А дома?« — »Дома.« Заѣхали къ намъ, отобѣдали у отца и поѣхали. Они въ то время возвращались изъ Польши. »Набрали мы, Дмитрій, добычи!« говорили они отцу. »Будетъ съ насъ, пока живы.«

И не одну Польшу они грабили: доставалось отъ нихъ и нашимъ. Бывало, ни харчи не провезешь, ничего. Разсказывалъ отецъ: Ѣдемъ — говоритъ — разъ изъ Запорожья, а съ нами одинъ человѣкъ ходилъ къ брату на Запорожье, такъ тотъ нагрузилъ ему два воза рыбою. Ѣдемъ изъ Запорожья, смотримъ — копье на дорогѣ воткнуто. Это значитъ: не ходи дальше, ато какъ выскочатъ проклятые камышники, то недолго будешь послѣ того глядѣть на Божій свѣтъ. Остановили воловъ, смотримъ — ѣдетъ трое камышниковъ. Двое остались на коняхъ, а третій соскочилъ и къ возу: »Разшнуровывай возъ, вражій сынъ!« Чумакъ разшнуро-

списъ стримівъ. Візъ бувъ очере́томъ укри́тий, и спи́съ у ёму́ стримівъ. Той чума́къ диви́всь-диви́всь, да́лі якъ ухо́пить списъ та якъ сунѐ того́ коми́шника пі́дъ бі́къ, — такъ и пронявъ.

»А йді́ть«, ка́же, »й ви́ сюди́! [на тихъ уже́, що на ко́няхъ сидя́ть] И ва́мъ те бу́де!«

То ти́ ба́чать, що се не про́махъ, та й звомпили. »Що́ жъ?« ка́жуть, »ми ба́чимо, що вінъ, вра́жий синъ, глуми́тця.«

Та й оружже поодкида́ли.

»Сховаймо«, ка́жуть, »ёго́, бра́тці: то не падлю́ка, то Христия́нинъ«.

Угорну́ли въ ряднó — рядно́ въ того́ чоловіка взяли́ — та й захова́ли.

Тоді пита́ютця:« Хто жъ ти таки́й?«

»Я«, ка́же, »оттаки́й и таки́й. Ходи́въ до бра́та въ го́сті.«

»Зна́емо«, ка́жуть, »того́ козака́. Що́бъ же тебе́! коли́-бъ ти намъ хочъ сло́во сказа́въ, що ти ёго́ братъ, ми бъ тебе́ й не чіпа́ли.«

валъ. Онъ и началъ выбрасывать изъ воза рыбу. А въ другомъ возѣ было воткнуто копье. Возъ былъ покрытъ очеретомъ и копье въ немъ торчало. Чумакъ сперва смотрѣлъ, ничего не говоря, на камышника, потомъ какъ схватитъ копье да какъ пырнетъ его въ бокъ — такъ и прокололъ. »А подите«, говоритъ, »и вы сюда! [къ тѣмъ, видите ли, что сидѣли на коняхъ] Подите, я и вамъ то же сдѣлаю!« Видятъ камышники, что это то-же молодецъ, и струсили. »Что́ же?« говорятъ, »мы видимъ, что онъ, вражій сынъ, глумится«, и отбросили въ-сторону оружіе. »Похоронимъ«, говорятъ, »его, братцы: вѣдь это не падаль, а Христіянинъ.« Завернули въ толстый холстъ — холстъ взяли у того человѣка — и похоронили. Потомъ спрашиваютъ: »Кто же ты таковъ?« — »Я«, говоритъ, »такъ и такъ называюсь. Ходилъ къ брату въ гости.« — »Знаемъ«, говорятъ, »того козака. О, чтобъ тебя! колибъ ты намъ хоть слово сказалъ, что ты его братъ, мы бъ тебя и не трогали.« И поѣхали отъ насъ.

Да й поіхали. (¹)

Такий-то наро́дъ бувъ! Якъ не кра́де Запоро́жець, то й ка́жуть ёму́: »До́ки ти, вра́жий си́ну, бу́дешъ лежа́ти? И ча́рки горілки ні за що ви́піть.«

Нашъ ро́дичъ Яцько́ бувъ у Запоро́зцяхъ; то було́ росказуе. Пішли́ ми — ка́же — ажъ за Бо́гъ-рі́ку́, надъ Тилигу́лъ, ко́ней кра́сти. Гля́немъ, ажъ таки́й табу́нъ ко́ней хо́дить! Отъ я прилізъ, ажъ Нага́ець вартови́й спить и віжки замота́въ коло́ руки́. Я якъ сунувъ ёго́ спи́сомъ! а вінъ бувъ у панци́рі, то списъ такъ и закорчився. Вінъ якъ схопитця та до мене́! то якъ-би́ не було́ ножа́, то зарізавъ би вра́жій синъ. Ато́ я якъ черкну́ ёго́ ножемъ по го́рлу, то вінъ такъ и повали́вся.

А вже въ Січъ ба́ба не ходи́. Хочъ-би́ сестра́, хочъ-би рідна ма̀ти — не пу̀стять. Такъ, чо̀ртъ зна́е по-я̀кому жили́ ти́і Запоро́зці: самі собі якъ бурла̀ки. Бувъ оди́нъ Запоро́жець Нага̀ець та и вна̀дився до паламарки. Коло́ Січи тамъ десь у сельці паламаръ

Таковъ-то народъ были эти Запорожцы! Если Запорожецъ не крадетъ, то ему говорятъ: »Долго ли ты, вражій сынъ, будешь лежать на боку? И чарки водки не на что̀ выпить.« Нашъ родственникъ Яцко́ былъ въ Запорожцахъ и бывало разсказывалъ намъ: Пошли мы — говоритъ — разъ за самый Бугъ-рѣку, выше Тилигула, красть лошадей. Смотримъ — такой славный табунъ лошадей ходитъ! Подползъ я къ нимъ, смотрю — сторожевой Ногаецъ спитъ и возжи намоталъ на руку. Я какъ пырну его копьемъ! но онъ былъ въ панцырѣ, — копье такъ и свернулось. Вскочилъ онъ да ко мнѣ... и не будь при мнѣ ножа — зарѣзалъ бы вражій сынъ. Ато я хвать его ножомъ по горлу — онъ такъ и повалился.

А ужъ бывало баба въ Сѣчь не ходи. Будь хоть сестра, будь хоть родная мать — не пустятъ. Чортъ знаетъ, какъ жили эти Запорожцы, — холостяками, какъ бурлаки. Былъ одинъ Запорожецъ, по прозванію Но-

---

(¹) Эта сцена напоминаетъ разсказъ Семена Юрче́нка о камышникахъ (см. выше, стр. 75). Оба разскащика передали мнѣ какъ видно одно и то же приключеніе; но Юрче́нко, очевидно, повторилъ его, какъ отдаленное эхо, а Бѣликъ былъ ближе къ дѣйствующимъ лицамъ.

живъ, такъ вінъ до паламáрки и внáдився. А Запорóзці пронюхали та й пішлй до кошовóго: »Такúй намъ стидъ рóбить Нагáець, пáне бáтьку: унáдився«, кáжуть, »до паламáрки, такъ якъ тої собáка!«

»Постíйте жъ«, кáже, »пани́ молодці«, я козакà надéжного пошлю́, нехáй присочúть ёго́, тоді вже бýде ёму́ сýдъ и роспрáва.«

Отó Нагáець поíхавъ изъ Сíчи, а козáкъ собí. Приíхавъ до паламáрки: »Одчини́!«

Не одчиняе.

Вінъ якъ сунè двери ногóю — двéри такъ и вúвалились. У хáту, — ажъ вінъ тамъ за зáпонкою.

»А щò ти тутъ рóбишъ, сякúй-такúй сúну?«

Якъ узя́въ бить ёго нагаéмъ!

А той прóситця: »Брáте мій рідний! ужé хочъ бий, тілько пáнові бáтьку не яси́!«

[А тамъ ужé такè чóртове заведéние, що сімъ разъ якъ удáрить кúемъ, то вже хліба не íстименъ.]

Такъ щò жъ? у такóго одмóлисся? И нагаéмъ вúбивъ, и ко-

гаецъ и повадился ходить къ пономарихѣ. Возлѣ Сѣчи жилъ пономарь, такъ онъ къ пономарихѣ и повадился. А Запорожцы провѣдали да и пошли къ кошевому: »Какой намъ стыдъ дѣлаетъ Ногаецъ, пане батько! повадился ходить къ пономарихѣ, словно песъ какой!« — »Погодите же, паны молодцы«, говоритъ кошевой, »я пошлю надежнаго козака, пусть онъ его подкараулитъ, а потомъ ужъ будетъ ему судъ и расправа.« Вотъ Ногаецъ изъ Сѣчи, а козакъ за нимъ. Пріѣзжаетъ къ пономарихѣ: »Отвори!« Не отворяетъ. Онъ толкнулъ въ дверь ногою — дверь такъ и вывалилась. Входитъ въ хату, смотритъ — Ногаецъ тамъ за занавѣскою. »А что ты дѣлаешь тутъ, сякой, такой сынъ?« и давай стегать его нагайкою. А тотъ упрашиваетъ его: »Братецъ ты мой родной! бей меня, только не сказывай пану батьку!« [А ужъ у нихъ такой чертовскій обычай, что какъ ударитъ семь разъ дубиною, то хлѣба не будешь больше ѣсть.] Что же? напрасно и упрашивать! И нагайкой от-

шовóму зъясовáвъ. Ну, звíсно вже: зáразъ до стовбá та киями. Занедýжавъ сердéшний Нагáець одъ такóї бáні та и вмéръ незабáромъ.

Уже́ що бóйкий лю́дъ бувъ, то такъ! Разъ ходи́въ изъ ба́тькомъ у Сíчъ изъ горíлкою мíй рíдний дя́дько. Отъ и питáютця: »Що́ се, Дми́тре, съ тобóю?«

»Та се«, ка́же, »мíй шу́ринъ, моéї жíнки бра́тъ.«

»Якъ ёго́ зову́ть?«

»Хома́.«

»Не вклепа́лись же«, ка́же, »й ви, що ёму́ таке́ имя́ дали́: вінъ на Хому́ й похо́дивъ, дия́волівъ синъ!«

А разъ таки́ до́бре допекли́ мойму́ ба́тькові. Сиди́ть вінъ изъ ними́ въ лёху́ та й пьють. А воні́ й дава́й ёго́ на́ смíхъ підійма́ть: »Ге, васъ«, ка́жуть, »тамъ у По́льщи [а се бъ то, бачъ, на Вкраíні] ми́ромъ не ма́жуть, а гу́сячимъ са́ломъ.«

А ба́тько, не до́вго говори́вши, схопи́всь та на база́рі купи́въ хлíба та й пíшовъ до кошово́го.

Кошови́й ви́слухавъ. »Ишъ«, ка́же, »вра́жі сини́! а воні́ жъ

стегалъ, и кошевому донесъ. Ну, разумѣется: тотъ-часъ привязали къ столбу Ногайца и наказали дубьемъ. Заболѣлъ бѣдняга Ногаецъ отъ такой бани и умеръ вскорѣ.

Что́ за бойкій народъ былъ эти Запорожцы! Разъ ходилъ въ Сѣчь съ водкою мой родной дядя при отцѣ. Они и спрашиваютъ: »Что́ это за человѣкъ съ тобою, Дмитрій?« — »Это«, говоритъ, »мой шуринъ, братъ моей жены.« — »А какъ его зовутъ?« — »Ѳома«. — »Ну«, говорятъ, »вы не ошиблись, давши ему такое имя: онъ, чортовъ сынъ, и похожъ на Ѳому!«

А разъ задѣли таки моего отца за живое. Сидитъ онъ съ ними въ погребу и пьетъ водку. Только они и давай надъ нимъ подсмѣиваться: »Васъ«, говорятъ, »тамъ въ Польшѣ [а это, выходитъ, на Украйнѣ] помазываютъ не миромъ, а гусинымъ жиромъ.« Отецъ, не говоря дурного слова, вскочилъ съ своего мѣста, купилъ на базарѣ хлѣба и пошелъ къ кошевому. Кошевой выслушалъ. »Вишь«, говоритъ, »вражьи дѣти! а они откуда наплодились? И они же вышли изъ мужиковъ, а те-

изъ чого̀ поплоди́лись? И вони́ жъ изъ мужиківъ породи́лись, а тепе́ръ уже́ тільки іхъ ми́ромъ ма́зано! А пійди́«, ка́же на козака́, що при ёму́ бувъ, »пійди́ лише́нь помири́ іхъ.«

Прийшо́въ коза́къ изъ ба́тькомъ до лёху: »А чого̀«, ка́же, »ви тутъ, вра́жі сини́, змага́етесь?«

А вони́: »Сядь, сядь, ба́тьку, ча́рку горілки ви́пий.«

Отъ вінъ поси́дівъ тро̀хи. »Що̀ жъ«, ка́же, »я да́рмо чо̀боти топта́въ для васъ? Положіть по рублю́!«

Усі ви́няли по рублю́ й положи́ли ёму́ въ ша́пку. И ба́тько му́сивъ положи́ть рубля́. Та̀къ розсуди́въ, дия́волівъ синъ!

Ато́, ка́жуть, ще-то въ-старовину́ одібра́въ кошови́й що найкра́щий наро́дъ та одіжний та й посла́въ до короля́. Отъ Ляхи́ ба́чать, що въ іхъ у́си оттаке́лезні: »Чого́ бъ«, ка́жуть, »дать імъ істи? Даймо імъ сметани́.«

Дали́ сметани́. А Запоро́зці ка́жуть: »У насъ не даю̀ть сметани́ напере́дъ; мѐдъ напере́дъ даю̀ть.«

»Ну, дать імъ мѐду!«

Дали́ мѐду. А вон якъ и́ попоіли ме́ду та позакру̀чували у́си: »Тепе́ръ«, ка́жуть, »дава́йте й сметани́!«

перь ужъ только они и помазаны муромъ! Ступай«, говоритъ къ козаку, что былъ при немъ, »ступай, помири-ка ихъ«. Пришелъ козакъ съ отцемъ въ погребъ. »А что̀ вы«, говоритъ, »вражьи дѣти, спорите тутъ?« А они: »Сядь, батько, сядь, выпей чарку водки.« Вотъ онъ посидѣлъ немного. »Что̀ же?« говоритъ, »я даромъ для васъ сапоги топталъ? Положите мнѣ сюда по рублю.« Всѣ вынули по рублю и положили ему въ шапку. И отецъ принужденъ былъ положить рубль. Такъ разсудилъ, чортовъ сынъ!

Ато, говорятъ, еще въ старину выбралъ кошевой самыхъ лучшихъ, самыхъ щеголеватыхъ Запорожцевъ и послалъ къ королю. Видятъ Ляхи, что у нихъ усы вотъ этакіе, большущіе, и говорятъ: »Чего бы дать имъ поѣсть! Дадимъ имъ сметаны«. И дали сметаны. А Запорожцы говорятъ: »У насъ не подаютъ сперва сметану; сперва подаютъ соты.« — »Ну, дать имъ сотовъ.« Подали сотовъ. Они поѣли и закрутили

А підъ той часъ непріятель прислáвъ Ляхáмъ лýкъ: »Якъ не натя́гнете«, ка́же, »сёго́ лу́ка, то становітця на бата́лію.«

Отъ Ляхи́ про́бовали — ніхто́ не натя́гне.

А оди́нъ Запоро́жець: »Ось кѣте«, ка́же, »лише́нь сюди́!«

Узя́въ, такъ и натягнýвъ той лукъ.

»Да́йте жъ«, ка́же, »тепе́ръ мині шта́бу заліза.«

Та взявъ та круго́мъ ши́і тому́ послóві обгорнýвъ та й завернýвъ; такъ якъ отъ снíпъ завертáешъ, що перевéсло скрýтишъ, такъ вінъ ту шта́бу завернýвъ.

»Коли́ одвѣрнете«, ка́же, »ви сю шта́бу, то ми на бата́лію зъ ва́ми ста́немъ.«

Яки́й же ёго́ чортъ одвéрне? Хиба́ бъ го́лову одкрути́въ! Мóже, якъ прíхавъ, то, мóже, чóртъ зна́е до́ки пиля́ли. Не мóжна ні лягти́, нічóго.

Э, здоро́вий наро́дъ бувъ! Ужé якъ зруйнова́ли Січъ, то оди́нъ таки́й бувъ здоро́вий, що дýхомъ убъé чоловіка. Якъ пішóвъ причащатьця та дýху не втаївъ, то трóхи свящѣнникъ не впавъ на́взнакъ.

вверхъ усы. »Теперь«, говорятъ, »давайте и сметаны!« А въ это время прислалъ непріятель Ляхамъ лукъ. »Коли не натянете«, говоритъ, »этого лука, то выходите на бой.« Долго пробовали Ляхи — нѣтъ, никто не натянетъ лука. Тогда одинъ Запорожцевъ: »Дайте-ко«, говоритъ, »его сюда!« Какъ взялъ, такъ съ-разу и натянулъ. »Теперь подайте«, говоритъ, »мнѣ полосу желѣза.« Взялъ онъ желѣзную полосу, обвилъ вокругъ шеи послу и завернулъ; такъ вотъ какъ снопъ свяжешь и завернешь связку, такъ онъ завернулъ ту полосу. »Коли развернете«, говоритъ, »вы эту полосу, то выйдемъ съ вами на бой.« Кой чортъ развернуть! Развѣ съ головой вмѣстѣ открутить! Какъ воротился посолъ домой, то, можетъ, чортъ знаетъ сколько времени пилили желѣзо. Нельзя ни прилечь, ни что.

Эхъ, народъ былъ дюжій! Когда разорили Сѣчь, такъ одинъ былъ такой силачъ, что однимъ дыханіемъ убилъ бы человѣка. Какъ подошелъ къ причастію, да не затаилъ дыханія, то едва священникъ не упалъ на-

»Хто ти«, ка́же, »ста́рче, таки́й? призна́йся.«

»А що́ жъ«, ка́же, »ба́тюшка? я ото́й и той.«

»Зийди́ жъ«, ка́же, »зъ сёго́ гра́да, бо тільки дозна́ютця, то пропадѣшъ.« (1)

Ще ско́ро рознесла́сь чу́тка, що Запоро́жже зруйну́ють, то Гетьма́нці було́ Запоро́зцямъ співа́ють:

Вра́жі сини́ Запоро́зці не до́бре вчини́ли:
Степъ широ́кий, край весе́лий та й занапасти́ли.

То Запоро́зці було́ зля́тця! Воні́ бъ то й би́ли іхъ, такъ и то́ жъ наро́дъ вое́нний. Хочъ и по шинка́хъ було́ зостріну́тця, то не ду́же було́ стра́шно. (2)

А було́ якъ очортіе Запоро́зцямъ у Сі́чі горілку пить, то й понаіжджа́ють у го́сті на Вкраіну, або́ на Гетьма́нщину. Приіжджа́ють

взничъ. »Кто ты таковъ, старикъ?« говоритъ онъ, »признайся.« — »Что́ же«, говоритъ, »батюшка? я такой-то«. — »Изыди же«, говоритъ, »изъ сего града, ато, какъ узнаютъ о тебѣ, то погибнешь.« (1)

Еще лишь только разнесся слухъ, что Запорожье разорятъ, то гетманскіе козаки припѣваютъ бывало Запорожцамъ:

Вра́жі сини́ Запоро́зці недо́бре вчини́ли:
Степъ широ́кий, край весе́лий та й занапасти́ли.

Запорожцы, бывало, бѣсятся на *Гетма́нцевъ* за эту пѣсню. Они пожалуй и поколотили бы ихъ, да и то былъ народъ военный. Хоть и въ кабакѣ встрѣтятся было съ Запорожцами, то не очень трусили. (2)

А ужъ, бывало, какъ опротивѣетъ въ Сѣчи водка Запорожцамъ, то и наѣдутъ въ гости на Украйну, а не то — на Гетманщину (т. е. на

---

(1) Прошу читателя припомнить преданіе Тарану́хи о козарлюгѣ Васюринскомъ (см. выше стр. 141). Очевидно, что дѣйствительно на Запорожьи существовало лицо, производившее сильное впечатлѣніе на умы. Подъ физическою силою надобно разумѣть здѣсь нѣчто и другое.

(2) Вѣроятно, этою пѣснею дразнили *отставныхъ* Запорожцевъ. Ея продолженіе показываетъ, что она сложена *послѣ* разоренія Сѣчи.

було́ й до мого́ ба́тька. То ім'ъ же до́бре, що є́ за що пить, а ба́тько зъ ни́ми та́къ було́ укача́етця ■■ довги́, що ну! Якъ позъіздя́тця було́, то й гово́рять: »На́ше Запоро́жже та́къ изведе́тця, що чортма́тиме нічо́го!« Такъ самі, було́, й гово́рять. Отъ же и звело́сь.

Якъ уже́ въ Січъ Моска́ль поря́нувъ, то вони́ дра́ла, а Моска́ль: »Біжі́ть та коло́ Кизикерме́на ланцю́гъ переки́ньте чере́зъ Дніпръ! якъ бу́дутъ утіка́ть, то зъ пу́шокъ на іхъ!« А вони́ вербу́ зруба́ли та й пусти́ли по Дніпру́. То верба́ вда́рилась объ ланцю́гъ, а пу́шки — гу, гу! А Запоро́зці тоді: »Оттепе́ръ, бра́тця, гребіть!« та й утекли́ одъ Москаля́. (1)

7.

ПОВѢРЬЕ О НОВОМЪ КОЗАЦКОМЪ ГЕРОѢ ГЛАДКОМЪ. (*)

Тоді, якъ була́ та война́ (2) зно́въ незна́ть чого́ наро́дъ изтруснувся. Було́ ка́жуть: »Се, ви́дно, десь таки́й ли́царь уроди́вся, що

лѣвый берегъ Днѣпра). Пріѣзжаютъ бывало и къ моему отцу. Ну, имъто не бѣда — есть на что́ пить, а отецъ бывало вкатается въ такіе долги, что ну! Какъ съѣдутся бывало, то и говорятъ: »Наше Запорожье такъ изведется, что ни чорта не останется!« такъ сами бывало и говорятъ. И подлинно вѣдь извелось.

Какъ бросились *Москали* въ Сѣчь, такъ они бѣжатъ, а тѣ посылаютъ отъ себя: »Поскорѣе перебросьте возлѣ Кизикермена цѣпь черезъ Днѣпръ! и какъ станутъ уходить, палите изъ пушекъ!« А Запорожцы срубили вербу и пустили по Днѣпру. Ударилась верба объ цѣпь, а пушки — гу, гу! Тогда Запорожцы: »Теперь, братцы, гребите!« и ушли отъ *Москалей*. (1)

(*) *Переводъ*.—Въ ту войну опять не вѣсть отъ чего народъ встре-

---

(1) Разскащикъ (Климъ Біликъ) смѣшалъ здѣсь бѣгство Запорожцевъ въ Турцію съ выступленіемъ Запорожскихъ *чаекъ* въ морской походъ.

(2) Съ Польшею, 1792 — 1795.

вся земля затрусилась!« Ажъ тоді саме, якъ була ота заверюха, той Гладкий-то народився.

8.

ЖИДОВСКІЕ ОТКУПЫ ДО ХМЕЛЬНИЦКАГО. (*)

Було колись такъ — ище передъ Хмельнищиною — що церковні ключі були въ Жида. Якъ чого треба до церкви, то йди вже до Жида да торгуйся, що вінъ візьме. То зъ того-то й лихо сталося.

9.

ХМЕЛЬНИЦКІЙ И БАРАБАШЪ. (**)

Стали Ляхи дуже вже налягать на козаківъ. Прийшло іхъ у Запорожжа по два Ляхи на одного козака. То козаки слали до короля листи, що такі намъ збитки роблять, що не можна ніякъ прожити. Такъ король и далъ імъ права. А Барабашъ сховавъ та ні-

---

вожился. Бывало говорятъ: »Это, видно, гдѣ-то родился такой богатырь, что вся земля затряслась!« Анъ въ это самое время, въ эту бурю, тотъ Гладкій-то родился.

(*) *Переводъ.*—Когда-то водилось такъ — еще до Хмѣльниччины — что церковные ключи хранились у Жида. Коли нужно отворить церковь, то ступай къ Жиду да торгуйся, что онъ возьметъ за это. Изъ-за этого-то и бѣда началась.

(**) *Переводъ.* — Ляхи начали ужъ больно налегать на козаковъ. Какъ пришло въ Запорожье по два Ляха на одного козака, то козаки посылали къ королю жалобы, что они дѣлаютъ имъ великія разоренія и что нѣтъ житья козакамъ. Тогда король и далъ козакамъ права. А Ба-

ко́му й не показа̀въ. Отъ Ляхи́ козака́ми й ору̀дуютъ. А Хмельни́цький бувъ при Барабаше́ві за пи́саря въ Чигири́ні. Самъ у Су́ботові сидівъ, а туди́ іздивъ на писа́рство. Отъ, якъ роди́лась у Хмельни́цького дити́на, то вінъ ку́момъ узя́въ гетьма̀на. Якъ же вповівъ гетьма́на до̀бре, тоді ви́нявъ у ёго́ зъ кише́ні ху́стку, и пѐрстень зъ руки́ знявъ, та й посила̀е до Чигирина́ свого́ джу́ру. »Два ко̀ні бери́ та бі̀жи́ въ Чигири́нъ по права́!«

Приѝжджа̀е той джу́ра до гетьма́нши: »Па́ні! заі̀лись изъ гетьма́номъ пани́, — порубà̀ють; такъ да́йте ти́ї права̀, що одъ короля́!«

»Отта́мъ же«, ка́же, »вони́ въ ста́ні пі̀дъ ворі̀тьми́, въ глухі̀мъ кі̀нці̀ у пузде́рку, въ земліі.«

Просипà̀етця гетьма́нъ: »Ой ку́ме«, ка́же, »ку́ме! була́ въ мене́ ху́стка въ кише́ні, а тепе́ръ нема́! бувъ у мене́ пѐрстень щирозло́тий на руці̀, а тепе́ръ нема́!«

рабашъ спряталъ ихъ да никому и не показалъ. Ляхи и ворочаютъ козаками, по своей волѣ. Въ это время Хмѣльницкій былъ при Барабашѣ писаремъ въ Чигиринѣ. Жилъ онъ въ Суботовѣ, а туда ѣздилъ на службу. Когда у Хмѣльницкаго родился ребенокъ, онъ просилъ гетмана (т. е. Барабаша) кумомъ, и какъ напоилъ хорошенько гетмана, то вынулъ у него изъ кармана платокъ, снялъ съ руки перстень и посылаетъ въ Чигиринъ своего *джу́ру* (слугу): »Возьми двухъ коней да скачи въ Чигиринъ за правами!«

Пріѣзжаетъ джура къ гетманшѣ: »Пани! повздорили съ вашимъ мужемъ паны, — изрубятъ въ куски; дайте права, что̀ король прислалъ!« — »Вотъ тамъ«, говоритъ, »въ конюшнѣ подъ воротами въ глухомъ концѣ (1) они въ погребцѣ лежатъ въ землѣ.«

Просыпается гетманъ: »Эй«, говоритъ, »кумъ мой, кумъ! былъ у меня въ карманѣ платокъ, а теперь нѣту! былъ у меня на рукѣ перстень изъ чистаго золота, а теперь нѣту!« — »Это«, говоритъ Хмѣль-

---

(1) Глухимъ концомъ воротъ называется та часть, въ которой находится пятка, или петли.

»Тò«, ка́же, »мій хло́пець роздяга́въ тебе́, якъ клавъ у ліжко, то повийма́въ.«

А самъ усе́ позира́е въ вікно́. Коли́ жъ гля́не гетьма́нъ, ажъ хло́пець повівъ у ста́ню коня́ тако́го, що тільки—хахъ, ха, хха, хха! (1) Тоді вже й постерігъ, що Хмельни́цькій посила́въ по права̀.

»Ой Хме́лю«, ка́же, »Хмѐлику!
Вчинивъ еси́ ясу́
И поміжъ пана́ми вели́кую трусу́.
Лу́чче було́ бъ тобі брать су́кна не мірячи,
А гро́ші не лічачи;
Лу́чче бъ було́ тобі съ пана́ми до́бре пожива́ти,
Аніжъ тепе́ръ по луга́хъ Базалу̀гахъ потира́ти,
Комарівъ, якъ ведме́дівъ, годова́ти!

Гетьма́нъ же іде додо́му, а вони́ съ хло́пцемъ, ко́ней сідла́ють та ідуть у Січъ. Приіхали; вда̀рили въ ко́тли; зибра̀лись козаки́. Вінъ ви́читавъ оди́нъ ука̀зъ — не слу́хають; ви́читавъ дру́-

---

ницкій, »мой мальчикъ раздѣвалъ тебя, какъ укладывалъ въ постель, да и снялъ.« А между тѣмъ безпрестанно посматриваетъ въ окно. Смотритъ гетманъ — мальчикъ повелъ въ конюшню такого коня, что только — хахъ, ха, хха, хха! (1) Тогда онъ и смекнулъ, что Хмѣльницкій посылалъ за правами.

»Ой ты, Хмѣль«, говоритъ, »Хмѣль! сдѣлалъ ты огласку и встревожилъ сильно пановъ. Лучше было бы тебѣ брать отъ нихъ сукна безъ мѣры и деньги безъ счету; лучше бы тебѣ жить съ панами въ добромъ согласіи, чѣмъ теперь скитаться по луговымъ лѣсамъ Базавлу́камъ и откармливать комаровъ, какъ медвѣдей!«

Ѣдетъ гетманъ домой, а Хмѣльницкій съ мальчикомъ сѣдлаютъ коней и ѣдутъ въ Сѣчь. Пріѣхали; ударили въ котлы; собрались козаки. Прочиталъ Хмѣльницкій одну бумагу — не согласны; прочиталъ дру-

---

(1) Этими междометіями разскащикъ выражаетъ тяжелое дыханіе коня, прибѣжавшаго съ гону.

тий — не слу̀хають; та вже якъ тре́тій прочита̀въ, тоді всі й ста̀ли на бата́лію. (1)

Въ этомъ преданіи замѣтны слѣды думы, которая была его первоначальною формою. Стихи, приведенные разскащикомъ, не принадлежатъ ни къ одному изъ извѣстныхъ мнѣ варіантовъ думы о Хмѣльницкомъ и Барабашѣ, и составляютъ, какъ видно, уцѣлѣвшій обломокъ забытаго речитатива; иначе разскащикъ не перешелъ бы къ нимъ отъ прозы, не сказавши, что вотъ-де поютъ объ этомъ такъ-то, или чего-нибудь подобнаго. Но, кромѣ стихотворной части преданія, и самая сцена между кумовьями намекаетъ на стихотворный складъ рѣчи.

То же самое можно сказать и о легендѣ про Золотыя Ворота (см. выше, стр. 4). Ея четверостишіе:

Ой Кия́не, Кия́не, пано̀ве грома́да!
Пога̀на ва́ша ра́да:
Якъ-бы́ ви Миха́йлика не оддава̀ли,
По́ки свѣтъ со̀нця, вороги́ бъ Ки́ева не доста́ли...

встрѣтилось въ думѣ о Жидовскихъ откупахъ (см. выше, стр. 62), въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а именно:

Эй, Полоня̀не, Полоня́нська грома́да!
Не хоро̀ша ва́ша ра́да ...

Но изъ этого не слѣдуетъ, что разскащикъ взялъ это четверостишіе изъ думы и перенесъ въ легенду. Это, напротивъ, значитъ, что оно сложено очень давно и обратилось въ общее мѣсто, ка-

---

гую — не согласны, да ужъ какъ третью прочиталъ, тогда всѣ вышли на бой.

---

(1) Разсказывалъ Климъ Біликъ.

кихъ много и въ Гомерѣ, и въ нашихъ рапсодіяхъ. Для народа эти общія мѣста не кажутся скучными повтореніями, какими были бы въ поэзіи образованнаго общества. На нихъ отдыхаетъ вниманіе слушателей, какъ на промежуточномъ рокотаньи струнъ, и народу пріятно между новыми для него стихами встрѣчать давно извѣстные. Постигая это поэтическимъ чутьемъ, пѣвцы нашихъ Украинскихъ думъ ни мало не стѣсняются заимствованіемъ готовыхъ оборотовъ рѣчи и даже поэтическихъ образовъ изъ извѣстныхъ народу речитативовъ (1). Перенести же куплетъ изъ думы о новѣйшемъ событіи въ легенду о событіи древнемъ было бы для разскащика дѣломъ неестественнымъ, потому что вообще человѣческой натурѣ свойственно новое строить изъ развалинъ стараго, но не подпирать старое выемками изъ новаго. Самъ авторъ »Слова о Полку Игоревѣ« говоритъ, что хорошо бы начать пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ *старыми словесы*, какъ пѣвалъ Боянъ, только разсказать въ ней *былины сего времени*; и ни одна исторія литературы не представляетъ примѣра, чтобы въ какую-нибудь сказку, легенду или балладу народъ вставилъ стихи изъ произведенія новѣйшаго.

Тутъ является вопросъ: Если легенда о Золотыхъ Воторотахъ есть старинное стихотворное произведеніе, отъ котораго уцѣлѣлъ только одинъ кусокъ, говорящій о его первоначальной формѣ; то какъ же это случилось, что изъ всей до-козацкой эпической поэзіи память народа сохранила только одинъ этотъ искаженный

---

(1) Запѣвъ думы о походѣ на Поляковъ (»Укр. Нар. Пѣсни«, изд. Максимовича, стр. 26):

Ой пишлѝ козакѝ на чотирі поля́,
Що на чоти́рі поля̀, а на пя́те на Подо́лье...

взятъ изъ думы на побѣду Чигиринскую (тамъ же, стр. 23), въ которой онъ тоже былъ заимствованіемъ, въ качествѣ общаго мѣста изъ неизвѣстной намъ думы. Это видно изъ того, что сперва оба враждебные стана поставлены одинъ противъ другого, и когда ужъ дошло до битвы, тогда говорится:

Отсе́ жъ и пішлѝ на́ші на чоти́рі поля́,
Що на чоти́рі поля̀, а на пя́тее на Подо́лье.
Ляхівъ на всі сто́рони, по всімъ хрестàмъ колоти́ли...

обломокъ? На это можно отвѣчать, что мы еще далеко не привели въ извѣстность всего, что̀ дошло до насъ изъ отдаленной старины нашей посредствомъ памяти народа, какъ это, между прочимъ, доказывается такими неожиданными находками, какъ дума о Га́нжѣ Андыбе́рѣ, или нѣкоторыя другія думы, помѣщенныя въ этой книгѣ. Но даже и въ настоящее время это не единственное поэтическое воспоминаніе народа о томъ, что̀ предшествовало козачеству. Недавно А. В. Шишацкій-Иличъ записалъ въ селѣ Красиловкѣ Козелецкаго уѣзда Черниговской губерніи думу, относящуюся къ морскимъ походамъ язычниковъ Варяго-Руссовъ въ Грецію. Дума эта, какъ видно, давно уже вышла изъ употребленія у бандуристовъ, которыхъ умы увлекались современными имъ событіями козацкой исторіи и, подобно легендѣ о Золотыхъ Воротахъ, обратилась въ изустный разсказъ, потерявъ множество стиховъ своихъ и характеристическихъ подробностей. Она сдѣлалась достояніемъ старухъ, которыя, проводя почти все свое время за валеньемъ *валу* или пряжею *во́вны*, пересказывали ее, вмѣстѣ съ разными сказками, своимъ внучатамъ. Этимъ бѣднымъ путемъ пѣснь какого-то »соловья стараго времени« дошла до насъ уже въ убогомъ и жалкомъ видѣ. По ея вялому речитативу, по неточности многихъ словъ и выраженій, видно, что »вѣщіе персты« давно уже не вторили ей на »живыхъ струнахъ« и что только тихое жужжанье старушечьяго веретена сопровождало заученную и плохо понимаемую рѣчь разскащицы. 85-лѣтняя старуха *Гу́йдиха*, передавшая ее г. Шишацкому-Иличу, уже не существуетъ, и, вѣроятно, нынѣшнее поколѣніе ея класса людей — сколько мы его знаемъ — не сохранило въ памяти темнаго сказанія о какихъ-то языческихъ плавателяхъ по »круглому« морю, занимательнаго только для просвѣщеннаго человѣка. Страшно подумать, сколько еще и въ наше время гибнетъ сокровищъ народнаго духа, по недостатку такихъ людей, какъ Шишацкій-Иличъ! Открытіемъ этого памятника Южно-Русской народной поэзіи онъ сдѣлалъ въ ея исторіи эпоху, и его заслуга не уступаетъ заслугѣ графа Мусина-Пушкина, перваго издателя »Слова о Полку Игоревѣ.«

Интересно во многихъ отношеніяхъ введеніе разскащицы въ стихотворную часть ея сказанія. Сама она не придавала никакой важности словамъ своимъ, называя ихъ *верзя́каньемъ*, и находилась, вѣроятно, въ такомъ состояніи, какъ одна старуха-сказочница, которая говорила о себѣ: »За ста́ростю ма̀ло вже що памята́ю; мовъ сплю, або́ пъя́на, або́, здае́тця, пере́дъ ва́ми стою́ да й бре́шу̀ зъ голови́, чого́ зъ ро́ду й не чу̀ла.« Она сохранила въ памяти свое сказаніе не иначе, какъ съ того времени, когда, будучи ребенкомъ, слушала *въ за́печку* какую-нибудь 80-лѣтнюю старуху. Поэтому въ ея словахъ слышатся намъ преданія Екатерининскаго вѣка, когда еще существовала Сѣчь Запорожская; а старуха, отъ которой сама она переняла древній речитативъ, могла видѣть собственными глазами людей, слышавшихъ пѣвцовъ первыхъ временъ козачества. (1)

ДУМА-СКАЗАНІЕ О МОРСКОМЪ ПОХОДѢ »СТАРШАГО КНЯЗЯ«-ЯЗЫЧНИКА ВЪ »ХРИСТІЯНСКУЮ ЗЕМЛЮ.« (*)

Стари́ лю́де ка̀жуть, що колись були́ лю́де зовсімъ не таки́, якъ (2), тепе́реньки: були́, ка́жуть, и вели́кіи и гонки́и та́къ, що

(*) *Переводъ.* — Говорятъ старые люди, что когда-то народъ былъ совсѣмъ не томъ, что̀ теперь: былъ крупенъ и такой рослой, что нога,

---

(1) Перепечатываю ее изъ № 16 »Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей« 1855, гдѣ она неосновательно названна »*Сказкою* про бога Посви́стача«, въ противорѣчіе словамъ самого г. Шишацкаго-Илича, что »дума заключаетъ въ себѣ не фантазію, или же мысли объ извѣстныхъ историческихъ, или семейножитейскихъ фактахъ, несуществующихъ во времени, а самый фактъ.« (Примѣч. 5) Кромѣ того, въ думѣ этой описываются главнымъ образомъ похожденія князя съ дружиною, а не дѣйствія бога Посвистача, и потому не слѣдовало называть ее такъ, какъ она названа первымъ издателемъ.

(2) Въ правописаніи держусь того же правила, которое соблюдено мною въ редакціи думъ Андрея Шута Александровскаго.

одна́ нога́, примі́рно сказа́ть, намъ по плечѐ досяга́ла, а въ на́шихъ хата́хъ тепе́ренькы і́мъ и жи́ть би не по мі́рі. Ска̀зано, пора́ одъ пори́ усе́ ма̀лятця. Коли́сь, ка́жуть... Богъ-то ёго́ зна́е уже́, коли́ се бу́де... зросту́ть таки́ лю́де, якъ у насъ мурашкы́, да тогді́ уже́, поговору́ють, и коне́ць світу бу́де. Бачъ, ка́жуть стари́і лю́де... да Богъ-то ёго́ зна́е, відкуля́ вони́ се́е уже́ зна̀ють: чи то̀ і́мъ уже́ та́кеньки прадіді́ роска́зували, чи ина̀къ якъ, Госпо́дь іхъ зна́е... я̀къ–то воно́ бу́де таке́, що лю́де такъ изживу́тця, що якъ комашкы́ ти ста́нуть! Аже́ жъ, якъ подивѝтьця на тепе́решнёго чоловіка, дакъ ище́ либо́нь не швѝдко таке́ мале́ переро́битця, и свѣтъ ище́ замісь до̀вго стоя́ть бу́де. Не намъ, бачъ, дожда̀ть сёго́: хиба́ вже ді́ти на́ши, чи вну́ки, або́ да́лі.

Да то ска̀зано, що лю́де си вели́киі були́ зовсі́мъ не те, що мы́, Христия́не: у іхъ и бо́га я̀кось ѝнакъ зва́ли — ка́жуть, *По̀свистачъ* яки́сь. Вінъ, ка́жуть-то, установля́въ годи́ну усю́ди, а бі́льше нечо́го и не зна̀въ: объ дру́гімъ чі́мъ дру́гиі зна́ли и поря́докъ свій дава́ли.

примѣрно сказать, досягнула бы намъ до плеча, а въ нашихъ хатахъ ему и жить теперь было бы не по мѣрѣ. Извѣстно, что̀ дальше, то всё народъ мельчаетъ. Говорятъ, когда-то... Богъ знаетъ только, когда это будетъ... явятся такіе люди, какъ теперь муравьи, да тогда ужъ, сказываютъ, и конецъ свѣта настанетъ. Видишь, говорятъ старые люди... только Богъ ихъ знаетъ, откуда они все это знаютъ: такъ ли ужъ имъ прадѣды разсказывали, или какъ-нибудь иначе... какъ оно этакъ сдѣлается, что̀ люди изживутся и станутъ, какъ муравьи! Вѣдь, какъ посмотрѣть на нонѣшняго человѣка, то, кажется, не скоро бы всему этакъ выродиться, и свѣту, кажись, стоять бы еще долго. Не намъ, видишь, дожить до этого: развѣ доживутъ наши дѣти, или внуки, или далѣе.

Ну, извѣстно, эти большіе люди были совсѣмъ не то, что̀ мы, Христіяне: у нихъ и бога какъ-то иначе звали: богъ у нихъ былъ, говорятъ, какой-то *По̀свистачъ*. Онъ, говорятъ, устанавливалъ всюду погоду, а больше ни о чемъ не заботился; объ иномъ прочемъ заботились другіе и распоряжались по-своему.

Та̀къ-то було́ колúсь, про що вамъ стара́ Гу́йдиха верзя́кае.(1) Ска́зано: *Старо́му брехáть — не ці̀помъ махáть.*

Ото́, ка́жуть... слу́хайте жъ, бо се вже справедна́ ка́зка почина́етця... у сіхъ вели́кихъ люде́й старши́й яки́йсь бувъ кня́зь, да заду́мавъ вінъ жени́тьця, щобъ по собі було́ кого́ на ца̀рстві зоста́вить. Ставъ сей князь людей своіхъ ззива́ть. Зийшли́ся усі стари́і, розу́мни го́лови, що совітъ дава́ли своєму́ кня́зю. Вінъ імъ и ка̀же:

»Оце́, слу́ги мої вірниі, намъ тре́ба зна̀ть,
Кого́ по́слі ме́не на ца̀рство зоста́вить,
Щобъ ва́ми, розу́мними голова́ми, до́бре-преде́бре пра̀вить;
Ча́сомъ (2) моéі сме́рти, щобъ ви зна̀ли,
Кого́ царёва̀ть поста́вить.«

Отъ ёму́ й ка̀жуть:
»Ще ти, нашъ ста́рший кня́зю, на́ша голова́ наро́дна,
Ще ти са̀мъ мо́жешъ до́брий совітъ дать,
И своімъ ро̀зумомъ поміркова́ть.
А коли́ дозво̀лишъ, такъ ми тобі о̀тъ що ска́жемъ:
Не прикажѝ насъ казни́ть и руба́ть,
А позво́ль тобі кра́сную княгúню доста́ть,

Такъ-то было когда-то все это, что̀ вамъ старая Гу́йдиха болтаетъ. Извѣстно, *старо́му брехáть — не ці̀помъ мáхать.*

Ну, вотъ, говорятъ... слушайте же: это ужъ настоящая сказка начинается... у этихъ большихъ людей былъ какой-то старшій князь, и вздумалъ онъ жениться, чтобъ было кого оставить по себѣ на царствѣ. Сталъ этотъ князь людей своихъ сзывать. Сошлися всѣ старыя, умныя головы, что̀ давали совѣты своему князю. Онъ и говоритъ имъ. (3)

---

(1) При этомъ разскащица улыбнулась. ***Прим. Ш.-И.***

(2) Въ-слу́чаѣ.

(3) Языкъ самой думы такъ близко подходитъ къ обще-употребительному Русскому языку, что сплошной переводъ былъ бы излишнимъ. Я объ,ясню только нѣкоторыя мѣста и отдѣльныя слова.

Позво́ль карабѐлі струга́ть
Да на си́не мо̀ре виіжджа́ть.«

Тутъ ста́рший князь усміхну̀вся...
Повелівъ караблі знаряжа̀ть
И нови́ будова́ть, (1)
А въ караблі вій̀ско наса́жувать
И кадки́ мѐду уставля́ть,
Щобъ було́ съ чимъ по си́нёму мо̀рю гуля́ть,
Да кра́сную княги́ню затрима̀ть и шанова̀ть. (2)

Якъ зобра́ли жъ да збудова́ли караблѝ,
Тогді ставъ князь у волосяну̀ да̀ху одяга́тьця (3)
Да золоти́мъ чересло́мъ (4) підпер̀язуватьця. (5)
Ста́ли вірниі слу́ги ёго́ на майда̀нахъ грома́дитьця (6)

(1) И новые строить.
(2) Угощать и потчивать.
(3) Въ мохнатую даху одѣваться. — *Даха* или *даху* — по-Монгольски, а *даха* — въ Иркутской и Томской губ. — родъ шубы, шерстью наружу. («Матеріалы для Сравнительнаго и Объяснительнаго Словаря«, стр. 195.) Попросту — даха значитъ бурка съ *кобенякомъ* (капюшономъ), какъ это видно изъ слѣдующаго отрывка пѣсни, записанной г. Шишацкимъ-Иличемъ въ селѣ Чемерѣ, Козелецкаго уѣзда:

Обу́въ но́ги не въ ремінь, не въ ремінь,
А въ чо́боти изъ сапъя̀ну, изъ сапъя́ну,
Ши́тий че́ресъ все шовка̀ми — круго́мъ ста́ну.
Оде́гъ пле́чи не въ жупа̀нъ, не въ жупа́нъ,
Надівъ *да̀ху,* ставъ якъ па̀нъ, ставъ якъ панъ.
Во́вна зве́рху такъ и ма̀е, такъ и ма́е.
Зза́ду ко́бень такъ и гра̀е, такъ и гра́е;
А рука́ва да широ̀киі, широ́ки:
Зада́сть мо́лодъ всякій дівонці моро́ки...

Г. Шишацкій-Иличъ прибавилъ къ этому отрывку слѣдующее объясненіе:
На мой вопросъ: »Что̀ такое даха?« пѣвецъ этой пѣсни отвѣчалъ мнѣ: »Хутряна́ звірёва свѝта, ти́льки во́вною до вѐрху, себъ-то нена́че кожу̀хъ, да ти́льки ду́же коро̀тка. Ка́жуть, була́ ся оде́жина ажъ ви́шше вко̀лішокъ; изза́ду на́че кобеня̀къ, а рука́ва широ́ки да такъ и ма̀ялись по вітру, а на ру́ки не вдяга̀лись. Я, бачъ, не ба̀чивъ, а ка̀жуть такъ.«
(4) *Чересло́* или *че́ресъ* — кожаный поясъ, въ которомъ обыкновенно носили деньги. — (5) Опоясываться. — (6) На выгонахъ собираться.

Да своймý бóгу Посвѝстачу молѝтьця,
Щобъ вінъ імъ годѝну давъ
Да мòря не турбовáвъ. (1)

Стáли за сімъ воні́ збирàтьця
Да карабéлі свої у мòре випускáть.
Стáли карабéлі свої чàйми (2) підимáть;
Якъ стáдо лебедівъ воні́ одъ бéрега одпливáли,
По сѝнёму мóрю якъ бжòли (3) новáли,
Що ажъ мóре собóю, неначе хмàрами (4) тѝми, крѝйма укрúвáли.

Ѓде князь стáрший зъ своімъ військомъ по крýглому мóрю до землі Христиáнськоі,
Щобъ тамъ у лѝкъ своіми карабля́ми усіхъ постановѝти (5)
И собі крáсную книгѝню въ замýжже достáти.
Якъ стáли воні́ до Христиáнськоі землі доіжджáти,
Стáло стáршого кня́зя удáле сéрце недòбре зачувáти,
И кàже вінъ своімъ рáднимъ слугáмъ: (6)
»Эй ви слýги моі, рàти вірниі!
Щось моя́ душá недòбре чýе:

---

(1) Не волновалъ.

(2) Слово, и Малороссіянамъ уже непонятное. По смыслу—мачты и паруса.— (3) Пчелы. — (4) Тучами. — (5) *У лѝкъ постановѝти* — привести въ ужасъ. —

(6) Эти два слова, можетъ быть, пѣлись старосвѣтскими баянами—*ратнымъ слугамъ*. Поправка позднѣйшихъ пѣвцовъ, или разскащиковъ имѣетъ свое основаніе и не уклоняется отъ смысла »старыхъ словесъ«. Чуры у козаковъ были не только *ратными*, но и *радными* слугами (т. е. слугами-совѣтниками). Это не были конюшіе, или разсыльные, это были повѣренные величайшихъ тайнъ. Хмѣльницкій послалъ своего чуру къ женѣ Барабаша за бумагами, отъ которыхъ зависѣла судьба Малороссіи. Чура Палія, Стоусь, послѣдовалъ за нимъ въ Сибирь. Въ думѣ Андрея Шута о Хмѣльницкомъ говорится (Сборн. Метлинск. стр. 391):

Тогдi жъ то не могли́ знáти нi сóтники,
Нi полкóвники,
Нi чýри козáцькиі,
Нi мýжи громáдськиі,
Що нашъ панъ Хмельни́цький — —
У гóроді Чигрині задýмавъ вже й загадáвъ.

Що ні сòнъ не йде, ні хліба иззісти,
Ні водй испи́ти...
Колúбъ намъ ча́сомъ (1) оттýтъ своіхъ дýшъ не положúти!

Тогді старй го́лови ста́ли кня́зя резòнити,
Що на си́нёму мо́рю імъ нічого боя́тись:
Бачъ, вонй свого́ бо́га Посви́стача прохáли мòря не турбовáти.

Якъ тільки жъ до бе́рега Христия́нського вонй ста́ли допливáть,
Ставъ чо́рний орèлъ надъ мо́ремъ літáть,
А літáвши, ставъ вінъ гòлосомъ казáть: (2)
»Пхе, Ру́ська кòсть пáхне!«
Ставъ наро́дъ Христия́нський до мо́ря зихòдитьця
Да Бòга свого́ прохáть,
Щобъ вінъ карабе́лі вра́жески вітромъ розогнáвъ,
Чи водо́ю потопúвъ.
Ставъ Богъ Христия́нський бу́рю піднимáти
Да кру́глее си́не мо́ре изъ свого́ лòжа вивертáти.
Тогді караблі по мо́рю безъ ладу́ гуля́ли,
Чáйми іхъ вітромъ ламáло
Да по воді роскидáло.
Ста́ло військо кня́зя ста́ршого у мòрі потопáть,
Ставъ тогді ста́рший князь своімъ ра́днимъ слýгамъ казáть:
»Эй ви, слýги моі вірниі! (3)
Не есть се богъ нашъ Посви́стачъ Богъ настоя́щий,
Що вінъ сёёі бýри не втишúвъ,
Да на́ши караблі въ такій сúлі потопúвъ.
Десь нашъ богъ Посви́стачъ спáвъ,
Чи въ Макòши (4) гуля́въ....
Есть-то Богъ настоя́щий
Богъ Христия́нський!«

Тогді ста́рший князь караблі свои остáнні завертàвъ,

---

(1) Подъ-часъ. — (2) Говорить.
(3) Этотъ стихъ подтверждаетъ предъидущее замѣчаніе.
(4) Макоша — Славянскій богъ тишины.

Да назàдъ одпливàвъ.
Якъ приіхавъ князь стáрший у свою́ невірную зѐмлю,
Ставъ вінъ совітъ старúхъ людéй ззивàть да збирáть,
Да въ Христиáнську зѐмлю посилáть,
Щобъ воні́ тамъ віру займáли
Да Христиáнського Бóга и собі́ Бóгомъ зазнáли.

Дòвго старі́ гóлови мовчáли.
Одні́ свогó стáршого кня́зя одъ сёёі дýмки одвертàли,
Другі́ самі́ собі́ нарекáли,
А трéйті стáли стáршого кня́зя вàжить, (1)
Щобъ швúдче човні́ будáражить (2)
Да у Христиáнську зѐмлю одпливáть.

Стáли воні́ виіжджàть,
Стáли тогді́ усі́ пѝръ пировáть,
Да кріпкимъ мéдомъ дорòгу поливáть.
Не день и не два́ воні́ такъ гуля́ли,
Пóкіль ажъ посланці́ зъ стáршимъ кня́земъ назàдъ повертáлись.
У дудкѝ грáли
И въ брязкѝти (3) бряжчáли...

Я тамъ булá,
Медъ-винó пилá,
По бороді́ текло́,
Да въ рòті́ не було́.
Зъ барúлечка горілочка буль-бу̀ль,
А нáшимъ ворогáмъ сімъ дуль! (4)

Въ какое время была сложена эта дума?

Кто будетъ утверждать, что, хотя она относится и къ стариннымъ событіямъ, но сложена во времена козачества, тотъ не

---

(1) Убѣждать. — (2) Ладьи снаряжать. — (3) Бренчалки. — (4) Кукишей. — По древности воспоминанія, рядомъ съ этой думою должно поставить отрывокъ пѣсни о *разореніи Кіева Батыемъ*. (См. въ приложеніяхъ).

представитъ никакихъ фактическихъ доказательствъ. Я напротивъ полагаю, что она современна самому событію, въ ней воспѣтому, и только съ теченіемъ времени утратила мѣстами старинныя формы рѣчи: забывая ихъ понемногу, пѣвцы могли замѣнять утраченныя слова и выраженія соотвѣтствовавшими имъ изъ современнаго языка, подобно тому какъ и въ наше время общепонятные синонимы, а такъ-же Великорусскія слова и иногда цѣлыя рѣченія подмѣшиваются къ старинному языку думъ. (1)

Описывая странствованія Одиссея, Гомеръ заставляетъ его слушать рапсодіи, въ которыхъ воспѣваются его же подвиги. Изъ этого видно, что, по убѣжденію Гомера, героическія пѣсни слагаемы были Греческимъ народомъ на основаніи молвы, только что поражавшей его воображеніе. Рапсодіи народовъ Германскаго племени тоже слагались при жизни дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, или непосредственно послѣ ихъ смерти. На этомъ основаніи и Шиллеръ заставляетъ своего Рудольфа прослезиться въ день коронаціи отъ пѣсни о собственномъ подвигѣ благочестія. То же самое надобно сказать о произведеніяхъ Провансальскихъ трубадуровъ, объ Испанскихъ и о Шотландскихъ балладахъ. Наши пѣвцы такъ-же слагали свои думы непосредственно вслѣдъ за событіями, которыя давали строй ихъ мыслямъ, или въ честь, а пожалуй и въ порицаніе живущихъ лицъ. Такъ въ »Краткой Исторіи о Бунтахъ Хмѣльницкаго«, написанной современникомъ этихъ »бунтовъ«, говорится (на стр. 44), что невѣста Тимоѳея Хмѣльницкаго, наканунѣ свиданія съ нимъ, приказывала пѣть себѣ *о немъ* »думу козацкую«; а въ Лѣтописи Величка (стр. 536) упомянуто, что епископъ Львовскій Іосифъ Шумлянскій, на досаду гетману Самойловичу, »зложилъ собою думу альбо пѣснь« о Вѣнской войнѣ.

---

(1) Недавно я слушалъ лирника Ѳедора Кононенка, въ селѣ Александровкѣ, Лубенскаго уѣзда. Въ думѣ объ Ивасѣ Вдовиченкѣ, онъ въ первый разъ пропѣлъ: *шапку изъ головй знимáе*, а въ другой: *шликъ изъ главй здиймáе*. На вопросъ мой: отчего онъ неодинаково поетъ? онъ отвѣчалъ: »То я попростому співавъ, а ви оттакъ запишуйте: *шликъ изъ главй здиймáе*.«

Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири (1) говоритъ:

Ой де жъ то панъ Палій Семе́нъ *тепе́ра* журѝтця!

Она сравниваетъ Мазепу, который, пожертвовавъ душою, носитъ шитую золотомъ свиту, съ Паліемъ, бѣдствующимъ въ Сибири:

Той, ду́шу заклáвши, свѝту, бáчъ, гаптýе,
А той по Сибíру — мовъ въ лу́зі дубýе...

и унылымъ своимъ складомъ, чуждымъ всякаго утѣшенія, выражаетъ, что во время ея сочиненія Палій не былъ еще возвращенъ изъ Сибири, а Мазепа находился на верху своего могущества.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: Кто были слагатели историческихъ думъ и пѣсень?

Судя по нынѣшнимъ ихъ пѣвцамъ, можно бы было полагать, что такіе же слѣпцы были и ихъ авторами. Но отъ-чего же они теперь не сложили думы на 1812-й, или 1831-й годъ, въ подобіе тому, какъ нѣкогда кто-то сложилъ:

Шве́дського ро́ку, нещасли́вого літа.....?

Отъ-чего Гладкій, при рожденіи котораго затрепетала земля (см. выше, стр. 165), не воспѣтъ нищими слѣпцами такъ, какъ Палій, вѣрный слуга Царя Петра? Мнѣ скажутъ, что этому причиною общій упадокъ Малороссійскаго народнаго творчества, происходящій въ-слѣдствіе обобщенія національностей, или, что причиною этому отсутствіе старосвѣтской централизаціи Малороссіи. Но то и другое будетъ справедливо только отъ-части, и не въ приложеніи къ вопросу о слѣпцахъ. Я прибавлю третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что духъ народный

(1) »Укр. Нар. Пѣсни«, изд. Максимовичемъ, стр. 113.

ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ къ темной для нея исторической цѣли, и возродился въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей любви къ нему и сознательно продолжающемъ его духовную жизнь въ новыхъ формахъ — цивилизаціи. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, на какомъ бы языкѣ они ни были написаны, суть продолженіе первыхъ твореній Малороссійскаго поэтическаго генія и ни коимъ образомъ не должны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всѣ, не разбирая того, велики, или малы наши литературныя способности, такъ точно ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсодистовъ, какъ Греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ — отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи. Наши рапсодіи, въ которыхъ разсказываются такія подробности, какъ напримѣръ:

Пе́рва (аренда) на Сама́рі,
Дру́га на Сакса́ні,
Тре́йтя на Гнилій,
Четве́рта на Пробо́йній,
Пя́та на рі́чці Ку́десці (1)...

или:

Го́родъ Соро́ку у недiлю ра́но задобiдѣ взя́въ,
На ри́нку обiдъ пообiдавъ,
Къ полу́днiй годи́нi до го́рода Сiча́ви припа́въ,
Го́родъ Сiча́ву огне́мъ запали́въ и мече́мъ исплюндрова́въ (2)...

наши рапсодіи суть наши поэтическія лѣтописи. Гомеръ, сложившій Иліаду лѣтъ черезъ полтораста по разореніи Трои, не могъ иначе помнить всѣхъ Данайскихъ кораблей и разныхъ народцевъ съ ихъ исторіями, какъ посредствомъ подобныхъ обстоятельныхъ

(1) См. выше, стр. 58.
(2) «Нар. Южнор. Пѣсни», изд. Метлинскаго, стр. 393.

рапсодій, въ которыхъ фантазія пѣвца опиралась безпрестанно на собственныя его воспоминанія. Онъ былъ Вальтеромъ Скоттомъ Греческой старины. Онъ собралъ память многихъ людей въ одну память и творчество многихъ умовъ въ одинъ умъ, сообщилъ всему этому единство представленія и слилъ отдаленнѣйшія преданія, легенды и пѣсни съ собственными впечатлѣніями, воспоминаніями и разсказами очевидцевъ ближайшей къ нему старины. Великія явленія въ исторіяхъ литературъ не повторяются въ точной параллели между собою, но, по одинаковости натуры общаго генія человѣческаго, они болѣе или менѣе имѣютъ между собою общаго; и потому ниши пѣсни, сложенныя народомъ, послужатъ, — если не послужили уже отъ-части — къ возсозданію вѣрнаго образа прошедшаго, въ произведеніяхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ вкуса новаго, цивилизованнаго общества. Мы и народъ—одно и то же, по нравственному развитію Малороссійскаго населенія, но только онъ, съ его изустною поэзіею, представляетъ, въ духовной жизни, первый періодъ образованія, а мы — начало новаго, высшаго періода. Въ его пѣсняхъ не было и не могло быть отличающихъ насъ отъ него элементовъ, тогда какъ наша построена прямо на началахъ его изустной *словесности* (понимая это слово въ его обширномъ смыслѣ) и, идя къ развитію по законамъ общечеловѣческаго развитія, приняла въ себя новыя начала жизни. Мы, слѣдовательно, только многостороннѣе своихъ предшественниковъ, Украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ ни въ какомъ отношеніи. Какимъ же, послѣ этого, образомъ современные намъ слѣпцы, не принадлежа къ развивающейся (преимущественно предъ прочими) части Малороссійскаго населенія, а составляя только его отребіе, могутъ творить новыя думы, въ-уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своей національности?... Но возвратимся еще къ непрерывности народнаго поэтическаго творчества.

Цивилизація рѣзко раздѣлила наше общество на двѣ части, касательно образа жизни и всего, что̀ сюда относится, и слѣпцы остались за предѣлами нашего круга. Но она не въ силахъ была

расторгнуть внутреннюю связь цивилизованнаго человѣка съ остатками прежняго общества, и потому народная поэзія возродилась въ новомъ Малороссійскомъ мірѣ со всѣми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. Противъ цивилизаціи сильно возстаютъ любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ *народной* жизни. Но это — только вопли, безъ которыхъ не совершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. Истинно философскій умъ стоитъ выше сожалѣній о томъ, что старое изчезаетъ, уступая мѣсто новому, и успокоиваетъ себя убѣжденіемъ, что всякій переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни; а жизнь, двигаясь впередъ, непремѣнно создаетъ для себя новыя и новыя формы. Что̀ выйдетъ изъ Малороссійскаго цивилизованнаго общества, по-видимому совершенно отрѣшившагося отъ своего прошедшаго и доходящаго до безобразія въ стремленіи къ обобщенію съ общечеловѣческою жизнью, — мы не знаемъ, но не можемъ потерять (ибо не потеряли до сихъ поръ) вѣры, что эта сумятица понятій и убѣжденій, которая поражаетъ насъ въ его массахъ и отдѣльныхъ личностяхъ, подъ видимою своею безпорядочностію скрываетъ вѣрный ходъ къ высшему духовному развитію. Притомъ же никогда не должно терять изъ виду, что залоги грядущей жизни часто скрываются глубоко въ *народѣ* (разумѣя подъ этимъ словомъ не однихъ простолюдиновъ) и что жизнь, составляя вообще тайну для ума чоловѣческаго, и тутъ не легко дается ему досмотрѣться до дѣйствительныхъ двигателей общественнаго развитія. Исторія ужъ много разъ изумляла насъ обнаруженіемъ глубоко вкоренившейся новой жизненной силы подъ омертвѣлыми, почти неподвижными остатками прошедшаго порядка вещей и слишкомъ бурными массами новыхъ, еще безобразныхъ явленій; но она еще никогда не отступала отъ законовъ преемства между стариною и новымъ временемъ. А потому и въ нравственной исторіи Южно-Русскаго племени движенія человѣческаго духа въ формахъ былого не должны остаться безъ соотвѣтственныхъ послѣдствій.

Итакъ вотъ мой отвѣтъ на вопросъ: почему современные слѣпые пѣвцы-нищіе не творятъ новыхъ думъ подъ-стать старымъ:

Spiewak niestety! spiewać nie mam komu.... (1)

Поколѣніе простолюдиновъ отрѣшилось отъ своего прошедшаго въ-слѣдствіе новаго порядка вещей, по которому не масса народа, управляемая инстинктомъ, а извѣстное, ограниченное число людей, стремясь къ ясно понимаемымъ цѣлямъ, творитъ историческія обстоятельства. Оно отвыкло питаться поэтическою пищею воспоминаній, потому что новая обстановка жизни, мало-помалу подавила въ немъ симпатію къ тому, что̀ не напоминаетъ ему его положенія. Поэтому дума бандуриста, сложенная въ эпоху Хмѣльницкаго, производитъ слабое впечатлѣніе на народъ; а какъ поэтъ есть только собиратель въ одинъ фокусъ народныхъ чувствъ и мыслей, то и нѣтъ для бандуриста-простолюдина достаточнаго возбужденія на творчество. Мало того: онъ даже забываетъ заученныя отъ другихъ думы, по причинѣ апатіи и невниманія своихъ слушателей, какъ это выразилъ и самъ Архипъ Оржицкій, сколько былъ способенъ выразить (см. выше, стр. 13 — 14). Люди же новаго образованія, въ которыхъ возродилась сила народнаго духа, съ своей стороны не могутъ удовлетвориться воззрѣніемъ темнаго простолюдина на жизнь, и потому самому не даютъ ему поэтическаго возбужденія къ творчеству. Имъ нужны уже *поэты*, въ новомъ значеніи слова, — люди, окруженные одинаковымъ съ ними горизонтомъ, и творенія этихъ поэтовъ, даже ненапечатанныя, они знаютъ наизустъ, а произведенія ихъ, по обширности и формѣ неудобныя для сохраненія въ памяти, переписываютъ съ пожертвованіемъ значительнаго времени и издержекъ. Не говорю уже о сочиненіяхъ на Велико-русскомъ и на Польскомъ языкахъ такихъ писателей, какъ Гоголь и Богданъ Залѣскій. Бандура и пѣніе сдѣлались ненужными, по совершенству изложенія,

(1) Т. е. Увы, я пѣвецъ, и некому мнѣ пѣть!

возбуждающаго внутреннею своею гармоніею поэтическое сочувствіе въ обществѣ: явленіе такъ-же не новое между народами.

Но одни ли только слѣпцы были въ-старину Малороссійскими рапсодами? Нѣтъ, и вотъ тому доказательства:

1. Въ думѣ о смерти козака-кобзаря, записанной г. Аѳанасьевымъ между Пырятиномъ и Прилуками (1), изображается козакъ, который вышелъ изъ битвы на израненномъ конѣ, съ переломаннымъ копьемъ, потерявъ саблю и выстрѣлявъ всѣ заряды. Онъ утоляетъ свою скорбь пѣснею о приближающейся смерти и игрою на бандурѣ, которую называетъ вѣрною подругою и къ которой обращается, какъ къ существу чувствующему. Изъ этой думы видно, что бандура бывала иной разъ такою жъ принадлежностью козака въ дорогѣ, какъ и люлька, ибо она названа *подорожнею,* и когда козакъ лишился всего, то —

Тількі й зостáлась ёмý *бандýра* подорóжняя
Та у глибóкій кишéні *лю́лька*-бурýнька.

Уже это сближеніе бандуры съ люлькою, которая, по извѣстной пѣснѣ, для козака нужнѣе жинки (2), показываетъ, какою употребительною вещью была она въ тѣ времена, когда человѣкъ жилъ на конѣ и не имѣлъ другой словесности и другого свидѣтельства о своихъ подвигахъ, кромѣ пѣсни. Но всего лучше прочитаемъ самую думу, которая не для всякаго памятна по сборнику.

ДУМА О СМЕРТИ КОЗАКА-БАНДУРИСТА. (*)

Ой на Татáрськихъ поля́хъ,
На козáцькихъ шляхáхъ,

(*) *Переводъ.* — На Татарскихъ поляхъ, на козацкихъ дорогахъ

(1) »Нар. Южнор. Пѣсни«, изд. Метлинскаго, стр. 443.

(2) Мині зъ жінкою не возúтьця,
А тютю́нъ та л о́лька козакý въ дорóзі знадобúтця.

Не вовкй-сіромáнці квѝлять-проквиляю́ть,
Не орлй-чорнокри́льці клекóчуть и підъ небесáми літáють:
То сидúть на могúлі козáкъ старéсенький,
Якъ голýбонько сивéсенький,
У кóбзу грàе-вигравáе,
Гòлосно співáе...

Кінь біля ёгó пострíляний, порýбаний,
Рáтище полàмане.
Піхви безъ шàблі булáтноі,
У ладівни́ці ні однісенького набóю.
Тількі й зостáлась ёмý бандýра подорóжняя,
Та у глибóкій кишéні лю́лька-бурýнька,
Та тютюнý півъ-папýшки.

Козáкъ сердéга лю́лечку потягàе,
У кóбзу грàе-вигравáе,
Жàлібно співáе:
»Гей, брáтця, пани́ молóдці,
Козаки́ Запорóзці!
Де ви ся повертàете.
Якъ ви ся мàете?
Чи до Січи-мáтери прибувàете?

не сѣрые волки воютъ, не чернокрылые орлы клохчутъ и подъ небесами летаютъ: то сидитъ на курганѣ престарѣлый козакъ, сѣдой какъ голубь; онъ играетъ на кóбзѣ, онъ громко поетъ...

Подлѣ него израненный пулями и саблями конь, изломанное копье, ножны безъ булатной сабли, и ни одного заряда въ ладункѣ. Только и осталась у него дорожная бандура да въ глубокомъ карманѣ бурая трубка, да полъ-папуши табаку.

Козакъ бѣдняга трубочку покуриваетъ, играетъ на кобзѣ и жалобно поетъ: »Гой вы, братцы, паны молодцы, козаки Запорожцы! гдѣ вы обрѣтаетесь? каково вамъ поводится? Возвращаетесь ли вы къ матери-Сѣчи, побиваете ли дубьемъ враговъ Ляховъ, загоняете ли въ по-

Чи до Січи-ма́тери прибува́ете,
Чи Ляхівъ-ворогівъ кия́ми покладаете?
Чи Тата́ръ бусурме́нівъ малахая́ми, якъ че́реду, у поло́нъ загана́ете?
Коли́бъ мині Богъ помігъ старі но́ги росправля́ти,
За ва́ми поспіша́ти,
Мо́же бъ ще я зду́жавъ на оста́нку віку вамъ загра́ти,
Го́лосно заспіва́ти!
Неха́й би моя́ ко́бза зна́ла,
Що мене́ рука́ Христия́нська похова́ла!
Ато́ пропаде́ моя́ ко́бза ні за соба́ку:
Лежа́тиме сама́ собі у степу́, ви́вернувши уго́ру с...!
А вже мині старе́нькому безъ ко́бзи пропада́ти:
Не зможу́ я по степа́хъ чвала́ти.
Бу́дуть мене́ вовки́-сірома́нці зустріва́ти,
Бу́дуть дідомъ за обідомъ коня́ мого́ заіда́ти.
Ко́бзо жъ моя́, дружи́но вірная,
Банду́ро моя́ малёваная!
Де жъ мині тебе́ діти?
А чи у чи́стому степу́ спали́ти?
И попілецъ по вітру пусти́ти?
А чи на моги́лі положи́ти?
Неха́й буйни́й вітеръ по степа́хъ пролета́е,
Стру́ни твої зачіпа́е,

лонъ нагайками бусурмановъ Татаръ, какъ стадо! Когдабы помогъ мнѣ Богъ расправить старыя ноги и поспѣшить за вами, то, можетъ быть, я бы еще былъ въ силахъ заиграть и громко запѣть вамъ при концѣ жизни! Пускай бы моя кобза знала, что меня похоронила рука Христіанская! Ато пропадетъ моя кобза ни за собаку: будетъ валяться въ степи, опрокинувшись къ-верху задомъ! Приходится мнѣ, дряхлому, погибать безъ кобзы: не въ силахъ я тащиться по степи. Повстрѣчаютъ меня сѣрые волки; конь мой будетъ имъ обѣдомъ, а я, старикъ, закускою. О ко́бза, подруга моя вѣрная, банду́ра ты моя размалеванная! Куда мнѣ дѣвать тебя? Сжечь ли мнѣ тебя и развѣять пепелъ по вѣтру, или положить на курганѣ? Пусть буйный вѣтеръ пролетаетъ по степямъ, пусть

Смутнéсенько, жалібнéсенько грàе-вигравáе.
То, мóже, подорóжні козакú бігтимуть близéнько,
Почýють, що ти грàешъ жалібнéнько,
Привèрнуть до могúли....« (1)

Итакъ въ первыя времена козацкаго рыцарства бандура была не случайною вещью у воина; иначе она бы не была названа въ думѣ подорожнею и не упоминалась бы рядомъ съ люлькою.

2. Когда средоточіемъ Малороссійской національности, вмѣсто Запорожья, или *Полей*, сдѣлались *Города*, Запорожье и сюда перенесло многія черты свои. Бандура сдѣлалась на Украйнѣ общеупотребительнымъ инструментомъ у всѣхъ, кто самъ себя называлъ *козакомъ*, или кого другіе такъ называли. Чтобы въ козацкій вѣкъ и въ козацкомъ обществѣ называть себя козакомъ, или отъ другихъ получить такое названіе, для этого нужно было имѣть всѣ отличительныя свойства козацкаго характера, а въ томъ числѣ и искусство выраженія козацкихъ чувствъ. Объ этомъ мы можемъ догадываться по недавнимъ, существовавшимъ еще на на-

---

задѣваетъ твои струны и грустно, жалобно на нихъ наигрываетъ Можетъ быть, проѣзжіе козаки будутъ скакать близко; можетъ быть, услышатъ твой жалобный голосъ и поворотятъ къ кургану...«

---

(1) Думу эту надобно отнести къ первымъ временамъ козачества, когда убѣжищемъ Малороссійской національности была *Січь-мáти*, или *Поля*, какъ называлось вообще Запорожье, и когда съ одной стороны наши степные рыцари отражали напоръ невѣрныхъ Татаръ на Христіянскія земли, а съ другой боролись за свое существованіе съ Польскими коронными гетманами, которые, не зная какъ согласить поступки Запорожцевъ съ общими интересами государства, не разъ готовы были уничтожить ихъ совершенно. Всѣ думы временъ Хмѣльницкаго имѣютъ своею почвою *Города*, или собственно *Украйну*, и не говорятъ ничего о враждѣ къ Татарамъ, которые въ то время были союзниками козаковъ. Всѣ послѣ Хмѣльницкаго сложенныя думы такъ сильно проникнуты духомъ партій, что ни одинъ бандуристъ не могъ бы сложить пятидесяти стиховъ, не упомянувъ въ нихъ ни объ одномъ изъ лицъ, подъ знаменами которыхъ дѣйствовали тогда раздробленные интересы Малороссіи.

шей памяти бандуристамъ не-слѣпцамъ и не-нищимъ: они были именно тѣ люди въ народѣ, которыхъ выразительно называли *козаками*. Это были большею частью удалые, молодцоватые парубки, которые, женясь и сдѣлавшись степенными людьми, только подъ веселую (попросту — пьяную) минуту брались за бандуру и плясали подъ нее съ чаркою на головѣ, а иной разъ и плакали. Теперь ужъ эти козаки между козаками измельчали, въ-слѣдствіе перехода дѣятельной силы народнаго духа въ другой классъ общества; бандуры ихъ раскололись въ щепья, и они — если чувствуютъ въ себѣ музыкальныя способности — дѣлаются свадебными музыкантами на скрипкахъ и басахъ. Но въ-старину бандура была инструментомъ не только удалыхъ молодцовъ, но и знатныхъ людей въ козацкомъ товариществѣ. Она уступала первое мѣсто только гуслямъ, которыя, по преданію о Царѣ Давидѣ, были присвоены особамъ духовнаго сана, или тѣмъ лицамъ, которыя чувствовали себя слишкомъ степенными для буйной козацкой, подъ-часъ циничесой поэзіи (1). Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири показываетъ, какое важное значеніе имѣла бандура въ жизни козака. Въ этой пѣснѣ, исполненной глубокой грусти, какъ по содержанію, такъ и по напѣву, представляется козацкій предводитель тоскующимъ въ удаленіи отъ родины и отъ восхода до захода солнечнаго бродящимъ по Сибирской пустынѣ:

Высóко сóнце схòдить, низéнько ложúтця;
Ой десь-то панъ Палій Семéнъ тепéра журúтця?
Высóко сóнце схòдить, низéнько заходить;
Ой десь-то панъ Палій Семéнъ по Сибíру бродить!

Онъ ищетъ утѣшенія въ религіи; онъ чувствуетъ приближеніе старости и кается въ грѣхахъ своихъ:

---

(1) Еще недавно на гусляхъ игривали въ Малороссіи дворяне стараго вѣка; теперь вы ихъ найдете только у священниковъ; а одинъ только разъ, именно въ 1853 году, я встрѣтилъ этотъ инструментъ въ рукахъ слѣпого пѣвца-нищаго, въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи.

»Ой чу́ро мій, чу́ро, мій вірний Стоу́сю!
Ой ходімо у капли́цю, Бо́гу помолю́ся.
Ой Бо́гові помолю́ся, свято́мъ поклонюся:
Зледащівъ же я, пону́рий, старе́нькимъ здаю́ся,
Старе́нькимъ здаю́ся, моли́тися му́шу!
Хай ми́луе Милости́вий мою́ грішну ду́шу!«

Это одно средство къ облегченію *пону́рой* души изгнанника, такъ какъ религіозное начало, то есть стремленіе къ безконечному, лежитъ въ основѣ Малороссійскаго характера. Но человѣкъ не можетъ оставаться долго на высотѣ религіознаго возношенія души къ Богу; земная тоска имѣетъ всегда свою долю въ душѣ его:

Пішо́въ панъ Палій Семе́нъ Бо́гові моли́тьця, —
Не то Бо́гові моли́тьця, а не то журѝтьця.

Отводомъ этой тоски служитъ человѣку философія, которая въ ней самой беретъ свое начало, но, развиваясь болѣе и болѣе, возвращаетъ человѣку утраченное спокойствіе. Палій естественно долженъ былъ въ своемъ одиночествѣ утолять душевную скорбь философскими сѣтованіями, отъ которыхъ одинъ только шагъ до высшаго утѣшенія (хотя этотъ шагъ дѣлаютъ немногіе). Но посмотрите, что́ служитъ ему органомъ скорби: бандура и пѣсня:

Прийшо́въ панъ Палій доло́му да й сівъ у наміті,
На банду́рці вигра́ве: »Лѝхо жи́ти въ сві́ті!«
Той, ду́шу закла́вши, сві́ту, бачъ, гапту́е,
А той по Сибі́ру мовъ у лу́зі дубу́е!«

Бандура здѣсь упомянута не для украшенія стиха. Строгій характеръ исторической Малороссійской пѣсни вообще, и этой въ особенности, не допускаетъ никакихъ украшеній, въ противорѣчіе дѣйствительности. Исчисленіе вещей и предметовъ природы въ нашихъ пѣсняхъ основано всегда на исторической истинѣ: фантазія пѣвца свято ее уважаетъ, и это составляетъ одно изъ су-

щественныхъ достоинствъ Малороссійскаго эпоса. Пѣвецъ, изображая Палія съ бандурою въ рукахъ по возвращеніи съ молитвы, не могъ бы не чувствовать неестественности этого положенія, еслибъ оно не было въ обычаяхъ того времени и не согласовалось съ понятіями народа о томъ, какъ долженъ проводить свое время въ Сибири такой рыцарь, какъ Палій. А два способа душевнаго изліянія, религіозный и поэтическій, взятые въ пѣснѣ и поставленные рядомъ, показываютъ, что бандура и пѣсня заступали въ-старину второе мѣсто послѣ возношенія души къ Богу въ молитвѣ.

3. Въ старосвѣтскихъ мѣщанскихъ и козацкихъ свѣтлицахъ можно до сихъ поръ встрѣтить изображеніе Запорожца во всей красѣ его. Онъ сидитъ, сложивъ накрестъ ноги, и играетъ на бандурѣ; подлѣ него, въ лѣсу, пасется конь, а вдали на деревѣ виситъ ногами къ-верху Жидъ, а иногда и Ляхъ. Г. Скальковскій, съ свойственнымъ ему искусствомъ объяснять козацкую исторію, замѣчаетъ въ своей книгѣ: »Наѣзды Гайдамакъ« (стр. 153), что висящая на деревѣ фигура есть козакъ и что она представляетъ изображеніе участи, которая ожидаетъ въ Польшѣ всякаго гайдамацкаго предводителя. Но въ стихахъ, списанныхъ имъ же съ такой картины и помѣщенныхъ вслѣдъ за объясненіемъ, Запорожецъ выражаетъ торжество свое надъ Поляками и Жидами и безпечно шутитъ по-Запорожски съ читателемъ:

Въ мéне и́мя не однò, а есть іхъ до-кàта;
Такъ зову́ть, якъ набіжи́шъ на яко́го сва́та:
Жѝдъ зъ бі́ди за рідного ба̀тька почита́е,
Милости́вимъ добро̀діемъ и Ля̀хъ называ́е.
А ти якъ хо̀чъ назови́ — на всѐ позволя́ю,
Аби-бъ тілько не кра̀маремъ, бо за те пола̀ю.

Эти надписи имѣютъ множество варіантовъ, но всѣ онѣ, какъ видно, пошли отъ одного стихотворенія какого-нибудь маляра, который »удралъ« для кого-то Запорожца со всѣми его принадлеж-

ностями и выразилъ его философію въ полукнижныхъ виршахъ. (1) Одна надпись начинается такъ:

Струны моі золотиі! загра̀йте мні стіха,
Ачей (2) коза́къ-нетя́жище позабу̀де ли́ха....

Это двустишіе напоминаетъ общій тонъ пѣсни о Паліи и назначаетъ бандурѣ ея обычную роль въ жизни козака. Народъ полюбилъ изображеніе Запорожца съ бандурою въ рукахъ; а если полюбилъ народъ, это значитъ, что изображеніе похоже на свою натуру, то есть, что съ понятіемъ о Запорожцѣ въ умѣ народа непремѣнно соединялась бандура. Но этотъ инструментъ не имѣлъ для него смысла балалайки. Воззвавъ къ своимъ золотымъ струнамъ, Запорожецъ выражаетъ глубокую тоску о своей бурлацкой, бѣдственной, хоть и разгульной подъ-часъ жизни. Хоть онъ и говоритъ, что у нихъ въ Сѣчи *гла́дко пъ̀ють, якъ зъ лу̀ка бъ̀ють* съ утра до ночи; хоть онъ и хвалится своими молодецкими подвигами; но тутъ же, въ комическихъ краскахъ, изображаетъ безсиліе грядущей старости, — разумѣется, одинокой и безпріютной посреди черствaго *товари́ства*, и во всей стихотворной рѣчи его слышится то же самое, что̀ выражала и бандура Палія, именно: *Лу̀хо жи́ти въ світі!...* Таково было значеніе бандуры для козака въ старыя времена, таково оно, въ понятіи народа, и до сихъ поръ. Это органъ для выраженія глубокихъ душевныхъ движеній, а не веселый инструментъ для танцевъ, хотя веселость, или комизмъ въ Малороссійскомъ характерѣ всегда идетъ объ руку съ грустью (какъ это доказалъ и нашъ Гоголь), и бандуристъ *зъ журбо́й* можетъ ударить плясовую, какъ-бы желая закружиться въ вихрѣ танца и позабыть на время тоску свою.

4. Если, такимъ образомъ, старый воинъ, въ послѣдній свой

(1) Вспомнимъ Запорожца, который рисовалъ костюмы для »Лѣтописнаго Повѣствованія о Малой Россіи«, Ригельмана. Такой мастеръ могъ сочинить изображеніе Запорожца-кобзаря и стихи подъ нимъ, которые сдѣлали народною и самую картину.—Полную надпись помѣщаю въ приложеніяхъ. — (2) Авось-либо·

часъ, обращался къ бандурѣ съ рѣчью, какъ къ живому существу, и передавалъ ей грусть о близкой кончинѣ вдали отъ товарищей; если изгнанникъ въ Сибири выражалъ этимъ о́рганомъ свои мысли и чувства на тему: *Лю́хо жи́ти въ сві́ті!* если чубатый Запорожецъ взывалъ къ золотымъ струнамъ въ надеждѣ позабыть, при звонѣ ихъ, о своихъ бѣдствіяхъ: то какъ не заключить, что такія думы, какъ о дарахъ Баторія, какъ о походѣ Серпяги, или о походѣ Сомка Мушкета, или о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго, сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами? Владѣя инструментомъ и глядя на событія сквозь призму цвѣтистаго Украинскаго воображенія, неужели они только повторяли думы слѣпцовъ, а сами ихъ не складывали? Гораздо естественнѣе было слѣпцамъ, посѣщая козацкіе таборы и бесѣды для милостыни, наслушаться козацкихъ пѣсень и потомъ распѣвать ихъ на *при́спахъ* подъ сельскими хатами. Имъ принадлежатъ, можетъ быть, только думы собственно поучительныя; но воинскія думы уже одною обстоятельностью описаній битвъ, переправъ и всѣхъ операцій войны показываютъ, что онѣ вышли изъ души, сильно волновавшейся при зрѣлищѣ этихъ явленій. (1)

5. Такъ какъ думы слагались немедленно послѣ всякаго событія, потрясавшаго »козацкій народъ«, и какъ многія лица, владѣвшія бандурою, безъ сомнѣнія, импровизировали подъ нее свои впечатлѣнія и воспоминанія, подобно Палію въ Сибири, или старому козаку, вышедшему изъ битвы на израненномъ конѣ; то можно судить, какое обиліе произведеній эпической изустной поэзіи существовало въ длинный періодъ времени отъ морскихъ походовъ первыхъ Кіевскихъ князей до переходной эпохи, въ которую народное

(1) Напомню читателю стихъ изъ пѣсни, о которой буду говорить подробно ниже:

Не попусті́мо Ляхо́ві По́льщи!

Бандуристъ-слѣпецъ сказалъ бы: *Не попусти́, Бо́же!* или: *Не попусті́те, козаки́!*

творчество сдѣлалось достояніемъ людей новаго вѣка. Лѣтописцы наши вовсе не упоминаютъ о думахъ, такъ какъ-бы ихъ никогда и не пѣлось; но они молчатъ и о пѣсняхъ, которыми до сихъ поръ сопровождается каждое обстоятельство въ жизни Малороссійскихъ поселянъ. Будучи почти исключительно отшельниками, они до временъ Хмѣльницкаго едва считали нужнымъ записывать въ своихъ *крóнічкахъ*, что въ такомъ-то году была война *Крукóвщина*, а въ такомъ *Таборщина*, и т. д. Только эпоха Хмѣльницкаго вовлекла иноковъ и всѣхъ грамотныхъ людей въ интересы козачества и заставила ихъ кой о чемъ пораспространиться. Но существованіе, въ формѣ думы, такого стариннаго воспоминанія, какъ походы нашихъ аргонавтовъ, показываетъ, что она ведетъ свое начало съ того времени, когда въ мирномъ племени Полянъ образовалось воинственное и предпріимчивое общество, подъ предводительствомъ Балтійскихъ Руссовъ. Разумѣется, старыя риѳмованныя, или тоническія сказанія слагались для извѣстнаго класса слушателей и въ этомъ классѣ сохранялись посредствомъ одной памяти. Грамота въ то время была такимъ дѣломъ, которое можно было употребить только для переписки священныхъ книгъ, для сохраненія договорныхъ статей да для записыванія, что такой-то князь сѣде на такомъ-то столѣ, а такой-то пріиде войною на такого-то. До инока, погребеннаго заживо въ пещерѣ, не доходили воинственныя пѣсни княжеской дружины; если же онъ и слышалъ ихъ, появляясь изрѣдка на княжескомъ дворѣ, то осуждалъ, какъ суету мірскую, вмѣстѣ съ *сопѣлями* и *гуслями*, которыя имъ вторили. Времена удѣловъ благопріятствовали еще менѣе сохраненію на бумагѣ старинныхъ думъ. Только необъяснимая случайность выбросила намъ изъ бездны забвенія одну думу *о полку Игоревѣ*, но и та дошла до насъ въ искаженномъ видѣ. Понятія тогдашнихъ переписчиковъ допускали измѣненія въ чужомъ сказаніи по собственному вкусу, и какой-нибудь Владимірецъ, добиваясь отъ поэмы лѣтописнаго интереса, могъ потрудиться надъ старой, или оригинальной рукописью по-своему, чтобы разоблачить ее отъ риѳмъ, которыя только случайно кое-гдѣ уцѣлѣли. Но,

можетъ быть, это было совсѣмъ иначе: можетъ быть, уроженецъ безриѳменной страны слыхалъ рапсодіи южныхъ пѣвцовъ и, въ подражаніе имъ, сложилъ полу-думу, полу-лѣтопись объ Игорѣ, не усвоивъ себѣ южной риѳмы. Противъ этихъ парадоксовъ можно возразить только парадоксами, потому что область старосвѣтской поэтической дѣятельности на Руси разширяется вокругъ »Слова о Полку Игоревѣ« темною пустынею, въ которой только гдѣ-товдали слышенъ голосъ Бояна, *соловья стараго времени*... Для состязающихся нѣтъ никакихъ опоръ, ни орудій. Дѣло кончается на догадкахъ, и каждый остается при своемъ мнѣніи. Положимъ, что »Слово о Полку Игоревѣ« есть произведеніе, независящее отъ думъ; но способность Южно-Русскаго племени къ эпическому творчеству не могла пробудиться только съ возрожденіемъ княжескихъ дружинъ подъ формами козачества. Существуя въ эту эпоху, она должна была существовать и въ эпохи отдаленнѣйшія, какъ тому служитъ доказательствомъ и приведенная выше дума объ аргонавтахъ Южно-Русскихъ. Если же при жизни козаковъ объ ихъ подвигахъ уже слагались думы, то почему было князьямъ не получать подобной хвалы отъ современныхъ имъ Бояновъ? Объ этомъ ясно говорится въ »Словѣ о Полку Игоревѣ«: ....*пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Романови Святъславличю.* Или: *О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ!... пѣти было пѣснь Игореви, того Олга внуку.* Самый заключительный куплетъ поэмы: *Слава Игорю Святъславличю, буй турі Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здрави князи и дружина, поборая за Христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава, а дружинѣ аминь!* очень похожъ на окончанія многихъ нашихъ думъ, и всего болѣе на заключительные стихи думы о Палiи и Мазепѣ:

Дай, Бóже, честь и хвалý
Свiтъ прáведному Государю,
Та й Семéну Палiю, превелúкому пáну,
Що не давъ Швéду Християнъ на потáлу!

Ой да́й, Бо́же, усімъ Христія̀намъ мно́гая лі́та
Та щасли́вого прожѝтия у сімъ світі! (1)

Да и до сихъ поръ еще остались въ народѣ слѣды старинныхъ славословій князьямъ, то есть предводителямъ войска. Въ *щедрый вечеръ*, наканунѣ новаго года, толпа народа, подойдя къ окну дома, котораго хозяина зовутъ, положимъ, Александромъ, поетъ:

Сла́венъ, сла́венъ да панъ Олекса́ндра!
Ще́дрий ве́чіръ!
Ой чимъ же вінъ сла̀венъ? трома́ города́ми.
Ще́дрий ве́чіръ!
Трома́ города́ми, своіми спина́ми.
Ще́дрий ве́чіръ!

Потомъ слѣдуетъ исчисленіе городовъ, которыми обыкновенно бываютъ Кіевъ, Черниговъ и тотъ, который ближе къ селу. Сыновья сидятъ въ городахъ, и каждый имѣетъ свою заботу: одинъ собирается на войну, другой на охоту, третій на свадьбу. Къ сожалѣнію, я не помню словъ этой *щедрівки*, слышанной мною въ дѣтствѣ подъ окнами родительскаго дома. Но каждый согласится, что она изображаетъ князя и его сыновей на удѣлахъ. Что̀ значитъ припѣвъ: *Ще́дрий ве́чіръ?* Не было ли въ-старину опредѣленныхъ вечеровъ, въ которые князья слушали собственное славословіе и *щедро* угощали, или награждали пѣвцовъ, какъ это и теперь дѣлается хозяиномъ дома, которому *щедру́ютъ*? (2)

Итакъ, по одному уже обычаю слагать думы въ честь князьямъ, а потомъ въ честь козацкимъ *лѝцарямъ* и по легкости Малороссійскаго речитатива, можно заключить, что пѣсенность въ старыя времена Южной Руси была въ сильномъ развитіи, и что эпосъ былъ такъ употребителенъ между рыцарствомъ, какъ ли-

(1) »Запорожская Старина«, изд. Срезневскаго, т. II, стр. 75.
(2) Трубадуры по окончаніи своихъ пѣсень восклицали: Largesse! largesse!

рическая поэзія — между женщинами. Но здѣсь представляется еще одно заключеніе. Въ женскихъ пѣсняхъ языкъ, независимо даже отъ дивной текучести стиха, обработанъ до изумительной степени совершенства. Вы не встрѣтите слова, сколько-нибудь вялаго, или плохо подобраннаго. Какъ зерна въ хорошемъ колосѣ, такъ слова въ лучшихъ, неискаженныхъ еще нашихъ пѣсняхъ, набраны всѣ здоровыя, звучныя и полновѣсныя. Въ изложеніи замѣтенъ строгій вкусъ; въ звукоподражаніяхъ языкъ доведенъ до послѣдней своей гибкости, съ сохраненіемъ въ то же время мужественнаго, густого тона. Какъ произошли всѣ эти явленія? Неужели языкъ женскихъ пѣсень обработывался отдѣльно и дошелъ самъ собой до такого совершенства? Или женщины наши заговорили о своихъ чувствахъ только со временъ козачества, и въ короткое время, безъ пособія письменности, успѣли возвести рѣчь свою на такую высокую степень красоты? Нѣтъ, тутъ надобно предполагать трудъ нѣсколькихъ столѣтій, и исторія другихъ языковъ показываетъ, какъ медленно совершается подобная обработка. Собственно женщинамъ нашимъ принадлежитъ только несравненная ни съ чѣмъ пѣвучесть стиха, но мужественный звонъ его и сила его словъ находятся въ явномъ соотношеніи съ языкомъ думъ и мужскихъ пѣсень. Дума была первою формою, изобрѣтенною нашими древними Боянами, для того, чтобы *ущекотать,* подобно соловью, какой-нибудь побѣдоносный полкъ съ его княземъ, и безчисленныя битвы старосвѣтскихъ дружинъ давали имъ поводъ къ безчисленнымъ славословіямъ, въ свободной формѣ думы. Немудрено, что эти славословія, наполненныя собственными именами, какъ и поэма объ Игорѣ, и наши историческія думы, были перезабыты, когда въ гражданской жизни Южныхъ Руссовъ случился перебой, разогнавшій и истребившій талантливыхъ пѣвцовъ ихъ, и что они воскресли только съ козачествомъ. Подобное явленіе совершается передъ нами и въ настоящее время, не смотря на то, что все населеніе Малороссіи остается на мѣстѣ и что только новыя стихіи гражданской жизни заступаютъ мѣсто старыхъ.

Приведу еще два факта изъ исторіи Южно-Русской народной

словесности, въ доказательство того, что эпосъ былъ развитъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ въ древней, а потомъ и въ козацкой Руси и что Боянами не были нищіе (которыхъ одна необходимость заставляетъ изучать козацкія думы), а сами рыцари, сами дѣятели и свидѣтели геройскихъ подвиговъ.

6. Мнѣ неоднократно случалось слышать отъ старыхъ людей, что въ-старину появлялись иногда въ какомъ-нибудь пиршественномъ, или иномъ сборищѣ странствующіе пѣвцы, которые въ-теченіе нѣсколькихъ часовъ, а иногда и цѣлаго дня занимали общество пѣснями о старинѣ, и что эти пѣсни перебирали одного гетмана за другимъ, описывая старыя войны и приключенія. Къ сожалѣнію, случайные свидѣтели такихъ явленій не знали имъ цѣны, или даже находились еще въ дѣтскомъ возрастѣ и, только по соображенію съ позднѣйшими понятіями о народной поэзіи, догадывались, что̀ передъ ними въ то время происходило. Сами нынѣшніе пѣвцы историческихъ думъ, какъ Андрей Алекса́ндровскій и Архипъ Ѓоржицкій, вспоминаютъ о своихъ наставникахъ, что они знали думы о многихъ гетманахъ и что передали имъ только нѣкоторыя. Ни одинъ бандуристъ не сказалъ еще мнѣ, что онъ изучилъ *всѣ* думы своего учителя. Зная по извѣстнымъ намъ пьесамъ, какъ удобно историческія событія, со всѣми мелочными обстоятельствами, укладываются въ форму думы, мы можемъ, со всѣмъ правдоподобіемъ, заключить, что память старосвѣтскихъ бандуристовъ хранила въ себѣ риѳмованныя лѣтописи былого, въ которыхъ исторія фактовъ сочеталась съ исторіей души народа. Эти лѣтописи едва-ли не навсегда утрачены, по милости старинной схоластической образованности, которая считала достойными памяти потомства только свои бездушныя произведенія.

7. Въ Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ Кутѣ живетъ зажиточный старикъ-слѣпецъ Ригоре́нко, которому въ его молодости одинъ Запорожецъ продалъ свою осьмиструнную бандуру. Эта бандура была неразлучною спутницею жизни »добраго молодца« до разрушенія и по разрушеніи Сѣчи. Онъ рѣшился разстаться съ нею единственно изъ крайней нужды

въ деньгахъ и разстался со слезами и съ причитаньями, похожими на причитанья по мертвомъ:

»Ти жъ була́ моє́ю втіхою (говорилъ онъ), ти жъ розважа́ла мене́ у вся́кій приго̀ді. Бага̀то люде́й вельмо́жнихъ, бага́то лицарства сла́вного и вся́кого наро̀ду правосла́вного слу́хали твоіхъ пісе́нь! Де ти не бува̀ла, яко́і приго̀ди не дозна́ла? Чи ра̀зъ же ти мою́ го́лову и зъ шйнку визволя́ла? Чи ра̀зъ же ти въ заста̀ві лежа́ла, та й нігдѣ жъ ти не застря́ла! А тепе́ръ довело́сь мині съ тобо́ю розлуча̀тись, за чоти́рі карбо́вании рублі тебе́ въ чужі ру̀ки оддава̀ти, та й по вікъ вішний, мо́же, тебе́ не вида̀ти!« и т. п.

Запорожецъ, по словамъ Ригоре́нка, зналъ безчисленное множество пѣсень и думъ о старинѣ и нѣкоторыя передалъ ему. Ригоре́нко усвоилъ бы ихъ и всѣ, но Запорожецъ умеръ, не успѣвъ передать ему всего, что̀ зналъ и, можетъ быть, скомпоновалъ собственнымъ *замышленіемъ*. Свѣжая пора жизни самого ученика его прошла, какъ сонъ; наступившая старость, вмѣстѣ съ перемѣною вкуса слушателей, затмила въ его памяти и то, что̀ зналъ онъ. Когда познакомился съ нимъ ревностный собиратель пѣсень М. В. Нѣговскій, его бандура съ оборванными струнами давно уже валялась въ коморѣ на поли́цѣ, и охладѣвшій къ своему ремеслу пѣвецъ съ трудомъ могъ припомнить нѣсколько думъ, которыя были переданы ему Запорожцемъ. Эти немногіе остатки отъ пѣсень *послѣдняго менестреля* козацкаго чрезвычайно, однакожъ, важны и въ своемъ разрозненномъ и искаженномъ видѣ. Они разширяютъ передъ нами область фантазіи старосвѣтскихъ пѣвцовъ нашихъ и сильно говорятъ воображенію о тѣхъ утраченныхъ рапсодіяхъ, къ которымъ они примыкали если не по содержанію, то по характеру поэтической живописи. Принося отъ лица всѣхъ цѣнителей памятниковъ нашей народной поэзіи благодарность г. Нѣговскому за доставленіе мнѣ этихъ драгоцѣнностей, помѣщаю ихъ въ моемъ сборникѣ. Одна изъ нихъ, о *Га́нжѣ Андыбе́рѣ* извѣстна уже по моему списку, напечатанному въ сборникѣ пѣ-

сень А. Л. Метлинскаго (стр. 377); но г. Нѣговскій открылъ весьма важный варіантъ этой думы, въ которомъ многія мѣста написаны гораздо сильнѣе, нежели въ речитативѣ Андрея Шута. Зато онъ слабѣе въ цѣломъ и въ немъ потеряна основная мысль рапсодіи — вражда войсковой черни къ *дýкамъ*, захватившимъ въ свои руки лучшія земли и угодія. Тотъ и другой речитативы имѣютъ полную свою цѣну только въ совокупности, и такъ какъ дума Андрея Шута напечатана уже въ ея первоначальномъ видѣ, то я, не опасаясь исказить ее неудачными вставками, дополнилъ ее здѣсь лучшими мѣстами изъ списка г. Нѣговскаго; а чтобы чрезъ то не скрыть отъ читателей всѣхъ отличій и этого списка, помѣщаю изъ него въ приложеніяхъ все, что̀ не вошло въ сдѣланное мною дополненіе думы Андрея Шута.

1.

ДОПОЛНЕННАЯ ДУМА О ГАНЖѢ АНДЫБЕРѢ. (*)

Ой по́лемъ, по́лемъ Килійськимъ,
Бѝтимъ шля́хомъ Ординськимъ,
Гей гуля́въ, гуля́въ бідний коза́къ-нетя́га сімъ го̀дъ и чотѝрі,
Та потеря́въ съ-пі̀дъ себе́ три ко̀ні воронії.
На двана́дцятий годъ повертае́ —
Коза́къ-нетя́га до го́рода Черка̀съ прибува́е.
На козаку́, бідному нетя̀зі,
Три сіромя̀зі,
Опанчи́на рогозова̀я,

(*) *Переводъ*. — По Килійскому полю, по торной Ордынской дорогѣ, гулялъ бѣдный козакъ-*нетяга* (бездомный) семь лѣтъ и четыре и потерялъ троихъ верховыхъ вороныхъ коней. Наступаетъ двѣнадцатый годъ — козакъ-нетяга прибываетъ къ городу Черкасамъ. На бѣдномъ козакѣ-нетягѣ три сермяги, опанчишка изъ ситника, поясишка изъ хмѣлю. На бѣдномъ козакѣ-нетягѣ сафьянцы — видать пяты и пальцы;

Поясйна хмелова̀я
На козаку́, бідному нетя́зі, сапъя̀нці —
Видні пя̀ти и па̀льці,
Де сту́пить — бо́сої ноги́ слідъ пи́ше.
А ще на козаку́, бідному нетя́зі, ша̀пка-би́рка —
Зве́рху ді́рка,
Ху́тро го̀ле, око́лиці Бігъ-ма̀е;
Вона́ дощ е́мъ покри́та,
А вітромъ, на сла́ву коза́цьку, підби́та.

Ище́ жъ то коза́къ, бідний нетя́га, до го́рода Черка́съ прибува̀е,
На́сті Горово́і, кабаши́ці степово́і, шука̀е-пита́е.
Ско́ро коза́къ, нетя́га На́сті Горово́і, кабаши́ці степово́і-допита̀вся,
За́разъ у світли́цю вбра́вся.
Тамъ пили́ три Ляхи́,
Ду́ки-сріблянікй:
Пе́рвий пивъ Гаври́ло Довгопо́ленко Переяславський,
Дру́гий пивъ Війте́нко Ніженський,
Тре́тій пивъ Золотаре́нко Черніговський. (1)
Отъ вони́ пили́-підпива̀ли,

гдѣ ни ступитъ — слѣдъ босой ноги оставляетъ. А еще на бѣдномъ козакѣ-нетягѣ баранья шапка — сверху дыра, мѣхъ вылѣзъ, околышка нѣту; дождемъ шапка покрыта, а вѣтромъ, на козацкую славу, подбита.

Прибываетъ бѣдный козакъ-нетяга въ городъ Черкасы и спрашиваетъ, гдѣ живетъ Настя Горовая, кабачница степная. Лишь только отыскалъ ее, тотъ-часъ ввалился въ свѣтелку. Тамъ пили три Ляха, дуки-богачи: первый Гаврило Довгополенко Переяславскій, другой Войтенко Нѣжинскій, третій Золотарѣнко Черниговскій. Пьютъ они, гуляютъ и под-

---

(1) Въ думѣ Ригорѣнка эти имена переиначены, а именно: ***Кіевський Війтенко, Переяславський Суденко, Гаврило Криліевський Довгополенко.*** Я удержалъ имена, исчисленныя Андреемъ Шутомъ, потому что они складомъ своимъ напоминаютъ народныя названія полковниковъ. На примѣръ, Василій Золотаренко назывался въ народѣ ***Васютою Ніженськимъ***, Мартинъ Пушкарь — ***Мартиномъ Пушкаремъ Полтавськимъ***, и т. д.

Съ козака́-нетя́ги насміха̀лись,
На шинка́рку покликà ли:
»Гей шинкà рко Горова́я,
Нà сте молода́я!
До́бре ти дба̀й —
Намъ соло́дкі меди́, окови́ту горілку щѐ підсипа́й,
Сего́ козака́, пресу́чого си́на, у пото́лицю съ хà ти випиха́й;
Бо десь вінъ по ви́нницяхъ, по бровà рняхъ валя́вся,
Опали́вся, ошà рпався, обідра́вся,
До насъ прийшо́въ добувà ти,
А въ и́ншу корчму́ бу́де нести́ пропивà ти.«

Тоді шинка́рка Горова̀я,
На́стя, каба́шниця степова̀я,
Козака́-нетя́гу за́ чубъ бра̀ла,
Въ пото́лицю съ хà ти вибива́ла.
То коза́къ-нетя́га до́бре дба̀е,
Коза́цькими пя́тами опина̀е.
По́ти пя̀вся,
По́ки до поро̀га добра́вся.
Коза́цькими пя́тами за порігъ зачепа́е,
А коза́цькими рука́ми за одвірки хапа́е,
Підъ ми́сникъ го̀лову коза́цьку молоде́цьку хова́е.

Тоді два Ляхи́, ду́ки-сріблянікѝ, на ёго́ поглядà ли,

смѣиваются надъ козакомъ-нетягою и говорятъ: »Эй *шинка́рка* (продавица напитковъ) Горовая, Настя молодая! прибавь намъ сладкихъ медовъ и доброй водки, а этого каналью козака вытолкай въ-зашей изъ хаты. Онъ валялся гдѣ-то по винокурнямъ, по пивоварнямъ, кругомъ обгорѣлъ, оборвался и пришелъ къ намъ на заработки, а заработавши пропьетъ не въ твоей, а въ другой какой-нибудь корчмѣ.«

Тогда шинкарка, Настя Горовая, кабачница степная, беретъ козака-нетягу за чубъ и толкаетъ въ-зашей изъ хаты. А козакъ-нетяга упирался козацкими пятами, пока дошелъ до порога; а тамъ зацѣпился ко-

Зъ ёго́ насміха̀ли,
А тре́тій, Гаври́ло Довгопо́ленко Переясла́вський, бувъ оба̀шний:
Изъ карма́на *людську́ де́нежку* виймàвъ,
На́сті кабáшній до рукъ до́бре оддавàвъ,
А ще сти́ха словàми промовля́въ:
»Гей«, ка́же, »ти, шинка́рко молода́, ти, На̀сте кабáшна!
Ти«, ка́же, »до сіхъ бі́днихъ козаківъ-нетя́гъ хочъ зла́я, да й оба̀шна:
Коли́бъ ти до́бре дба̀ла,
Сю де́нежку до рукъ приймàла,
До по́греба одходи́ла,
Хочъ нороцово́го пѝва уточи́ла,
Сёму́ козаку́, бідному нетя́зі, на похмілле живітъ ёго́ коза́цький скрепи́ла.

Тоді На́стя Горова́я,
Шинка́рка степова́я,
Сама́ въ лёхъ не ходи́ла,
Да на̀ймичку посила́ла:
»Гей, дівко на́ймичко!
До̀бре ти вчини́,
Кінву-чвертівку въ ру́ки вхопѝ

зацкими пятями за порогъ, схватился козацкими руками за косяки, а козацкую, молодецкую голову спряталъ подъ *ми́сникъ*. (1)

Смотрятъ на него Ляхи, ду́ки-богачи, и смѣются. Но одинъ изъ нихъ, Гаврило Довгопо́ленко Переяславскій, былъ человѣкъ толковый: онъ вынулъ изъ кармана *людскую денежку*, подалъ Настѣ кабачной и сказалъ: »Эй ты, молодая шинкарка, ты, Настя кабачная! ты хоть и зла на этихъ бѣдныхъ козаковъ-нетягъ, но разсудлива. Возьми-ка эту денежку, поди въ погребъ, наточи хоть мартовскаго пива, чтобъ этотъ бѣдный козакъ-нетяга подкрѣпилъ на похмѣльи свой козацкій животъ.

Не пошла Настя Горовая, кабачница степная, сама въ погребъ, а послала служанку: »Эй, дѣвушка-служанка! захвати-ка съ собой чет-

---

(1) *Ми́сникъ* — полка надъ дверью, для мисокъ. Здѣсь выражается высокій ростъ козака-нетяги, который досягнулъ головой до полки (а полка обыкновенно находится подъ самымъ потолкомъ), и не только досягнулъ, но еще наклонился, чтобы спрятать голову отъ Насти.

Та въ лёхъ убіжѝ,
Та вісімъ бо́чокъ минѝ,
А зъ девя́тої пога́ного пѝва наточи́.
Якъ ма́емъ ми ёго́ свинямъ вилива́ти,
То бу́демъ ми ёго́ на таки́хъ нетя̀гъ роздава́ти.«

Тоді дівка-на́ймичка у лёхъ убіга̀ла,
Та де́вять бо́чокъ мина̀ла,
Та зъ деся́тої *пъяно́го чола̀* ме́ду наточи́ла.
Та въ свіτли́цю вхождàе,
Свій нісъ геть одъ кінви одвертàе,
Бу́цімъ-то те пи́во воняе.

Якъ подали́ козаку́ въ ру́ки ту кінву,
То вінъ ставъ біля пѐчи
Та й почáвъ підпива́ти пивце́ грѐче.
Взявъ, разъ покоштува́въ, у-дру́ге напи́вся,
А въ-тре́тє якъ узя́въ ту кінву за у̀хо,
То зроби́въ у тій ко́нівці су̀хо.
Якъ ставъ коза́цьку хміль го́лову розбіра̀ти,
Ставъ коза́къ ко́нівкою по мосту́ до́бре погрімàти,

вертную *ко́нву,* бѣги ты въ погребъ и, миновавъ восемь бочекъ, наточи изъ девятой негоднаго пива. Чѣмъ выливать намъ его свиньямъ, то лучше будемъ раздавать этакимъ козакамъ-нетягамъ.«

Побѣжала наемница въ погребъ, миновала девять бочекъ, а изъ десятой наточила меду — *пьянаго чела.* Воротилась въ свѣтелку и отворачиваетъ носъ отъ ко́нвы, точно какъ-бы пиво воняло.

Подали козаку въ руки ко́нву; онъ сѣлъ возлѣ печи и началъ тянуть пиво на-славу. Отвѣдалъ разъ, потянулъ въ другой разъ, а за третьимъ взялъ конву за ухо и осушилъ до дна.

Когда началъ хмѣль одолѣвать козацкую голову, началъ козакъ ко́новкою гремѣть по полу; начали тогда у дукъ-богачей чарки и фляжки прыгать со стола, а шинкаркина печка распалась на десять частей, разлетѣлась по хатѣ и за сажей не взвидѣли ду́ки-богачи Божьяго свѣту.

Ста̀ли въ ду́кивъ-сріблянико̀въ изъ стола́ чарки́ й пляшкѝ скака́ти,
И ста́ла шинка́рська гру́ба на де́сять штукъ скрізь по хàті лета́ти.
Не ста́ли тоді Ляхи́, ду́ки-сріблянки́, за са́жею світу Бо́жого вида́ти.

Тоді ті Ляхи́, ду́ки-сріблянки́, на ёго́ поглядà̀ли,
Слова́ми промовля̀ли:
»Десь сей коза́къ-нетя́га нігде́ не бува̀въ,
До́брихъ горілòкъ не пива́въ,
Що ёго́ й пога́не пѝво опъяни́ло!«

Якъ ставъ коза́къ-нетя́га те́е зачува̀ти,
Ставъ на Ляхівъ грізно гука̀ти:
»Гей ви, Ляхòве,
Вра́зькі сино̀ве!
Икъ поро̀гу посува́йтесь,
Мені, козаку́-нетя́зі, на по́куті місце попуска́йте.
Посува́йтесь тісно,
Щобъ було́ мені, козаку́-нетя́зі, де на по́куті изъ ла̀птями сісти!«

Тоді Ляхи́, ду́ки-сріблянки́, до́бре дба̀ли,
Да́льше икъ поро́гу посува̀ли,
Козаку́-нетязі бíльше місця на по́куті попуска̀ли.

Тоді коза́къ-нетя́га на по́куті сіда̀е,

Смотрятъ они тогда на него и говорятъ: »Видно, этотъ козакъ-нетяга нигдѣ не бывалъ и хорошей водки не пивалъ, что опьянѣлъ и отъ негоднаго пива!«

Слышитъ это козакъ-нетяга и грозно говоритъ Ляхамъ: »Эй вы, Ляхи, вражьи дѣти! подвигайтесь къ порогу, давайте мнѣ, козаку-нетягѣ, *на по́кутъ* (подъ образами) мѣсто; помѣщайтесь за столомъ потѣснѣе, чтобъ было гдѣ мнѣ, козаку-нетягѣ, сѣсть на по́кутѣ съ лаптями!«

Тогда Ляхи, ду́ки-богачи — нечего дѣлать — подвинулись дальше къ порогу и дали козаку-нетягѣ больше мѣста на по́кутѣ.

Исъ-підъ поли́ позлоти́стий недоли́мокъ виньмàе,
Шинка́рці молодій за цéберъ мèду застановля́е.

Тоді ті Ляхи́, ду́ки-сріб'яники́, на ёго́ поглядàли,
Словàми промовля́ли:
»Гей, шинкàрко Горова́я,
Нàсте молода́я,
Кабàшнице степова́я!
Неха́й сей коза́къ, бідний нетя́га, не ма́етця въ тебé сéі заставщи́ни викупля́ти,
Намъ, ду́камъ-сріб'яника́мъ, неха́й не зарі́ка́етця воли́ погаля́ти,
А тобі, На́сті кабáшній, гру́бъ топи́ти.«

Оттоді-то коза́къ, бідний нетя́га, якъ ставъ сіі слова́ зачувàти,
Такъ вінъ ставъ чересòкъ виньма́ти,
Ставъ шинка́рці молодій, На́сті кабáшній, увéсь стілъ червінцями устиля́ти.

Тоді ду́ки-сріб'яники́, якъ ста́ли въ ёго́ червінці зоглядáти,
Тоді ста́ли ёго́ вита́ти
Мèдомъ шкля́нкою
И горілки ча́ркою.
Тоді й шинкàрка Горова́я,

Садится козакъ-нетяга на покутѣ, вынимаетъ изъ-подъ полы золоченый чеканъ и отдаетъ шинкáркѣ въ залогъ за ушатъ меду.

А дуки-богачи на него посматриваютъ и говорятъ: »Эй шинкарка Горовая, Настя молодая, кабачница степная! пускай этотъ козакъ, бѣдный нетяга, не надѣется выкупить у тебя этотъ закладъ, пускай не *зарекается* (не даетъ обѣта, что не будетъ) погонять у насъ воловъ, а у тебя, Насти кабачной, печей топить.«

Слышитъ эти слова козакъ, бѣдный нетяга, вынулъ кожаный поясокъ и устлалъ молодой шинкáркѣ, Настѣ кабачной, весь столъ червонцами.

Тогда дуки-богачи, увидѣвъ у него червонцы, начали потчивать его стаканомъ меду и чаркой водки. Тогда и шинкáрка Горовая, Настя мо-

На́стя молода́я,
Исти́ха слова́ми промовля́е:
»Эй, коза́че«, ка́же, »коза́че!
Чи снідавъ ти сёго́дні, чи обідавъ?
Ходи́ зо мно́ю до кімна̀ти,
Ся́демъ ми съ тобою поснідаемъ,
Ли пообідаемъ.«

Тогді-то коза́къ, бідний нетя́га, по кабаку́ похожда̀е,
Кварти́рку одчиня̀е,
На би́стрыі ріки поглядàе,
Кли́че, до̀бре покли́ка̀е:
»Ой ріки«, ка́же, »ви, ріки Низови́і,
Помо̀шниці Дніпрови́і!
Тепе́ръ або́ мене́ зодя̀гайте,
Або́ до себѐ приньма́йте!«

Оттоді оди́нъ коза́къ идѐ,
Ша̀ти дороги́і несе́,
На ёго́ коза́цькі плѐчи надіе́;
Дру́гий коза́къ идѐ,
Бо̀ти сапъяно́ві несе́,
На ёго́ коза́цькі но̀ги надіе́;
Тре́тій коза́къ идѐ,

лодая, говоритъ ему потихоньку: »Эй козакъ ты, козакъ! завтракалъ ли ты сегодня, обѣдалъ ли? пойдемъ со мной за перегородку, сядемъ съ тобой, позавтракаемъ, или пообѣдаемъ.«

А козакъ, бѣдный нетяга, по кабаку похаживаетъ, отворяетъ окошко, на быстрыя рѣки посматриваетъ, громкимъ голосомъ покрикиваетъ: »Ой рѣки, вы, рѣки Низовыя, помощницы Днѣпровыя! теперь меня или пріодѣньте, или къ себѣ примите!«

Тогда одинъ козакъ идетъ, дорогое платье несетъ, на его козацкія плеча надѣваетъ; другой козакъ идетъ, сафьянные сапоги несетъ, на его козацкія ноги надѣваетъ; третій козакъ идетъ, козацкую шапку несетъ, на его козацкую главу надѣваетъ.

Шличо̀къ коза́цький несе́,
На ёго́ коза́цьку гла̀ву надіе́.

Тоді ду́ки-сріблянники́ сти́ха слова́ми промовля́ли:
»Эй не є̀сть же се, бра́тці, коза́къ, бі́дний нетя́га,
А есть се Фесько́ Га́нжа Андибѐръ,
Гетьма̀нъ Запоро́зький!...
Прису́нься ти до насъ«, ка́жуть, »бли́жче,
Покло́нимось ми тобі ни́жче,
Бу́демъ ра́дитьця, чи гара́здъ-до́бре на сла́вній Украі̀ні проживати.«
Тоді ста́ли ёго́ вита́ти мѐдомъ шкля́нкою
И горілки ча́ркою.

То вінъ те́е одъ ду́ківъ-сріблянникі́въ приймàвъ,
Самъ не випива̀въ,
А все на свої ша̀ти проли́ва̀въ:
»Эй ша́ти мої, ша̀ти! пи́йте-гуля́йте:
Не менѐ шану́ють, бо ва̀съ поважають.
Якъ я васъ на собі не мавъ,
То й чѐсти одъ ду́ківъ-сріблянникі́въ не знавъ.«

Тоді-то Фесько́ Га́нжа Андибе́ръ, гетьма́нъ Запоро́зькій, сти́ха слова̀ми промовля́е:
»Эй козаки́«, ка́же,« ді̀ти, дру̀зі, моло̀дці!

Тогда ду́ки-богачи потихоньку перемолвились: »Эхъ, братцы! это не козакъ, бѣдный нетя́га, а Фесько́ Га́нжа Андыбе́ръ, гетманъ Запорожскій!... Придвинься«, говорятъ, »къ намъ поближе, поклонимся мы тебѣ пониже и будемъ совѣтоваться, все ли хорошо у насъ идетъ въ славной Украйнѣ.« И потчиваютъ его стаканомъ меду и чаркой водки.

Принимаетъ онъ все это отъ дукъ-богачей, да не пьетъ, а проливаетъ на свою одежу: »Эй ты, одежа моя, одежа! пей, веселись! не меня потчиваютъ, тебя почитаютъ. Какъ не было тебя на мнѣ, то не было мнѣ и чести отъ богачей.«

Наконецъ Фесько́ Га́нжа Андыбе́ръ, Запорожскій гетманъ, говоритъ:

Прошу̀ я васъ, до́бре дба́йте,
Сіхъ ду́ківъ сріблянико́въ за́ лі́бъ, на́че волівъ, изъ-за стола́ вивождàйте,
Передъ вікнами покладàйте,
У три берèзини потяга́йте,
Щобъ вони́ мене́ споминàли,
Мене́ до віку памята́ли!«

Тільке Гаври́ла Довгопо́ленка Переяславського за те улюбйвъ,
Край се́бе сядовйвъ,
Що вінъ ёму́ за свою́ де́нежку пйва купйвъ.

Тогді жъ то козаки́, діти, дру́зі, моло́дці, до́бре дбàли,
Сіхъ ду́ківъ сріблянико́въ за́ лі́бъ бра̀ли,
Изъ-за стола́, на́че волівъ, вивождàли,
Пере́дъ вікнами покладàли,
У три бере́зини потягàли,
А ще сти́ха словàми промовля́ли:
»Эй ду́ки«, ка́жуть, »ви, дуки!
За ва́ми всі луги́ и лу́ки, —
Нігде на́шому бра́ту, козаку́-нетя́зі, ста̀ти
И коня̀ попа́сти!«

»Эй вы, козаки, дѣти, друзья, молодцы! прошу васъ, берите за чубъ этихъ дукъ-богачей и выводите, какъ воловъ, изъ-за стола, кладите вы ихъ передъ окнами и валяйте въ три березовыя палки! пусть они меня помнятъ и до смерти не забываютъ!«

Только Гаврила Довгопо́ленка Переяславскаго за то полюбилъ и возлѣ себя посадилъ, что онъ купилъ ему пива за свою денежку.

Тогда козаки, дѣти, друзья, молодцы, дукъ-богачей за чубъ брали, изъ-за стола, какъ воловъ, выводили, передъ окнами клали и въ три березовыя палки валяли, да еще приговарили: »Эхъ дуки, вы, дуки! захватили вы всѣ луга и лу́ки, — негдѣ нашему брату, козаку-нетягѣ, остановиться и коня выпасти!«

2.

ДУМА О МАРУСѢ БОГУСЛАВКѢ. (*)

Що на Чóрному мòрі,
На кàмені білéнькому,
Тамъ стоя́ла темни́ця камяна́я.
Що у тій-то темни́ці пробува́ло сімъ-сотъ козаківъ,
Біднихъ невóльниківъ.
То воні́ тря́дцять літъ у невóлі пробува́ють,
Бóжого світу, сòнця пра́ведного у вічи собі не вида́ють.

То до іхъ дівка бра́нка,
Мару́ся, попівна Богусла́вка,
Прихождàе,
Словàми промовля́е:
»Гей козаки́,
Ви, бідниі невòльники!
Угада́йте, що̀ въ на́шій землі Христия́нській за дѐнь тепе́ра?«

Що тоді бідні невóльники зачувàли,
Дівку бра́нку,
Мару́сю, попівну Богусла́вку,
По річàхъ познава́ли,

(*) *Переводъ.* — На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ стояла каменная темница, и въ той темницѣ сидѣло семь-сотъ козаковъ, бѣдныхъ невольниковъ. Тридцать лѣтъ сидятъ они въ неволѣ, свѣта Божьяго, солнца праведнаго не видятъ.

И приходитъ къ нимъ дѣвушка-*бранка* (взятая въ неволю), Маруся, поповна Богуславка, и говоритъ имъ: »Эй козаки, бѣдные невольники! угадайте, какой теперь день въ нашей землѣ Христіянской?«

Слышатъ это бѣдные невольники, узнаютъ дѣвушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку, по голосу и говорятъ: »Эй дѣвушка-бранка, Ма-

Словáми промовля́ли:
»Гей дівко бра́нко,
Мару́сю, попівно Богусла́вко!
Почімъ ми мо́жемъ зна́ти,
Що въ на́шій землі Христия́нській за дѣнь тепе́ра?
Що трѝдцять літъ у нево́лі пробува́емъ,
Бо́жого світу, со́нця пра́ведного у вічи собі не вида́емъ.
То ми не мо́жемо зна́ти,
Що въ на́шій землі Христия́нській за дѣнь тепе́ра.«

Тоді дівка бра́нка,
Мару́ся, попівна Богусла́вка,
Те́е зачува́е,
До козаківъ словáми промовля́е:
»Ой коза́ки,
Ви, бі́дніе невóльники!
Що сёго́дня у на́шій землі Христия́нській Велико́дная суббо́та,
А за́втра свяги́й пра́зникъ, рокови́й день Вели́къ-день.«

То тоді ті козаки́ те́е зачувáли,
Білимъ лице́мъ до сиро́і землі припада́ли,
Дівку бра́нку,
Мару́сю, попівну Богусла́вку,
Кля́ли-проклина́ли:

руся, поповна Богуславка! почемъ намъ знать, какой теперь день въ нашей землѣ Христіянской? мы тридцать лѣтъ сидимъ въ неволѣ и Божьяго свѣта, праведнаго солнца не видимъ. Не знаемъ мы, какой теперь день въ нашей землѣ Христіянской.«

Тогда дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говоритъ козакамъ: »Ой козаки, бѣдные невольники! сегодня въ нашей землѣ Христіянской страстная суббота, а завтра святой праздникъ, годовой день *Велúкъ-день*.«

Услыхавъ это, козаки пали бѣлымъ лицомъ на землю и прокляли дѣвушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку: »О, чтобъ ты, дѣвушка-

»Та бода́й ти, дівко бра́нко,
Мару́сю, попівно Богусла́вко,
Ща́стя й до́лі собі не ма́ла,
Якъ ти намъ свято́й пра́зникъ, рокови́й день Вели́къ-день сказа́ла!«

То тоді дівка бра́нка,
Мару́ся, попівна Богусла́вка,
Те́е зачува́ла,
Слова́ми промовля́ла:
»Ой козаки́,
Ви, бі́дниі невóльники!
Та не ла́йте мене́, не проклина́йте;
Бо якъ бу́де нашъ панъ Туре́цький до мече́ти відъіжджа́ти,
То бу́де мині, дівці бра́нці,
Мару́сі, попівні Богусла́вці,
На ру́ки ключі віддава́ти;
То бу́ду я до темни́ці прихожда́ти,
Темни́цю відмика́ти,
Васъ всіхъ, бі́днихъ невóльниківъ, на вóлю випуска́ти.«

То на свято́й пра́зникъ, рокови́й день Вели́къ-день,
Ставъ панъ Туре́цький до мече́ти відъіжджа́ти,
Ставъ дівці бра́нці,
Мару́сі, попівні Богусла́вці,
На ру́ки ключі віддава́ти.

бранка, Маруся, поповна Богуславка, не имѣла ни счастья, ни доли! зачѣмъ ты намъ объявила, что сегодня святой праздникъ, годовой день Велúкъ-день!«

Тогда дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говоритъ имъ: »Ой козаки, бѣдные невольники! не браните меня, не проклинайте! Какъ будетъ ѣхать нашъ Турокъ-господинъ въ мечеть, то отдастъ мнѣ на руки ключи; тогда я приду къ темницѣ, отопру темницу и выпущу всѣхъ васъ, бѣдныхъ невольниковъ, на волю.«

И вотъ въ святой праздникъ, въ годовой день Велúкъ-день, выѣзжаетъ Турокъ-господинъ въ мечеть и отдаетъ ключи на руки дѣвушкѣ-бранкѣ,

Тоді дівка бра́нка,
Мару́ся, попівна Богусла́вка,
До́бре до́бае —
До́ темни́ці прихожда́е,
Темни́цю відмика́е,
Всіхъ козаківъ,
Бі́днихъ невóльниківъ,
На во́лю випуска́е,
И слова́ми промовля́е:
»Ой козаки́,
Ви, бі́дниі невóльники!
Кажу́ я вамъ, до́бре дба́йте,
Въ городи́ Христия́нські утіка́йте;
Тількі прошу́ я васъ, одного́ го́рода Богусла́ва не мина́йте,
Моє́му ба́тьку й ма́тері зна́ти дава́йте:
Та неха́й мій ба́тько до́бре до́бае,
Гру́нтівъ, вели́кихъ маєтківъ неха́й не збува́е,
Вели́кихъ скáрбівъ не збі́ра́е,
Та неха́й мене́, дівки бра́нки,
Мару́сі, попівни Богусла́вки.
Зъ невóлі не викупа́е;
Бо вже я потýрчилась, побусурме́нилась,
Для ро́скоши Туре́цькоі,
Для ла́комства нещáсного!«

Марусѣ, поповнѣ Богуславкѣ. Тогда она приходитъ къ темницѣ, отпираетъ темницу, выпускаетъ всѣхъ козаковъ, бѣдныхъ невольниковъ, на волю и говоритъ: »Козаки, бѣдные невольники! уходите вы въ Христіянскіе города; но прошу васъ, не минуйте города Богуслава и дайте знать моему отцу и матери: пускай мой отецъ не продаетъ земель и имущества, пускай не собираетъ великихъ сокровищъ и не выкупаетъ изъ неволи меня, дѣвушки-бранки, Маруси, поповны Богуславки. Я ужъ отуречилась, обсурманилась, ради роскоши Турецкой, ради несчастнаго лакомства!«

О Боже! освободи насъ, всѣхъ бѣдныхъ невольниковъ, изъ тяжкой

Ой вѝзволи, Бо̀же, насъ всіхъ, бі̀днихъ невò̀льниківъ,
Зъ тяжкóі невò̀лі,
Зъ віри бусурмéнськоі,
На я́сні зо̀рі,
На ти́хі во̀ди,
У кра̀й весе́лий,
У мѝръ хреще́ний!
Ви́слухай, Бóже, у про̀зьбахъ щи́рихъ,
У неща́снихъ молитва̀хъ
Насъ, бі̀днихъ невóльниківъ!

Молитва, заканчивающая эту думу, представляетъ для изучающаго исторію Южно-Русской народной словесности весьма важное обстоятельство. Въ ней говорится: »Ви́зволи, Бóже, *на̀съ*, — ви́слухай, Бóже, *на̀съ*, бі̀днихъ невóльниківъ.« Такъ какъ Турецкіе пристани и рынки были наполнены »ясы́ромъ« Татарскимъ и плѣнниками, захваченными на сушѣ и на морѣ, то надобно предположить, что въ Турціи существовала, такъ сказать, цѣлая нація Южныхъ Руссовъ, и что эта нація, соединенная языкомъ, вѣрою и воспоминаніями о родинѣ, подобно Евреямъ, плакавшимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, имѣла свою невольницкую исторію и поэзію. Бандуристы до сихъ поръ раздѣляютъ свои пѣсни (называя такъ и думы) на *козацкія*, которыя имѣютъ своею сценою Украйну, и на *невольницкія*, которыя описываютъ пребываніе козаковъ на Турецкихъ галерахъ, или въ плѣну у Турокъ и Татаръ. Невольницкихъ пѣсень должнó было быть очень много, потому, что отдаленіе отъ родины служило для плѣнниковъ безпрестаннымъ возбужденіемъ къ воспоминаніямъ о »ясныхъ зоряхъ, о тихихъ водахъ, о веселомъ краѣ, о крещеномъ мірѣ«, и что эти пѣсни были вмѣстѣ и молитвами, какъ это видимъ и изъ думы о Марусѣ

неволи, изъ земли бусурманской! возврати насъ къ яснымъ зóрямъ, къ тихимъ водамъ, въ край веселый, межь народъ крещеный! выслушай, Боже, наши горячія просьбы, наши несчастныя невольницкія мольбы!

Богуславкѣ. Вникнемъ въ народныя наименованія пѣсень *жіно́цкими, коза́цкими* и *нево́льницкими*. Жино́цкихъ не поютъ козаки (или вообще — мужчины); козацкихъ не поютъ женщины: поэтому и невольницкія должны были пѣться, а слѣдовательно и слагаться, невольниками. Здѣсь получаютъ важный смыслъ слова Кондрата Таранухи (см. выше, стр. 137): »Гайдама́ка йде́ (було́) тихо. А се вже вони́ тогді співа́ли, якъ у нево́лі сиділи.« Чтобы не оставить мѣста для возраженій, скажу, что въ невольницкихъ пѣсняхъ надобно различать два рода: *плачи*, къ которымъ принадлежитъ дума о Марусѣ Богуславкѣ, и *славословія*, къ которымъ относится дума о Кішкѣ Самійлѣ. Эти послѣднія слагались естественно дома, въ честь героевъ, и состоятъ больше изъ торжественныхъ сценъ, нежели изъ жалобъ, но слагались однакожъ людьми, попробовавшими »Турецкой каторги«, какъ это видно изъ множества мелочныхъ обстоятельствъ, которыя вверты-ваются только въ рѣчь очевидца; и кто знаетъ, гдѣ они были больше въ ходу: между невольниками, которыхъ се́рдца они такъ близко касались, или между козаками вольными? Можетъ быть, тѣ и другіе, мѣняясь ролями, мѣнялись и своими пѣснями о неволѣ, и взаимно прибавляли въ нихъ цвѣтовъ своихъ.

3.

ДУМА О КОЗАЦКОЙ ЖИЗНИ. (*)

Не одинъ коза́къ самъ собі шко́ду шко́дивъ,
Що відъ молодо́і жінки у військо хо́дивъ.
Ёго́ жінка кляла́ - проклина́ла:
»Бода́й тебе́, коза́че сірома́хо, побило́ въ чи́стому по́лі
Три недо́лі:

(*) *Переводъ.* — Не одинъ козакъ дѣлалъ тѣмъ себѣ вредъ, что отъ молодой жены въ войско ходилъ. Жена проклинала его: »Чтобъ тебя,

Пѐрша недóля — щобъ пiдъ тобóю дóбрий кiнь приставъ;
Дрýга недóля — щобъ ти козакiвъ не догнáвъ;
Трѐтя недóля — щобъ тебé козакú не злюбúли
И въ курiнь не пустúли!«

А козáкъ дòбре дбáе,
На жiнку не потурàе,
Жíнцi вiри не дiймàе;
Конéвi частéнько зелéного сiна пiдкладáе,
Жóвтого вiвсà пiдсипáе,
Холóдною кренúшною водóю коня́ напувàе;
У походъ выступáе.

Госпóдь ёмý дáвъ,
Що пiдъ нимъ дóбрий кiнь не приставъ;
Вiнъ козакiвъ доганя́въ;
Що ёго́ козакú злюбúли,
До себé въ курiнь пустúли,
Ще й отàманомъ настановúли.

козакъ-сѣромáха (1), постигли въ полѣ три недоли: первая недоля — чтобъ подъ тобой добрый конь присталъ; другая недоля — чтобъ ты козаковъ не догналъ: третья недоля — чтобъ тебя козаки не полюбили и въ курень не пустили.«

А козакъ на то не смотритъ, женѣ не вѣритъ, коню частёхонько зеленаго сѣна подкладываетъ, желтаго овса подсыпаетъ, холодною, ключевою водой наповаетъ и въ походъ выступаетъ.

Господь ему помогъ: подъ нимъ добрый конь не присталъ; онъ козаковъ догналъ: козаки его полюбили, къ себѣ въ курень пустили, еще и отаманомъ сдѣлали. Тогда козакъ разсказываетъ товарищамъ свою

---

(1) Когда *сiромáха*, или *сiромáнець* говорится о волкѣ, то разумѣется сѣрый цвѣтъ его шерсти; но когда о человѣкѣ, то выражается косвеннымъ образомъ понятіе о его убожествѣ, непозволяющемъ носить цвѣтной одежды, а вмѣстѣ съ тѣмъ приписывается человѣку что-то волко-образное, бродячее, бездомное. *Сiромá*, въ собирательномъ смыслѣ, значитъ — голь, или — чернь.

Тоді коза́къ у війську пробува̀е,
Свою́ новину́ козака́мъ оповіда́е:
»Слу́хайте, пано́ве моло́дці,
Якъ-то жино́цька клятьба́ ду́рно йдѐ:
Такъ, якъ ми́мо сухе́ де́рево вітеръ гуде́;
Жино́цькі слёзи дурні — якъ вода̀ тіче́.«

Жінка въ корчмі пила̀ та гуля́ла,
Та домівки не зна́ла,
Мовъ ії ха́та къ нечи́стій ма́тері пу̀сткою заво́ня́ла.
Ско́ро ста́ла козака́ съ похо́ду сподіва̀тись,
Ста̀ла до домівки прихожда́ти,
Ста́ла въ печі ростопля̀ти,
Ста́ла той бо̀рщъ ки́слий,
Оско́мистий чортъ-зна-колѝшній,
Изъ-пі̀дъ ла̀ви виставля́ти,
Ста́ла до пѐчи приставля́ти,
Отти́мъ борще́мъ хотіла козака̀ привіта́ти.

Ско́ро ста́въ коза́къ съ похо̀ду прибува́ти,
Ставъ до нови́хъ ворітъ до ла̀манихъ доіжджа́ти;
Вінъ съ коня́ — не встава̀е,
Кѐлепомъ нові ла́мані воро́та відчиня́е,
Коза́цькимъ го́лосомъ гука̀е:

исторію: »Послушайте, паны молодцы, какъ женское проклятіе въ ничто обращается: все равно какъ вѣтеръ прошумитъ мимо сухого дерева; а женскія глупыя слезы — какъ вода текутъ.«

Межъ тѣмъ жена въ корчмѣ пьетъ-гуляетъ, не сидитъ дома, и хата у ней воняетъ ужъ пустынею. Когда же начала ожидать козака съ походу, воротилась домой, принялась топить въ печи, вытащила изъ-подъ лавки кислий, оскомистый, чортъ знаетъ когда сваренный борщъ и поставила въ печь, чтобъ попотчивать этимъ борщомъ козака.

Возвращается козакъ съ походу, подъѣзжаетъ къ новымъ разломаннымъ воротамъ; не вставая съ коня, отворяетъ чеканомъ новыя разломанныя ворота и козацкимъ голосомъ покрикиваетъ.

Ско́ро ста́ла коза́чка коза́цький го́лосъ зачува̀ти,
То вона́ не ста̀ла противъ нёго двермѝ вихожда́ти,
Ста́ла, мовъ си́вою голу́бкою, въ вікно̀ вилѝта́ти.
Тогді коза́къ до́бре дба̀е,
Хорошéнько ії кѐлепомъ по плéчахъ привіта́е,
Карбачѐмъ по спи́ні затина́е.

Тогді коза́чка у ха́ту вбігà̀ла,
Бу́цімъ нéхотя той борщъ поліномъ штиркну́ла,
Ну ёго́ къ нечи́стій ма́тері! у пічъ оберта́ла,
Нови́й борщъ унòвъ вари́ти зачина́ла;
До скри́ні тягла́,
Не про́стого, лляно̀го полотна́ три́дцять лòктівъ узяла́;
До шинка́рки тягла̀,
Три ква́рти не про́стої горілки, оковѝти узяла́,
Зъ ме́домъ та съ пе́рцемъ розогрівà̀ла,
Отти́мъ козака́ частувà̀ла та вита́ла.

Отто́ ви́йшла коза́чка на дру́гий день за воро́та,
Ажъ сиди́ть жіно́къ превели́кая ро́та.
А ска́зано: жінки́ — якъ сорòки:
Одна́ на одну́ зглядà̀ли

Лишь только козачка услышала козацкій голосъ, то не вышла къ козаку навстрѣчу въ дверь, а вылетѣла, какъ сизая голубка, въ окно. Тогда козакъ хорошенько ее чеканомъ по спинѣ привѣтствовалъ, а вдобавокъ еще и нагайкою.

Вбѣжала козачка въ хату, сунула, какъ будто нечаянно, полѣномъ и опрокинула въ печи къ нечистой матери борщъ. Потомъ давай варить новый борщъ; бросилась къ сундуку и вынула тридцать локтей не простого, льняного полотна; побѣжала къ шинкáркѣ и купила три кварты не простой, доброй водки; разогрѣла ее съ медомъ да съ перцемъ и угостила козака.

Вотъ на другой день вышла козачка за ворота, смотритъ — сидитъ цѣлая толпа женщинъ. А извѣстно, женщины — что сороки: одна на

Та й коза́чку осуждàли,
Та й коза́чці не казàли.
Одна́ таки́ стару́шка не втèрпіла
И коза́чці сказàла:
»Гей коза́чко, коза́чко!
Десь твій коза́къ нера́но съ похòду прибува́въ,
Що по-підъ очи́ма до́брі гости́нці подава́въ.«

То коза́чка до́бре дбàла,
По сво́ёму козака́ покрива́ла:
»Чи ви жъ то, жіночки́-голу́бочки, не зна́ете,
Що мій коза́къ нера́но съ похòду прибува́въ,
Заста́вивъ мене́ въ печі потопи́ти,
Вечèряти вари́ти.
А я пішла́ по дрòва,
Та не втрàпила по дро́ва,
А втра́пила по лучи́ну,
Попідбива́ла собі òчи на ключи́ну.
Роблю́ жъ я таки́ те реме́ство сини́ло,
Такъ воно́ мині дòбре въ зна́ки вдало́ся:
Якъ я ёго́ міша́ла, такъ воно́ міні за òчи взяло́ся.«

А коза́къ седи́ть у корчмі та медъ-вино́ кружа́е,
Корчму́ сохваля́е:

другую взглянули и козачку между собой осуждали, но козачкѣ того не сказали. Только одна старушка не утерпѣла и сказала козачкѣ: »Эй козачка, козачка! видно, твой козакъ поздо съ походу воротился, что привезъ тебѣ подъ глаза такихъ гостинцевъ!«

А козачка по-своему козака покрывала: »Развѣ вы, голубушки-сосѣдушки, не знаете, что мой козакъ поздо съ походу пришелъ и заставилъ меня въ печи топить, вечерю готовить? а я пошла за дровами, да не туда потрафила и подбила себѣ глаза, ударившись объ жердь. Да еще я занимаюсь ремесломъ синельнымъ; ужъ оно мнѣ порядкомъ надоѣло: какъ я помѣшивала краску, такъ запачкала себѣ подъ глазами.«.

А козакъ сидитъ въ корчмѣ, медъ, вино пьетъ, корчму восхваляетъ:

»Гей кòрчмо, кóрчмо-княги́не!
Чòмъ-то въ тобі коза́цького добрà бага́то ги́не?
И самà еси́ неоша́тно хо́дишъ,
И нàсъ, козаківъ-нетя́гъ, пі́дъ-случа́й безъ свито́къ во́дишъ.
Зна́ти, зна́ти коза́цьку ха́ту
Скрізь деся́ту:
Вона́ соло́мою не покри́та,
Прúспою не осúпана,
Коло двора́ нечúста-ма и колà,
На дрівітні дровъ ні поліна.
Седúть въ ній коза́цька жінка, околíла.
Зна́ти, зна́ти коза́цьку жінку,
Що всю зіму бòса хóдить,
Горшкóмъ вòду нóсить,
Поло́никомъ діти напува́е!«

Вотъ еще одна изъ тѣхъ счастливыхъ находокъ, которыя, въ послѣднее время, такъ разширили кругъ нашихъ понятій о Малороссійской народной поэзіи. Честь и хвала г. Нѣговскому за его подвигъ! Спасти отъ забвенія памятникъ жизни своего народа есть истинный подвигъ, который ужъ и теперь имѣетъ полную важность въ глазахъ каждаго истинно просвѣщеннаго человѣка; но, когда не останется на свѣтѣ ни одного бандуриста — а это время близко — и когда слѣдовъ старосвѣтской жизни станутъ искать только въ книгахъ и рукописяхъ, тогда имя каждаго соби-

---

»Эй ты, корчма, корчма-княгиня! зачѣмъ въ тебѣ много козацкаго добра погибаетъ? и сама ты не щеголяешь, и насъ, козаковъ-нетягъ, иной разъ безъ *свитокъ* (сермягъ) оставляешь. Замѣтна казацкая хата межь десятью хатами: она соломой не покрыта, завалиной не обсыпана, возлѣ двора нѣтъ ни кола, на дровосѣчнѣ нѣту дровъ ни полѣна. Сидитъ въ той хатѣ козцкая жена, околѣвши отъ холоду. Узнаешь тотъ-часъ и козацкую жену: она всю зиму ходитъ босая, она носитъ воду горшкомъ, она поитъ дѣтей изъ ложки!«

рателя произведеній народной поэзіи будетъ имѣть что-то общее съ ихъ неизвѣстными творцами. Въ самомъ дѣлѣ, сочувствовать пѣснѣ, странствующей какъ сирота между людьми, и сберечь ее отъ забвенія — не то ли самое, что пріютить живую душу, которая безъ нашей заботливости изчезла бы съ лица земли? Разширить своими открытіями кругъ историческихъ свѣдѣній — не значитъ ли сдѣлаться самому частью исторіи? Провести источникъ родного слова и духа къ будущимъ писателямъ — не значитъ ли быть двигателемъ ихъ успѣховъ? Уже и теперь произносятся съ почтеніемъ имена первыхъ собирателей нашихъ народныхъ пѣсень, которые записали ихъ отъ несуществующихъ болѣе бандуристовъ; и едва-ли князь Цертелевъ и гг. Максимовичъ, Срезневскій, Лукашевичъ и Метлинскій будутъ такъ долго жить въ литературныхъ преданіяхъ по своимъ произведеніямъ, какъ по записаннымъ и изданнымъ ими народнымъ пѣснямъ.

Читая думу о домашней жизни козака, не должно забывать, что она передана бандуристу Ригорéнку Запорожцемъ. Что́ же это такое? сочиненіе Гетмáнскаго козака, перенесенное на Запорожье, или взглядъ Запорожца на жизнь козака-Гетмáнца?... Запорожье такъ сильно централизовалось само въ себѣ, что не могло усвоить пѣсни, выражающей чуждый ему взглядъ на вещи. Но если это — дума Запорожская, то зачѣмъ въ ней описывается не та жизнь, которая окружала »братчиковъ«? Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, надобно вчитаться въ думу. Первые два стиха:

Не одѝнъ козáкъ самъ собі шкóду шкóдивъ,
Що вíдъ молодóї жінки у вíйсько хóдивъ...

выражаютъ позднее раскаяніе одинокого »сѣромахи«, очутившагося безъ жены, безъ дома и безъ всякого имущества (кромѣ развѣ бандуры подорожней да люльки-бурýньки) посреди такихъ же бѣдныхъ забіякъ. Это — невольный вздохъ по прежнемъ, счастливомъ состояніи и вмѣстѣ исходный пунктъ речита-

тива. Выразивъ передъ слушателями такую мысль, можетъ быть, съ неосторожною искренностью, онъ продолжаетъ развивать ее, скрывая подъ комическими образами горькую правду. Это — исторія юноши, который со всѣмъ пыломъ первой любви предался молодой женѣ, но въ которомъ потомъ проснулась страсть къ молодечеству, къ козакованью, къ *лицарству*. Онъ началъ пропадать надолго изъ дому и шляться въ наѣздахъ на чужія земли. Жена безъ мужа — не хозяйка: у ней и печь по нѣскольку дней не топится, и борщъ плѣснѣвѣетъ подъ лавкою. Возвратясь домой, козакъ съ грустью и съ досадой видитъ вездѣ запустѣніе, колотитъ молодую жену, обращаетъ ее изъ подруги въ трепетную рабыню и, отвыкнувъ отъ тихой домашней жизни, отправляется гулять въ корчму. Тамъ онъ распиваетъ медъ и вино и по-видимому веселится, но въ буйныхъ рѣчахъ его слышны сарказмы на самого себя. Никто лучше его не чувствуетъ, какъ у него въ домѣ пусто и грустно. Онъ знаетъ, что не жена причиною этого запустѣнія и что она даже старается скрывать его собственную безпорядочность передъ сосѣдями. Онъ видитъ ясно, до чего она доведена его разгульною жизнью; но онъ ужъ не властенъ надъ самимъ собою. Корчма тянетъ его къ себѣ волшебною силою, и бѣдняга съ лирическимъ смѣхомъ восклицаетъ:

Гей корчмо, корчмо-княгине!
Чомъ-то въ тобі козацького добра багато гине?
И сама єси неошатно ходишъ,
И насъ, козаківъ-нетягъ, підъ-случай безъ свитокъ водишъ!

Гдѣ ему дѣваться послѣ того, какъ онъ пропьетъ все, что только можно пропить? Работать онъ отвыкъ, отъ козакованья отстать не хочетъ. Разумѣется, всего проще и удобнѣе идти ему туда, гдѣ не спрашиваютъ: откуда и зачѣмъ пришелъ? гдѣ не говорятъ: *Дурно хлібъ ісй*! и куда прійдя, воткни *ратище* въ землю, повѣсь *янчарку* (саблю) да и живи на готовомъ хлѣбѣ. (См. выше, стр. 151). Козакъ въ послѣдній разъ покидаетъ молодую жену

и навсегда расторгаетъ связи съ обществомъ, котораго онъ былъ негоднымъ членомъ. Онъ освобождается отъ всѣхъ обязательствъ, тяготившихъ его на Украйнѣ; онъ могъ бы быть спокоенъ и веселъ, какъ ребенокъ... Но тайный червь грызетъ его сердце, и онъ, подъ видомъ похвальбы своимъ молодечествомъ, разсказываетъ исповѣдь своей недостойной жизни. Таково, по-моему, происхожденіе и таковъ смыслъ этой драгоцѣнной думы.

4.

ДУМА О ПОБѢДѢ ПОДЪ КОРСУНЕМЪ. (*)

. . . . . (1)

Ой обозвéтця панъ Хмельни́цький,
Ота́манъ-ба́тько Чигири́нський:
»Гей дру́зі моло́дці,
Бра́ття козаки́ Запоро́зці!
До̀бре дба́йте, ба̀рзо гада́йте,
Изъ Ляха́ми пѝво вари́ти зачина́йте.
Ля́дський со̀лодъ, коза́цька вода̀;
Ля́дські дро̀ва, коза́цькі труда̀.«

Ой съ того́ пѝва
Зробили козаки́ зъ Ляха́ми превелѝкее ди́во.
Пі̀дъ го́родомъ Ко́рсунемъ вони́ ста̀номъ ста́ли,

(*) *Переводъ.* — Отозвался панъ Хмѣльницкій, отаманъ-отецъ Чигиринскій: »Эй, друзья молодцы, братья козаки Запорожцы! подумайте хорошенько и начинайте варить пиво съ Ляхами. Ляшской солодъ, козацкая вода; Ляшскія дрова, козацкіе труды.«

Съ того пива сдѣлали козаки съ Ляхами превеликое диво. Подъ го-

---

(1) Начало этой думы (до 9-го стиха), забытое Ригорѐнкомъ, взято мною изъ варіанта г. Копытько, напечатаннаго въ »Сборникѣ Украинскихъ Пѣсень« М. Максимовича (стр. 67).

Підъ Стеблéвомъ воні́ со̀лодъ замочи́ли;
Ще й пѝва не зварѝли,
А вже козаки́ Хмельни́цького зъ Ляха́ми ба̀рзо посварѝли.
За ту бра̀жку
Счини́ли козаки́ зъ Ляха́ми велѝку дра́чку;
За той *мо̀лотъ*
Зроби́ли Ляхи́ съ козака́ми превелѝкий ко́лотъ;
А за той незна́ть-яки́й ква̀съ
Не одного̀ Ляха́ коза́къ, якъ-би́ ску́рвого сы́на, за чу́ба стрясъ.
Ляхи́ чого́сь догада̀лись,
Ві̀дъ козаківъ чого́сь утіка́ли,
А козаки́ на Ляхівъ наріка̀ли:
Ой вы, Ляхо́ве,
Пéські сино́ве!
Чомъ ви не дожида̀ете,
На́шого пѝва не допива́ете?«

Тогді̀ козаки́ Ляхівъ догана̀ли,
Па́на Пото́цького пійма̀ли,
Якъ барана̀ звяза́ли,
Та передъ Хмельни́цького гетьма́на примча̀ли:
»Гей па̀не Пото́цький!
Чомъ у те́бе й до́сі ро̀зумъ жино́цький?

родомъ Корсунемъ они станомъ стали, подъ Стеблевымъ они солодъ замочили, и не успѣли еще сварить пива, а ужъ крѣпко съ Ляхами повздорили. За ту бражку сильно подрались козаки съ Ляхами; за тотъ *мо́лотъ* поднялась у Ляховъ съ козаками страшная схватка; а за тотъ негодный квасъ не одного Ляха козакъ за чубъ, какъ негодяя, встряхнулъ. Ляхи что-то смекнули и отъ козаковъ чего-то уходили; а козаки Ляховъ попрекали: »Ой вы, Ляхи, собачьи дѣти! что̀ вы не ожидаете и нашего пива не допиваете!«

Догнали козаки Ляховъ, поймали пана Потоцкаго, связали, какъ барана, и привезли къ гетману Хмѣльницкому: »Эй ты, панъ Потоцкій! что̀ у тебя до сихъ поръ умъ женскій? Не умѣлъ ты сидѣть въ Камен-

Не вмівъ ти еси́ въ Ка́мянськімъ Поді́льці пробува́ти,
Пече́ного порося́ти, ку́риці съ пе́рцемъ та зъ шапра́номъ ужива́ти,
А тепе́ръ не зумі́ешъ ти зъ на́ми, козака́ми, воюва́ти
И жи́тнёі соломя́хи зъ тузлуко́мъ (1) (уплі́та́ти).
Хиба́ велю́ тебе́ до рукъ Кри́мському ха̀ну да́ти,
Щобъ навчи́ли тебе́ Кри́мські нагаі́ сиро́і кобы́линиі жова̀ти!«

Тогді́ Ляхи́ чого́сь догада̀лись,
На Жидівъ наріка̀ли:
»Гей ви, Жидо̀ве,
Пога̀нські сино́ве!
На що-то ви вели́кий бунтъ, тревоги зрива̀ли,
На ми́лю по три корчмы́ становы́ли,
Вели́кіі мѐта бра́ли:
Відъ возово́го —
По півъ-золото̀го,
Відъ пішого — по два гро̀ши,
А ще не мина́ли й серде́шного ста̀рця —
Відбіра́ли пшоно̀ та я́йця!
А тепе́ръ ви ти́і ска́рби збіра̀йте
Та Хмельнѝцького іна̀йте;

скомъ Подольцѣ да ѣсть жаренаго поросенка и курицу съ перцемъ да съ шафраномъ: куда же тебѣ съ нами, козаками, воевать и питаться ржаною саламатой съ разсоломъ! Ужъ не велѣть ли мнѣ выдать тебя Крымскому хану? пусть научатъ тебя Крымскія нагайки жевать сухую конину!«

Тогда Ляхи что-то смекнули и Жидовъ попрекали: »Эй вы, Жиды, языческіе дѣти! зачѣмъ вы подняли этотъ страшный бунтъ, эту тревогу! зачѣмъ вы на одной милѣ становили по три корчмы! зачѣмъ брали большой мытъ: отъ воза по полу-злоту, отъ пѣшаго по два гроша, не пропускали и бѣднаго нищаго, отбирали отъ него пшено и яйца! Соби-

(1) Сирівцѣмъ, розсо̀ломъ на ри́бу. *Прим. п.*

Ато, якъ не бу́дете Хмельни́цького іднáти,
То не зарі́кáйтесь за річку Ви́слу до Полóнного пру́дко тікáти.«

Жидóве чогóсь догадáлись,
На річку Слу́чу тікáли.
Котóрі тікáли до річки Слу́чи,
То погуби́ли чóботи й ону́чи;
А котóрі до Пру́та,
То булá вíдъ козаківъ Хмельни́цького доріженька бáрзо кру́та.
На рíчці Слу́чі
Обломи́ли містъ иду́чи,
Затопи́ли усі клейнóди
И всі Лáдські бу́бни.
Котóрі бíгли до річки Рóсі,
То зостáлися гóлі й бóсі.

Обізвéтця пéрвий Жидъ, Ги́чикъ,
Та й хапáетця за би́чикъ.
Обізветця дру́гий Жидъ, Шлёма:
»Ой я жъ пакъ не бу́ду на сáбасъ дóма!
Трéтій Жидъ озовéтця, Оврáмъ:
»У мéне невели́кий крамъ:
Шпильки́, голки́,

райте же теперь свои сокровища да смягчите Хмѣльницкаго, ато придется вамъ уходить опрометью за Вислу въ Полонное!

Жиды что-то смекнули и уходили къ рѣкѣ Случи. Кто уходилъ къ Случи, тѣ растеряли сапоги и онучи! кто уходилъ къ Пруту, тѣмъ пришлось на дорогѣ отъ козаковъ Хмѣльницкаго очень круто. Какъ переходили черезъ рѣчку Случь, обломался мостъ, и потонули всѣ драгоцѣнности и всѣ Ляшскіе бубны. Кто бѣжалъ къ рѣкѣ Роси, тѣ остались голы и босы. Вскрикнулъ первый Жидъ, Гичикъ, и схватился за бичикъ. Вскрикнулъ другой Жидъ, Шлёма: »Ой не быть мнѣ къ шабашу дома!« Вскрикнулъ третій Жидъ, Аврамъ: »У меня мелкій *крамъ* (товаръ): шпильки, иголки, кремни да трубки. Я свой крамъ сложилъ въ

Кременія, люльки.
Такъ я свій крамъ
У коробочку склавъ,
Та козакамъ пятами накивавъ.« (1)
Обізветця четвертий Жидъ, Давидко:
»Ой брате Лейбо! уже жъ пакъ изъ-за гори козацькі корогви видко!«
Обізвецця пятий Жидъ, Юдко:
»Нумо до Полонного утікати прудко!«

Тогді Жидъ Лейба біжить,
Ажъ живітъ дріжить;
Якъ на школу погляне,
Его серце Жидівське зіяне:
»Эй школо жъ моя, школо мурована!
Теперъ тебе ні въ пазуху взяти,
Ні въ кишеню сховати,
Але жъ доведетця Хмельницького козакамъ на сачъ, на балаки покидати!«

Отсе, панове-молодці, надъ Полоннимъ не чорна хмара вставала;
Не одна пані-Ляшка удовою зосталась.
Озовется одна пані-Ляшка:

коробокъ, и ушелъ отъ козаковъ. »Вскрикнулъ четвертый Жидъ, Давидко: »Ой, братъ Лейба! уже видать изъ-за горы козацкія хоругви!« Вскрикнулъ пятый Жидъ, Юдко:» Ой уйдемъ поскорѣе въ Полонное!«

Жидъ Лейба бѣжитъ, и животъ у него дрожитъ. Какъ взглянетъ на школу, такъ его Жидовское сердце и заноетъ: »Эй ты, школа моя, школа каменная! ни въ пазуху тебя не забрать, ни въ карманъ тебя не спрятать! придется тебя подарить козакамъ Хмѣльницкаго на самую поносную потребу!«

И не черная туча, паны молодцы, встала надъ Полоннымъ; не одна пани-Полька осталась вдовою. Вскрикнула одна пани-Полька: »Нѣту

---

(1) Этотъ стихъ исправляетъ несообразность списка г. Копытко. Тамъ сказано:

Съ козаками пятами накивавъ.

»Нема́ мого́ па́на 'Яна!
Десь ёго́ звяза́ли козаки́, якъ-бй бара̀на,
Та повели́ до свого́ гетьма̀на.«
Озове́тця дрỳга па́ні-Ля́шка:
»Нема́ мого́ па́на Кардаша́!
Десь ёго́ Хмельни́цького козаки́ повели́ до свого́ коша̀.«
Озове́тця трѐтя па́ні-Ля́шка:
»Нема́ мого́ па́на Яку́ба!
Десь (узяли́) Хмельни́цького козаки́ та либо́нь повісили ёго́ десь на лỳбі.«

Возращаюсь къ моимъ записнымъ книжкамъ.

Малороссіянинъ-старикъ большею частью угрюмъ и важенъ, особенно съ человѣкомъ не своего званія, и отъ котораго, притомъ, онъ ни сколько не зависитъ. Но, переправляясь, въ десяти верстахъ ниже Канева, черезъ Днѣпръ на лодкѣ, я нашелъ въ своемъ сѣдоусомъ Харонѣ веселаго балагура, и въ моей записной книжкѣ осталось два изъ его разсказовъ.

1.

МАЛОРОССІЙСКОЕ НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ. (*)

Якъ бувъ я ще па̀рубкомъ, а дідъ тоді ще невели́чкимъ бувъ, а ба́тька ще на світі не було́, то дідỳсь покійникъ, було́, пита̀ється: »А що́ бỳдемъ, сйну, робйти? зіма̀ холо́дна.«

моего пана Яна! видно, связали его козаки, какъ барана, и повели къ своему гетману«. Вскрикнула другая па́ни-Полька: »Нѣтъ моего пана Кардаша́! видно, козаки Хмѣльницкаго увели его въ свой станъ«. Вскрикнула третья па́ни-Полька: »Нѣтъ моего пана Яку́ба! видно, взяли его козаки Хмѣльницкаго и повѣсили на дубѣ.«

(*) Оставляю эту статью безъ перевода, потому что всѣ ея достоинства заключаются въ комическихъ, неудобныхъ для передачи на другомъ языкѣ выраженіяхъ и въ непереводимой игрѣ словъ.

То я, було́, діда ра̀жу: »Поідьмо«, кажу́, »дідусю, въ лісъ да нарубаємъ дро̀въ.«

»Поідьмо, такъ и поідьмо.«

А въ насъ бичéчки невелѝчкі собі були́, такъ — мо́жна на прѝгорщъ було́ взять. Поіхали въ лісъ. Дивлю́сь, ажъ лома́ччя така̀ вели́ка ку́па! Я сту̀къ соки́рою въ те лома̀чче! а ведьмідь звідтиля́, съ того́ лома̀ччя! Коли́ я въ те лома̀чче, ажъ ше́стеро я̀ець. Якъ узяли́ ми зъ дідомъ, то дру́ччемъ на візъ не скоти́ли, да вже я ле́дьві не ле́дьві въ ша̀пку забра́въ; такі вели́кі.

Отто́ принісъ додо́му. А въ насъ, якъ на те, пра́вда, свиня́ квокта́ла. Отъ я підсйпавъ під ту свиню́, а вона́ й вилупила мині шість волівъ, такъ якъ соколівъ.

Тоді вже якъ узяли́ ми зъ дідомъ тими́ вола́ми по̀ле орать да хлібъ сіять... да и вроди́ло жъ до́бре! Вѝйдемъ, було́, зъ дідомъ на́ поле, то то чужѐ, а то не на̀ше; то чужѐ, а то не на̀ше.

Якъ узяли́ жъ ми женцівъ збіра́ть, такъ, Бо̀же мій милости́вий! що̀-то ми того́ женця̀ зобра́ли! ажъ одну́ ба́бу. Якъ понажина́ла вона́ намъ кіпъ... Бо̀же милости́вий, скілько кіпъ!

А дідъ покійникъ и пита̀етця въ мене́: »Де жъ ми«, ка́же, »си́ну, бу́демъ скирти́ склада́ти?«

А я кажу́: »Аже́ жъ у насъ ко̀менъ вели́кий, то на ко́мені скиртѝ складемо́, а на печі молотѝтимемъ.«

Якъ же вклю̀нулася та прокля́та ку́зька, мѝши, да та̀къ же вклю̀нулася! А въ насъ, призна́тьця, кі̀тъ до́брий був. Якъ махну̀въ ві̀нъ по ко́мену, якъ уда̀рить хвосто́мъ, а на́ши скирти́ да въ помі̀йницю!...

А тутъ уже́ й ба̀тько підрісъ. Дакъ ма́ти, було́, все лю̀бить молоко́ па̀рене, а ми все кѝсле. То ма́ти, було́, по селу́ па̀рить-па́рить, а ми въ за̀пічку кѝснемъ-кѝснемъ!

А ба́тько, пра́вда, риба̀лка до́брий був: кѝне у́дочку въ чужу́ бу́дочку, то й тя́гне не кожу̀хъ, такъ свѝточку.

Отъ ми й розжилѝсь. Такъ ба́тько й ка̀же: »У тебе́ ма̀ти вме́рла, а въ ме́не жі̀нка, то поста̀вимо обі̀дъ.«

Якъ узялѝ жъ ми збіра́ть люде́й на обі̀дъ, да съ такѝмъ дого-

во́ромъ, щобъ була́ своя́ ло́жка, и хлібъ, и сіль. Ото́ якъ найшло́ наро́ду, такъ, Бо́же милости́вий! ажъ два чоловіка. Дакъ ба́тько й ка́же: »Засо́лимъ же оце́ озерце́, то вийжте щерби́чку, а наспо́ді бу́де ри́бка.«

Дакъ ті лю́де не здя́ковались.

2.

СѢРЫЕ ГУСИ ИЗЪ БѢЛОЙ РУСИ. (*)

Ото́ о́ре чоловікъ у по́лі, ажъ іде Царь. Чоловікъ дохо́дить до шля́ху, а Царь зове́ его́: »Діду«, ка́же, чи я́къ тамъ.

»Чого́, па́не?« [бо тоді ще не було́ сіхъ благоро́дий, а за́просто *па́не* да й тілько.] »Чого́«, ка́же, »па́не?«

»Чи давно́, діду, на горі ляглй сніги́?«

»Давно́, па́не: го́дівъ пятна́дцять, або́ й два́дцять.«

[А се бъ то, бачъ: чи давно́ голова́ поси́вила?]

»Э!« ду́мае собі Царь. »А чи давно́«, ка́же, »пішла́ вода́ съпідъ гіръ?« [Зъ ви́шчого, бачъ, ро́зуму закида́е кручка́. Зна́ешъ, у стари́хъ люде́й, такъ слёзи зъ оче́й иду́ть.]

»Давно́«, ка́же, »го́дівъ десятокъ бу́де.«

(*) *Переводъ.* — Пашетъ въ полѣ мужикъ, смотритъ — Царь ѣдетъ. Мужикъ подходитъ (за плугомъ) къ дорогѣ, а Царь зоветъ его: »Старикъ!« говоритъ, — или какъ-нибудь иначе его назвалъ. — »Чего, панъ?« [Въ то время еще не было *благородій*, а просто *панъ*, да и все тутъ]. »Чего, панъ?« говоритъ мужикъ. »Давно ли, старикъ, легли на горахъ снѣга?« — »Давно, панъ: лѣтъ будетъ пятнадцать, или двадцать.« [А оно, видишь, значитъ: давно ли голова посѣдѣла?] »Э!« думаетъ про себя Царь. »А давно ли«, говоритъ, »пошла изъ-подъ горъ вода?« [Закидываетъ, видишь, крючекъ съ высшаго ума-разума. Устарыхъ, значитъ, людей слезы изъ глазъ текутъ.] »Давно«, говоритъ мужикъ: »лѣтъ десять ужъ будетъ.« — »О, да это не простакъ стари-

»Э, да се жъ и дідъ собі вдався!»... Питáетця ще: »Чи багáто на нéбі звіздъ?«

Кáже: »Пасъ волú да все лічúвъ, а перéдъ світомъ заснувъ, то й не долічúвъ.«

»Оцѐ знайшóвъ діда!« дýмае собі. »Глядú жъ«, кáже, »чоловіче, залетя́ть сірі гýси зъ Бíлої Русі, то піддерú хорошéнько!«

»Дóбре«, кáже, »якъ жúвъ бýду, то піддерýду.«

И поіхавъ собі....

Отó прийшóвъ у сенáтъ. А тамъ старикú такúі сидя́ть... звíсно сенатóри. Отъ вінъ зáразъ: »А чи давнó лягли́ снігú на гóрахъ?«

Тúі тамъ дýмали-дýмали. А вже бáчить, що вже старі, да нічóго не втнýть... Воní тамъ до книгъ, воní до Богослóвії; перекидáють, книжкú ламáють: Оттáкъ Богъ создáвъ нѐбо, оттакі річкú... Ні, не втнýть!

»Эгé!« кáже, »пошліть до такóго й такóго старичкá—вінъ скáже.«

Ну, а гро́шей до смýтку въ тихъ члéнівъ. Отъ воní вúбрали поштаря́, далú ёмý кілько тамъ тúсячъ: »Дуй!«

чокъ!« думаетъ Царь и спрашиваетъ еще: »Много ли на небѣ звѣздъ?« — »Пасъ«, говоритъ, »я воловъ и считалъ, а передъ разсвѣтомъ уснулъ и не дочелъ.« — »Ну, потрафилъ я на старика!« думаетъ Царь. »Смотри же, мужичокъ«, говоритъ онъ ему, »какъ залетятъ сюда гуси изъ Бѣлой Руси, то поддери хорошенько!« — »Хорошо«, говоритъ тотъ, »коли живъ буду, то поддеру.«

Царь и поѣхалъ своимъ путемъ. Пришелъ въ сенатъ. А тамъ все старики сидятъ... извѣстно, сенаторы. Онъ тотъ-часъ: »А давно легли снѣга на горахъ?« Тѣ долго думали. А Царь видитъ: и старики, да ничего не могутъ сказать ему... ужъ они и въ книги, ужъ они и въ Богословію заглядывали: перелистываютъ, ломаютъ книги: »Вотъ какъ Богъ міръ сотворилъ, вотъ такія и такія рѣки«... Нѣтъ, ничего не сдѣлаютъ да и только. »То-то!« говоритъ Царь. »А вотъ пошлите къ такому-то старику — онъ вамъ скажетъ, въ чемъ дѣло.« Ну, разумѣется, денегъ

Убігъ той у сельцé, спитáвсь: »Чи жúвъ такúй и такúй старúкъ?«

»Живъ«, кáжуть.

До ёгò зáразъ: »Здорòвъ, діду!«

»Здорòвъ, пáне!«

»Пустúй на кватéру.«

»'Ідьте, пáне.«

»Сіно, овéсъ èсть?«

»Есть, пáне.«

»Ну, такъ пустú на кватèру.«

»'Ідьте«, кáже, »пáне.«

Отó заіхавъ. Зáразъ послáвъ за горілкою [що трéба якосьнéбудь кручкà закúнуть. А якъ якóго, то й горілкою не обмáнишъ]. Питàетця отó: »Чи знàешъ, діду, давнò на горі лягли́ снігú?«

»А якъ же не знать?«

»А чи знáешъ«, кáже, »давнò пішлá водá съ-підъ гіръ?«

»Да знàю«, кáже, »колú й водà, колú й щò.«

А тутъ тогó й приіхавъ.

Кúнулось діду въ гóлову: »Оцé, мóже, той пàнъ прислáвъ!«

»Щò«, кáже, »тобі дать, щобъ сказáвъ?«

бездна у этихъ *членовъ*. Выбрали они почтаря, дали ему нѣсколько тысячъ: »Валяй!«

Прискакалъ почтарь въ деревушку, спрашиваетъ: »Живъ такой-то старикъ?« — »Живъ«, говорятъ. Тотъ-часъ къ нему: »Здорово, старикъ!« — »Здорово, панъ!« — »Позволь взъѣхать на дворъ.« — »Взъѣзжайте, панъ.« — »Сѣно, овесъ есть?« — »Есть, панъ.« — »Ну, такъ позволь взъѣхать на дворъ.« — »Взъѣзжайте, панъ.« Взъѣхалъ почтарь къ нему. Тотъ-часъ послалъ за водкою [Надобно, видите ли, какънибудь зацѣпиться. А иного и съ водкой не проведешь]. Вотъ и спрашиваетъ: »Знаешь ли ты, старикъ, какъ давно легли снѣга на горѣ?« — »Какъ не знать?« — »А знаещь, какъ давно пошла вода изъ-подъ горъ?« — »Знаю«, говоритъ, » и это, и все.« [А онъ затѣмъ и пріѣхалъ.] Старикъ и смекнулъ: »Видно, это тотъ панъ прислалъ!« — »Что

»Ти́сячу рублівъ« , ка́же, »то скажу́.«

Тя́гне той ти́сячу съ карма́на: »Кажи́, стари́къ!«

А дідъ: »Постій« , ка́же, »заховаю гро́ши въ комо́ру.«

Заховавъ.

»Ну« , ка́же, »стари́къ!«

»Ото́ та́къ, па́не: Оце́, що сніги́ впа́ли, то то на́ша голова́ поси́віла...«

Той ди́вится: »Оце́« , ка́же, »та́къ!«

»А то« , ка́же, »що вода́ пішла́ съ-підъ гіръ, то то въ старо́го чоловіка — такъ хочъ-би и въ ме́не — слёзи почали́ йти зъ оче́й...«

Той тоді: »Го́споди! оце́ та́къ!« ка́же.

»Відкиля́« , ка́же, »ви, па́не?«

Ка́же: »Зъ Петинбу́рха.«

»Ге!... Якъ« , ка́же, »іхавъ коли́сь яки́йся па́нъ; я« , ка́же, дохо́жу до шля́ху, а вінъ почавъ мене́ пита́ть, а я ёму́ одвіча́въ. Пита́въ: »»Чи давно́ нагорахъ сніги́ лягли́!«« А я ёму́ одвіча́въ: »»Го́дівъ съ пятна́дцять, або й зъ два́дцять.«« Пита́въ: »»Чи давно́ »пішла́ вода́ съ-підъ гіръ?«« А я ёму́ отта́къ, отта́къ одвіча́въ. То вінъ

ты возьмешь за то, что скажешь мнѣ?« — »Тысячу рублей дашь, такъ скажу.« Вытаскиваетъ почтарь тысячу рублей: »Говори, старикъ!« А старикъ: »Погоди«, говоритъ, »спрячу сперва деньги въ *комóру* (чуланъ).« Спряталъ деньги. »Ну, старикъ!« — »Вотъ въ чемъ дѣло, панъ. Выпали снѣга, — это значитъ — наша голова посѣдѣла.« Тотъ смотритъ на него: »Вотъ те на!« говоритъ. »А вода пошла изъ-подъ горъ, — это значитъ — у старика, вотъ хоть у меня, слезы начали идти изъ глазъ«... А почтарь: »Господи! вотъ те и загадка!« — А откуда вы, панъ?« спрашиваетъ мужикъ. »Изъ Петербурга.« — »Аа!« говоритъ. »Проѣзжалъ здѣсь какой-то панъ; я«, говоритъ, »подхожу къ дорогѣ, а онъ началъ меня спрашивать, а я ему отвѣчалъ. Спросилъ онъ: »»Давно ли на горахъ снѣга легли?«« а я отвѣчалъ: »»Лѣтъ пятнад»цать, или двадцать.«« Спросилъ: »»Давно ли пошла вода изъ-подъ горъ?«« а я ему такъ-то отвѣчалъ. Такъ онъ и говоритъ мнѣ: »»Смотри же, ста-

и сказа́въ: »»Гляди́ жъ, ді́ду, залетя́ть гу́си зъ бі́лоі Ру́сі, то пі́дде»ри́ хороше́нько!«« А я ёму́ й кажу́: »»Якъ бу́ду жи́въ, то пі́ддеру́.««

Тоді той пошта́рь наза́дъ: »Отта́къ и такъ, пано́ве!«

Ти́ ажъ за го́лову вхопи́лись: »Що́ бъ намъ було́ такъ каза́ть! Мужи́къ, да давъ Царю́ одві́ть!«

Эге́, и зъ на́шимъ бра́томъ ча́сомъ не жарту́й!

Надобно сознаться откровенно, что, странствуя изъ села въ село по Малороссійскимъ губерніямъ въ періодъ моей юности, я рѣдко имѣлъ въ виду собственно науку. Меня увлекала поэтическая сторона жизни народа. Я гонялся за драмою, которую разыгриваетъ мелкими отрывками цѣлое Малороссійское племя. Мнѣ нужно было видѣть постановку сельской жизни на театрѣ природы; и то, что́ внесъ я въ свои записныя книжки, составляетъ только малую часть моихъ изученій, которыя управлялись постоянно однимъ только чувствомъ — непреодолимымъ желаніемъ видѣть и слышать народъ въ разнообразныхъ особенностяхъ единицъ его. Если въ этомъ желаніи заключались и побужденія чисто научныя, то источникомъ ихъ была всё-таки чистая любовь къ человѣку, въ его простой, сельской жизни.

Само собою разумѣется, что города, села и мѣста, извѣстныя въ исторіи, привлекали меня къ себѣ преимущественно предъ прочими, и я съ душевнымъ волненіемъ находилъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи слѣды и объясненіе жизни былыхъ поколѣній. Въ этихъ мѣстахъ, по выраженію лицъ, по ухваткамъ и рѣчамъ, я живѣе обыкновеннаго воображалъ, каковъ долженъ былъ быть

»рикъ: какъ залетятъ къ тебѣ гуси изъ Бѣлой Руси, то поддери ихъ хоро»шенько!«« А я сказалъ ему: »»Коли буду живъ, то поддеру.««

Тогда почтарь назадъ: »Вотъ въ чемъ дѣло, господа!« Тѣ и за голову схватились: »Ну, какъ это намъ не пришло въ мысль! Мужикъ далъ Царю отвѣтъ, а мы не дали!«

Да, и съ нашимъ братомъ иной разъ не шути!

Малороссіянинъ подъ иными вліяніями и при другихъ обстоятельствахъ. Тутъ этнографія сливалась для меня въ одну науку съ исторіей, а исторія разоблачалась въ своихъ этнографическихъ послѣдствіяхъ. Наши кабинетные люди, повторяя одинъ другого, говорятъ, что въ Малороссіи не осталось почти никакихъ памятниковъ старины. Но самъ народъ — такой памятникъ своей прошедшей жизни, который лучше всякаго произведенія искусствъ вводитъ насъ въ познаніе того, какъ онъ существовалъ до настоящаго момента. Надобно только всмотрѣться въ нравственный его образъ, котораго разсѣянныя черты собираетъ и объясняетъ для насъ этнографія.

Я уже былъ въ Бѣлой Церкви, въ Корсунѣ, въ Кумейкахъ, гдѣ борьба племенныхъ убѣжденій запечатлѣна смертью многихъ тысячъ ихъ защитниковъ. Наконецъ я въѣхалъ въ Черкасы, — городъ, по которому старинные Великороссіяне называли всѣхъ своихъ южныхъ соплеменниковъ *Черкасами*. Съ какого времени утвердилось на сѣверѣ мнѣніе, выражаемое этимъ именемъ, неизвѣстно; но замѣчательно, что неграмотные обитатели Малороссіи никогда не усвоивали себѣ имени *Черкасъ*, точно такъ же, какъ и имени *Русскихъ*. Малороссійскіе простолюдины, на вопросъ: »Откуда вы?« будутъ отвѣчать: Изъ такой-то губерніи; но на вопросъ: »Кто вы? какой народъ?« не найдутъ другого отвѣта, какъ только: »*Люде такъ собі народъ та й годі*.« — »Вы Русскіе?« — »*Ні*.« — »Хохлы?« — *Якії жъ ми Хохли?*« (Хохолъ — слово бранное, и они его отвергаютъ). — Малороссіяне? » — « *Що то за Маросияне? намъ єго й вимовить трудно*« (Малороссіянинъ—слово книжное, и они его не знаютъ). Словомъ, земляки наши, предоставляя называть себя Русью, Черкасами и чѣмъ угодно, сами себя называютъ только *людьми* и не присвоиваютъ себѣ никакого собственнаго имени... Но возвратимся къ городу Черкасамъ.

Относительно населенія и устройства домовъ и улицъ, это такой же городъ, какъ и всѣ уѣздные города въ Малороссіи. Тѣ же усилія человѣка вытѣснить украшенія природы, ничѣмъ не замѣ-

нивъ ихъ; та же дисгармонія въ быту высшаго сословія и удаленіе отъ сельской простоты низшаго; та же архитектура домовъ, занимающая уродливую средину между національною хатою и иноземнымъ стилемъ построекъ. Я воображаю себѣ положеніе этнографа, живущаго въ столицѣ и пріѣхавшаго сюда на почтовыхъ, съ цѣлью изучить Малороссійскіе нравы въ самомъ гнѣздѣ Малороссійской народности, собрать пѣсни, повѣрья и преданія о старинѣ на мѣстахъ, наиболѣе извѣстныхъ въ исторіи. Онъ необходимо долженъ занять квартиру въ домѣ Жида, или Великороссіянина, потому-что коренные жители уступили пришельцамъ первенство въ промышленности, слѣдовательно и въ богатствѣ. Сами они живутъ въ чистенькихъ, но убогихъ хаткахъ, въ которыхъ барину-этнографу было бы крайне неудобно провести нѣсколько дней. Расположась въ своей квартирѣ, онъ приступаетъ къ справкамъ о старикахъ, которые могли бы поразсказать ему о прежнихъ временахъ. Ему указываютъ на извѣстныя лица между мѣщанами, и они, по его приглашенію (которое принимаютъ за требованіе) являются. Это — сѣдые старики съ длинными бородами и волосами, похожіе скорѣе на монастырскихъ отшельниковъ, нежели на мірянъ, которые обыкновенно бороды брѣютъ и носятъ усы. Видъ ихъ внушаетъ далекому путешественнику уваженіе. Онъ усаживаетъ ихъ у себя на стульяхъ и начинаетъ распрашивать о старинѣ, о пѣсняхъ, объ обрядахъ и тому подобномъ. Старики, вовсе неожидавшіе отъ столичнаго господина подобныхъ распросовъ, дивятся его рѣчамъ, взглядываются между собою, значительно покачиваютъ головами, какъ-бы говоря: »*О, да се добра казючка*!« и отвѣчаютъ на его вопросы уклончиво и безтолково, такъ что онъ, потерявъ съ ними безъ пользы часъ, или два, отпускаетъ ихъ во-свояси. Въ городѣ между тѣмъ распространяется слухъ, что кто-то пріѣхалъ изъ Петербурга, изъ Москвы, или изъ Кіева и потребовалъ къ себѣ такихъ-то людей. Досужія головы дѣлаютъ на счетъ цѣли его пріѣзда самыя дикія заключенія. За нимъ слѣдятъ глазами изо всѣхъ домовъ, лишь только онъ появится на улицѣ. Всѣ на сторожѣ; всѣ опасаются

съ его стороны какихъ-то тайныхъ, непріязненныхъ дѣйствій; и этнографъ нашъ, проскучавъ сутки двои-трои въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ ему нечего было дѣлать съ жителями высшаго и низшаго сословій, уѣзжаетъ съ немногими нотабенками въ своей книжкѣ и съ общимъ впечатлѣніемъ пошлости, безцвѣтности и безхарактерности Малороссійскаго населенія уѣздныхъ городовъ.

А сущность дѣла совсѣмъ не та. Простолюдины-горожане конечно теряютъ у насъ много того, что составляетъ прелесть общаго характера поселянъ; они *цивилизуются,* въ худшемъ значеніи этого слова, и забываютъ свой языкъ, свои обряды, пѣсни и преданія. Но между ними можно иной разъ встрѣтить людей стараго вѣка, къ которымъ не пристанетъ никакая цивилизація, или простаковъ, неспособныхъ гоняться за корыстью и въ сношеніяхъ съ прáсолами усвоивать себѣ ихъ вкусъ относительно одежды, ухватокъ и языка. Только этихъ людей надобно поискать прилежнѣе, а найдя, умѣть обойтись съ ними. Какъ это дѣлается, я не знаю рецепта и, въ утѣшеніе всѣхъ выступающихъ на трудное поприще народоизслѣдователя, скажу, что не разъ я самъ игралъ роль столичнаго этнографа; не разъ я чувствовалъ себя пристыженнымъ и раздосадованнымъ послѣ неудачныхъ попытокъ завязать довѣрчивый разговоръ съ сѣдобрадыми старцами; не разъ я уходилъ изъ хаты поселянина съ сознаньемъ неумѣнья показать себя тѣмъ, что я есть, и съ увѣренностью, что подалъ своимъ посѣщеніемъ поводъ къ безпокойному подозрѣнію себя въ томъ, къ чему я неспособенъ, а пожалуй и къ простодушнымъ насмѣшкамъ надъ тѣмъ, что было мною говорено отъ искренняго сердца.

Въ Черкасахъ, однакожъ, этого со мною не случилось. Едва успѣлъ я осмотрѣть городъ, какъ очутился самымъ естественнымъ путемъ посреди свидѣтелей старины и добродушнѣйшихъ о ней разскащиковъ. Пробравшись изъ центра города въ тѣ улицы, которыя напоминаютъ деревенскіе виды и выходятъ въ поле, или оканчиваются какой-нибудь пустынной рощею, косогоромъ съ старыми грушами и т. п., я остановился у колодца и началъ

наблюдать приходящій къ нему народъ. Для полупразднаго заѣзжаго это лучшіе пункты въ селахъ и въ похожихъ на села городахъ. У колодцевъ почти всегда ростутъ вербы, или другія деревья, о которыхъ, разумѣется, никто не прилагалъ и не прилагаетъ попеченія. Усѣвшись въ тѣни этихъ деревъ, вы ужъ получаете въ глазахъ приходящихъ за водой значеніе человѣка, занятаго своимъ дѣломъ, а не празднаго вывѣдывателя подноготной: вы отдыхаете, и, въ качествѣ отдыхающаго человѣка, вамъ можно балагурить съ приходящими, какъ балагурятъ они между собою, и вы не удивите никого вопросомъ о Гайдамакахъ, о Запорожцахъ, о Хмѣльницкомъ и о чемъ вамъ угодно, лишь бы только не рѣзко перейти къ такому вопросу. Въ вашемъ положеніи это естественно: вы отдыхаете, и вамъ скучно молчать.

Въ такомъ выгодномъ положеніи находился я, когда, послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ дѣйствующихъ лицъ у колодца, пришелъ за водой сѣдоусый человѣкъ, въ суконномъ жилетѣ, очевидно передѣланномъ изъ солдатскаго мундира. Онъ отличался необыкновенною говорливостью, такъ что не пропустилъ ни одной дѣвушки, ни одной молодицы изъ стоявшихъ у колодца (а поселянки наши всегда любятъ постоять съ порожними и полными ведрами въ этомъ мѣстѣ встрѣчъ и пересказыванья новостей) и приправлялъ свои вопросы и отвѣты такими пословицами и поговорками, отъ которыхъ всѣ единодушно хохотали. Рѣдко можно встрѣтить у насъ между стариками такое веселое выраженіе лица, какъ у этого говоруна. Онъ слылъ у своихъ сосѣдей за *шутника* и за такого человѣка, съ которымъ забудешь, зачѣмъ ходятъ къ колодязю. Такъ объявили о немъ другъ другу носильщицы воды и разбрелись въ разныхъ направленіяхъ по зеленымъ взгорьямъ, перекидываясь съ нимъ еще и издали шутками и остротами.

Я попросилъ у него напиться воды и былъ спрошенъ, откуда я. (Онъ тотъ-часъ увидѣлъ, что я человѣкъ заѣзжій.) Я выдалъ себя за живописца, ѣдущаго изъ Кіева въ несуществующее на картѣ село расписывать иконостасъ. Это одна изъ лучшихъ рекомендацій въ глазахъ Малороссійскаго простолюдина, такъ какъ онъ

распространяетъ святость иконъ и на самое ремесло иконописца. Разговоръ зашелъ о Кіевѣ, въ которомъ рѣдкій изъ поселянъ не былъ на богомольи, потомъ о городахъ по пути къ Кіеву и наконецъ о Черкасахъ. Старикъ указалъ мнѣ, гдѣ стоялъ замокъ, то есть деревянный острожокъ, окруженный валомъ и рвомъ, и намекнулъ на нѣкоторыя обстоятельства прежнихъ временъ тономъ человѣка, слыхавшаго довольно разсказовъ о старинѣ. Любопытство мое было возбуждено въ высшей степени, но я казался спокойнымъ и не спѣшилъ его распрашивать. Наконецъ онъ объявилъ, что жинка ждетъ его съ водою и что пора уже обѣдать. Я поднялся съ нимъ вверхъ по покатой улицѣ, продолжая бесѣдовать о его хатѣ, которою онъ былъ очень доволенъ, о его левадѣ, или огородѣ, которымъ онъ былъ такъ-же очень доволенъ, и о его жинкѣ, которою онъ былъ довольнѣе всего. Жинка его была въ молодости горничной дѣвушкой у какой-то барыни, и Василь Судденко (имя старика) гордился не мало женидьбой на такой, знатной, или вѣрнѣе — на такой образованной особѣ.

»Отъ моя́ ха́та!« (говорилъ онъ, указывая рукой черезъ плетень, въ которомъ сдѣланъ былъ перелазъ.) »Тутъ у мене́ всѐ коло́ ха́ти, чого́ душа́ бажа́е. Отъ и ку́ри хо́дятъ, отъ и теля́, — а коро́ву ви́гнали въ чѐреду — отъ у мене́ й жи́то расте́ передъ ха́тою... ви́йди съ ха́ти та й жни... уся́ благода́ть Бо́жа!

Я попросилъ позволенія зайти къ нему, и этимъ очень одолжилъ его. У него и у самого была уже такая думка, чтобъ зазвать меня къ себѣ обѣдать, да какъ-то не осмѣлился, потому что не зналъ, каково оно мнѣ покажется. Онъ человѣкъ простой, хоть и цеховой мѣщанинъ, хоть и портной, а не то, чтобы такъ себѣ *поки́дька*; но всё же видитъ — человѣкъ я не ихъ званія; можетъ быть, привыкъ сидѣть за столомъ съ великими панами; такъ оно какъ-то показалось ему и *сумнительно*.

»А жінка моя́ (продолжалъ онъ) ва́рить борщъ таки́й, що

хочъ би и городни́чому. Вона́ у панівъ до́вго жила́ и понау́чувалась уся́кихъ па́нськихъ роско́шівъ.«

Дѣйствительно борщъ оказался такимъ, что хоть бы и городничему; но апетитъ мой сильно пострадалъ отъ волненія, съ которымъ я слушалъ разсказы Василя Судде́нка о его отцѣ, служившемъ въ городовыхъ козакахъ во время Коліивщины. Эти разсказы были исполнены для меня неописаннаго очарованія: я слышалъ въ нихъ еще незамолкнувшій голосъ былой жизни, о которой до насъ дошли только книжныя извѣстія. Василь Судде́нко пересказывалъ рѣчи отца, принятыя имъ съ впечатлительностью дѣтства и, можетъ быть, заимствовавшія оттѣнокъ его собственнаго воображенія. Когда я сказалъ, что все это такъ интересно, что жаль было бы перезабыть — а у меня-де плохая память — и принялся записывать, Василь Судде́нко объявилъ мнѣ, что, если я такъ люблю разсказы о старинѣ, то мнѣ надобно послушать его тестя, Харка́ Цехми́стера, который самъ видѣлъ Зализняка́ и зазнаетъ Богъ знаетъ какія времена.

Черезъ нѣсколько времени явился къ намъ и Харко́ Цехми́стеръ, старикъ самой почтенной наружности — въ черной свитѣ съ кобенякомъ, съ бѣлою, длинною бородою. Онъ былъ ужъ очень старъ, но держался на ногахъ крѣпко, говорилъ чрезвычайно ясно и, когда описывалъ что-нибудь поражавшее его въ молодости, глаза его оживлялись юношескимъ огнемъ. Онъ былъ не прочь познакомиться съ моимъ штофикомъ, который давно уже стоялъ на столѣ и съ которымъ Василь Судде́нко вступилъ въ самыя пріятельскія отношенія. Память его не только не пострадала отъ хмѣлю, скоро подѣйствовавшаго на его престарѣлую голову, но еще отъ него прояснилась, и онъ припоминалъ самыя мелкія подробности изъ своихъ давнишнихъ впечатлѣній. Не нужно, я думаю, увѣрять, что я провелъ время въ обществѣ этихъ друзей самымъ пріятнымъ образомъ. Я просидѣлъ съ ними до сумерекъ, не выпуская карандаша изъ рукъ, и ушелъ, обѣщавъ явиться къ нимъ на другой день. Харко Цехми́стеръ тоже далъ слово обѣдать завтра у своего зятя. Такъ я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ,

до тѣхъ поръ, пока не записалъ всего, что́ хранилось у него въ памяти. Утромъ я приводилъ въ порядокъ свою стенографію, а потомъ отправлялся въ хату Василя Судде́нка, какъ на университетскую лекцію, и пополнялъ всѣ неполныя, или темныя мѣста при вторичныхъ распросахъ. Читатель увидитъ, стоило ли поить запеканкою Черкаскихъ разскащиковъ. Что́ касается до меня, то ихъ бесѣды дѣйствовали на мое воображеніе такъ сильно, что я нѣсколько дней не могъ ни о чемъ другомъ думать, и лица, выведенныя ими на сцену въ ихъ повѣствованіяхъ, рисовались передо мной, какъ живыя. Вотъ эти повѣствованія.

МАКСИМЪ ШИЛО. ([1])

([*]) ....Почу́вши губерна́торъ ([2]) Роско́вський, що гайдама́ки деру́ть одно́го чоловіка, Шра́ма... а той Шрамъ держа́въ у ёго на оре́нді корчму́ въ Ру́ській Поля́ні... то вінъ, почу́вши, що Шра́ма деру́ть, поіхавъ ёго́ оборона́ти. А оди́нъ гайдама́ка изъ вікна́, не допусти́вши ёго́ до оре́нди, и вби́въ зъ рушни́ці. То вони́ самі сколо́ли того́ гайдама́ку. »О, вра́жий синъ!« ка́жуть, »до́брого па́на стра́тивъ!« та взяли́ та й сколо́ли ([3]). Идо́сі хрестъ стоіть надъ тимъ губерна́торомъ у Ру́ській Поля́ні.

([*]) *Переводъ.* — ....Какъ услышалъ *губернаторъ* ([2]) Роско́вскій, что гайдамаки грабятъ одного мужика, Шрама... а тотъ Шрамъ имѣлъ отъ него въ арендѣ корчму въ Русской Полянѣ... такъ онъ, узнавши, что Шрама грабятъ, и поѣхалъ оборонять его. Тутъ одинъ гайдамака, не допустивъ его къ арендѣ, выстрѣлилъ въ окно изъ ружья и убилъ его. Такъ они сами закололи того гайдамаку. »Ахъ, вражій сынъ!« говорятъ, »добраго пана сгубилъ!« и закололи гайдамаку ([3]). До сихъ поръ стоитъ крестъ надъ тѣмъ губернаторомъ въ Русской Полянѣ.

([1]) Разсказъ Василя Судде́нка.

([2]) Т. е. управитель.

([3]) Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія.

А по́тімъ бувъ губерна́торомъ панъ Сѐльскій. То за сёго́ вже губерна́тора прііхавъ ота́манъ Шѝло, зъ вата́гою — душъ, мо́же, зъ со̀тню. Мене́ ще тогді на світі не було́, а роска́зувавъ те все покійникъ ба̀тько. Прііхали — ка́же — вони́ пі̀дъ (замкову́) бра̀му та й кричя́ть, щобъ одчинйли. А губерна́торъ злякавсь та й звелівъ одчини́ти, хочъ у за́мку було́ не безъ наро̀ду. А я — ка́же — бувъ на той часъ до́ма. Прибіга́ю до за̀мку, ажъ уже́ мене́ не пуска̀ють. Я до частоко̀лу. Дивлю̀сь скрізь щілину, ажъ губерна́торъ стоіть на колінахъ передъ Максимомъ Шѝломъ; а той сиди́ть на коні, якъ разъ про́ти мѐне, и чита́е ёму́ ука́зъ ніби-то одъ Царѝці, щобъ різать усіхъ Ляхівъ и Жидівъ, щобъ и на світі іхъ не було́. А я собі ду́маю: »Ось посто̀й лишъ, я тобі дамъ не тако́го ука́зу!« та, проси́нувши въ щілину рушни́цю, тілько що хо́чу стре́лить пря́мо ёму́ въ гру́ди, а кінь махне́ голово́ю, то й нельзя́ влу́чить. Я зно̀въ пережду́, по́ки кінь понури́тця, та що хо́чу стре́лить, то вінъ зно́ву й махне́ голово́ю. А лі́тне, зна́ете, врѐмя, са́ме передъ Тро̀йцею, то му́хи коня́ куса̀ють.

Коли́ жъ прибіга́е то-жъ изъ міста повко̀вникъ замкови́й, Па-

---

А потомъ былъ губернаторомъ панъ Сельскій. При этомъ ужъ губернаторѣ пріѣхалъ (въ Черкасы) отаманъ Шѝло съ ватагою, душъ, можетъ, во сто. Меня тогда еще на свѣтѣ не было, а разсказывалъ мнѣ объ этомъ покойный отецъ. Подъѣхали — говоритъ — они къ (замковымъ) воротамъ и кричатъ: »Отворите!« Губернаторъ испугался и велѣлъ отворить, хоть въ за́мкѣ было не безъ людей. А я — говоритъ — былъ на то время дома. Прибѣгаю къ за́мку — меня ужъ не пускаютъ. Я къ частоколу. Смотрю сквозь щель: губернаторъ стоитъ на колѣняхъ передъ Максимомъ Шѝломъ; а тотъ сидитъ на конѣ, какъ разъ противъ меня, и читаетъ ему указъ будто-бы отъ Царицы, чтобъ рѣзать всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, такъ чтобъ и на свѣтѣ ихъ не было. А я думаю: »Погоди-ка, я тебѣ дамъ не такого указу!« и, просунувши въ щель ружье, только что хочу выстрѣлить прямо ему въ грудь, а конь и махнетъ головой, такъ и нельзя потрафить. Я опять подожду, пока конь потупитъ голову, и только что хочу выстрѣлить, онъ опять и махнетъ головой. А вре-

ци́на Франци́шекъ: »Бо́га бійся, Оме́льку, не стреля́й! Ходімо пе́рше роспита́емось.«

Пішли́, ста́ли стуча́ть. Впу́щено насъ у ба́шту.

Отъ ба́тько (1) підня́въ підъ ру́ки губерна́тора и ка́же: »Устань, па́не! що́ ти передъ леда́щомъ оце́ ро́бишъ? Да ви іхъ не слу́хайте: се гайдама́ки! Вйстреляймо іхъ, вра́жихъ синівъ!«

Губерна́торъ и вставъ.

А Максим̀ъ и ка́же ба́тькові: »Хто́ ти за чоловікъ?«

А ба́тько ка́же: »А тобі кого́ тре́ба?«

»Ти, ви́дно, Оме́лько Судде́нко?«

»Такъ, Оме́лько Судде́нко.«

А ба́тько та бувъ пе́рвий на всю губе́рнию стрілѐць. То вже Максим̀у ска́зано: »Стережи́сь, Максим̀е, Оме́лька Судде́нка, бо той чоловікъ тебе́ зъ світу зжене́.«

То Максим̀ъ и ка́же ба́тькові: »Не стреля́й же, бра́те, сёго́ хло́пця свинцёвою ку́лею, а стреля́й срібною.«

мя, видите ли, лѣтнее, какъ разъ передъ Троицынымъ днемъ, такъ мухи кусаютъ коня.

Какъ тутъ прибѣгаетъ изъ города замковой полковникъ, Франци́шекъ Пацы́на: »Ради Бога, Омелько, не стрѣляй! пойдемъ сперва разузнаемъ, въ чемъ дѣло.« Пошли мы, начали стучать въ ворота. Пропустили насъ черезъ башню...

Тогда отецъ (1) поднялъ губернатора и говоритъ: »Встань, панъ! что́ это ты дѣлаешь передъ негодяемъ? Не слушайте ихъ: это гайдамаки! Перестрѣляемъ ихъ, вражьихъ дѣтей!« Губернаторъ всталъ. А Максимъ говоритъ отцу: »Что́ ты за человѣкъ?« А отецъ говоритъ: »А тебѣ кого нужно?« — »Ты, вѣрно, Омелько Судде́нко?« — »Такъ, Омелько Судде́нко.« А отецъ, видите ли, былъ первый стрѣлокъ во всей *губерніи*; такъ Максиму кто-то и сказалъ: »Берегись, Максимъ, Омелька Судде́нка: этотъ человѣкъ сгонитъ тебя со свѣта.« Вотъ Максимъ

---

(1) Здѣсь разскащикъ перестаетъ повторять слова отца и начинаетъ говорить о немъ въ третьемъ лицѣ.

А ба́тько ка́же: »Моли́ Бо́га за па́на повко́вника, ато́ до́сі и одъ свинцёвоі ти на коні не сидівъ би; та ще — що кінь голово́ю маха́въ... Ви́колімъ«, ка́же, »іхъ, пано́ве!«

Отъ на́ші й заходи́лись коло́ гайдама́къ. А Макси́мъ и ка́же: »Що́ жъ, пано́ве? що́ съ того́, що ви насъ ви́колете? Насъ е багацько, то ви́колють и васъ. Я не по своій во́лі приіхавъ: мене́ по́слано.«

На́ші пораховали-пораховали та й ви́пустили іхъ.

Гайдама́ки ста́ли на кватирі у Андрійця, коло́ Тро́йці. А опісля́ присила́е Макси́мъ козака́ зъ запи́скою до за́мку: про́сить губернатора ви́йти за хвіртку на та́йну розмо́ву. Губерна́торъ ви́йшовъ безъ оружжя, а ба́тько зъ нимъ при пистоле́тахъ. И Макси́мъ ви́йшовъ самъ безъ оружжя, а коза́къ зъ нимъ при пистоле́тахъ. »Не зна́ю«, ка́же, »що́ мині й говори́ть своїму́ старшо́му. Зъідь«, ка́же, »зъ Черка́съ, а я скажу́, що до́ма не заста́въ.«

Губерна́торъ послу́хавъ та и зъіхавъ. А гайдама́ки порозби-

и говоритъ отцу: »Не стрѣляй же, братъ, этого парня свинцовой пулей, а стрѣляй серебряною.« А отецъ говоритъ: »Молись Богу о панѣ полковникѣ, ато не сидѣть бы тебѣ на конѣ и отъ свинцовой пули; да еще благодари Бога за то, что конь головой махалъ. Переколемъ«, говоритъ, »ихъ, господа!« Вотъ наши и приступили къ гайдамакамъ. Тогда Максимъ говоритъ: »Что же, господа? что въ этомъ проку, что вы насъ переколете? Насъ много — переколютъ и васъ. Я не по своей волѣ пріѣхалъ: меня прислали.« Наши подумали, подумали и выпустили ихъ.

Гайдамаки заняли себѣ квартиру у Андрійца, около Троицы. Потомъ присылаетъ Максимъ къ замку козака съ запиской: проситъ губернатора выйти за калитку для тайныхъ переговоровъ. Губернаторъ вышелъ безъ оружія, а отецъ при немъ съ пистолетами. И Максимъ вышелъ самъ безъ оружія, а при немъ козакъ съ пистолетами. »Не знаю«, говоритъ, »что и сказать мнѣ своему старшему. Уѣзжай изъ Черкасъ, а я скажу, что дома не засталъ.« Губернаторъ послушался его и уѣхалъ. А гайдамаки переколотили бочки съ водкой, ограбили зажиточныхъ людей и убрались изъ Черкасъ.

вали зъ горілкою бочки, пограбили багатихъ людей та й потягнули съ Черкасъ.

Въ этомъ преданіи гайдамаки являются не защитниками единовѣрцевъ и мстителями за претерпѣнныя ими притѣсненія, а грабителями ихъ имуществъ. Но это неизбѣжное зло при всякомъ возстаніи черни. Сторону Запорожскихъ выходцевъ приняли прежде всего бѣдняки, приняли недовольные существующимъ порядкомъ вещей, обиженные своими хозяевами »наймыты«, а такъ-же воры и разбойники. Для этого сброду гайдамачество было войною бѣдныхъ противъ богатыхъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, служа прежде у зажиточныхъ мѣщанъ и поселянъ, мстили имъ потомъ за какія-нибудь дѣйствительныя, или кажущіяся обиды и устремляли на нихъ жадную толпу голышей. Самовидецъ, описывая, въ своей лѣтописи, возстаніе черни подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго, говоритъ, что въ то время всѣ люди »значные«, то есть, отличавшіеся достаткомъ и заслугами, терпѣли »великую тугу и наруганія« отъ простыхъ людей, а особливо отъ гультайства, то есть, отъ броварниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймытовъ и пастуховъ, такъ что находили спасеніе отъ побоевъ и грабительства только въ томъ, что сами вступали въ козацкое войско. (1) Это говорится о 1648 годѣ. На другой годъ уже не нужно было такого возбужденія къ увеличенію козацкаго войска: тогда уже »усе, що живо, поднялося въ козацство«, такъ что едва можно было найти въ какомъ-нибудь селѣ такого человѣка, который бы не пошелъ самъ, или не снарядилъ сына въ войско; если же самъ былъ не въ-силахъ, то посылалъ слугу-парубка. Многіе же шли со двора всѣ, оставивъ на хозяйствѣ одного только человѣка. Даже въ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, присяжные бургомистры и райцы оставляли свои должности, брили бороды и шли въ козаки. »А то усе дѣялось (говоритъ Самовидецъ) за-для того, же прошлого року збогатилися

(1) »Лѣтопись Самовидца«, стр. 11, ст. 1.

шарпаниною добръ шляхетскихъ и Жидовскихъ и *иныхъ людей, бываючихъ на прехоженствѣ.*« (1)

Такъ всегда бываетъ въ народныхъ возстаніяхъ: люди, стремясь сознательно и бесознательно къ преобразованію гражданской жизни, управляются чаще всего эгоистическими и корыстными побужденіями.

Слѣдующій разсказъ Харка Цехмистера представляетъ одинъ изъ такихъ случаевъ, когда гайдамаки были направлены на грабежъ наймытомъ, озлобленнымъ противъ хозяина.

НОЧНОЙ НАѢЗДЪ ГАЙДАМАКЪ. (*)

Гайдама́ки прихо́дили въ Черка́си разівъ, мо́же, пя́ть, — и́ноді въ-дѐнь, а и́ноді въ-ночі, и́ноді въ вели́кій, а ча́сомъ въ невели́кій ку́пі. Разъ іхавъ Тишко́ Гараси́менко съ хло́пцемъ изъ я́рмарку; коли́ жъ гля́дь, ажъ по Медвѐдовському шля́ху ідуть на ко́няхъ. Ажъ ось прибіга́ до во́за коза́къ: »Що́ за лю́де« ?

»Изъ Черка́съ. Були́ на я́рмарку.«

Коза́къ верну́всь до ота́мана и одвісти́въ. Тогді ота́манъ присла́въ двохъ уже́ гайдама́къ.

Отъ — ка́же (Гараси́менко) — мене́ взяли́ та й звяза́ли поясомъ, а хло́пцеві звеліли поганя́ть ко́ней. Ідемъ за ни́ми ажъ

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки приходили въ Черкасы разъ пять, — иногда днемъ, иногда ночью, иногда большою, иногда небольшою купою. Разъ ѣхалъ съ ярмарки Грицко́ Гараси́менко съ мальчикомъ; смотритъ — по Медвѣдовской дорогѣ ѣдутъ верховые. Только прибѣгаетъ къ возу козакъ. »Что́ за люди?« — »Изъ Черкасъ. Были на ярмаркѣ.« Козакъ воротился къ отаману и передалъ ему этотъ отвѣтъ. Тогда отаманъ прислалъ двоихъ уже гайдамакъ.

Взяли меня — говоритъ (Гараси́менко) — и связали поясомъ, а

(1) Тамъ же, стр. 14, ст. 2.

до го̀рода. Приіхавши близѐнько, ста́ли. Ота́манъ за́разъ: «Съ ко̀ней!«

Усі̀ й позла̀зили съ ко́ней.

»Припада̀йте до землі!«

Поприпада̀ли усі ниць. И хло́пець излізъ зъ во́за та й собі припа́въ ниць. А я лежу́ звя́заний на во̀зі та й дивлю́сь. А вінъ щось тамъ собі мимрить-ми́мрить [се вже, бачъ, вінъ ворожи́въ, чи бу́де вда̀ча], а далі: »Встава́йте!«

Уста́ли, посіда́ли на ко̀ней та й поіхали по-за го́родомъ. Ко́ней зоста́вили за ца̀риною, а самі пішли́ въ го̀родъ. И менѐ везу́ть, у во́зі. А хло́пець, ще за го́родомъ, уста̀въ зъ во́за, ніби про се́бе, та й пішо̀въ собі. А вони́ й байдужѐ за хло́пцемъ.

Ідемъ — ка́же — пря́мо до Дри́ги. [А Дри́га живъ напро́тивъ того́ двора́, де тепе́ръ городни́чий.] Візъ оста̀вили за воріт-мі, а самі до бра̀ми. Оди́нъ за́разъ перескочивъ черезъ частоко́лъ та й одчинѝвъ бра̀му. А я — ка́же — лежу́ у во́зі, та все мині й вѝдно. Отъ — ка́же — гайдама́ки вѝкресали бага́ття. А оди́нъ злізъ на причі̀локъ, та перелізъ черезъ ха́ту та й одчинѝвъ две́ри. А я — ка́же — дава̀й зсо́вувать зъ себе́ по́ясъ, та й розвяза́всь;

мальчику велѣли погонять лошадей. Ѣдемъ за ними къ самому городу. Подъѣхавъ близко, остановились. Отаманъ тотъ-часъ: »Съ лошадей!« Всѣ слѣзли съ лошадей. »Ложитесь на землю!« Всѣ пали ничкомъ. А я лежу на возу, связанный, и смотрю. Онъ что-то долго бормоталъ про себя [это онъ, видите ли, гадалъ, будетъ ли удача], а потомъ: »Вставайте!« Всѣ встэли, сѣли на лошадей и поѣхали вокругъ города. Лошадей оставили за *цáриною* (за полевыми воротами), а сами пошли въ городъ. И меня везутъ на возу. А мальчикъ, еще за городомъ всталъ съ воза и побрелъ себѣ. А имъ и нужды нѣтъ, что онъ ушелъ.

Ѣдемъ — говоритъ — прямо къ Дри́гѣ. [А Дри́га жилъ противъ того двора, гдѣ теперь городничій живетъ]. Возъ оставили на улицѣ, а сами къ воротамъ. Одинъ тотъ-часъ перескочилъ черезъ частоколъ и отворилъ ворота. А я — говоритъ лежу на возу, и все мнѣ видать, что̀ они дѣлаютъ. Вотъ — говоритъ — гайдамаки высѣкли огня. Одинъ взлѣзъ на

та вже покúнувши й кóней зъ вóзомъ, добíгъ до дзвінúці, та вдáривши разівъ зó три въ дзвóна, та зъ дзвінúці.

Біжý по-узъ дя́дьківъ двíръ. А дя́дько на той часъ згоди́вся на дворі: »Хтò то такий? Чи се ти, Тишкó?«

»Я«, кажý.

»Чогò се ти біжúшъ?«

»Ховáйтесь«, кажý: »гайдамáки Дри́gу деру́ть!«

Отъ дя́дько порозбýжувавъ своіхъ та, запе́рши воро́та, и хòдять пó двору на ва́рті. А до Дри́gи боя́тця йти: такúй бувъ страхъ!

А гайдамáки положúли Дри́gу дóлі та, наси́павши ёму́ на гóлу спúну пóроху, запалúли и дрáли греблóмъ, щобъ признáвсь, де ти́ червінці, що колúсь ганя́въ у Шлёнське волú та заробúвъ. А мíжъ нимú та бувъ наймитъ Дри́gи; такъ той усé й вúказавъ. И пóти дрáли, пóки стáра́ не внеслá въ хáту горшкà зъ червінцями.

причілокъ (1), перелѣзъ по чердаку въ сѣни и отворилъ наружную дверь. А я — говоритъ — началъ сдвигать съ себя поясъ, освободилъ руки, бросилъ лошадей съ возомъ и пустился бѣжать къ колокольнѣ; а ударивши раза три въ колоколъ, побѣжалъ далѣе. Пробѣгаю мимо дядина двора. А дядя на то время случился на дворѣ: »Кто это?« спрашиваетъ. »Это ты, Тишкó?« — »Я«, говорю. »Чего это ты бѣжишь?« — »Спрячьтесь«, говорю: »гайдамаки Дри́гу грабятъ!« Дядя разбудилъ своихъ домашнихъ и, заперши ворота, принялся съ ними караулить на дворѣ. А къ Дри́гѣ боялись идти: такой былъ страхъ!

Межъ тѣмъ гайдамаки положили Дри́гу на полу и, насыпавши ему на голую спину пороху, зажгли и царапали скребницею, чтобъ сказалъ, гдѣ червонцы, которые онъ когда-то взялъ въ Шлёнскѣ за воловъ. Съ ними былъ Дри́гинъ наемникъ; онъ-то и объявилъ имъ объ этомъ. И до тѣхъ поръ мучили, пока старуха не принесла въ хату горшка съ червонцами.

---

(1) *Причілокъ* называется узкая сторона параллелограма, составляющаго хату. Балки, поддерживающія крышу, на причилкѣ выдвигаются далеко впередъ,

Гайдамáки не займáли замкóвихъ козакíвъ, и козакú íхъ не займáли. Тíлько отó Роскóвський угнáвся бувъ за нúми въ Рýську Полúну, то ёгó и вбúли. Се булó óсь якъ. Гайдамáки напáли на двíръ Олексíйця у Білáзеръі, а самóго ёгó не заскóчили. А вінъ, притаївшись пíдъ повíткою, и чýе, що ще хóчуть итú въ Рýську Полúну до Шрáма. То вінъ звíдти та до пáна, та й росказáвъ, що отакá й такà рíчъ. Оттогдí-то Роскóвський и вгнáвся за нúми въ Рýську Полúну.

Случалось, что въ гайдамаки шелъ такой наймытъ, который жилъ въ добромъ согласіи съ своимъ хозяиномъ. Тогда онъ не только служилъ отводомъ хищничества товарищей для бывшаго хозяина, но еще выражалъ ему благодарность за его хлѣбъ-соль. Одинъ изъ такихъ случаевъ пересказалъ мнѣ Василь Суддéнко; а именно:

НАЙМЫТЪ-ГАЙДАМАКА. (*)

Почýвши, що гайдамáки ободрáли Дрúгу, та ще й на дрýгихъ людéй похваляются, утікáвъ черезъ Днíпръ у дýбі Сутýла Гарáсько, зъ жíнкою и зъ дитúною [бувъ у ёгó синóкъ Андрíйко]. То се вже

Гайдамаки не трогали замковыхъ козаковъ, и козаки ихъ не трогали. Только вотъ Роскóвскаго убили, что̀ погнался за ними въ Русскую Поляну. Это вотъ какъ было. Гайдамаки напали на дворъ Олексíйца, въ Билáзерьи, да самого Олексíйца не захватили. Онъ притаился подъ навѣсомъ и слышитъ, что сбираются еще идти въ Русскую Поляну къ Шраму. Вотъ онъ оттуда къ пану и разсказалъ, въ чемъ дѣло. Тогда-то Роскóвскій и погнался за ними въ Русскую Поляну.

(*) *Переводъ*. — Когда ограбили гайдамаки Дригу и начали хвалиться сдѣлать то же съ другими, Гарáсько Сутýла, услышавъ объ этомъ, уходилъ черезъ Днѣпръ на лодкѣ съ женой и съ мальчикомъ [былъ у не-

---

такъ что крыша образуетъ родъ навѣса, и если дыра подъ этимъ навѣсомъ не застлана, то и можно съ причилка взлѣзть на чердакъ.

той Андрій Сутуленко роскáзувавъ, що — кáже — трéба булó намъ переіздúть черезъ Днíпръ у чóвні; а бáтько й коня на пóводі за чóвномъ вівъ. То я боявсь, щобъ кінь не перевернувъ чóвна, та й ставъ плáкать. То бáтько й покúнувъ менé на бéрезі. »Пропадáй же«, кáже, »врáжа дитúно!« [А знáе, що дитя́ не де дінéться, бо гайдáмаки дітéй не займáли.] Отъ я — кáже — переночувáвъ у садкý, а пóтімъ пішóвъ до бáби. Бáба менé нагодувáла; я й гуляю собі. Колú жъ дивлюсь — идé нáймитъ нашъ, що приставъ у гайдамáки. Ужé собі й жупáнъ, добувъ.

»Здорóвъ«, кáже, »Андрію!«

»Здорóвъ.«

»А бáтько дѐ?«

»Отáмъ и тáмъ«, кажý; »а я въ бáби.«

[А бáба вбóга булá, то й не ховáлась одъ гайдамáкъ.]

»На жъ«, кáже, »тобі грóшей, та не давáй нікóму, а несú до бáби.«

Та й почáвъ мині кúдать у пáзуху пятакú зъ обóхъ кишéнь. Пóвну пáзуху — кáже — мині насúпавъ.

го сынокъ Андрійко]. Онъ-то, этотъ Андрій Сутуленко, и разсказывалъ мнѣ объ этомъ. Надобно — говоритъ — было намъ переправиться черезъ Днѣпръ на лодкѣ; а отецъ и коня въ поводу за лодкой велъ. Я боялся, чтобъ конь не опрокинулъ лодки, и началъ плакать. Отецъ и бросилъ меня на берегу. »Пропадай же«, говоритъ, »вражье дитя!« [Зналъ онъ, что дитя никуда не дѣнется, потому что гайдамаки дѣтей не трогали.] Вотъ я — говоритъ — переночевалъ въ садикѣ, а потомъ и пошелъ къ бабушкѣ. Бабушка меня накормила. Я и играюсь себѣ. Только смотрю — идетъ нашъ батракъ, что приставалъ къ гайдамакамъ. Ужъ и жупáнъ себѣ добылъ. »Здорово, Андрей!« говоритъ. »Здорово!« — »А отецъ гдѣ?« — »Тамъ-то и тамъ-то«, говорю; »а я у бабушки.« [Бабушка была женщина убогая, то и не пряталась отъ гайдамакъ.] »Возьми же«, говоритъ, »себѣ эти деньги, да не давай никому, а снеси къ бабушкѣ.« И началъ бросать мнѣ въ пазаху пятаки изъ обоихъ кармановъ. Полную пазаху — говоритъ — мнѣ насыпалъ.«

Между стариками, съ которыми случалось мнѣ бесѣдовать о гайдамакахъ, я встрѣтилъ только одного, видѣвшаго кого-нибудь изъ ихъ предводителей, и это былъ Харко́ Цехмистеръ. Онъ имѣлъ лѣтъ десять отъ роду въ 1768 году, когда Зализнякъ приходилъ съ своимъ войскомъ въ Черкасы, и память его сохранила всѣ обстоятельства, сопровождавшія наѣздъ гайдамакъ, сколько было доступно ихъ для наблюденій мальчугана. Разсказъ его вводитъ насъ въ исторію мелочей событія, которыя даютъ возможность сдѣлать заключеніе объ общемъ характерѣ козацкихъ войнъ въ Польской Украйнѣ.

ПРЕБЫВАНІЕ МАКСИМА ЗАЛИЗНЯКА ВЪ ЧЕРКАСАХЪ. (*)

....Са́ме въ Петрівку, у пе́рвий день, у понеділокъ, прiіхали дванáдцять затязцівъ на розвідини. Пострічáли Андрійця та й роспи́тують:

»Дѐ тутъ оттаки́й-то вiйтъ?«

»Я«, ка́же Андріець.

»Веди́ жъ насъ до себе́ на кватѝру.«

Зазвáвъ іхъ до себе́ на кватѝру. Послáли до па́на Се́льського въ за̀мокъ, щобъ давъ напи́тківъ. Той імъ за́разъ и прислáвъ, бо всі боя́лись гайдама́ківъ. Отъ вони́ пьють да й ка̀жуть: »Нехай вра́жий Ляхъ даѐ, а по́слі звя̀жемъ ёго́ та й повезѐмъ до коша́.«

А Андріець, почу́вши се́е, та въ за́мокъ: »Бережи́сь«, ка́же, »па́не: отака́ й така̀ річъ.«

(*) *Переводъ*.... Въ самый Петровъ постъ, въ первый день, понедѣльникъ, пріѣхало человѣкъ двѣнадцать гайдамакъ на развѣдки. Встрѣтили они Андрійца и спрашиваютъ: »Гдѣ живетъ такой-то войтъ?« — »Я«, говоритъ Андріецъ. »Веди же насъ къ себѣ на квартиру.« Зазвалъ онъ ихъ къ себѣ на квартиру. Оттуда они послали къ пану Сельскому въ за̀мокъ, за напитками. Тотъ и прислалъ имъ тотъ-часъ, потому что всѣ боялись гайдамакъ. Пьютъ они и говорятъ: »Пускай вражій Ляхъ даетъ, а потомъ свяжемъ его и увеземъ въ свой станъ.« Услышавъ это, Андріецъ побѣжалъ въ за́мокъ: »Берегись, панъ«, говоритъ онъ: »вотъ что́

То панъ Се́льський и запѐрсь у за́мку. А гайдама́ки повертілись по-пі̀дъ частоко́ломъ та й верну̀лись до коша́. А ко́шемъ вони́ стоя́ли тогді ці́лиі су́тки у Вели́кихъ Ку̀рганівъ.

А таки́й бувъ наро́дъ шале́ний, ти́і затя́зці, що оце́ іде по у̀лиці та вба̀чить у дворі чоловіка, то ви́ме пистоле́тъ та й кричи́ть: »У ха̀ту, муре́ю! ато́ запалю́!« То чоловікъ схи́литця та підъ повітку.

....На дру̀гий день у Петрівку рознесла́сь по Черка́самъ чу́тка, що йде яке́сь військо. А ми тогді були́ ще хло̀пцями. То лю́де боя̀тця, а намъ байду́же: ска̀зано — діти.

»Побіжи́мъ, поби́жи́мъ, що̀ тамъ за військо!«

Побігли за Біла́зерську ца̀рину, ажъ спра̀вді йде військо, таки́ настоя̀ще. Попе́реду іде ота́манъ на була́німъ коні, у карма́зині. Ша́пка на ёму́ сѝва, чо́боти сапъя̀нці, по́ясъ шалѐвий; за по́ясомъ пистолѐтъ; при боку́ ша̀бля. Ото́ жъ бувъ самъ Максѝмъ Залізня̀къ. Не стари́й ище́ чоловікъ, літъ, мо́же, сорока́, а мо́же, й бі́льшъ; на виду́ по̀вний, кругловѝдий, уро́дою хоро̀ший,

---

я слышалъ!« Тогда панъ Сельскій и заперся въ за́мкѣ. А гайдамаки повертѣлись подъ частоколомъ и воротились въ свой станъ. А станомъ они стояли тогда цѣлыя сутки у Великихъ Ку́рановъ.

Такой шальной народъ былъ эти гайдамаки, что когда ѣдетъ бывало по улицѣ и увидитъ на дворѣ мужика, то, вынувши пистолетъ, и кричитъ: »Убирайся въ хату, сермяжникъ, ато выстрѣлю!« Наклонится человѣкъ да скорѣе и спрячется подъ навѣсъ.

.....На другой день Петрова поста разнесся по Черкасамъ слухъ, что идетъ какое-то войско. Мы тогда были еще мальчиками. Взрослые боятся, а намъ и нужды мало: извѣстно — дѣти. »Побѣгимъ, побѣгимъ, что̀ тамъ за войско!« Побѣжали мы за Бѣла́зерскую *ца́рину* — въ самомъ дѣлѣ идетъ войско, настоящее войско. Впереди ѣдетъ отаманъ, на буланомъ конѣ, въ красной одеждѣ. Шапка на немъ сѣрая, сапоги сафьянцы, поясъ шалевой; за поясомъ пистолетъ; сбоку сабля. То и былъ самъ Максимъ Зализнякъ. Не старый еще человѣкъ былъ, лѣтъ, можетъ быть, сорока, а, можетъ, и больше; полный, круглолицый, собой

на взростъ невели́кий, та плечи́стий; у́си руся́ві невели́чкі; за у́хомъ оселѐдець. А за нимъ усе́ по два́, усе́ по два́, зъ ра́тищами, и у пере́дніхъ паръ, мо́же, у трёхъ, ратища́ зъ короговками двойча́тими, такъ що оце́ полови́на бу́де біла, а полови́на кра́сна, а зно́ву полови́на жо́вта, а полови́на чо́рна, або́ черво́на, або́ си́ня. А по са́мому за́ду йде чоловікъ зъ деся́токъ пішо безъ ра́тищъ и безъ усёго, а тілько колки́ позасма́лювали та й иду́ть. То вже ви́нники, то́що, що попристава́ли въ гайдама́ки.

Отъ ми й ста́ли коло шля́ху, по пра́ву ру́ку, и шапкі́ позні́ма́ли. А ві́нъ, порівня́вшись изъ на́ми, та й ка́же́: »Здоро́ві, сучаки́!«

А ми ка́жемо: »Здоро́ві, па́не!«

»А що́ ви? не оре́те́?«

»Ні, па́не.«

»А ми жъ оце́ почали́ ора́ти!«

Та й поіхавъ у го́родъ черезъ ту у́лицю, де тепе́ръ стари́й база́ръ, та по-за Пацѝною, де тепе́ръ живе́ Ѵ́ищенко, що слу́жить у су́ді; и приіхали вони́ пря́мо до за̀мку, черезъ містъ. Ба́шта була́ одчи́нена. Я вже не ба́чивъ, хто́ ії одчини́въ. Уіхали въ за̀мокъ,

---

пригожій, росту небольшого, но широкоплечій; усы у него русые, небо́льшіе, за ухомъ *оселе́децъ* (длинный чубъ). А за нимъ ѣдутъ всё по два въ рядъ съ копьями, и у переднихъ паръ, можетъ, у трехъ копья съ двойчатыми значками: одна половина значка бѣлая, а другая красная, а тамъ опять половина желтая, а другая черная, или красная, или синяя. А въ самомъ хвостѣ идетъ человѣкъ десять пѣшихъ безъ копей и безъ всего, съ одними только обожженными на концахъ кольями. То ужъ были винокуры и тому подобные, что пристали къ гайдамакамъ.

Мы остановились подлѣ дороги, направо, и шапки сняли. А онъ, поравнявшись съ нами, говоритъ: »Здорово, *сучаки!*« А мы говоримъ: »Здравствуй, панъ!« — »А что́ вы? не пашете?« — »Нѣтъ, панъ.« — »А мы ужъ начали пахать!« И поѣхалъ въ городъ по той улицѣ, на которой теперь старый базаръ, а потомъ позади Пацыны, гдѣ теперь живетъ Ѵ́ищенко, что́ служитъ въ судѣ; и пріѣхали они прямо въ за́мокъ, черезъ мостъ. Башня была отворена. Я ужъ не видѣлъ, кто ее отворилъ.

самѝ ста́ли въ ряди́, а ратища́ въ ко̀зла поста́вили. А Залізня́къ кри́кне: »Съ ко̀ней!«

Отъ вони́ позліза́ли и поприва́зували ко́ней коло́ конюшні у коновя́зей. А ота́манъ, зъ десятьма́, мо́же, чоловіками, пішо́въ пря́мо до поко̀івъ. А назу́стрічъ ёму́ ви́шло съ поко́івъ чоловіка тѐ-жъ изъ де́сять, зъ ота́маномъ Бу́зькомъ, изъ Цеса́рськоі Слободи́. Познима́ли передъ нимъ шапкѝ. И вінъ, прийшо́вши до нихъ бли́жче, знявъ ша́пку та за́разъ и надівъ; а вони́ усі передъ нимъ безъ шапо̀къ.

»А здоро̀ві«, ка́же, »коза́цство!«

»Здоро̀въ, ота́мане ба́тьку!«

»А де вашъ ота̀манъ?

Отъ ота́манъ до ёго́ й вискочивъ съ ку́пи, безъ ша́пки. А вінъ и собі ша́пку знявъ. Обняли́сь, поцілова́лись.

»Ну, просіть же на кватѝру.«

Пішли́ въ поко̀і.

А пани́ вже давно̀ убра́лись на той бікъ Дніпра́, — ище́ якъ почу́ли одъ Андрійця, що гайдама́ки похваля́ютця іхъ перевяза̀ть.

Одби́ли шпи́кліржъ соки́рою. Шука̀ють, чого́ імъ тре́ба.

Въѣхали въ за́мокъ, сами стали въ ряды, а копья поставили въ ко́злы. Зализнякъ крикнулъ: »Съ лошадей!« Гайдамаки слѣзли съ лошадей и привязали ихъ возлѣ конюшни у коновязей; а самъ онъ, съ десятью, что ли, человѣками, пошелъ прямо къ покоямъ. Навстрѣчу ему вышло оттуда тоже человѣкъ десять, съ отаманомъ Бу́зькомъ, изъ Цесарской Слободы. Сняли передъ нимъ шапки. И онъ, подойдя ближе, снялъ шапку и тотъ-часъ опять надѣлъ; а они такъ и остались съ открытыми головами. »Здорово, козаки!« сказалъ онъ имъ. — »Здравствуй, батько отаманъ!« — »А гдѣ вашъ отаманъ?« Отаманъ выскочилъ къ нему изъ купы, безъ шапки. Онъ тоже снялъ шапку. Обнялись, поцѣловались. »Ну, просите же на постой,« сказалъ онъ, и пошли всѣ въ покои. А паны давно ужъ убрались на ту сторону Днѣпра, — еще тогда, какъ услышали отъ Андрійца, что гайдамаки сбираются перевязать ихъ. Тутъ гайдамаки отбили въ подвалѣ дверь топоромъ и ищутъ, чего имъ надо.

А чоловікъ изъ сімъ затя́зцівъ пішли́ до орѐнди.

А ми, хлопя́та: »Ходімъ, ходімъ за ни́ми!«

Отъ оди́нъ попа̀въ десь соки́ру та по замку́ торо̀хъ! Замо́къ такъ и роспа̀вся. Тогді дава̀й руба́ть у бочка́хъ обручі. Горілка такъ и потекла̀ съ коміръ по косого́ру.

А жінки́ згріба́ють пісокъ, та спиня́ють ту горілку, та беру́ть приго́рщами та въ го́рщики й збіра́ють скрізь намітку.

А гайдама́ки жіно́къ не займа̀ють; и вбо́гихъ люде́й не займа́ють; тілько бага̀тихъ гра́били, а Ляхівъ и Жидову́ різали. То всі Жиди́ повтіка́ли зъ го́рода и пани́. А панівъ тогді у насъ було́ три́: панъ Се́льський, губерна̀торъ; — Паци́на, полко̀вникъ, и Жуко́вський, лісни́чий.

Отъ я, подиви́вшись на се чу́до, прийшо́въ додо́му, ажъ пано-те́ць поіхавъ у лісъ изъ двома́ наймита́ми, а до́ма оста́лась панімà-тка та па̀рубокъ Сідоголо́вка. Прихо́жу въ ха̀ту, ажъ ма́ти пла̀че.

»А дѐ ба́тько?«

»И вжѐ, си́нку, поіхали!«

Коли́ жъ ба́тько — не зна́ю вже, чого̀: чи роздýмавсь, чи що̀ —

А человѣкъ семь отправились въ *аренду* (питейный домъ). »Пойдемте и мы за ними!« сказали мы, мальчишки, другъ другу, и пошли.

Тамъ одинъ гайдамака схватилъ топоръ и брякъ по замку! Замокъ такъ и развалился. Тогда онъ и принялся рубить обручи въ бочкахъ. Водка такъ и потекла по косогору. А женщины дѣлаютъ изъ песку запруду, останавливаютъ водку, черпаютъ горстями и цѣдятъ сквозь серпянку. Гайдамаки не трогали женщинъ; и убогихъ людей не трогали; только богатыхъ людей грабили, а Лаховъ и Жидовъ рѣзали. Потому-то всѣ Жиды и паны ушли изъ города. Пановъ же тогда было у насъ три: панъ Сельскій, губернаторъ, — Пацына, полковникъ, и Жуковскій, лѣсничій.

Ну, посмотрѣлъ я на это чудо и пришелъ домой; пришелъ, а ужъ отецъ поѣхалъ въ лѣсъ съ двумя батраками, а дома осталась только мать да работникъ Сѣдоголовка. Прихожу въ хату — мать плачетъ. »А гдѣ отецъ?« — »И, сынокъ! ужъ поѣхали!« Какъ тутъ отецъ — не знаю ужъ, зачѣмъ: раздумалъ, что ли — воротился, доѣхавъ до самой горы,

верну́вся ажъ изъ-пі́дъ горй, одъ цѐркви. Тілько що випряга́ють ко́ней, ажъ ось идѐ лейстро́вий городськи́й коза́къ Головко́; веде́ у двіръ дво́хъ гайдамакъ та й ка̀же: »Ка́жуть, цехми́стре, що въ васъ е чо̀боти-сапъя́нці, що ви роби́ли пана́мъ!«

»Ні«, ка́же, »нема́: я роби́въ та давно̀.«

Отъ ёго́ й повели́ у за́мокъ до само́го Залізняка́.

Пано́тець опісля̀ вже роска́зувавъ, що — ка́же — ско́ро ввійшли́ въ буди́нокъ, то я — ка́же — и вба̀чивъ, що Бу́зько ота́манъ заховáвсь у кімна́ту. А Залізня́къ и ка̀же: »Тѝ цехми́стеръ ше́вський?«

А я кажу́: »Я, па́не.«

»У тебе́ есть чо̀боти-сапъя́нці, що ти роби́въ пана́мъ.«

»Роби́въ, ота́мане, та давно̀, а тепе́ръ нема̀.«

А Бу́зько крізь щілину зъ кімна́ти й шѐпче щось.

А Залізня́къ и у̀хо приложи́въ та й ка́же: Не зна́ю, хто брѐше, чи той, чи той. Ну, ступа́й собі!«

Ба́тько додо́му, та за ко́ней, та скорійшъ зъ двора̀! Поіхали зъ двома́ парубка́ми въ лісъ и тамъ дра́ли лу́бье, ажъ по́ки гайдама́ки повіялись изъ Черка̀съ.

что̀ у церкви. Только начали выпрягать лошадей, какъ идетъ реестровой городской козакъ Головко́; ведетъ онъ съ собой двоихъ гайдамакъ и говоритъ: »Цехми́стеръ, у васъ, говорятъ, есть сапоги-сафьянцы, что вы шили для пановъ.« —»Нѣтъ«, говоритъ отецъ, »нѣту: я шилъ сапоги, но давно.« Вотъ и повели его въ за́мокъ къ самому Зализняку. Отецъ послѣ ужъ разсказывалъ, что — говоритъ — какъ только взошли въ хоромы, то я — говоритъ — и увидѣлъ, что Бу́зько отаманъ спрятался за перегородку. А Зализнякъ говоритъ: »Ты сапожницкой цехмистеръ?« А я говорю: »Я, пане.« — »У тебя есть сапоги-сафьянцы, что шилъ ты для пановъ.« — »Шилъ я, отаманъ, да давно, а теперь сапогъ у меня нѣту.« А Бу́зько и шепчетъ что-то сквозь щель изъ *комна́ты*. Зализнякъ и ухо приложилъ, и говоритъ: »Не знаю, кто лжетъ, тотъ, или другой. Ну, ступай себѣ!« Тогда отецъ домой, забралъ лоша-

Якъ поіхавъ панотéць, то я хожý по хàті, а пáрубокъ, Сідоголóвка 'Яковъ, шивъ чóботи прóтивъ окнá, а пані-мáтка тѐжъ пóралась у хáті. Колѝ жъ гайдамáки, идучѝ мúмо окнá: »*Пýгу!*«

А пáрубокъ бувъ колúсь на Запорóжжі, то й одвітивъ ёму: »*Козáкъ зъ Лýгу!*«

Ажъ ось и йдýть у хáту два затя́зці изъ Головкóмъ Ивáномъ, та одúнъ на порóзі у хáту зъ пистолéта — бехъ!

Панімáтка такъ и затрусúлась.

А дрýгий гайдамáка й кàже: О, врàжий сúну! злякáвъ молодúцю!«

»А ну«, кáжуть, »одчиняй, нéне, комóру, бо Бýзько казáвъ, що йменно е сапъя́нці.«

Одчинúли.

»Одмикàй скрúню!«

Одимкнýли.

Копàлись-копáлись, — нічóго не взялѝ; не знайшлѝ чобітъ та й пішлѝ собі.

Якъ пішлѝ, то пáрубокъ Сідоголóвка зновъ сівъ та й стàвъ кончáть чóботи. Колѝ жъ прихóдить щѐ одúнъ, у Жидівському кап-

---

дей и скорѣй со двора! Поѣхалъ онъ съ двумя парнями въ лѣсъ и драли тамъ лубья, пока гайдамаки убрались изъ Черкасъ.

Какъ уѣхалъ отецъ, то я хожу по хатѣ, а парень нашъ, Яковъ Сѣдоголовка, шьетъ сапоги у окна, а мать тоже чѣмъ-то занимается. Вдругъ гайдамака закричалъ, проходя мимо окна: »*Пугу!*« А батракъ нашъ былъ когда-то на Запорожьи, такъ и отвѣтилъ: »*Козакъ съ Лугу!*« Вотъ и идутъ въ хату двое гайдамакъ съ Иваномъ Головкóмъ, и одинъ изъ нихъ бухъ изъ пистолета на порогѣ! Мать такъ и затрепетала. А другой гайдамака говоритъ: »Эхъ ты, вражій сынъ, испугалъ молодицу!« — »Нутка«, говорятъ, »отворяй, матушка, *комóру*: Бýзько говорилъ, что именно есть у васъ сапоги-сафьянцы.« Отворили. »Отпирай сундукъ!« Отперли. Они рылись, рылись, но ничего не взяли; не нашли сапоговъ и ушли прочь.

Какъ ушли, то парень Сѣдоголовка опять усѣлся и принялся доканчивать сапоги. Какъ тутъ проходитъ еще одинъ гайдамака, въ Жидов-

танкȕ — на грȕдяхъ и не схòдитця — и въ постòликахъ саморíбкахъ.

»Комȕ се ти чóботи шúешъ?«

»Собí.«

»Ну лишъ«, кáже, »дошивáй.«

Да й сівъ на лáві и ждавъ, ажъ пóки Сідоголóвка дошúвъ.

»А щò, дошúвъ?«

«Дошúвъ.«

»Ну, нà жъ тобí оцí постòлики, а я надíну твоí чòботи. А ти собí пошúешъ.«

Надівъ и пішòвъ собí.

Въ описанномъ здѣсь походѣ Зализняка есть черта, переносящая насъ въ тотъ моментъ возстанія Богдана Хмѣльницкаго, когда у него было больше войска, нежели оружія. Я говорю о гайдамакахъ, вооруженныхъ, на первый разъ, только кольями. Въ думѣ о Хмѣльницкомъ и Василіи Молдавскомъ (1) изображена та же самая картина, что̀ и въ разсказѣ Харка Цехмистера, а именно:

За імъ козакú йдуть,
'Яко я́рая пчолà гудȕть.
Котóрий козáкъ не міе въ себé шàблі булáтноі,

скомъ кафтанѣ — на груди и не сходится — и въ самодѣльныхъ *постолахъ* (2). »Для кого это ты сапоги шьешь?« — »Для себя.« — »Нутка«, говоритъ, »доканчивай.« И сѣлъ на лавкѣ и ожидалъ, пока Сѣдоголовка кончилъ. »А что̀, кончилъ?« —»Кончилъ.« — »Ну, возьми же себѣ эти *постóлики*, а я надѣну твои сапоги. Ты сошьешь себѣ другіе.« Надѣлъ и ушелъ изъ хаты.

---

(1) »Народныя Южнорусскія Пѣсни«, изд. Метлинскаго, стр. 391.

(2) Постолами называются и лапти, и черевыки, сдѣланные изъ одного куска кожи. Эпитетъ *самодѣльныхъ* показываетъ, что дѣло идетъ не о лаптяхъ, которые каждый самъ для себя дѣлаетъ.

Пищàлі семипя́дноі,
Той коза́къ кі́й на пле́чи забіра́е,
За гетьма́номъ Хмельни́цькимъ увъ охо́тне вій́ско поспіша́е.

Вообще трагедія 1768 года была повтореніемъ незабытой еще борьбы козаковъ съ Польскимъ дворянствомъ въ XVII вѣкѣ, каковы бы ни были причины столь ужаснаго ожесточенія гайдамакъ. Вся разница въ томъ, что планъ главныхъ двигателей Колівщины не достигъ своего полнаго развитія и что они ошиблись въ своихъ надеждахъ на союзниковъ. Такая участь могла бы постигнуть и Хмѣльницкаго, и тогда онъ былъ бы причисленъ къ разряду разбойниковъ, какъ Зализнякъ и Гонта.

Слѣдующій разсказъ Харка Цехмистера показываетъ, что дѣйствія гайдамакъ не всегда управлялись корыстными видами и что они имѣли сношенія съ лицами разныхъ классовъ общества, въ разныхъ городахъ Украйны.

БѢГСТВО ГАЙДАМАКЪ. (*)

Гайдама́ки наробі́ли бага́то шко́ди въ 'Умані. А вже якъ ста́въ писа́ть коро́ль до Ма́тушки: »Вели́къ світь Ма́тушко! що́ оце́ ро́битця въ По́льщі, що яки́сь бурла́ки розбива́ють наро́дъ?« то вона́ якъ посла́ла повкъ легкоко́нний, а дру́гий Донцівъ; то гайдама́ки й порізни́лися.

Стоя́ли вони́ въ Розсо́шинцяхъ, а До́ни туди́ прийшли́ та й ка́жуть: »Приміте й на́съ; ми до васъ приста́немо.« Ти́і й при-

---

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки надѣлали много бѣды въ Умани. Но, какъ началъ писать король къ Матушкѣ: »Великъ свѣтъ Матушка! что это дѣлается въ Польшѣ? какіе-то бурлаки разбойничаютъ въ народѣ«; такъ она и послала одинъ полкъ легкоконный, а другой — Донцовъ. Тогда гайдамаки и разрознились.

Стояли они въ Розсо́шинцахъ, какъ пришли туда Доны и говорятъ: »Примите и насъ къ себѣ; мы къ вамъ пристанемъ.« Тѣ и приняли. А

нялѝ. А До́ни іхъ полови́ли та ѝ повяза̀ли. То Донськи́й повко́вникъ пи́ше до Ма́тушки: »Що̀ зъ ними́ робѝть?« А вона́ ёму́ одписа̀ла: »Кому́ шко́ду зробѝли, тому́ ѝ у ру̀ки оддайте.«

То вже якъ вони́ утіка̀ли на Низъ, то чоловікъ дѐсять іхъ плия́ло по Дніпру̀, та ѝ приста̀ли ду́бомъ коло́ Черка̀съ, и прийшли́ на ба̀заръ, та, взя́вши пере́христа пи́саря, що бувъ при пана́хъ, повели́ черезъ річку Соло́ницю до Дніпра, та ру̀ки ёму́ по́ясомъ звяза̀ли, о́чи завяза̀ли бѣлою ху̀сткою и сказа̀ли ёму́: »Стàнь навко́лішки.« Вінъ ставъ, а оди́нъ зайшо́въ зза́ду та бѣхъ ёго́ зъ рушни́ці въ спи́ну! вінъ такъ и впа̀въ на̀взнакъ. А самі сіли въ ду́ба та ѝ поплили́. А лю́де зійшлѝся, заховà ли того́ пере́христа и хрѐстъ поста̀вили. И до̀вго той хрестъ стоя́въ, та вже водо̀ю ви́мило, бо Дніпръ розлива́етця ажъ пі̀дъ сами́й го̀родъ.

Есть историки, приписывающіе кровопролитія 1768 года какой-то необъяснимой кровожадности Украинской черни, — какъ-будто человѣкъ можетъ сдѣлаться кровожаднымъ безъ внѣшнихъ причинъ, которыя доводятъ его до рѣшимости убить другого, или погибнуть. Украинскій простолюдинъ доказываетъ статистически, что въ его натурѣ всего менѣе наклонности къ человѣкоубійству,

---

Донцы ихъ переловили и перевязали. Тогда Донской полковникъ пишетъ къ Матушкѣ: »Что̀ съ ними дѣлать?« А она ему отвѣчала: »Кому сдѣлали вредъ, тому и отдайте ихъ въ руки.«

Вотъ, какъ ужъ уходили они на Низъ, то человѣкъ ихъ десять плыло по Днѣпру и причалили лодкой подлѣ Черкасъ, и пришли на базаръ, а тамъ взяли перекрещенца, что̀ при панахъ былъ, повели черезъ рѣчку Соло́ницу къ Днѣпру, связали ему поясомъ руки, завязали бѣлымъ платкомъ глаза и сказали: »Стань на колѣни.« Онъ сталъ, а одинъ зашелъ сзади и выстрѣлилъ ему въ спину изъ ружья. Онъ такъ и упалъ навзничь. Тогда гайдамаки сѣли на лодку и поплыли. А люди сошлись, схоронили того перекрещенца и крестъ надъ нимъ поставили. И долго стоялъ тотъ крѐстъ; наконецъ вымыла его изъ земли вода, потому что Днѣпръ въ разливѣ подходитъ подъ самый городъ.

что желаніе овладѣть чужимъ имуществомъ весьма рѣдко искушаетъ его на этотъ грѣхъ и что только подъ вліяніемъ такихъ страстей, какъ гнѣвъ, мщеніе, ревность, онъ забываетъ о грѣхѣ и убиваетъ человѣка. Масса народа измѣняется медленно въ своемъ харахтерѣ, и нынѣшній Малороссіянинъ всё тотъ же человѣкъ, какимъ онъ былъ въ 1768 году. Если же въ то время легко было Запорожцамъ поднять его на кровавое дѣло, то это значитъ, что онъ былъ ужъ подготовленъ другими обстоятельствами къ Коліивщинѣ. Я ужъ отъ-части выставилъ пружины, которыми приведены были въ движеніе страсти толпы народной въ Украйнѣ. Теперь представлю фактъ, показывающій съ одной стороны сильно возбужденные къ борьбѣ за вѣру умы простонародья, а съ другой неблагоразумныя мѣры мѣстныхъ властей къ утвержденію въ Украйнѣ уніи, или, можетъ быть, личный фанатизмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Разсказъ Харка Цехмистера о преслѣдованіи ревнителей *благочестія*, при всей узости его горизонта, вноситъ нѣкоторый свѣтъ въ исторію этого края, которую съ одной стороны затмили безусловные порицатели гайдамакъ, а съ другой люди, видѣвшіе въ Польскомъ дворянствѣ и духовенствѣ однихъ тирановъ и фанатиковъ. Хотя этотъ разсказъ относится, какъ видно, ко времени, послѣдовавшему за Коліивщиною, но изъ него можно заключить и о временахъ, предшествовавшихъ ей.

ВОСПОМИНАНІЯ О РЕЛИГІОЗНЫХЪ СМУТАХЪ ВЪ УКРАЙНѢ. (*)

У Миколаі́ бувъ священникъ, Остапъ Каряка. Поляки́ дава́й ёго́ підбива́ть, щобъ поіхавъ у По́льщу да ви́святився на Унію: »Поідь, Остапе, *то́бѣ лѣпѣй бе́ндзѣ*.« Вінъ и поіхавъ, ви́свя-

(*) *Переводъ*. — Въ Никольской церкви былъ священникъ, Евстафій Каряка. Поляки стали подбивать его, чтобъ поѣхалъ въ Польшу и *выс святился на унію*: »Поѣзжай, поѣзжай, Евстафій, тебѣ лучше будетъ.« Онъ и поѣхалъ, посвятился и воротился уніятомъ. Вотъ въ Троицко

тивсь и верну́вся вже уніятомъ. Отъ у Тро́йці благочѐстие, а въ насъ Унія, — роківъ, мо́же, й скі́лькі. То якъ пійдемъ було́ у яки́й манасти́ръ говіть, то ченці насъ и научуютъ: »Избунту́йтесь«, ка́жуть, »та до преосвяще́нного доби́йтеся, то бу́де и въ вàсъ благоче́стие.«

А ся епа́рхія тягну́ла тогді до Переяслава. А въ Переяславі преосвяще́нний бувъ Гервàсій. Отъ ба́тько мій и поіхавъ туди́ изъ па́рубкомъ Шпакòмъ: »Вàше преосвяще́нство! ми приіхали проси́ти, неха́й и въ нàсъ бу́де благоче́стие, якъ и въ люде́й; ато́ у насъ Унія, що ми ії й терпіти не мо́жемо.«

А преосвяще́нний и ка́же: »Дітки! просіте Каря́ку, неха́й до мене́ приіде, то я єго́ поблагословлю́ на благочѐстие.«

А панотéць ка́же: »Свяги́ій влады́ко! ми всіéю громàдою проси́ли, а вінъ не йме вірн. »»Тогді««, ка́же, »»у васъ бу́де благо«чéстие, якъ у мене́ поросте́ на доло́ні волóсся!««

То преосвяще́нний и ка́же: »Лю́де до́брі! обожді́ть же; вінъ схаменéтця, та не въ по́ру. Ідьте«, ка́же, »дітки додо́му, а свяще́нникъ вамъ бу́де.«

церкви *благочестіе*, а у насъ унія, и такъ прошло лѣтъ, можетъ быть, нѣсколько. Вотъ, какъ пойдемъ бывало въ какой-нибудь монастырь говѣть, то монахи насъ и учатъ: »Взбунтуйтесь«, говорятъ, »да къ преосвященному добейтесь, такъ и у васъ будетъ *благочестіе*.«

А эта епархія принадлежала тогда къ Переяславу. А преосвященнымъ въ Переяславѣ былъ Гервасій. Вотъ отецъ мой поѣхалъ туда съ работникомъ Шпакóмъ: »Ваше преосвященство! мы пріѣхали просить, чтобъ и у насъ было *благочестіе*, какъ у другихъ людей; ато у насъ унія, которой мы и терпѣть не можемъ.« Преосвященный и говоритъ: »Дѣтки! просите Каряку, пускай ко мнѣ пріѣдетъ; я благословлю его на *благочестіе*.« А отецъ говоритъ: »Святой владыка! мы просили его всѣмъ обществомъ, да онъ не вѣритъ. Онъ говоритъ: »»Тогда у васъ »будетъ *благочестіе*, какъ у меня на ладони выростутъ волосы!«« Вотъ преосвященный и говоритъ: »Люди добрые! обождите же; онъ опом-

А въ Ре́вовці та бувъ тогді молоди́й піпъ, Максимъ Левицький. То Ляхи́ ёго́ мордова́ли, щобъ приста́въ на Унію: жа́ръ за халя́ви си́пали и на ко́лесо тяглй; а вінъ утікъ та въ Переяславъ до преосвящённого. Тамъ ёго́ пано́тець и ба́чивъ.

Да тамъ же у Переяславі бувъ тогді у преосвяще́нного и ти́таръ изъ Мліева. Узя́въ Ля́дський антими́нсъ изъ це́ркви та й привізъ до преосвяще́нного. То пано́тець и того́ тамъ ба́чивъ.

Отъ, якъ сказа́въ преосвяще́нний, що »ідьте«, ка́же, »додо́му, а піпъ вамъ бу́де«, то пано́тець и поіхавъ наза́дъ изъ Шпако́мъ. А тогді перево́зъ бувъ тілько въ Соки́рній та въ До́мінтахъ, ато́ скрізь по сей бікъ стоя́ла на бека́тахъ стра́жъ По́льска, а по той—Гетьма́нці на раду́тахъ. То оце́, було́, въ ночі й кричя́ть—намъ у Черка́сахъ и чутно́ — оце́ оди́нъ: »Сла́венъ го́родъ Петинбу́рхъ!« а дру́гий: »Сла́венъ го́родъ Переяславъ!« Усе́ города́ велича́ли: таке́-то, бачъ, було́ га́сло.

Такъ було́ тогді тілько два перево́зи. Запла́тишъ було́ *инду́ту*, то й пропу́стять. Ото́ мій пано́тець у До́мінтовъ, ажъ тутъ

нится, да не въ пору. Поѣзжайте«, говоритъ, »дѣтки, домой; священникъ вамъ будетъ.«

А въ то время былъ въ Ревовкѣ молодой попъ, Максимъ Лѣвицкій. Ляхи его мучили, чтобъ сдѣлался уніятомъ: сыпали за голенища раскаленные уголья и на колесо тянули; но онъ ушелъ и явился въ Переяславѣ къ преосвященному. Тамъ мой отецъ и видѣлъ его. Былъ на ту пору въ Переяславѣ и ктиторъ изъ Мліева. Онъ взялъ Ляшскій антиминсъ изъ церкви и привезъ къ преосвященному. Такъ отецъ и его видѣлъ тамъ.

Ну, вотъ, какъ сказалъ преосвященный: »Поѣзжайте домой, а попъ вамъ будетъ«, то отецъ и поѣхалъ назадъ съ Шпакомъ. Переправа черезъ Днѣпръ была тогда только въ Сокирной да въ Домонтовѣ. По сю сторону стояла вездѣ на пикетахъ Польская стража, а по ту — Гетманцы на редутахъ. Ночью бывало и кричатъ — намъ въ Черкасахъ и слышно — одинъ: »Славенъ городъ Петербургъ!« а другой: »Славенъ городъ Переяславъ!« Всё города славили: такой, видишь, сигналъ былъ. Такъ два перевоза только было тогда. Заплатишь бывало *индукту*

одъ бра́та посланѐць. Братъ заплати́въ чоловіку тому́ та й пере-ка̀зуе: »Неха́й«, ка́же, »не іде въ Черка́си, бо вже Ляхи́ прові-дали, то стережу́ть на доро́зі, щобъ пійма̀ть.«

То ба́тько съ Шпако́мъ у Богу́шкову слобідку, та нанявъ ри-ба́лку, щобъ ёго́ перевізъ по́тайно на сей бікъ, а ко́ней изъ Шпако́мъ поки́нувъ.

Прийшо́въ додо́му, ажъ тутъ лихо: шука̀ють ёго́ Ляхи́, щобъ стра́тити. То вінъ до зя̀тя, та й живъ тамъ зъ місяць у за́городі, по́ки все втихоми́рилось.

Якъ утихоми́рилось, то й ставъ пано́тець жить до̀ма вже; тілько всѐ ще опа́сувавсь. Коли́ жъ присила́е разъ за нимъ панъ швагрони́стий. А тогді у насъ у Черка́сахъ кома̀нда стоя́ла, то пано́тець лядунки́ обшива́въ. Отъ вінъ и пішо́въ до того́ швагрони́с-того, са́ме туди́, де тепе́ръ суда̀ стоя́ть.

Прихо́жу — ка́же — я тудѝ, ажъ дивлю́сь — привезли́ Мліевського ти́тара, що у преосвяще́нного я ба̀чивъ. Ру́ки назадъ зва́зані, и самъ прива́заний до полу́драбка. Я — ка́же — якъ по-

---

такъ и пропустятъ. Пріѣзжаетъ отецъ въ Домонтовъ, какъ тутъ отъ брата гонецъ. Братъ наналъ гонца и передалъ черезъ него на словахъ: »Пускай«, говоритъ, »не ѣдетъ на Черкасы: уже Ляхи провѣдали и караулятъ на дорогѣ, чтобъ поймать.« Тогда отецъ со Шпако́мъ въ Богу́шкову слободку; нанялъ тамъ рыбака, чтобъ переправилъ его тайно на сю сторону, а лошадей и Шпака́ оставилъ за Днѣпромъ. Пришелъ домой — бѣда: ищутъ его Ляхи, чтобъ извести. Онъ къ зятю, и жилъ тамъ съ мѣсяцъ въ загородѣ, пока все успокоилось.

Какъ успокоилось, то началъ отецъ жить уже дома; только всё еще опасался. Какъ присылаетъ за нимъ однажды панъ эскадронный. Въ то время стояла у насъ въ Черкасахъ команда, и отецъ обшивалъ для ней ладунки. Пошелъ онъ къ эскадронному, на то самое мѣсто, гдѣ теперь присутсвенныя мѣста стоятъ. Прихожу — говоритъ — туда, смотрю — привезли Мліевскаго ктитора, что̀ видѣлъ я у преосвященнаго. Руки у него связаны назади, а самъ онъ привязанъ къ телегѣ. Я — говоритъ — какъ увидѣлъ, такъ и замеръ: думалъ, что и мена затѣмъ

бачивъ, то и вмéръ: думавъ, що й менѐ оцé за тимъ призвáли. Колú жъ виходúть швагронúстий: »Ну, цехмúстеръ, глядú, щобъ у сéреду булú лядункú!«

»Бýдуть,« кажý, »вельмóжний пáне!«

А вінъ: »Идú жъ«, кáже, »та щобъ булú!«

Отъ у менѐ й на душі — кáже — трóхи одлягло́. Скорійшъ звідти: нехáй вамъ бісъ!

А тúтара того́ повезлú въ Мліевъ, да ото́, що єсть тамъ коло Мліева грéбелька и вéрби, то тамъ ёго́ на вербі повісили за рýки и усякъ мордовáли. Оцé конóплями обмотáють, та смолóю обмáжуть, та й запáлять. А потімъ, замордовáвши, гóлову ёмý одрубáли та й вúставили на вúгоні, на висóкій пáлі. А въ ночі щось укрáло тýю гóлову та й одвезлó ажъ у Переяславъ до преосвящéнного. То преосвящéнний ще лýчче почáвъ старáтьця, щобъ бýло́ благочѐстие.

Ажъ ось разъ прихóдить чоловікъ до панотця: »Идіть«, кáже, »пáне цехмúстре, якúйся піп приіхавъ та зовé вáсъ.«

Пішóвъ панотéць, ажъ то той самúй Максúмъ Левúцький, що бувъ у преосвящéнного!

призвали. Какъ тутъ выходитъ эскадронный: »Ну, цехмистеръ, смотри же, чтобъ у тебя были къ середѣ ладунки готовы!« — »Будутъ«, говорю, »вельможный панъ!« А онъ: »Ступай же«, говоритъ, »да чтобъ были!« У меня — говоритъ отецъ — и на душѣ немного легче стало. Скорѣе оттуда: ну васъ къ чорту!

А того ктитора повезли въ Мліевъ, и есть тамъ возлѣ Мліева плотника и вербы; то на тѣхъ вербахъ повѣсили его за руки и всячески мучили. Обмотаютъ пенькою, обмажутъ пеньку смолой и зажгутъ. А замучивши, отсѣкли ему голову и выставили на выгонѣ, на высокомъ столбѣ. Но кто-то ночью укралъ ту голову и свезъ въ Переяславъ къ преосвященному. Тогда преосвященный началъ больше прежняго стараться, чтобъ у насъ было благочестіе.

Какъ вотъ однажды приходитъ къ отцу одинъ человѣкъ. »Подите«, говоритъ, »сюда, панъ цехмистеръ; пріѣхалъ какой-то попъ и зоветъ

»Лю̀де до́брі«, ка́же, »оце́ присла́въ мене́ преосвяще́нний, щобъ я бувъ у васъ попо́мъ.«

А на̀ші ка́жуть: »До́бре, ба́тюшко! ми того́ бажа̀емъ.«

»Ходімъ же«, ка́же, »въ це́ркву.«

Пішли́ въ цѐркву. Вінъ одпра́вивъ ака̀фистъ; посвяти́въ цѐркву; обійшли́ круго́мъ цѐркви; а по́тімъ и ка̀же: »Лю̀де до́брі, да́йте жъ мині кватйру. Въ мене́ и жінка е, и ді̀точо̀къ дво́е.«

Отъ на̀ші дали́ ёму́ общество́мъ ха̀ту. А по́тімъ уже́ вінъ посила́въ у Ре́вівку пі̀дво̀ду; то привезли́ ёму́ й попадю̀, и ді̀тёй дво́е. Дочка́ була́ Явдо̀ха, да сино̀къ Лесько́.

То якъ пожи́въ той піпъ у насъ ро́ківъ зо́ два, то ёго́ зроби́ли протопо̀попю, а після̀ та̀къ розжи́вся, що було́ берлѝномъ і̀здить. Бу̀дка зъ вікнами, и ко̀ні въ-про́стяжъ. То оце́ оди́нъ на коні сидйть, а дру́гий коло́ бу̀дки, а самъ у бу̀дці, та ще й за бу̀дкою оди́нъ.

Къ стыду своему, я долженъ сознаться, что очень мало удѣлилъ времени на распросы Харка Цехмистера о старинѣ, торопясь

васъ къ себѣ.« Пошелъ отецъ, смотритъ — это тотъ самый Лѣвицкій, что былъ у преосвященнаго! »Люди добрые«, говоритъ, »прислалъ меня преосвященный, чтобъ я былъ у васъ попомъ.« А наши говорятъ: » Хорошо, батюшка! мы того и желаемъ.« — »Пойдемте же«, говоритъ, »въ церковь.« Пошли въ церковь. Онъ отслужилъ акафистъ; освятилъ церковь; обошли вокругъ церкви; а потомъ и говоритъ: »Люди добрые! дайте же мнѣ квартиру. У меня есть жена и двое дѣтокъ.« Наши дали ему отъ общества хату. А потомъ уже онъ посылалъ въ Рѣвовку подводу; привезли ему попадью и двое дѣтей. Дочка была у него Евдокія да сынъ Алексѣй. И какъ пожилъ у насъ тотъ попъ года два, то сдѣлали его протопопомъ; а потомъ такъ разбогатѣлъ, что бывало ѣздитъ въ каретѣ. Будка съ окнами, и лошади въ-простяжъ. Одинъ человѣкъ сидитъ на конѣ, другой возлѣ будки, самъ онъ въ будкѣ, а одинъ человѣкъ еще и сзади будки.

поспѣть въ другія мѣста и воображая встрѣтить еще много подобныхъ стариковъ. Дѣло, однакожъ, показало, что это была одна изъ счастливѣйшихъ моихъ находокъ и что никто изъ моихъ разскащиковъ съ ясностью рѣчи, благодушнымъ тономъ и простымъ, истинно лѣтописнымъ краснорѣчіемъ Харка Цехмистера не соединялъ его глубокой старости и разнообразія дѣтскихъ впечатлѣній.

Вотъ еще живая картина Татарскаго набѣга, сохранившаяся въ его памяти, или лучше — навернувшаяся ему на память во время нашихъ дружескихъ бесѣдъ.

ТРЕВОГА ПО СЛУЧАЮ ТАТАРСКАГО НАБѢГА. (*)

Ще до Коліївщини пішла́ разъ по Черка́самъ чу́тка, що Орда́ йде, и вже недале́ко. А се було́ зімо́ю. То наро́дъ такъ и хря́снувъ на той бікъ. А тамъ збіглось деся́тківъ пять Гетьма́нськихъ козаківъ на Кру́чину редуту [выше села́ Па́ньского]: »Стійте! нема́ ука́зу!« Не пуска́ють черезъ гряни́цю. А наро́дъ спе́рся на лёду, то лідъ ажъ ревѐ. Крикъ, гвалтъ, діти пла́чуть. Біда така́я ско́ілась на лёду́, що, Бо́же, твоя́ во́ля! Те саночка́ми самоту́жки, а въ кого́ воли́, то на вола́хъ; а хто ко́ні ма́е, то кіньми. Тутъ и коро́ви, тутъ и ове́чки, тутъ и збіжже всяке.

(*) *Переводъ.* — Еще до Коліивщины разнесся разъ по Черкасамъ слухъ, что идетъ Орда, и ужъ недалеко. Было это зимою. Народъ тажъ и ринулся на ту сторону Днѣпра. А тамъ сбѣжалось десятковъ пять Гетманскихъ козаковъ на Кручинъ редутъ [выше села Панскаго]: »Стойте! нѣтъ указа!« и не пускаютъ черезъ границу. Народъ стѣснился на льду до-того, что ледъ началъ трещать. Крикъ, шумъ, дѣти плачутъ. Бѣда такая сотворилась на льду, что, Боже, Твоя воля! Одинъ санки везетъ на себѣ; а у кого есть волы, тотъ ѣдетъ на волахъ: а у кого есть лошади, тотъ на лошадяхъ. Тутъ и коровы, тутъ и овцы, тутъ и всякое зерно.

Ото́ жъ, зупини́вши наро́дъ на лёду́, оди́нъ коза́къ побігъ до суда́ въ Золотоно́шу, чи мо́жна пусти́ть; а на́ші лю́де сіли на ко́ней та побігли ажъ до Смілянського мо́сту, чи йде орда́. То прибіга́е Гетьма́нець: »Мо́жна!« Ажъ тутъ и на́ші верну́лись: »Нема́ Орди́!«

А вона́ таки́ бу́ла́, да тілько розгра́била Жу́равку да Бо́втишку — тамъ десь коло́ Ка́мянки — та й верну́лась.

Изъ Черкасъ я отправился въ Чигиринъ, ни сколько не сомнѣваясь, что по дорогѣ туда и въ самомъ городѣ соберу много преданій о козацкой старинѣ. Но поиски мои, уже по своему свойству, были подвержены случайностямъ охоты. Иногда въ теченіе многихъ дней и при всевозможныхъ съ моей стороны стараніяхъ, я не встрѣчалъ ни одного человѣка, который бы могъ, или захотѣлъ, разсказать мнѣ что-нибудь достойное стенографіи. Въ Чигиринѣ я не записалъ ни одного преданія, ни одной пѣсни. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: городъ въ Малороссіи не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ селомъ относительно разсказовъ о старинѣ, и громкое имя Чигирина не связано въ умѣ его жителей (разумѣется, простолюдиновъ: до прочихъ мнѣ не было дѣла) ни съ какими историческими воспоминаніями.

Тѣмъ не менѣе мѣстность его заняла меня живѣйшимъ образомъ. Я обошелъ его разрушенныя земляныя укрѣпленія, его окрестности, гдѣ много разъ воздвигались шанцы и батареи, направленные противъ Чигиринской горы, на которой теперь едва замѣтны

И вотъ, остановивъ народъ на льду, одинъ козакъ поскакалъ въ Золотоношу узнать, можно ли пропустить черезъ границу; а наши люди сѣли на лошадей и поскакали къ Смилянсокму мосту — идетъ ли Орда. Возвращается Гетма́нецъ: »Можно!« А тутъ и наши воротились: »Нѣтъ Орды!«

А Орда точно приходила, но только разграбила Журавку да Бо́втышку — тамъ гдѣ-то около Камянки — и воротилась.

слѣды за́мка; наконецъ отправился пѣшкомъ къ Су́ботову, родному селу Богдана Хмѣльницкаго.

Я шелъ вдоль камышчатой рѣчки Тя́смина, по тропинкѣ, пролегающей у подошвы возвышенностей праваго берега. Эти возвышенности покрыты на своихъ скатахъ садами и левадами, непрерывающимися почти до самого Су́ботова. Переходя изъ одного сада въ другой, изъ одной левады въ другую, я видѣлъ на взгорьи бѣлыя хаты хуторянъ и заходилъ въ нихъ подъ предлогомъ усталости; но вездѣ находилъ жизнь новую, съ заботами о ежедневныхъ потребностяхъ; старина не оставила въ нихъ для меня ни одного беззубаго старика, который бы, чавкая и покашливая, порассказалъ мнѣ о томъ, что́ было интересно въ его молодыя лѣта. Никто ничѣмъ не далъ мнѣ почувствовать, что я стою на Чигиринской почвѣ, вблизи мѣста рожденія и частной жизни самаго характернаго представителя стараго козачества.

Въ Су́ботово я пришелъ уже вечеромъ, переночевалъ въ домѣ діакона и только на другой день могъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Хмѣльницкаго (отъ него не осталось уже никакихъ слѣдовъ), построенную имъ церковь и самое село. Надобно сказать, что въ мѣстоположеніи Су́ботова, на взгорьяхъ и низкихъ берегахъ Тя́смина, есть что-то переносящее въ старину. По крайней мѣрѣ я нигдѣ не могъ такъ живо вообразить Богдана Хмѣльницкаго, какъ здѣсь. Надобно же было еще случиться, что, проходя по улицѣ, я повстрѣчалъ косаря, чрезвычайно похожаго лицомъ на изображенія *козацкаго батька*! Онъ не слишкомъ торопился на косовицу и, кажется, обрадовался случаю промедлить въ селѣ. Опершись живописно одной рукой на плетень и держа косу въ другой, онъ началъ бесѣдовать со мной о Су́ботовской старинѣ. Съ одной стороны передъ нами развивалась перспектива Тя́смина съ его камышами, съ другой — на горѣ виднѣлась озаренная солнцемъ церковь Богдана Хмѣльницкаго и возвышенность, занятая нѣкогда его домомъ, а теперь покрытая скирдами, »экономическаго« хлѣба. Косарь имѣлъ ясное понятіе о личности Хмѣльницкаго и вспоминалъ о немъ, какъ о недавнемъ владѣтелѣ Су́бо-

това. Я рѣдко встрѣчалъ между поселянами человѣка, который бы такъ живо сочувствовалъ козацкимъ войнамъ. Обыкновенно они не знаютъ, что̀ дѣлалось въ отдаленную старину; если же и разсказываютъ сбивчивыя преданія о ней, если и поютъ пѣсни, то всё таки теряютъ связь между былымъ и нынѣшнимъ. Но чаще всего они равнодушны ко всему, что̀ ни происходило прежде въ Малороссіи. Напротивъ, Су́ботовскій мой знакомецъ весь оживлялся, вспоминая времена козацкой славы, которая —

Сама́ себе́ на сміхъ на дава̀ла,
Непрія́теля пі̀дъ но̀ги топта́ла,

и до-того увлекся разговоромъ съ человѣкомъ не его сословія и не его лѣтъ, что позабылъ о своемъ намѣреніи идти косить. Я видалъ только пьяныхъ земляковъ своихъ въ такомъ восторженномъ настроеніи духа и могъ бы подумать, что онъ тоже пьянъ, но было еще очень рано.

Не помню, какимъ образомъ мы свели рѣчь на то, чтобы идти къ нему въ хату; но только, возвратясь туда, косарь мой уже не заботился о косовицѣ и принялся потчивать меня всѣмъ, что̀ у него было лучшаго въ хозяйствѣ. Мѣстомъ моего завтрака избрана была пустая, прохладная хата, обращенная въ комору. Столомъ служилъ мнѣ бочонокъ, столомъ — опрокинутая кадушка. Мой штофикъ оказался здѣсь никакъ не лишнею вещью, и скоро я увидѣлъ себя окруженнымъ довольно многочисленнымъ собраніемъ. Къ хозяину пришли его родные, или сосѣди; я, разумѣется, предложилъ имъ выпить и съ разу попалъ къ нимъ въ самыя пріятельскія отношенія. Они усѣлись вокругъ меня—кто на мѣшкѣ муки, кто на занесенной дорожною пылью мазни́цѣ, кто на порожнемъ ульѣ, и начались раздобары обо всемъ, кромѣ косовицы. Пропѣто было и нѣсколько пѣсень, между которыми замѣчательнѣйшая помѣщена въ сборникѣ г. Метлинскаго. Такъ какъ она напечатана тамъ не вполнѣ, то прилагаю ее здѣсь въ томъ видѣ, какъ она была пропѣта мнѣ въ Су́ботовѣ.

ПѢСНЯ О ВОЙНАХЪ ХМѢЛЬНИЦКАГО.

Ой почува́йте и повида́йте,
Щò на Вкраїні поста́ло:
Що за Да́шевимъ, пiдъ Сорóкою
Мнóжество Ляхівъ пропа́ло!

Перебúйнiсъ прóсить немнóго —
Трохъ коза̀ченькiвъ зъ собóю;
Руба́е мечéмъ гòлови съ плечéй,
А рéшту тóпить водòю:

»Ой пúйте, Ляхú, водú калю́жи
Болотяниі,
А що пива́ли по тій Вкраїні
Медú та вúна ситниі!«

Та по чімъ коза́къ сла́венъ?
Наівся рȁби и соломàхи зъ водóю;
Зъ мушкéтомъ стàне — а сéрце вȁне,
А Ля́хъ одъ дȕху вмира́е.

Ой чи бà̀чъ, Ля́ше, що панъ Хмельни́цький
На Жóвтімъ Пiскȕ пiдбúвся?
Семú козакiвъ, дóбрихъ юна́кiвъ,
Ти й за Вúслою не скрúвся.

Ой чи бà̀чъ, Ля́ше, що коза́къ пля́ше
На воронімъ кóню передъ тобóю?
Ти, Ля́ше, зля́кнешъ и съ конȁ спáднешъ,
Самъ присúплесся землёю.

Ой чи бà̀чъ, Ля́ше, що по Случъ на́ше,
По Костянȕю Могúлу?

Якъ не схотіли, забунтова́ли
Та й утеря́ли Вкраіну.

Ой нави́сли Ляхи́, нави́сли,
А якъ ворòни на вишні....
Не попустімо Ляхові По́льщи
По́ки на́шої жизно́сти!

Я считаю не пустымъ обстоятельствомъ, что эта пѣсня записана отъ жителей Су́ботова. Больше нигдѣ не встрѣчалъ ея ни самъ я, ни другіе собиратели пѣсень. Въ ней отразились понятія современниковъ Хмѣльницкаго о козацкихъ войнахъ съ панами. Третій куплетъ:

Ой пи́йте, Ляхи́, води́ калю́жні
Болотяни́і,
А що пива́ли по тій Вкраіні
Меди́ та вѝна ситни́і!

выражаетъ, что́ была для пановъ Украина: мѣсто попоекъ и пресыщенія. Народъ долженъ былъ только поста́влять для нихъ *меди́ та вѝна ситни́і*, а объ его нуждахъ и потребностяхъ никто не заботился. Слѣдующій куплетъ:

Та по чімъ коза́къ сла́венъ?
Наівся рѝби и соломàхи зъ водо́ю;
Зъ мушке́томъ ста́не — а се́рце вя́не,
А Ляхъ одъ дýху вмира́е...

представляетъ противоположность между роскошнымъ паномъ и неприхотливымъ козакомъ, который по-неволѣ долженъ былъ питаться только рыбою да соломахою. Но не смотря на то, что у него отъ голоду *вянуло сердце*, мужественный духъ его былъ смертоносенъ для изнѣженнаго пана. Въ стихѣ:

Семи́ ко́заківъ, до́брихъ юна́ківъ,

заключается намекъ, что у Хмѣльницкаго было семь сподручниковъ, пріобрѣвшихъ такую популярность, какъ и Перебійносъ, Нечай, Морозенко, и называвшихся *козаками* по-преимуществу. (1)

Далѣе стихи:

Якъ не схотіли, забунтова́ли —
Та й утеря́ли Вкраіну...

указываютъ на сопротивленіе пановъ политикѣ Владислава IV. Наконецъ въ послѣднихъ стихахъ:

Не попустімо Ляхові По́льщи,
По́ки на́шої жизно́сти!

выражается взглядъ козаковъ и самого Хмѣльницкаго на Малороссію. Они считали ее такою же частью Польскаго государства, какъ Мазовія, Познань и пр., и возстаніе ихъ было сперва только усиліемъ *не попустить Ляху* (а *Ляхъ* и *панъ* на ихъ языкѣ значило одно и то же, ибо *Ляхи* у нихъ были Острожскіе, Чарторыйскіе, Вишневецкіе, и другія Южно-Русскія семейства) *верхово́дить* въ Рѣчи Посполитой.

---

(1) Ой якъ огля̀нетця *коза́къ* Перебі́йнісъ на лівее пле́че —
Ажъ изъ-пі́дъ Да́шева та до Воло́хова крива́вая річка те́че.

—

Чи не той то хміль, хміль, що ви́соко въ̀ється?
Чи не той то *коза́къ* Нечà̀й, що зъ Ляшкà̀ми бъ̀ється?
Чи не той то хміль, хміль, а що въ пѝві гра́е?
Чи не той то *коза́къ* Нечà̀й, що Ляшкі́въ руба́е?
Чи не той то хміль, хміль, що у пѝві ки́сне?
Чи не той то *коза́къ* Нечà̀й, що Ля̀шенькі́въ ти́сне?

—

Морозе́нко *коза́ченько* якъ мà̀къ роспука́вся,
Морозѐнко *коза́ченько* въ невòлю попа́вся.

—

Проща́й, проща́й, Морозе́нку, ти, найслà̀вний *коза́че!*
За тобо́ю, Морозе́нку, вся Вкраіна пла́че.

Что̀ касается до преданій о старинѣ, что Су́ботовскіе собесѣдники мои признавали себя народомъ молодымъ, который мало что̀ помнитъ, и, въ отвѣтъ на мои распросы, безпрестанно толковали мнѣ о какомъ-то Оме́лькѣ Каплау́хомъ, какъ о самомъ старомъ человѣкѣ въ Су́ботовѣ. Отъ него пошли у нихъ всѣ старосвѣтскія пѣсни и всѣ воспоминанія о прежнихъ временахъ. Мнѣ единогласно совѣтовали обратиться къ нему, и я тѣмъ охотнѣе внялъ этому совѣту, что гости мои (ибо штофикъ *меня* обратилъ въ хозяина) сдѣлались черезъ-чуръ шумны и мѣшали одинъ другому говорить. Еслибы я, съ опытною предусмотрительностью, не принялъ надлежащихъ мѣръ, они бы всѣ шумно послѣдовали за мной къ Омельку Каплаухому. Но я устроилъ такъ, что, по моемъ уходѣ, центромъ ихъ соединенія оставалась *пля́шка горі́лки,* и отправился безъ помѣхи къ патріарху Су́ботова, въ сопровожденіи одного только хозяина гостепріимной хаты.

Мы застали Омелька Каплаухаго сидящимъ на порогѣ его сѣней, съ маленькимъ внучкомъ на рукахъ. Бѣлая борода его пріятно смѣшивалась съ нѣжными бѣлокурыми волосами малютки. Морщинистый лобъ, украшенный лысиною, выражалъ миновавшія тяжкія заботы жизни и тихое успокоеніе, или, пожалуй, онѣмѣніе сердца въ старости. Онъ посмотрѣлъ на меня, по-видимому, безъ всякаго вниманія и, отвѣчая на мой привѣтъ слабымъ голосомъ, остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ. Но тутъ мой проводникъ подошелъ къ нему и сказалъ, съ таинственнымъ видомъ, нѣсколько словъ, которыя долетѣли до моего слуха и объяснили мнѣ настоящую причину, почему Суботовскіе мои пріятели такъ усердно домогались, чтобъ я повидался съ Омелькомъ Каплаухимъ. Меня приняли здѣсь за что-то въ родѣ переодѣтаго Гаруна-Альрашида; а какъ Омелько Каплаухій у нихъ слылъ умнѣйшею головою въ селѣ, то они надѣялись, что онъ лучше всѣхъ ихъ воспользуется моимъ появленіемъ. Это обстоятельство, неважное само по себѣ, обнаруживаетъ весьма замѣчательную черту Украинскаго характера. Простолюдинъ нашъ, при всемъ равнодушіи къ тому, что̀ передъ нимъ происходитъ, чрезвычайно склоненъ къ мечтатель-

ности и часто изъ ничего извлекаетъ великолѣпныя надежды: новое доказательство юности племени, предчувствующаго лучшую жизнь впереди.

Въ Омелькѣ Каплаухомъ произошла вдругъ рѣзкая перемѣна. Онъ суетился въ своей хатѣ (которая была наполнена только маленькими внучатами, такъ какъ все остальное семейство было въ полѣ) и заговорилъ со мной языкомъ еще свѣжаго человѣка. Отъ моего предложенія выпить онъ отказался, потому что съ молодыхъ лѣтъ пересталъ употреблять хмѣльное. Я тоже отказался отъ завтрака, который онъ предложилъ мнѣ. Мы отпустили моего проводника къ его веселой братіи и бесѣдовали мирно вдвоемъ, усѣвшись подъ старой грушею. Дѣти играли вокругъ насъ. Неподвижный воздухъ въ тишинѣ нагрѣвался солнцемъ.

Къ сожалѣнію, Омелько Каплаухій не охотно углублялся въ старину и говорилъ всё о современныхъ интересахъ села Суботова, которые мало меня занимали. Въ записной моей книжкѣ сохранилось только четыре историческія его воспоминанія, а именно:

1.

ХМѢЛЬНИЦКІЙ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ. (*)

....Та й поіхавъ у Січъ тимъ бо́комъ Дніпра́. Приіхавъ до Січи, ажъ тамъ стоіть жовнірство и бере́ одъ козаківъ деся́ту ри́бу. Отъ Хмельни́цький, показа́вши та́йно Запоро́зцямъ корола́вський лі́стъ, усовітовавъ імъ, якъ збу́ти жовні́рівъ: »Я«, ка́же, »вийду на майда́нъ та й зачну́ крича́ти: *У ра́ду! въ ра́ду! въ*

(*) *Переводъ.* — ....И поѣхалъ въ Сѣчь той стороною Днѣпра. Пріѣхалъ въ Сѣчь, — тамъ стоятъ *жолнѣры* и берутъ съ козаковъ десятую рыбу. Хмѣльницкій показалъ тайно Запорожцамъ королевскій листъ и присовѣтовалъ имъ, какъ избавиться отъ *жолнѣръ*. »Я«, говоритъ, »выйду на площадь и начну кричать: *Въ ра́ду! въ ра́ду! въ ра́-*

ра́ду! а ви візьміте підъ по́лу по дрючку́, и якъ жовніри прййдуть безъ шабе́ль у ра́ду, то ви на іхъ зъ дрючка̀ми да всіхъ и перебййте.«

Такъ и ста́лось. Да по́тімъ якъ пішо̀въ воёва́ти Хмельни́цький, то розби́въ Ляхівъ и на Жо́втій Воді, и коло Ко̀рсуня, та загна́въ ажъ за Слу́чъ, та й сказа́въ: »*Зна̀й, Ля́ше, по Слу́чъ на́ше!*«

Извѣстіе о *десятой рыбѣ*, упоминаемой въ этомъ преданіи, находится въ одной только »Лѣтописи Самовидца« (стр. 7, ст. 1): »Которые зась на рыбу хожували козаки за порога, то на Кодаку на комисара рыбу десятую отбѣрали.«

2.

ПЛАТА ХМѢЛЬНИЦКАГО ЗА ПЛѢННЫХЪ. (*)

Якъ воёва́въ Хмельни́цькій зъ Ляха̀ми, то вся́кому, хто пійма́е Ляха̀, обіща́въ дава́ть за ко́жного по рублю̀, а за ксёнза по три ко̀пи. То, якъ пійма̀е буля́ коза́къ Ляха́, то вйголить ёму́ на голові ли́сину та й ска́же: Глядй жъ ти мині, вра́жий Ля́ше! тілько ска̀жешъ, що ти не ксёнзъ, то за̀разъ духъ съ тебе́ вонъ!«

ду! (т. е. Собирайтесь на вѣче, на совѣтъ), а вы возьмите подъ полу по дубинкѣ и какъ придутъ *жолнѣры* въ раду безъ сабель, вы бросьтесь на нихъ съ дубинками и перебейте всѣхъ.« Такъ и сдѣлали. А потомъ, какъ пошелъ воевать Хмѣльницкій, то разбилъ Ляховъ и на Желтыхъ Водахъ, и подъ Корсунемъ; потомъ прогналъ ихъ за самую Случь и сказалъ: »*Знай, Ляше, по Слу́чъ на́ше*!«

(*) *Переводъ*. — Какъ воевалъ Хмѣльницкій съ Ляхами, то всякому, кто поймаетъ Ляха, обѣщалъ давать по рублю за каждаго, а за ксенза по три полтины. Вотъ бывало поймаетъ козакъ Ляха, пробрѣетъ ему на головѣ лысину и скажетъ: »Смотри же, вражій Ляхъ! только ска-

Отъ и приведѐ до Хмельни́цького.
»Хто̀ ти таки́й?«
»Ксёнзъ.«
То Хмельни́цький вийме съ кише́ні три ко́пи та й дасть.

3.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ И КАЗНЬ ЮРІЯ ХМѢЛЬНИЦКАГО. (*)

Хмельниче́нко побусурма́нившись збивъ пу́шкою зъ гори́ Валка́ (1) вѐрхъ зъ ба́тьківськоі це́ркви, хотячи́ довідатись ба́тьківськихъ гро̀шей, що, ка́жуть, були́ замуро́вані на гори́щі, на цѐркві. Вінъ би то прийшо́въ за ними́ й до Су́ботова, та боя́вся, бо тутъ стоя́ло вій́ськo; то вже зъ зло́сті хотівъ розби́ть цѐркву.

Хмельниче́нко живе́ ще й до́сі. Наші стари́і чумаки́ розска́зували, що ба́чили ёго́ въ го́рахъ на свої о́чи, и са́мъ вінъ каза́въ, що: »Я си́нъ Хмельни́цького.« Ёго́ ссе га̀дина, и вінъ бу́де му́-

---

жешь, что ты не ксензъ, то тутъ и духъ съ тебя вонъ »И приводитъ его къ Хмѣльницкому. »Кто ты таковъ?« — »Ксензъ.« Хмѣльницкій вынетъ бывало три полтины и дастъ козаку.

(*) *Переводъ.* — Сынъ Хмѣльницкаго, какъ обусурманился, то сшибъ куполъ съ отцовской церкви, выстрѣливъ изъ пушки, съ горы Валка (1). Онъ хотѣлъ добраться до отцовскихъ денегъ, что̀ были, говорятъ, заложены кирпичомъ на церкви. Онъ бы пришелъ за ними и въ Су́ботовъ, да боялся: тутъ войско стояло; и потому съ досады хотѣлъ разбить отцовскую церковь.

Онъ до сихъ поръ живъ. Наши старые чумаки разсказывали, что видѣли его въ горахъ своими глазами, и самъ онъ говорилъ имъ: »Я сынъ Хмѣльницкаго.« Его сердце сосетъ змія, и будетъ онъ мучиться и бро-

---

(1) Въ двухъ верстахъ отъ Су́ботова.

читись и блука́ти поміжъ гора́ми ажъ до Страшно́го Су́ду; а тогді вже Госпо́дь ёго́ прости́ть, що побусурма́нивсь и хотівъ розби́ть ба́тьківську це́ркву.

4.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И КОНЕЦЪ ГАЙДАМАКИ НЕЖИВОГО. (*)

Неживи́й роби́въ коли́сь горшки́ у Арте́ма ганчара́, и всѐ було́ ка́же: »Я хочъ на оди́нъ дѐнь, а бу́ду па́номъ.« По́тимъ вінъ бувъ у Мотре́нинському лісу́, а звідти пішо́въ на Ка̀невъ, и ви́різавши тамъ Ляхівъ и Жидівъ, поверну́въ на кварти́ри до Чигрина̀. А въ Galagáнівці да живъ панъ Щѐрба. Отто́й-то й запроси́въ ёго́ до себе́ въ го̀сті. Неживи́й зъ усі́ми́ козака́ми своїми пішо́въ до Galagáнівки; козаківъ же оста́вивъ по сѐй бікъ гре́блі, а самъ зъ дванадцятьма́ отамана́ми пішо́въ пішо до Щѐрби. Отъ Щерба, поба̀чивши, що вінъ у дво́рі безъ війська, за́разъ якъ кри́кне своимъ: »Беріть ёго́!« Тутъ ёго и зла̀пали. А військо, почу́вши, що отаманівъ позабірано, за̀разъ усе́ порозбіга́лось.

дить въ горахъ до Страшнаго Суда; а тогда ужъ ему Господь проститъ, что онъ обусурманился и хотѣлъ разбить отцовскую церковь.

(*) *Переводъ.*—Неживый работалъ когда-то горшки у Артемія горшечника, и всё бывало твердитъ: »Я хоть на одинъ день. а буду паномъ.« Потомъ онъ проживалъ въ Мотренинскомъ лѣсу, а оттуда пошелъ въ Каневъ и, вырѣзавши тамъ Ляховъ и Жидовъ, воротился на квартиры въ Чигиринъ. Тамъ въ Галага́новкѣ жилъ панъ Ще́рба, и зазвалъ его къ себѣ въ гости. Неживый пошелъ къ Галагановкѣ со всѣми своими козаками; козаковъ онъ оставилъ по сю сторону плотины, а самъ съ двѣнадцатью отаманами пошелъ пѣшкомъ къ Ще́рбѣ. Щерба видитъ, что онъ на дворѣ безъ войска, тотъ-часъ и крикнулъ своимъ: »Схватить его!« Тутъ его и схватили. А войско, узнавъ, что отамановъ перехватили, тотъ-часъ все разбѣжалось.

Омелько Каплаухій заложилъ, по моей просьбѣ, пару воловъ въ длинный возъ, наполненный сѣномъ, и свезъ меня въ ближайшее село по направленію къ Мотренинскому монастырю, у котораго гайдамаки, во время Коліивщины, заложили свой кошъ, или сборное мѣсто. Разставшись съ нимъ со всею нѣжностью, какую мы питали другъ къ другу, по совершенно различнымъ причинамъ, я прошелъ до монастыря пѣшкомъ и, не смотря на то, что явился въ смиренномъ видѣ странника, нашелъ у монаховъ самое радушное гостепріимство. Случаю угодно было, чтобъ я толкнулся въ дверь именно къ такому человѣку, какого мнѣ было нужно. Меня встрѣтилъ старикъ самой ласковой, благосклонной наружности, и мнѣ довольно было сказать, что я путешественникъ, изучающій остатки старины, чтобъ поставить его въ самыя прямыя съ собой отношенія. Онъ понялъ желаніе молодого человѣка видѣть мѣста, столь извѣстныя въ исторіи Коліивщины, и, кажется, былъ очень доволенъ, что нашелъ самаго внимательнаго слушателя его собственныхъ воспоминаній о гайдамакахъ, по разсказамъ очевидцевъ. Рѣчь его отличалась комическимъ оттѣнкомъ, такъ какъ шутка вмѣшивалась, незамѣтно для него самого, во всѣ его бесѣды. Это смягчало суровость общаго тона преданій о гайдамакахъ и придавало его повѣствованіямъ пріятную игривость. Передаю ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были мною записаны.

1.

ГАЙДАМАКИ ВЪ МОТРЕНИНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ. (*)

Якъ зібра́лись гайдама́ки у Мотре́нинському лісу́, то зроби́ли собі Січъ. Ви́брали таке́ міcто, що зъ трёхъ бо́ківъ байра́ки, а съ четве́ртого поста́вили ба́шту. Круго́мъ обрубу́лись лісомъ. По

(*) *Переводъ.* — Какъ собрались гайдамаки въ Мотренинскомъ лѣсу, то сдѣлали себѣ Сѣчь. Выбрали они такое мѣсто, что съ трехъ сторонъ буераки, и поставили съ четвертой стороны башню. Кругомъ сдѣ-

серéдині насúпали грóшей и нúткою перехрести́ли, да й прибúли ії колóчками у чотирёхъ містáхъ. И козáкъ кругóмъ хóдить. Оцé жъ у одному́ байрáці *Сíчъ*, а въ дрýгому, на Бóйковій Луці, *Скли́къ*. А Скли́комъ зва́вся казáкъ, що висівъ на дýбі, и коло ёго́ дóвбня. А то для тóго, що, скóро яка́ тревóга, або́-що, зáразъ прибіжúть козáкъ та дóвбнею й почáвъ валя́ть; а казáнъ на ввесь лісъ реве́. То вже де бъ котóрий козáкъ не бýвъ, скорíйшъ збігáютця до-кýпи. Да тутъ же зáразъ коло Скли́ка бувъ у дýбровi *Знáчокъ*, — таке́-то, бачъ, обзна́чене кругóмъ мíсце, де іхъ кóні пáслись. А одъ Зна́чка, верстóвъ три икъ Жáботину, було́ *Гýльбище*, на висóкій могúлі, такъ що якъ зíйдешъ туди́, то ввесь Жáботинъ якъ на долóні. Посхóдять було́ на ту могúлу, балáкають, у кáрти грáють, спíвають пісéнь уся́кихъ. Рíдко було́ яки́й день ви́беретця, щобъ тамъ нікóго не було́.

Ото́ Ляхи́ якъ почýли, що въ лісý зібрáлись гайдамáки, то й прийшлú, душъ іхъ сóтня, на кóняхъ и зъ орýжжемъ, пíдъ брáму въ манасти́рь. Чéнчики вíйшли до іхъ съ хлíбомъ и зъ сíллю.

лали засѣку. Посреди Сѣчи насыпали кучу денегъ, перекрестили ее ниткою и прикрѣпили нитку въ четырехъ мѣстахъ колышками. И часовой кругомъ ходитъ. Вотъ въ одномъ буеракѣ *Сѣчь*, а въ другомъ, на Бóйковой Лукѣ, *Скли́къ*. Скликомъ (созывателемъ) назывался у нихъ котелъ, что висѣлъ на дубу, и подлѣ него долбешка. Это для того, что лишь только какая-нибудь тревога, что ли, тотъ-часъ прибѣжитъ козакъ и давай валять въ котелъ долбешкой. Тогда ужъ, гдѣ бы кто ни былъ, всѣ сбѣгаются въ одно мѣсто. Тутъ же, рядомъ со Скликомъ, былъ у нихъ *Знáчокъ*, — такое, видишь, обозначенное кругомъ мѣсто, гдѣ паслись лошади. А верстахъ въ трехъ отъ Значка, къ Жаботину, было *Гýльбище*, на высокомъ курганѣ. Какъ взойдешь на могилу, то весь Жаботинъ — какъ на ладони. Взойдутъ бывало на тотъ курганъ, разговариваютъ, въ карты играютъ, поютъ разныя пѣсни. Рѣдко бывало случится день, въ который бы тамъ кого-нибудь не было.

Вотъ, какъ услышали Ляхи, что въ лѣсу собрались гайдамаки, то и пришли — человѣкъ сто, на коняхъ и съ оружіемъ — къ монастыр-

»А дѐ гайдамáки, *сизматúки ви пшеклѣнти?*«

Ченчики бíдниі трýсятця: »Не знàемо, вельмóжниі панú.«

»Не знàете, *дáлдани!* охъ, ви, *дáлдани,* не знàете! *пшеклѣнти хлóпи*!«

И давàй шукáть по манастирéві. Шукáли всюди, загляду́вали и за иконостàсъ — немà! Такúі-то навижéнниі Ляхú! Отó бъ дурнúі булú Запорóзці, щобъ ховáлись за иконостàсъ! Імъ у лісу́ найлу́чча схóванка.

Шукáють Ляхú гайдамàкъ, а отáманъ, скóро почу́въ про се, зáразъ и послàвъ двохъ козакíвъ у Замя́тницю. Тúі, прибігли тудú, давàй колóть орандаря́ и всіхъ Жидíвъ.

А мужикú прийшлú до корчмú, да й питàютця: »А щò, панóве? чи нàша вíра?«

»Ажежъ бáчъ, що вáша: не колóли бъ Ляхівъ да Жидівъ.«

То мужикú іхъ и не займàють, а ще до іхъ пристаю́ть.

А Ляхú тимъ чáсомъ пóраютця все ще въ манастирі. Якъ ось прибігъ и зъ Замя́тниці вістовúй: »Панóве! гайдамáки Замя́тницю вúрізали!«

скимъ воротамъ. Монахи вышли къ нимъ съ хлѣбомъ и солью. »А гдѣ гайдамаки, проклятые вы еритики?« Бѣдняжки чернецы трепещутъ: »Не знаемъ, вельможные паны.« — »Не знаете, канальи? охъ, вы, канальи, не знаете! проклятые Хамы!« И давай искать въ монастырѣ. И въ церкви искали вездѣ, заглядывали и за иконостасъ — нѣту! Такіе глупые Ляхи! Что̀ за дураки были бы Запорожцы, чтобы имъ прятаться за иконостасъ! Имъ въ лѣсу самое лучшее убѣжище.

Ищутъ Ляхи гайдамакъ; а отаманъ, какъ только услышалъ объ этомъ, тотъ-часъ и послалъ двоихъ козаковъ въ Замятницу. Тѣ прискакали туда, давай колоть арендатора и всѣхъ Жидовъ. А мужики пришли къ корчмѣ и спрашиваютъ: »А что̀, господа? наша вѣра?« — »Сами видите, что ваша: иначе не кололи бъ мы Ляховъ да Жидовъ.« Мужики ихъ и не трогаютъ, а еще къ нимъ пристаютъ.

А Ляхи между тѣмъ суетятся въ монастырѣ. Вдругъ прискакалъ изъ Замятницы вѣстовой: »Господа! гайдамаки Замятницу вырѣзали!« Ля-

Ляхи́ дра̀ла! да до Жа̀ботина. А ота́манъ пішо̀въ за ни́ми да й порозставля̀въ круго́мъ Жа̀ботина козакі̀въ. То оце́ ви́скочить изъ лі́су коза́къ, повертѝтця-повертѝтця на коні̀ передъ Жа̀ботиномъ, да зновъ и поіде въ лі́съ. То Ляхи́ ду̀мають: »Оце́ жъ круго́мъ Жа̀ботина вже стоя̀ть по́ лі́су гайдама̀ки!«

Да поки́нувши Жа̀ботинъ, да въ Смі́лу. Кома̀нда жъ ру́шила въ Смі́лу, а намі́сникъ, съ козакомъ Лопа́тою, що бувъ опісля́ чу̀рою у Залізняка́, такъ намі́сникъ изъ сі́мъ-то сами́мъ Лопа́тою — у Ка́мянку; бо тамъ ві́нъ жѝвъ, и була́ тамъ у ёго́ со́тня лейстро́вихъ козакі̀въ.

Отъ и пита̀етця намі́сникъ у ота́мана тихъ козакі̀въ: »А що̀, ота́мане? чи мо̀жна стать про́тивъ гайдама́къ?«

»Мо̀жна, ба́тьку, тільки що іхъ ку̀ля не бере́.«

То намі́сникъ, якъ почу̀въ се́е, то побі̀лі̀въ якъ ху̀стка, да й ка̀же: »Ку̀ля не бере́? ку̀ля не бере́?... Такъ іхъ — ти ка̀жешъ — ку̀ля не бере́?«

Да вже боі̀тця и ота̀мана, и одъ ёго́ одхо̀дитъ, да все тільки:

хи тогда драла! и поскакали въ Жаботинъ. А отаманъ пошелъ вслѣдъ за ними и разставилъ вокругъ Жаботина козаковъ. Вотъ козакъ выскочитъ изъ лѣсу, проѣдемъ взадъ и впередъ на конѣ передъ Жаботиномъ да опять и скроется въ лѣсу. Ляхи и думаютъ: »Это значитъ, гайдамаки стоятъ уже въ лѣсу вокругъ Жаботина!« и, оставивши Жаботинъ, пустились въ Смилу.

Команда выступила въ Смилу, а намѣстникъ, съ козакомъ Лопатою, который потомъ былъ слугой у Зализняка, — въ Камянку: тамъ онъ, видите, жилъ, и была у него тамъ сотня реестровыхъ козаковъ. Пріѣхалъ и спрашиваетъ у отамана тѣхъ козаковъ: »А что̀, отаманъ? можно ли намъ стать противъ гайдамакъ?« — »Можно, батько; только то бѣда, что ихъ пуля не беретъ.« Какъ услышалъ это намѣстникъ, такъ и побѣлѣлъ, точно платокъ, и говоритъ: »Пуля не беретъ? пуля не беретъ?... Такъ ты говоришь — пуля не беретъ?« И боится ужъ самого отамана, пятится отъ него и всё только твердитъ: »Пуля не беретъ!

»Кȕля не берé! кȕля не берé!... Гмъ! кȕля не берé!... Такъ ти кáжешъ, отáмане, що іхъ кȕля не берé?«

»А не берѐ, бáтьку.«

»Эгé! кȕля не берé!... эгé! эгé!«

Да, сівши на кóней зъ Лопáтою, да въ Смілу.

Лопáта жъ попѐреду бíжить изъ спúсомъ, а намíсникъ за нúмъ.

Колú жъ, не доíжджáючи корчмú Сумськóі, наганяе іхъ гонéць: »Пáне намíснику! гайдамáки Кáмянку ріжуть!«

Намíсникъ кúнувсь, якъ опáрений, въ Смілу; а Лопáта зъ тимъ гонцéмъ и зостáвсь.

А гайдамáки, стóячи коло Кáмянки, послáли до лейстрóвихъ, визивáючи отáмана до порàди. Отáманъ лейстрóвий вúйшовъ до гайдамáцького отáмана; то сей и кàже: »Щò? ви бýдете зъ нáми бúться, чи нí? Ми не по своíй вóлі прийшлú. Глядíть, щобъ не булó й вàмъ такóго лúха, якъ Ляхáмъ.«

И показáвъ лейстрóвому отáману бумáгу. Якъ показáвъ, то й Каменськàя сóтня пристáла до гайдамáкъ.

пуля не беретъ!... Гмъ! пуля не беретъ!... Такъ ты говоришь, отаманъ, что ихъ пуля не беретъ?« — »Не беретъ, батько.« — »Да, да! пуля не беретъ!... да! да!« И сѣвши на коней съ Лопатою, пустился въ Смилу.

Лопата скачетъ впереди съ копьемъ, а намѣстникъ за нимъ. Какъ догоняетъ ихъ, не доѣзжая до Смилянской корчмы, гонецъ: »Панъ намѣстникъ! гайдамаки Камянку рѣжутъ!« Намѣстникъ бросился, какъ будто его обварили кипяткомъ, въ Смилу, а Лопата съ гонцомъ и остались.

Гайдамаки же, стоя въ Камянкѣ, послали къ реестровымъ козакамъ и просили къ себѣ ихъ отамана на совѣтъ. Реестровой отаманъ вышелъ къ гайдамацкому отаману. Тогда этотъ говоритъ: »Что? будете вы съ нами драться, или нѣтъ? Мы не по своей волѣ пришли. Смотрите, чтобъ и вамъ не было такой бѣды, какъ Ляхамъ.« И показалъ реестровому отаману бумагу. Какъ показалъ, то и Камянская сотня пристала къ гайдамакамъ.

2.

МЕСТЬ ЗА ИМЯ ЖИДА. (*)

Якъ стоя́ли гайдамаки у Мотре́нинському лісі, то оди́нъ ота́манъ назва́въ за щось козака́ Жѝдомъ. »Эхъ ти«, ка́же, »Жѝдъ!«

А той коза́къ: »Такъ я Жѝдъ? такъ я Жѝдъ?« да зъ пистоле́томъ до ёго́.

А ота́манъ бувъ характѐрникъ. »А що?« ка́же, »ти мене́ бу́дешъ стреля̀ти?« да й гру́ди розхрі̀ставъ. »Стреля̀й«, ка́же, коли́ хо́чешъ!«

»А то́ жъ не встрѣлю? Мо́же, ду́маешъ — не візьме?« Да — бехъ! Той и вѝвернувсь.

Отъ козаки́ до ёго́ зъ дуби́нами, за те, що застре́ливъ ота̀мана. А вінъ: »Пострива̀йте«, ка́же, »пано́ве; слу́хайте лишъ, що́ тутъ міжъ на́ми було́ за ді̀ло. Дѐ жъ ви́дано, щобъ козака́ зъ Жѝдомъ рівня́ти? То и всі ви Жиди́, коли́ я Жѝдъ!«

То козаки́, роспита́вши и ви́слухавши всю причѝну, сказа́ли: »Правда. Леда́чому леда́ча й смѣрть.«

(*) *Переводъ.* — Какъ стояли гайдамаки въ Мотренинскомъ лѣсу, то одинъ отаманъ назвалъ за что-то козака Жидомъ. »Эхъ ты«, говоритъ, »Жидъ!« А тотъ къ нему съ пистолетомъ: »Такъ я Жидъ? такъ я Жидъ?« Но отаманъ былъ *характе́рникъ* (чародѣй). »Что̀?« говоритъ, »ты будешь стрѣлять въ меня?« и грудь передъ нимъ открылъ. »Стрѣляй«, говоритъ, »коли хочешь!« — »Ато не выстрѣлю? Можетъ быть, думаешь, не возьметъ?« и выстрѣлилъ. Тотъ и упалъ навзничь. Вотъ козаки къ нему съ дубьемъ, за то, что застрѣлилъ отамана. А онъ: »Постойте«, говоритъ, »господа; выслушайте прежде, что̀ между нами было. Слыханное ли дѣло, чтобъ козака съ Жидомъ равняли? Такъ и всѣ вы Жиды, коли я Жидъ!« И козаки, распросивъ и выслушавъ все дѣло, сказали: »Правда, правда. По дѣломъ ему, негодному.«

3.

ГАЙДАМАКИ ВЪ ЖАБОТИНѢ. (*)

Въ Жа́ботині Жидъ поналічувавъ на людéй стілько до́вгу, що ста́ло вже не въ моготу́ й вйплатитьця: мо́же, въ дѐсятеро більшъ ніжъ вони́ були́ винова́ті. То козаки́ Жаботи́нські не хотіли плати́ть; ка́жуть: »Присягни́!« А вінъ, невіра, взявъ да й присягнувъ. Отоді вже плати́ якъ хо́чъ! Отъ пять козаківъ поробйли собі мале́нькі списи́, щобъ пі́дъ по́лу мо́жна взять, да й пришлй до ёго́ ввéчері, якъ вінъ са́ме сівъ вечѐряти. А Жидівка наділа дороги́й очіпокъ, що вони́ проклятиі но́сять. Отъ одйнъ коза́къ узя́въ да списомъ пі́дъ той очіпокъ и су́не. А Жидъ: »Сцо́ ти, сцо́ ти, се́льма ти? Якъ ти смієсъ!« А вінъ ёго́ якъ порнѐ спи́сомъ! Тогді й Жидівку й Жиденя́ть переколо́ли.

4.

ГАЙДАМАКИ ВЪ УМАНѢ. (**)

Якъ узялй гайдама́ки Умань, то сіли на стольця́хъ середъ го́рода да й звеліли позва́ть панотцівъ. Отъ и привелй до іхъ Ба-

---

(*) *Переводъ.* — Въ Жаботинѣ Жидъ столько присчиталъ людямъ долгу, что не подъ силу ужъ было и выплатить: можетъ, въ десять разъ больше противъ того, сколько они были должны. Жаботинскіе козаки не хотѣли платить, и говорятъ: »Присягни!« А онъ, невѣрный, взялъ да и присягнулъ. Тогда ужъ плати, какъ хочешъ! Вотъ пять козаковъ сдѣлали себѣ небольшія копійца, чтобъ можно было взять подъ полу и пришли къ нему ввечеру, какъ только онъ сѣлъ за ужинъ. А Жидовка надѣла дорогой чепецъ, что онѣ, проклятыя, носятъ. Вотъ одинъ козакъ взялъ да копьемъ подъ тотъ чепецъ и подсовываетъ. А Жидъ: »Сто ты, сто ты, сельма? Какъ ты смѣесъ?« Онъ его какъ пырнетъ копьемъ! Тогда и Жидовку, и Жидинять перекололи.

(**) *Переводъ,* — Какъ взяли гайдамаки Умань, то сѣли на стульяхъ посреди города и велѣли позвать къ себѣ духовныхъ. Привели къ

зиля́нъ. То ота́манъ и ка́же: »А що́, панотці? ми васъ завсегда́ слу́хаемъ? послу́хайте жъ ви насъ хочъ ра́зъ, а ми васъ наградимо́.«

Ти́ бі́дниі тру́сятця; ка́жуть: »Що́ звелите́, вельмо́жниі пани́?«

»Отъ що: візьмі́ть ви́ хрести́ да пройді́ть по у́лицямъ и отпра́вте по́хоронъ.«

Базиля́не побра́ли хрести́, хо́дять по у́лицямъ, пра́влять по́хорони. А наро́дъ пла́че по всёму́ го́роду. И самі Базиля́не пра́влять да й пла́чуть.

Якъ ко́нчили, ота́манъ награди́въ іхъ червінцями да й ка́же своімъ: »А що́, хло́пці? ба́чте, пани́ у яки́хъ хоро́шихъ жупа́нахъ хо́дять? А ви, бі́дахи, ча́сомъ и соро́чки не ма́ете. А ну́те лише́нь, берітесь за діло!«

Отъ тутъ уже́ й пішла́ різня́.

5.

ИСКУСЪ ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЕ БРАТСТВО. (*)

Запоро́зці, якъ підмо́влять, було́ до себе́ на Січъ яко́го хло́пця зъ Гетьма́ніцини, то пе́рше про́бують, чи годи́тця буть Запо-

---

нимъ Базиліянъ. Отаманъ и говоритъ: »Ну, что́, *панъ-отцы*? мы васъ слушаемся; послушайтесь же вы насъ хоть одинъ разъ, а мы васъ наградимъ.« Тѣ, бѣдные, дрожатъ и говорятъ: »Что́ прикажете, вельможные паны?« — »Вотъ что́: возьмите вы кресты, пройдите по улицамъ и отправьте похороны.« Базиліяне взяли кресты, ходятъ по улицамъ, отправляютъ похороны. А народъ плачетъ по всему городу. И сами Базиліяне, отправляя похороны, плачутъ. Когда кончили, отаманъ наградилъ ихъ червонцами и говоритъ своимъ: »Ну, что́, молодцы? видите, какіе хорошіе жупаны на панахъ? А у васъ, бѣдныхъ, иной разъ и рубашки нѣту! А нуте-ка, принимайтесь за дѣло!« Тутъ ужъ и пошла рѣзня.

(*) *Переводъ.* — Какъ сманятъ бывало Запорожцы къ себѣ въ Сѣчь

ро̀зцемъ. Отто́ звеля́ть ёму́ вари́ти ка̀шу: »Гляди́ жъ, вари́ такъ, щобъ и не сира̀ була́, щобъ и не перекипіла. А ми пійдемъ коси́ть. То ти, якъ уже́ бу̀де гото́ва, ви́йди на таки́й-то курга̀нъ, да й зови́ насъ; а ми почу́емо, да й прийдемъ.«

Отъ побѐру̀ть ко́си да й пійдуть ніби-то коси́ть. А дѐ въ чо́рта імъ хо́четця коси́ть! Забѐру̀тця въ коми́шъ да й лежа̀ть. То оце́ хло́пець, звари́вши ка̀шу, ви́йде на моги́лу и за̀чне гука̀ти. А вони́ й чу̀ють, да не озива̀ютця. То винъ гука̀е-гука̀е, да дава̀й пла̀кать: »Отъ занесла́ мене́ нечи́ста си́ла міжъ сі̀ї Запоро́зці! Лу̀чче бъ було́ до́ма сиді̀ти при ба́тькові да при ма́тері. Ато́ ще перекипи́ть ка̀ша, то прийдуть да би́тимуть вра́жі сини́! Ой бі̀дна жъ моя́ голо́вонько! чого̀ мене́ понесло́ міжъ сі̀ї Запоро́зці!«

То вони́, лѐжачи въ траві, вѝслухають усе́ да й ка̀жуть: »Ні, се не на̀шъ«! А да́лі вѐрнутця до куреня́, да даду̀ть тому́ хло́пцеві коня́ и гро́шей на доро́гу, да й ска̀жуть: »Ідь собі къ нечи́стому! намъ таки́хъ не трѐба.«

А якъ-же́ кото́рий уда̀стця росторо́пний и дога́дливий, то ви́й-

---

какого-нибудь парня изъ Гетма́нщины, то сперва пробуютъ, годится ли онъ въ Запорожцы. Прикажутъ ему, напримѣръ, варить кашу: »Смотри же ты: вари такъ, чтобъ не была и сыра, чтобъ и не перекипѣла. А мы пойдемъ косить. Когда будетъ готова, такъ ты выходи на такой-то курганъ и зови насъ; мы услышимъ и придемъ.« Возьмутъ косы и пойдутъ какъ-будтобы косить. А кой чортъ хочется имъ косить! Залѣзутъ въ камышъ и лежатъ. Вотъ парень сваритъ кашу, выходитъ на курганъ и начинаетъ звать. Они и слышатъ, но не откликаются. Зоветъ онъ ихъ, зоветъ, а потомъ въ слезы: »Вотъ занесла меня нечистая сила къ этимъ Запорожцамъ! Лучше было бы сидѣть дома при отцѣ, при матери. Еще перекипитъ каша; придутъ и поколотятъ вражьи дѣти! О, бѣдная моя головушка! кой чортъ занесъ меня къ этимъ Запорожцамъ!« А они лежа въ травѣ, выслушаютъ все это и говорятъ: »Нѣтъ, это не нашъ!« Потомъ воротятся въ курень, дадутъ тому парню коня и денегъ на дорогу и скажутъ: »Ступай себѣ къ нечистому! намъ такихъ ненадо!«

Но который молодецъ удастся расторопный и смѣтливый, тотъ, взо-

шовши на могúлу, кликнѐ разівъ зó два: »Гей, панóве молодці! идíте кàши íсти!« да якъ не озивàютця, то вінъ: »Чòртъ же васъ берú, колú мовчитé! бýду я й сàмъ íсти.« Да ще передъ одхóдомъ удáрить на могúлі гопакà: »Ой тýтъ мині погуля́ти на простòрі!« Да, затягнýвши на ввесь степъ козáцьку пісню, и пійде собі до куреня́, и давàй уплітáти кáшу.

То Запорóзці, лéжачи въ траві, й кàжуть: »Оце нàшъ!« Да, побрáвши кóси, и йдýть до куреня́. А вінъ: »Де васъ у біса носúло, панóве? Гукàвъ-гукáвъ, ажъ охрúпъ; да щобъ кáша не перекипіла, то я почáвъ сàмъ íсти.«

То Запорóзці спогля́нуть одúнъ на одногó да й скàжуть ёмý: »Ну, чýро, вставàй! гòді тобі бýть хлóпцемъ: тепéръ ти рівний намъ козáкъ.«

И приймàють у товари́ство.

Старинные Малороссійскіе балагуры, для забавы гостей, сочиняли иногда смѣшныя небылицы, въ которыхъ сами играли роль трусовъ, или глупцовъ. Это — прямая противоположность любимымъ разсказамъ Польской шляхты о своей храбрости и умѣ. Изъ всѣхъ пороковъ, хвастовство личными достоинствами наименѣе распространено между Малороссіянами. Слѣдующій разсказъ мо-

---

шедши на курганъ, крикнетъ раза два: »Эй, паны молодцы! идите каши ѣсть!« и какъ не откликнутся, то онъ: »Ну, такъ чортъ съ вами, когда молчите! буду я и одинъ ѣсть кашу.« Да еще передъ отходомъ пріударитъ на курганѣ *гопака́* (танецъ): »Ой тутъ мнѣ погулять на просторѣ!« И, затянувши на всю степь козацкую пѣсню, идетъ къ куреню и давай уплетать кашу. Тогда Запорожцы, лежа въ травѣ, и говорятъ: Это нашъ!« и, взявши косы, идутъ и себѣ къ куреню. А онъ: »Гдѣ васъ чортъ носилъ, господа? Звалъ я васъ, звалъ, и охрипъ, да потомъ, чтобъ не простыла каша, началъ самъ ѣсть.« Переглянутся между собой Запорожцы и скажутъ ему: »Ну, чýра (слуга), вставай! полно тебѣ быть *хлóпцемъ* (мальчикомъ, парнемъ): теперь ты равный намъ козакъ.« И принимаютъ его въ товарищество.

его незабвеннаго пріятеля въ Мотренинскомъ монастырѣ характеризуетъ бесѣды нашихъ старосвѣтскихъ военныхъ людей.

6.

ОЧАКОВСКАЯ БѢДА. (1)

Бувáвъ тутъ колúсь чáсто у насъ у манастирі полкóвникъ козáцький съ того бóку Дніпрá; звáвся Перепелúця. То булó якъ зáчне роскáзувати про дáвніи вóйни, такъ умóра да й тілько. Щó — кáже — тепéръ за вóйни? То якъ колúсь нáши Задніпрянські козакú воёвáли, такъ тàкъ! То — кáже — народъ хрàбрий и до войнú тяжко способний. Якъ згадàю — кáже — собі, що якъ бувъ я сотникомъ, то ходúли ми съ свѣтлíйшимъ княземъ Потёмкинимъ ажъ на край світа, підъ Очàківъ, де, казáли намъ, що жінкú якъ перýть, то праникú на нéбо кладýть: тàкъ нéбо тамъ низéнько. То нáшому козáцству и хотілось побàчити такóго дúва, и стрàшно булó такъ далéко одъ дóму одбивáтись. Да щó жъ мáешъ робúти, колú приказъ!

Оттó, ще, мóже, тúжнівъ за двà до похóду, жінкú давáй усячину готóвить у дорóгу: грінкú сушúть, сáло въ возú укладувати. Нариштовáли пóвниі мàжи. Посхóдились усі рóдичи. Плáчъ, жàль такúй по всёмý селý, що Гóсподи! Дѐ жъ бакъ! не близькúй свѣтъ до Очáкова, де нéбо вже такъ низѐнько, що бабú праникú кладýть, перучú на рúчці. Прощáлись зъ нáми бíльшъ якъ тúждень; провожáли за цáрину гурбóю, съ чаркáми, съ пляшкáми. Плáкали, якъ по мèртвихъ, що й сáмъ я трóхи сплакнýвъ, а съ козаківъ дé-які й гѐть-то зарюмали.

Отъ же й пішлú ми до того Очàкова, на край світа. Пришлú, ажъ нí: нéбо ще не дýже нúзько, а хибá трóхи нúжче, якъ у насъ. »Ну«, кáжемо, »слàва жъ тобі, Гóсподи! ще, вúдно, не тýтъ край світу.«

---

(1) Я не рѣшился передать по-Великорусски этотъ юмористическій разсказъ, опасаясь, чтобы мой переводъ не былъ передразниваньемъ, какъ это часто случается съ переводами Малороссійскихъ комическихъ и патетическихъ пьесъ.

Ста́ли ми стоя́ти пі́дъ тимъ Очако́вомъ, да ажъ обри́дло — та́къ до́вго. Кото́рому козако́ві по́вні саквѝ жінка тютюну́ напха́ла, або́ рігъ тоба́ки набйла, то все те повику́рували й повинюхували. Дуже до́вго щось стоя́ли. Приняли́ й хо́лоду й го́лоду, бо сто́яли въ шатра́хъ, якъ Цига́не, и не було́ тамъ ні борщу́, ні варе́никівъ, а все тілько грінкй зъ са́ломъ іли. Отаке́-то ли́хо! Ажъ ось не ста́ло вже става́ть и са́ла, а тілько самі грінкй позоставались. Що́ тутъ чини́ти? Коли́бъ ще козаки́ зъ го́лоду не попропада́ли, то якъ тогді й додо́му верта́тись? Біда́!... Повісили на́ші носи́, зовсімъ змарніли; тілько що диха́ние въ ті́лі, бо ска́зано — що́ зъ сами́хъ грино́къ за смакъ?

Отъ я, взя́вши зъ собо́ю пи́саря со́тенного да осау́ла, да й пішли́ до свїтлі́йшого прохати́, щобъ позво́ливъ посла́ти підво́ди додо́му за са́ломъ. Прихо́димъ, ажъ свїтлі́йший стоїть на рундуку́ и лю́льку ку́рить. Поклонйлись ёму́. А вінъ: »Што́ ви, хахли́?....« да такъ и ля́пнувъ по-Моско́вськи.

Оввà, якъ же пога́но зла́явъ! О, цу́ръ же ёму́, якъ нега́рно!

»Ва́ша свїтлость! бідà прийшла́ козака́мъ!«

»Кака́я бідà?....« изно́въ такъ и загнувъ намъ по-Моско́вськи на всю гу́бу.

А, якъ же паску́дно ла́етця! Да нічого робйти.

»Бідà«, кажу́, »ваша свїтлость: козакй зъ го́лоду мруть!«

»Ка́къ зъ го́лоду, пракля́тиі хахли́?«

»Мру́ть, ва́ша свїтлость: самі грінкй зоста́лись увъ обо́зі, а са́ла вже забу́ли, й яке́ воно́.«

Ще я й не доказа́въ, а вінъ: »Во́нъ, хахли́!.... Ребя́та! вазьміте іхъ!«

Тутъ Москва́ якъ вйскочить да за на́съ, а ми, підобра́вши по́ли, навтіка́ча! А вра́жий Моска́ль, такъ якъ репъя́хъ, и вче́питця, що гѣть ёго́ проволоче́шъ, мо́же, го́ней зо́ двое. Утекли́ наси́лу.

»Эге́, пано́ве!« кажу́ опісля́ своімъ, »оце́ вамъ нау́ка, щобъ бра́ли са́ла ще бі́льшъ, ніжъ хліба, ато́ ба́чъ, яке́ ли́хо!«

Ото́ вже стоїмо́ ми собі хи́рні, імо́ ти́і грінкй. Якъ ось

ста́ла чу́тка, що Ту̀рки йдутъ пі̀дъ Оча́ківъ. Посила́е мене́ світлі́йший зъ со́тнею попѐреду, а самъ му́сить би то йти за на̀ми. Поіхали ми да й ду̀маемъ собі: »Отепѐръ же, ма́буть, прийшла́ на насъ оста́тня годи́на!«

Ідемъ, блука̀емъ по́ полю, якъ неприка́яниі. Коли́ жъ де ні візьми́сь у степу́ ку́рява така̀, на́че чия́ вели́ка панщина́ почала́ віяти жѝто на току́ въ сто лопа́тъ. Оце́ жъ Ту̀рки йдуть! Що̀ тутъ у Го́спода чини́ти? Стреля̀ть би то до нихъ, хочъ и дале́ко, щобъ почу́въ світлі́йший да йшовъ скорійш на пі̀дмо̀гу. Такъ що̀ жъ? по́ки ще прийде, то Ту́рки насъ пошатку́ють на капу́сту. А хочъ и ні, то, якъ пі̀досплю̀ть на́ші, то всѐ таки намъ ли́ха коне́мъ не объіхати: тре́ба бу́де стоя̀ти спѐреду, то всі й пропадемо̀ ні за соба́ку. Що̀ тутъ у Бо́га діяти? Дивлю́сь, ажъ мі̀сто̀къ надъ ярко́мъ... »Бра́тця!« кажу́, »сховаймось пі̀дъ сей мі̀стокъ! Неха̀й че́рті бъю̀тця, а ми пересидимъ тутъ лиху́ годи́ну да й жѝві додо́му ве́рнемось.«

Козаки́ за́разъ мене́ й послу̀хали. Зби́лись у-ку́пку коло ме́не, такъ якъ бжо̀ли коло ма́тки. Сидимо́; коли́ жъ земля́ и звідси и звідти гуде́, такъ ніби дві хма̀рі наступа́ють — одна́ зъ за̀паду, а дру́га одъ схо̀ду со́нця. Якъ зійшо́вся жъ Моска́ль изъ Ту̀рками, якъ ста́ли би́тись, то — Го̀споди, твоя́ во́ля! и родились, и христи́лись, тако́го стра́ху не ба́чили. А да́лі чу́емо, що Моска́ль перейшо̀въ черезъ мі̀сто̀къ да й погна̀въ Ту́рка.

Отъ ми тогді съ-пі̀дъ мостка́. Ди́вимся, ажъ ко́ні такъ и гра̀ють круго́мъ насъ по́ полю, а Ту́рки, що тріски́ на дрівітні, валя́ються ку́пами, а де́-які пора́нені хо̀дять поміжъ ни́ми и самі не зна́ють, куди́ йти, бо й сѝли, й смілості вже чортъ-ма́е, а напу́жані такъ, якъ овѐчки одъ во̀вка: що якъ розженѐ ста́до, то ще до̀вго дурни́і стоя̀ть, вѝлупивши о́чи, по го́рахъ, а пасту́хъ хочъ гукай, хочъ не гука́й.

»Беріте іхъ!« кри́кнувъ я на своіхъ, »вяжіть вра̀жихъ Ту́ркі̀въ, по́ки і̀мъ ду̀хъ не одихне́! ловіть ко́ней!«

Отъ моі козаки́ дава̀й іхъ батова́ти! и набатова́ли со́тень зо́ дві, и гро̀шей по́вні кише́ні понабіра́ли.

»Тепе́ръ же«, кажу́, »хло́пці, звѣрнемъ у бікъ зъ доро́ги да одпочи́немъ тро́хи де-не́будь у байра́ці, бо, мо́же, втомѝлись, ганя́ючись за кіньми; а на́дъ-вечіръ вѣрнемось до свѣтлі́йшого.«

Такъ и зробѝли. А якъ усе́ вгамова́лось и самъ свѣтлі́йший вернувсь до ла́геря, то й мѝ на́дъ-вечіръ причвала́ли. Прихо́димо до ґа̀нку, ажъ вінъ стоіть, зъ лю̀лькою таки́ въ зуба́хъ. За́разъ, якъ поба̀чивъ насъ, такъ и загнувъ намъ по-Моско́вськи: А што ви, хахлѝ?.....«

О, цу̀ръ же ёму́, якъ нега́рно ла̀етця! Овва́!

»Да ми оце́ прийшлѝ спита́тись, ва́ша свѣтлость, кому́ одда́ть на ру́ки плѣнныхъ?«

»Какѝхъ плѣнныхъ, праклѧ́тиі чуби́?«

»Да отъ же, ба́чите, що ми ходѝли увъ объѣздъ изъ своє́ю со́тнею, то якъ напа̀ли на насъ Ту́рки, а ми якъ почалѝ іхъ стреля́ти та руба́ти, то й самѝхъ розігна́ли, и двѣсті плѣнныхъ узялѝ, тѣлько шко́да, що всі пора̀нені.«

»А людей ско̀лька патеряна?«

»Ні одного̀, ва́ша свѣтлость! уся́ со́тня, сла̀ва Бо́гу, жѝва й цѣла.«

»Тьфу̀, праклѧ́тиі хахлѝ! двѣсті плѣнныхъ и са̀ми цѣли! Забра̀ть у нихъ плѣнныхъ! Пашлѝ . . . . . глу́пиі чуби́!«

Такъ намъ загнувъ на прощанне да й одпустѝвъ, спасѝбі ёму́.

То вже тогді моі козаки́ й ка̀жуть: »Якѝй-то тобі, па́не со́тнику, Бігъ ро̀зумъ давъ! Якъ-бѝ тебе́ не послу̀хали, то всі бъ, мо́же, ма́рне пропа́ли; а тепе́ръ, сла́ва Бо́гу, и до̀бичи по́вні ру́ки, и самі зоста́лись жѝві й здоро́ві!«

Послѣ пріятнаго пребыванія въ Мотренинскомъ монастырѣ, наступили для меня опять безплодныя странствованія между Украинскими поселянами, чему впрочемъ были виною обстоятельства, не позволявшія мнѣ проживать долго на одномъ мѣстѣ и чрезъ то сближаться съ народомъ. Одинъ только разсказъ Ивана Бурдуна, стараго бондаря въ мѣстечкѣ Александровѣ, вознаградилъ меня за долгіе мои переѣзды по Чигирѝнщинѣ. Вотъ онъ.

ВЕРБОВКА ВЪ ГАЙДАМАКИ И РАЗВЯЗКА УМАНСКОЙ ТРАГЕДІИ 1768 ГОДА. (*)

Роскáзуе булó покíйний нашъ Гладкий, що гайдамáкъ зъ сáмого почáтку прийшлó зъ Сíчи въ Мотрéнинъ манастúръ тíльки трú, — нíби-то на поклонéние. И такъ собí нíби нíкчемний нарóдъ, вахлаі такі... хóдять булó схилúвшись. Одúнъ же пíшóвъ у Лебединськíй манастúръ, — звáвся Демянъ Гнúда; а другúй, на прізвище Лусконíгъ, пíшóвъ у Мошенський манастúръ; а трéтій, Шéлестъ, зостáвся тутъ, у Мотрéниному. Живé — кáже — гóдівъ зó два и всé рóбить ратищá, скупóвуе жупáни, шаровáри, шапкú, чóботи. То, якъ хто спитáе: »Нá що се, брáте?« — »Се«, кáже, »подáмъ у Сíчъ гостúнця, бо тамъ усé тéе дорогé, а нарóдъ знай прибувáе, то трýдно на одéжу.«

Ми жъ тому́ й вíримъ: дýмаемъ, що справдí то вінъ хóче подáти у Сíчъ гостúнця. Колú жъ идý — кáже — я разъ до цéркви у Мотрéнинъ манастúръ, ажъ вінъ, той Шéлестъ, стоíть на стéзці, сáме на Спáсовімъ Ярý, и вже въ жупáні. Бо пéрше, бу-

---

(*) *Переводъ.* — Разсказываетъ бывало покойный нашъ Гладкій, что гайдамакъ съ самаго начала пришло изъ Сѣчи въ Мотренинскій монастырь только трое — какъ-бы на поклоненіе. И такъ себѣ какъ-будто ни къ чему годный народъ, такіе вахлаи ... ходятъ бывало согнувшись. Одинъ пошелъ въ Лебединскій монастырь, — звался онъ Демянъ Гнида; другой, по прозванію Лусконігъ, пошелъ въ Мошенскій монастырь; а третій, Шелестъ, остался тутъ, въ Мотренинскомъ. Живетъ онъ — говоритъ — года два и всѣ дѣлаетъ копья, скупаетъ жупаны, шаровары, шапки, сапоги; и когда спроситъ кто-нибудь: »На что это, братъ, тебѣ?« — »Это«, говоритъ, »пошлю въ Сѣчь гостинецъ; тамъ все это дорого, а народъ всё прибываетъ, такъ трудно достать одежды.«

Мы тому и вѣримъ: думаемъ, что въ самомъ дѣлѣ это онъ хочетъ послать въ Сѣчь гостинецъ. Какъ иду — говоритъ — я разъ въ церковь, въ Мотренинъ монастырь, смотрю — онъ, этотъ Шелестъ, стоитъ на тропинкѣ, какъ разъ на Спасовомъ Яру, и ужъ въ жупанѣ. Прежъ-

ло́, хо́дить у невірне́нькій свйточці, а тепе́ръ вже — ка́же — на ёму́ жупа̀нъ, си́ні штани́, ша̀пка до́бра, ша̀бля припа́сана, за по́ясомъ пистолѐти, — геть все чйсто.

»Здоро̀въ«, ка́же, »бра́те Анто́не!«

»Здоро́въ!«

»Приставà й«, ка́же, »въ козаки́!«

А я ка́жу: »Що̀ жъ? у мене́ й ба́тько, й ма́ти, и братй есть, то бу́дуть мене́ ла̀ять.«

»Да приставà й«, ка́же: »у насъ бу́де до̀бре, въ насъ та̀къ бу́де, въ насъ та̀къ бу́де. Ми, по́ки ві̀ку, козаки́ козака́ми бу́демо.«

А мині стра̀шно; я й кажу́: »Намъ и та̀къ до́бре.«

»Да приставà й!«

Я щѐ таки́ бою́сь.

А вінъ: »Идѝ лише́нь до во́за.«

Иду́, ажъ и візо́къ за де́ревомъ стоіть. А коло возка́ Жидъ и Ля̀хъ лежя́ть повя̀зані. Я якъ подивйвсь на нихъ: »Э, се жъ уже́ щось не до̀бре, коли́ вя́жуть!« да й страхъ мене́ ще бі̀льший узя́въ.

А вінъ тя̀гне зъ возка́ бокла́гу. »Пйй«, ка́же, »горі̀лку!«

де бывало ходитъ въ дрянной свиточкѣ, а теперь ужъ — говоритъ — на немъ жупанъ, синіе штаны, хорошая шапка, сабля припоясана, за поясомъ пистолеты — все, какъ слѣдуетъ. »Здорово«, говоритъ, »братъ Антонъ!« — »Здорово!« — »Приставай«, говоритъ, »въ козаки!« А я говорю: »Что̀ же? у меня и отецъ, и мать, и братья есть; будутъ меня бранить.« — »Приставай«, говоритъ: у насъ хорошо тебѣ будетъ, у насъ будетъ такъ-то и такъ-то. Мы, пока живы, будемъ козаками.« А мнѣ страшно, я и говорю: »Намъ и такъ хорошо.« — »Да приставай!« Я все боюсь. А онъ: »Поди-ка сюда къ возу.« Иду, глядь — и тележка стоитъ за деревомъ. А подлѣ тележки лежатъ связанный Жидъ и Ляхъ. Я, какъ посмотрѣлъ на нихъ: »Э, плохо дѣло, когда ужъ вяжутъ!« и еще большій страхъ на меня нашелъ. А онъ тащитъ изъ тележки *бокла́гу* (плоскій бочонокъ). »Пей«, говоритъ, »водку!« А я го-

А я кажу́: »Що́ жъ, бра́те? ще ра́но, ще тільки до церко́въ задзвони́ли.«

»Да пий«, ка́же, »бра́те! *Оди́нъ тому́ часъ, що ба́тько въ пла́хті.*« (1)

Якъ узя́въ, якъ узя́въ коло ме́не впада́ть, — я, нічого роби́ть, напи́всь тро́хи.

»Пий ще́!«

Я ще́ напи́вся.

»Приставай«, ка́же, »бра́те!«

А я все́ таки́ бою́сь.

Тогді вінъ насипавъ на долоню по́роху, да ростеръ-ростеръ зъ горілкою, да помазавъ мене́ по виду́, то така́ за́разъ охо́та взяла́, що тільки дай спи́съ у ру́ки, здае́тця бъ, пішо́въ да й души́въ би всякого.

Вінъ за́разъ мині жупа́нъ, ша́блю, пистоле́ти припаса́въ, убра́въ мене́ зовсімъ по-коза́цьки, и ра́тище давъ.

»Ходімо жъ«, ка́же, »за кле́на, да тамъ и стій, да хто́ бъ ні йшовъ, хто́ бъ ні іхавъ — бери́ й вяжи́.

ворю: »Что́ же, братъ? еще рано, еще только что поблаговѣстили въ церквахъ.« — »Да пей, братъ!« говоритъ: »*оди́нъ тому́ часъ, що ба́тько въ пла́хті.*« (1) Какъ началъ онъ этакъ меня ублажать, я — нечего дѣлать — выпилъ немного. »Пей еще!« Я еще выпилъ. »Приставай, братъ!« говоритъ. А я всё таки боюсь. Тогда онъ насыпалъ на ладонь пороху, растеръ его съ водкой и какъ намазалъ мнѣ лицо, такъ мнѣ тотъ-часъ такая пришла охота, что только дай въ руки копье, — кажется, пошелъ бы и душилъ всякаго. Онъ далъ мнѣ тотъ-часъ жупанъ, саблю, привѣсилъ пистолеты, нарядилъ меня совсѣмъ по-козацки и копье далъ. »Теперь«, говоритъ, »пойдемъ за этотъ кленъ, тамъ стань и, кто бы ни шелъ, кто бы ни ѣхалъ, бери всякаго и вяжи. Пошелъ я — го-

---

(1) Пословица, относящаяся къ обычаю переодѣваться въ разныя платья на другой день сватьбы. Отецъ новобрачной переодѣвается женщиною и надѣваетъ *пла́хту* (тканую юбку).

Пішóвъ — кáже — я за клéна; колú жъ дивлю́сь, ажъ усю́ди вже козакú й стоя́ть по-за дерева́ми. [А вінъ-то хотівъ, щобъ ніхтó не давъ звістки у Жáботинъ комáнді.]

Постáвивъ менé: »Глядú жъ, дóбре пильнýй, щобъ ніхтó не пройшóвъ, ні проíхавъ.«

Отъ я постóявъ тамъ трóхи, пóки той чáдъ пройшóвъ, да пóтімъ якъ одýмаюсь, якъ схоплю́сь на рáтище, да якъ пущу́сь додóму!

Прибíгъ, а бáтько: »Дѐ се ти бувъ?«

»Бідà«, кажý, »тáту! Шéлестъ козакíвъ ужé збирáе!«

Отъ бáтько полáявъ менé трóхи да й кáже: »Ховáйся жъ, врáжий сúну! атó бýде тобí одъ ёгó лúхо!«

То я якъ пішóвъ ховáтьця, то ховáвсь ажъ три гóди.

А Шéлестъ якъ почýвъ, що вже комáнда про ёгó знáе и пішлá на Ведмѐдівку, на Писáрську Гáть, то зобрáвъ, сáме на Святý Неділю, двíсті козакíвъ, да прямо у манастúръ. Да чýдно, що дѐ тúи козакú удрýгъ узялúсь, дѐ воní й кóней набрáли, и усёгó! А народъ тілько що зъ цéркви почáвъ вихóдить, ажъ сíи назý-

---

воритъ (Гладкій) — за кленъ; смотрю — уже вездѣ козаки стоятъ за деревьями. [А онъ, видите, хотѣлъ, чтобъ никто не передалъ вѣсти командѣ въ Жáботинъ.] Поставилъ онъ меня. »Смотри же, хорошенько сторожи, чтобъ никто не прошелъ и не проѣхалъ.« Вотъ я постоялъ немного, пока тотъ угаръ прошелъ, а потомъ какъ опомнюсь, какъ прыгну, опершись на копье, какъ прибѣгу домой! Прибѣжалъ, а отецъ: »Гдѣ это ты былъ?« — »Бѣда«, говорю, »*mámo!* Шéлестъ козаковъ ужъ собираетъ!« Отецъ побранилъ меня немного и говоритъ: »Скройся же, вражій сынъ, ато будетъ тебѣ отъ него бѣда!« Я, какъ пошелъ скрываться, то цѣлыхъ три года прятался.

А Шéлестъ, какъ услышалъ, что уже команда про него знаетъ и пошла на Ведмéдовку, на Писáрскую Гать, то собралъ, въ самую Святую Недѣлю, двѣстѣ козаковъ и прямо въ монастырь. И дивно, оттуда тѣ козаки тотъ-часъ явились, гдѣ они добыли лошадей и всего! Народъ только что началъ выходить изъ церкви, а они навстрѣчу. Народъ такъ и

стрічъ. То наро́дъ такъ и шара̀хнувъ зъ манастиря́: »Э, се жъ Гайдама̀ки!« А Ше́лестъ и почà̀въ гуля́ть съ козака́ми. Музи́ки, пісні́, та́нці!

А ченці нічо̀го і́мъ; сидя́ть собі по ке́лияхъ, бо давно́ ще про те́е зна́ли. Ще, ско́ро Ше́лестъ прийшо́въ у Мотре́нинський лісъ... а тамъ тогді були́ вели́кіі трущо̀би, гущина́ непроходи́ма, и живъ тамъ у лісу́ оди́нъ чернѐць — ще й до̀сі ке́лийка стоіть — то вінъ и сказà̀въ тому́ ченце́ві: »Иди́« , ка́же, »звідсі, о́тче; тутъ тобі не жи́ть, бо тутъ козаки́ бу́дуть; тутъ бу́де такѐ, тутъ бу́де такѐ.« То чернѐць и зійшо̀въ съ того́ мі́ста и вкопавъ собі у дру̀гімъ мі́сті пече́ру, — такъ, мо́же, якъ до того́ плетня́ по-пі̀дъ земле́ю муръ стоіть.

Отъ же, погуля̀вши-то тамъ Ше́лестъ съ козака́ми, и повівъ і́хъ у лісъ на Сі́чъ. А тамъ есть таке́ мі́сто у Мотре́нинському лісу́, що и звідсі байра́къ, и звідти байра́къ, а по сере́дині такъ якъ шпи́ль стоіть. То вони́ на тімъ шпи́лику обрубà̀лись и жили́ го́дівъ зò три. Оце́, було́ поіде і́хъ чоловікъ де́сять, пятна́дцять, да

бросился уходить изъ монастыря. »А, это гайдамаки!« А Ше́лестъ и ну гулять съ козаками. Музыка, пѣсни, танцы!

Чернецы же ничего имъ; сидятъ себѣ въ кельяхъ: они давно про то знали. Еще какъ только пришелъ Ше́лестъ въ Мотренинскій лѣсъ.... а тамъ были тогда большія трущобы, густота непроходимая, и жилъ тамъ въ лѣсу одинъ чернецъ — и до сихъ поръ еще стоитъ келійка — такъ онъ и сказалъ тому чернецу: »Поди«, говоритъ, »отсюда, отче; тутъ не жить тебѣ, затѣмъ что здѣсь будутъ козаки, тутъ будетъ то и то.« Такъ чернецъ и сошелъ съ того мѣста и вырылъ себѣ въ другомъ мѣстѣ пещеру, — такъ, можетъ, какъ вонъ до этого плетня, стоятъ подъ землею стѣны.

Вотъ, погулявши тамъ Ше́лестъ съ козаками, и повелъ ихъ въ Сѣчь. А тамъ есть въ Мотренинскомъ монастырѣ такое мѣсто, что съ одной и съ другой стороны буеракъ, а посрединѣ — точно шпиль стоитъ. На томъ шпилѣ они сдѣлали засѣку и жили года три. Бывало поѣдетъ человѣкъ десять, пятнадцать ихъ, схватятъ какого-нибудь человѣка

попадýть якóго чоловіка, и давàй мýчить, щобъ казáвъ, у когó е грóши, абó хорóша одѐжа; да прúйдуть у ночі да й дерýть; такъ що всяку нічъ булó лю́де вибірáютця спать у буръянъ. Тілько чáсомъ и въ буръяні знахóдили. А комáнда до іхъ не прихóдила, бо й самà боялась. Да щò тамъ тиі й комàнди булó!

Оттó якъ зібрàлось іхъ у кóжному манастирі по трúста чоловікъ, то й Залізнякъ зъ Запорóжжя приіхавъ, да зобрáвшись до-кýпи, усіхъ девять-сóтъ чоловікъ, и рýшили въ Пóльщу. Прийшлú въ Тальнѐ, а тамъ ярмарокъ: то ярмарокъ такъ и сунýвъ! А Залізнякъ послáвъ завертàть: »Не бійтесь, лю́де дóбрі, не бійтесь: ми васъ не зачѐпимъ; гуляйте собі й базарýйте!«

А зъ Тальнóго пішлú до Уманя. И тàмъ тѐжъ ярмарокъ. Да якъ побàчили, що йде Залізнякъ, то ярмарокъ у зáмокъ и запèрсь. А воні́ зáмокъ узялú да й вирізали усіхъ Ляхівъ и Жидівъ. То казáвъ мині Лопáта [а той Лопáта да бувъ три гóди чýрою при Залізнякý], то казáвъ, що оттàкъ изъ зáмку кровъ бігла. (1)

и давай мучить, чтобъ говорилъ, у кого есть деньги, или хорошая одежа; а потомъ придутъ ночью и грабятъ; такъ что всякую ночь бывало люди уходятъ спать въ бурьянъ. Но иногда и въ бурьянѣ гайдамаки ихъ находили. Команда же къ нимъ не приходила: затѣмъ что и сама боялась. Да сколько было всего той команды!

Вотъ, какъ собрались въ каждомъ монастырѣ по триста человѣкъ козаковъ, то и Зализнякъ изъ Запорожья пріѣхалъ; собрались они всѣ, девять-сотъ человѣкъ, и двинулись въ Польшу. Пришли въ Тальнѣ, а тамъ ярмарка; ярмарка такъ и рынулась прочь! Зализнякъ послалъ козаковъ воротить ее назадъ: »Не бойтесь, люди добрые, не бойтесь: мы васъ не тронемъ; гуляйте себѣ и торгуйте!«

А изъ Тального пошли къ Уманю. И тамъ тоже ярмарка. Какъ увидѣли, что идетъ Зализнякъ, то ярмарка заперлась въ замкѣ. А гайдамаки взяли замокъ и вырѣзали всѣхъ Ляховъ и Жидовъ. Разсказывалъ мнѣ Лопата, [а тотъ Лопата былъ три года *чурой* (слугой) при Зализнякѣ], что вотъ какъ изъ замка кровь бѣжала. (1) Завладѣвъ Уманемъ,

---

(1) Разскащикъ показалъ на косточку ноги.

Отъ, якъ опановали Умань, то й поставили усюди свій караўлъ. Колй жъ и iдуть два Дони: одинъ ніби-то старшій, а другий простий. Залізнякъ принявъ іхъ за гостей; угощае такъ, що куди! Ажъ ось, трохи згодомъ, іде знову три Дони. Вінъ и тихъ принявъ. Колй жъ іде чоловіка вже пять гусаръ. Тогдi вінъ и постерігъ ужé, що бідá буде, да й зовè Лопату, свого чуру. А се самъ Лопата й росказувавъ мині.

»Иване!« каже.

А я — каже — кажу: »Чого батьку?«

»Иди липъ«, каже, »сюди!«

Я — каже — й пішовъ, такъ изъ-за груби въ граńськихъ домахъ.

Вінъ узявъ, розщепнувъ каптанокъ, розщепнувъ чересъ коло себе, такъ якъ кичка набитий червінцями. »На«, каже, »тобі сей чересъ; якъ вивезешъ, то будешъ менé згадувать.«

»А ви жъ, батьку?«

»Э, ми«, каже, »тутъ пропадемо!«

Ужé постерігъ сердешний.

Кажу: »Якъ же я звідсі вийду?«

поставили вездѣ свой караулъ. Какъ вотъ — и ѣдутъ два Донца: одинъ какъ-бы старшина, а другой простой. Зализнякъ принялъ ихъ какъ гостей: такъ угощаетъ, что куды! Какъ вотъ, спустя немного времени, ѣдутъ опять трое Донцовъ. Онъ и тѣхъ принялъ. Какъ вотъ ѣдетъ человѣкъ уже пять гусаръ. Тогда онъ и догадался, что будетъ бѣда, и зоветъ къ себѣ Лопату, своего чуру. А это самъ Лопата и разсказывалъ мнѣ. »Иванъ!« говоритъ. А я — говоритъ — говорю: »Что, батько?« — »Поди-ка«, говоритъ, »сюда!« Я — говоритъ — и пошелъ такъ, изъ-за печки въ графскихъ хоромахъ. Онъ разстегнулъ полукафтанье, разстегнулъ на себѣ *чересъ* (кожанный поясъ), такъ какъ на хомутѣ кичка, набитый червонцами. »Возьми«, говоритъ, »себѣ этотъ чересъ; коли вывезешь, то будешь вспоминать меня.« — »А вы, батько?« — »Э что! намъ«, говоритъ, »тутъ погибать!« Уже догадался сердечный. »Какъ же«, говорю, »мнѣ отсюда выдти?« — »Возьми«, говоритъ, »моего коня за по-

Ка́же: »Візьми́ мого́ коня́ да веди́ до водѝ. Якъ ста̀нуть тебе́ пита́ть: Куди́ йдѐшъ? то ти скажи́, що поведу́ ба́тькового коня̀ напова́ти, то вони́ й пу̀стять.«

Коли́ жъ я ви́гляну съ ха́ти, ажъ уже́ вя́жуть гайдама̀къ. И оце́ звя̀жуть двохъ̀ за ру́ки, спи́нами оди́нъ до одного́, да й мі̀шо́къ землі на рука́хъ поло́жять; то вони́ бі́дниі й стоя̀ть такъ по дво́е вку́пі. А я взя̀въ коня́ да й веду́. А вже всю̀ди Моско́вська сторо̀жа стоіть; и пита̀ють мене́: »Куди́ йдешъ?«

»Поведу́«, кажу́, »ба́тькового коня̀ напова́ть.«

То вони́ й пустѝли.

Отъ я напоівъ коня́, и вже бъ то тре́ба мині втіка̀ти; да та̀къ мині ста́ло ёго́ жаль! Ду́маю собі: »Вернусь!«

Тілько що ви́брівъ зъ води́, ажъ бі̀жить зъ міста коза́къ, уже́ на Жидівскому коні: »Куди́?«

»Поведу́ ба́тькові коня̀.«

»Уже́«, ка́же, »ба̀тька чортъ узя́въ, и тебѐ візьме.«

Да рвонѐ въ мене́ зъ рукъ того́ коня́, а мині кінувъ Жидівського. »Ну́мъ«, ка́же, »втіка́ти!«

Ки́нулись ми втіка̀ть, а за на́ми два До̀ни. То гна́лись за на́-

---

водья. Когда спросятъ тебя: Куда идешь? то ты скажи, что ведешь *батькина* коня къ водопою; такъ они тебя и пропустятъ.«

Посмотрѣлъ я изъ хаты — уже вяжутъ гайдамакъ. Свяжутъ двоихъ руками и спинами одинъ къ другому да и земли мѣшокъ положатъ; такъ они бѣдные и стоятъ вмѣстѣ. А я взялъ коня и веду. А всюду уже Московская сторожа стоитъ; и спрашиваютъ меня: »Куда идешь?« — »Поведу«, говорю, »батькина коня къ водопою.« Они меня и пропустили.

Вотъ я напоилъ коня, и ужъ нужно бы мнѣ уходить, но такъ стало мнѣ жаль *его?* и думаю себѣ: »Ворочусь!« Только что выбрелъ изъ воды, какъ скачетъ изъ города козакъ — уже на Жидовскомъ конѣ: »Куды?« — »Поведу батьку коня.« — »Уже«, говоритъ, »батька чортъ взялъ, и тебя возьметъ!« и вырвалъ у меня изъ рукъ коня, а мнѣ бросилъ Жидовскаго. »Уходи«, говоритъ, »со мной!« Поскакали мы опрометью,

ми одъ півдня́ до само́ї но́чи, да вже ажъ коло Тально́го згуби́ли насъ у лісу́. А ми їхали додо́му дво́е су́токъ, блука́ли все по за́куткахъ и нічо́гісінько не іли. А всю́ди вже стоїть сторо́жа: ло́влять гайдама́къ. Приїхали ніччу до Кальни́хъ Боло́тъ, а коза́къ ка́же: »Ось потрива́й лишъ, я тутъ бро́дъ зна́ю.« (1)

Ста́ли брісти́, а ко́ні въ воді якъ захлюпоста́ли, то тутъ за на́ми: »Лови́! лови́!«

Ми по ко́няхъ! А коза́къ хотівъ ра́тище попра́вить, да якъ підпе́ръ мене́ підъ че́ресъ, — такъ и перерізавъ. Че́ресъ у во́ду тілько бря́зь!... пропа́ли гро́ши!

А ми, якъ ускочили въ лісъ, то полягали на ко́ней да тілько нога́ми поганя́емъ, — неси́ куди́ хочъ! Да якъ приїхали додо́му, то ще до́вго я хова́вся, по́ки усовітовали ба́тьку лю́де пійти́ до губерна́тора да сказа́ть, що я на тімъ бо́ці жи́то перевіва́въ. То ще му́сивъ ба́тько їздити на той бікъ за свидітельствомъ одъ грома́ди, да, напоівши грома́ду, й привізъ мині те́е свидітельство. То вже тогді я між люде показа́вся.

а за нами вслѣдъ два Донца. И гнались они за нами до самой ночи, да ужъ подлѣ самого Тального потеряли насъ въ лѣсу. Мы ѣхали домой двое сутокъ, бродили всё по скрытнымъ мѣстамъ и ничего, ничего не ѣли. А вездѣ ужъ стоитъ сторожа: ловятъ гайдамакъ. Пріѣхали ночью къ Кальни-Болотамъ; козакъ и говоритъ: »Погоди-ка, я тутъ бродъ знаю.« (1) Начали мы бресть, а лошади въ водѣ заполоскались, такъ тутъ за нами: »Лови! лови!« Мы по лошадямъ! А козакъ хотѣлъ копье поправить, да какъ подсунулъ мнѣ подъ чересъ — такъ и перерѣзалъ. Чересъ въ воду — только брякъ!... пропали деньги! А мы, какъ вбѣжали въ лѣсъ, то прилегли на коняхъ и только ногами погоняемъ — неси, куда хочешь! И какъ пріѣхали домой, то еще долго я прятался, пока люди присовѣтовали отцу пойти къ губернатору и сказать, что я на той сторонѣ (Днѣпра) жито вѣялъ. Такъ отецъ принужденъ былъ ѣздить на ту сторону за свидѣтельствомъ отъ *громады* (общества) и, напоивши громаду, привезъ мнѣ свидѣтельство. Тогда только я появился между людьми.

---

(1) Черезъ рѣчку Гнилый Тикичъ.

Оттакѐ-то колúсь дiялось! Лопáта вже той давнó вмеръ, и слýхъ затúхъ объ гайдкмáкахъ. Да бувъ я разъ у Манастирúщi; а за Манастирúщемъ есть ямúглибóкiи; то я ставъ да й дивлюсь: що бъ се за ямúбулú? Колú жъ идѐ старúй чоловiкъ. »Дiдýсю!« кажý, »що опѐ за ямúтакi?«

»А ти«, кáже, »хибá не тутѐшнiй?«

»Нi«, кажý, »я здалѐка, ажъ изъ Чигирúнського повiту.«

»Опѐ жъ«, кáже, »вáшi Чигирúнськi гайдамáки лежáть. Тутъ iхъ порýбано ажъ дéвять-сóтъ; и якъ навалúли землéю, то кровъ изъ ямъ свистáла вгóру заввишкú съ чоловiка. А чи бáчишъ три хрестú гень-гѐнь стоáть? Отó лежать iхъ ватажкú. Тамъ порозстрéлювали Шéлеста, Лусконóга и Гнúду.

Тотъ же старикъ сообщилъ мнѣ воспоминанiе о поединкахъ у Запорожцевъ, совершенно для насъ новое.

ПОЕДИНКИ У ЗАПОРОЖЦЕВЪ. (*)

Запорóзцi, скóро булó заспóрять, зáразъ на поединокъ на пистолéти. Розстѐлють бýрку; одúнъ на одномý рiжкý стáне,

---

Такiя-то дѣла когда-то творились! Лопата тотъ давно ужъ умеръ, и слухъ замолкъ о гайдамакахъ. Но однажды былъ я въ Монастырищѣ; а за Монастырищемъ есть глубокiя ямы. Я сталъ и смотрю: что бы это были за ямы? Какъ вотъ идетъ старикъ. »Дѣдушка«, говорю, »что это за ямы такiя?« — »А ты«, говоритъ, »развѣ здѣшнiй?« — »Нѣтъ«, говорю, »я издалека, изъ Чигиринскаго повѣта.« — »Это«, говоритъ, »ваши Чигиринскiе гайдамаки лежатъ. Тутъ девятистамъ имъ отсѣкли головы, и какъ навалили землею, то кровь изъ ямы свистѣла къ-верху вышиной въ человѣка. А видишь ты вонъ, вонъ три креста стоятъ? То лежатъ ихъ отаманы. Тамъ разстрѣляли Шéлеста, Лусконóга и Гнúду.«

(*) *Переводъ*. — Запорожцы лишь только бывало повздорятъ, тотъчасъ и выходятъ на поединокъ на пистолетахъ. Раскинутъ бурку; одинъ

а дру́гий на дру́гому, да й стреля́ють. Ото́ въ іхъ тілько й суда́.

Помѣщенныя въ этомъ томѣ думы и преданія дадутъ читателямъ понятіе о томъ, въ какомъ свѣтѣ представляется Малороссійскому простолюдину историческая старина его и въ какихъ формахъ онъ передаетъ ее будущимъ поколѣніямъ. Но чисто фантастическій міръ Малороссіянина-поселянина гораздо шире и роскошнѣе міра фактовъ. Чтобъ дать читателямъ понятіе о силѣ воображенія и живописности мечтаній моего родного племени, помѣщу, въ заключеніе перваго тома Записокъ моихъ, одинъ изъ фантастическихъ народныхъ разсказовъ, не рѣшаясь однакожъ переводить его, изъ опасенія впасть въ несоотвѣтственный подлиннику тонъ рѣчи, что́ было бы почти неизбѣжно.

СТРАНСТВОВАНІЕ ПО ТОМУ СВѢТУ. (1)

Мо́же, не було́ й на всёму́ світі кра́щихъ-дітокъ, якъ у на́шої па́нії. Було́ въ ії́ дві до́чечки. Ста́ршеньку зва́ли Ганну́ся, а ме́ншеньку Катру́ся. И що́ жъ то були́ за дітки, коли́ бъ ви іхъ

станетъ на одномъ углу, а другой на другомъ, и стрѣляютъ. Вотъ у нихъ и вся расправа.

---

(1) Желаніе народа проникнуть въ тайны загробной жизни удовлетворяется у насъ въ Малороссіи разсказами стариковъ и старухъ, которые *обмирали*, т. е. лишались на время признаковъ жизни. На распросы окружающихъ, что̀ съ ними было во время ихъ обмиранья, они не обинуясь отвѣчаютъ, что были на томъ свѣтѣ, и разсказываютъ разныя видѣнія, сообразныя съ понятіями слушателей о наказаніяхъ за злыя и наградахъ за добрыя дѣла. Я полагаю, что эти разскащики и разскащицы не совсѣмъ ясно сознаютъ свой обманъ, такъ какъ сами они ни мало не сомнѣваются въ возможности своихъ видѣній. Образы мукъ и радостей загробныхъ напечатлѣны у нихъ въ воображеніи съ дѣтства; они только приспособляютъ ихъ къ лицамъ, отшедшимъ въ вѣчность изъ ихъ околотка, подобно тому, какъ Данте, въ своей поэмѣ, сажалъ въ адъ и въ рай Флорентинцевъ и Итальянскихъ героевъ. Можно представить себѣ, какъ сильно дѣйствуетъ на

ба́чили! Якъ дві зи́рочкі Бо́жі на не́бі. Отъ же не до́вго й повтіша́лась ними́ бі́дна на́ша па́ні: забра́въ іхъ обо́хъ Госпо́дь милосе́рдний; бо се вже звісна річъ, що Госпо́дь кра́ще собі бере́, а пло́хше лю́дямъ оставля́е. И що́ жъ то попопла́калась и по вбива́лась за ними́ на́ша па́ні! Правди́во ска́зано, що якъ ма́ти пла́че, то мовъ річка ллетця.

Ото́ жъ разъ привели́ до не́і одну́ на́шу таки́ ба́бу, стару́ престаре́незну, що неда́вно обмира́ла и на тімъ сві́ті була́, и все ба́чила, що́ тамъ дієтця съ поме́ршими душами, — чи не потішить вона́ ії яко́ю звісткою. Привели́, то Явдо́ха на́ша приступи́ла таки́ до па́нії та й ка́же: »Добро́дійко! ось прийшла́ стара́ Дуби́ниха, що обмира́ла й на тімъ сві́ті була́, и все ба́чила, що тамъ ро́битця съ поме́ршими душами. Спита́ли бъ ви ії, чи не потішить вона́ васъ яко́ю звісткою.«

То па́ні підвела́ тро́хи го́лову та й ди́витця на ту Дуби́ниху... А Дуби́ниха стоіть передъ не́ю стара́, престаре́незна, ажъ страшна́: ска́зано — съ то́го сві́ту пове́рнена.

»Такъ ти на тімъ сві́ті була́?«

»Була́, моя́ добро́дійко.«

»Що́ жъ ти тамъ ба́чила?«

»Усе́ ба́чила, добро́дійко, що дієтця съ поме́ршими душами.«

»А ба́чила жъ ти тамъ мою́ Ганну́сю й Катру́сю?«

простые умы свидѣтельство старика, или старухи, только что возвратившейся съ того свѣта. Ужасъ и удивленіе не даютъ мѣста недовѣрчивости; слушатели на всю жизнь сохраняютъ убѣжденіе въ справедливости фантастическаго разсказа; и, если съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ случится обмиранье, онъ, въ болѣзненномъ состояніи мозга, легко можетъ выдавать то, что́ рисовало ему нѣкогда воображеніе, за видѣнное на томъ свѣтѣ. Повѣрья о *померших душахъ* слышалъ я въ разныя времена, отъ разныхъ лицъ. Они обыкновенно сходны между собою въ общемъ и варируются только въ частностяхъ. Я собралъ граціознѣйшія черты этихъ разсказовъ въ послѣдовательную повѣсть о загробной жизни, и такимъ образомъ предлагаемая статья получила нѣкоторую обработку, которой обыкновенно нѣтъ въ нериѳмованныхъ созданіяхъ народной фантазіи. Надѣюсь, однакожъ, что моя компиляція сдѣлана въ духѣ народной поэзіи и не уменьшила цѣны игрѣ необразованнаго воображенія.

»Бáчила,« кáже, »й Ганнýсю, бáчила й Катрýсю«....

Пáні ажъ зъ ліжка скóчила: »Щó жъ воні тамъ рóблять?«

»Мáти Бóжа панчішку плетé, а воні передъ нéю золоті клубóчки держáть.«

Такъ такі й кáже: »Мáти«, кáже, »Бóжа панчішку плетé, а воні передъ нéю золоті клубóчки держáть.

Пáні моя́ якъ почýла се, то зъ рáдості й слóва не вúмовить; а дáлі якъ кúнетця навкóлішки передъ óбразомъ... А въ нéі въ опочивáльні óбразъ стоя́въ, велúкий да гáрний: намалёвана Пречúста зъ дитúною: мовъ живá дúвитця зъ малёвáння. Якъ кúнетця вонá передъ той óбразъ, якъ зціпить рýки, якъ запла́че! А ми всі стóячи й собі запла́кали.

»Мáти«, кáже, »Бóжа, Царúце небéсна! ой я́къ же ти моé сéрце втішила, що ти моіхъ дітóкъ, якъ сирітокъ, приголýбила! Та пла́че жъ то гірко, та все дя́кує! А ми й собі стóя пла́чемо.

Дáлі отó вже вгамовáлась, перепла́кала та й веселíйша трóхи ста́ла. Роспúтує въ тиéі Дубúнихи: »Бабýсю«, кáже, »голýбонько! скажúжъ мини, щó тамъ ищé дíетця съ помéршими дýшами?«

»Ой пáні«, кáже, »зозýле моя́! чи мóжна жъ те язикóмъ зговорúти, щó тамъ на тімъ свíті дíетця? Хоча́-бъ, здаéтця, не пúвъ и не íвъ, а все роскáзувавъ, що й тоді бъ не переговорúвъ усёго...

»Отó«, кáже«, якъ прúйшла́ вже мини гóдúна вмирáти, то смерть и ста́ла съ косóю въ менé въ ногáхъ. Якъ ста́ла, то нóги такъ и похолóли.«

А ми стоімó, та слýхаючи морóзъ такъ и пішóвъ у насъ поза спúною.

»Дáлі«, кáже, »и живíтъ, и рýки, и все такъ и похолóло... Дивлю́сь, ажъ вонá вже въ менé въ головáхъ. Якъ замахнé косóю, то душá тілько пýрхъ! такъ якъ птáшка вúлетіла та й полетíла, полетíла по хáті, и сíла въ кутку́ на óбразі, пíдъ сáмою стéлею. А гріхú ста́ли на порóзі та й не пуска́ють душі съ

ха́ти. Отъ, я«, ка́же, »ба́чу, що нікуди ви́йти; дивлю́сь, ажъ вікно́ очи́нене. Я — пу́рхъ у вікно́! и пішла́, пішла́ по́лемъ. Лѣгко та лю́бо мині та́къ, мовъ за́разъ на світъ народи́лась. Дивлю́сь, ажъ не сама́ я йду, а веде́ мене́ яки́йся дідъ, а куди́ вінъ мене́ веде́, бою́сь спита́тись.

»Идемо́, коли́ жъ гризу́тця два соба́ки надъ шля́хомъ, та́къ гризу́тця, та́къ гризу́тця! А дідъ и ка́же: »»Се не соба́ки, се два »брати́, що погри́злись та й поби́лись, идучи́ сте́помъ. То Богъ и »сказа́въ: Коли́ вже й рі́дні́ брати́ бъю́тця, то де жъ бу́де те »добро́ між людьми́? Неха́й же«, ка́же, »»ста́нуть вони́ соба́ками и »гризу́тся, по́ки не бу́де іхати Мартиримя́нъ.«« Такъ и ста́лось по Бо́жому. Ми вже й минули іхъ, а вони́ всѣ вищя́ть та гризу́тця.

»Идемо́«, ка́же, »сте́помъ; коли́ жъ я́ма така́ глибоче́нна, що й дна́ неви́дно. Дідъ ка́же: »»Лізь!«« А я бою́сь. »»Лизь!«« ка́же. Му́сила я полізти. Гля́ну, ажъ се вже дру́гий світъ. Скрізь сидя́ть поме́рші души, усе́ по стаття́мъ: молоди́і въ молодій статті, а стари́і въ старій, и хто якъ на сімъ світі заслужи́въ, те й на тімъ світі прийма́е. Хто старця́мъ ми́лостиню подава́въ, то все те передъ ім и лежи́ть: чи шмато́къ хліба, чи кільце́ ковба́ски, чи эа́ла кришени́къ, то все такъ на стола́хъ передъ ни́ми й лежи́ть; а хто не дава́въ, то та́къ сидя́ть.

»Идемо́«, ка́же, »ажъ хо́дять воли́ въ тако́му спашу́, що й рігъ неви́дно съ трави́, а самі худі, худі, якъ до́шка. А біля́ іхъ хо́дять воли́ по самій землі — ні трави́нки під ногами́ нема́, да жиръ ажъ по землі тиліпа́етця. Отъ дідъ и ка́же: »»Оце́««, ка́же, »»що худі́і воли́, то то бага́ті лю́де, що жили́ самі въ ро́скоші, а »біднимъ не помага́ли; а си́тиі воли́, то то бідні лю́де, що одъ »свого́ ро́та одийма́ли та старця́мъ изъ послідне́го дава́ли. Отъ »же вони́ тепе́ръ и си́ті й напо́ені, а ти́і по ро́ги въ спашу́, та худі, »лкъ до́шка.«« Та́къ-то на сімъ світі и бага́тиі, й хоро́шиі, й ща-

сли́виі — усі помру́ть, усѐ мине́тця. Ска́зано: *Сей свѣтъ — якъ ма́кївъ цвѣтъ, день цвітѐ, а въ-ночі опадѐ!*

»Идемо́«, ка́же, »ажъ мі́жъ двома́ дуба́ми гори́ть у по́ломъі чоловікъ и кричи́ть: »»Ой, про́бі! укри́йте мене́, бо заме́рзну! ой »укри́йте мене́, бо заме́рзну!«« Дідъ и ка̀же: »»Оце́««, ка́же, »»той »чоловікъ, що проси́вся до ёго́ зімою въ ха́ту подоро́жній, а на »дворі була́ метѐлиця та хуртови́на, а вінъ не пусти́въ, дакъ той »и змѐрзъ пі́дъ ти́номъ. Оце́ якъ тепѐръ вінъ гори́ть у по́ломъі, »а ёму́ щѐ здае́тця, що хо́лодно, и терпи́ть вінъ таку́ му́ку, якъ »той подоро́жній терпівъ одъ моро́зу.««

»Идемо́«, каже, »дальшъ, коли́ жъ лежи́ть чоловікъ коло крини́ці; тече́ ёму́ рівча̀къ черезъ ротъ, а вінъ кричи́ть: »»Про́бі! дайте »напи́ться! про́бі! да́йте напи́ться!«« Дідъ и ка̀же: »»Сей««, ка́же, »»не давъ чолові́кові въ жнива́ води́ напи́ться. Жавъ вінъ на ни́ві, »ажъ иде́ ста̀рчикъ доро́гою, а жара́ велика, Спа̀сівська. »»Ой««, »ка́же, »»чоловіче до́брий! да́й, ра́ди Христа́, води́ напи́ться!«« А »вінъ ёму́: »» Оце́ жъ для те́бе вивізъ! Ви́ллю на ни́ву, а не дамъ »»тако́му дармоі́ду, якъ ти!«« То отъ, теперъ ёму́ рівча̀къ черезъ »го́рло бі́жи́ть, а вінъ щѐ пить про́сить, и до віку вічного бу́де »ёму́ такъ жа́рко да тя́жко, якъ тому́ ста̀рцеві, що йшовъ до»ро́гою.««

»Идемо́«, каже, »ажъ кипи́ть у смолі жінка, а передъ не́ю цибу́лька лежи́ть. Дідъ и ка̀же: »»Се««, ка́же, »»му́читця такъ ма́ти »ва́шого старо́го тѝтаря Они́сима, що було́ все старцівъ году́е »та біднимъ помага́е, а нікóли жо́дної душі не обідивъ и ні въ »одному́ слòві не збреха́въ. Була́ вона́ багата, та скна́ра, що одъ »не́і ніхто́ й хліба куска́ не ба̀чивъ. Ото́ разъ поло́ла вона́ цибу́лю, »ажъ иде́ поузъ воръе́ дідъ–ста́рець. »»Подари́««, ка́же, »»паші»ма́тко, ра́ди Христа́!«« Вона́ ви́рвала стрілку: »»Приймѝ««, ка́же »ста́рче Бо́жий.«« Тілько жъ одъ неі й ба̀чили. Отъ, якъ умѐрла, »то вже звісно — тутъ своя́ доро́га, а тамъ тебе́ поведу́ть. Взяли́

»ії небо́гу та ії потягли́ въ пе́кло. А Они́симъ и поба́чивъ зъ не́ба, »що вона́ вели́ку му́ку прийма́е, та й ка́же: »»Бо́же мій ми́лий, »»Спасе мій Христе́! за всю мо́ю щи́рость, за всю мою́ пра́вду, »»зроби́ мині таку́ ла́ску: неха́й и моя́ ма́ти бу́де въ раю́ зо мно́ю.«« »А Христо́съ и рече́ ёму́: »»Ні««, ка́же, »»Они́симе! ве́льми »»грішна твоя́ ма́ти. Візьми́ хи́ба оту́ цибу́льку, що лежи́ть передъ »»не́ю, та коли́ ви́тягнешъ ії съ тиі бе́здни, то неха́й и вона́ бу́де »»въ раю́ съ тобо́ю.«« Узя́въ вінъ ту́ю стрілочку та й пода́въ ма́»тері. Схопи́лась вона́ за не́і... отъ, о́тъ ви́тягне, отъ, о́тъ ви́тягне »съ пе́кла! бо що́-то Бо́жому свято́му? Ажъ ні: якъ поначіплюва»лись ій и въ пла́хту, и въ намітку грішниі ду́ши, що бъ и собі съ »того́ пе́кла ви́братьця, то й не здержала та́я цибу́лька: перерва́»лась, а вона́ такъ и бо́втнула въ гаря́чу смо́лу!««

»Идемо́«, ка́же, »ще дальшъ, ажъ стоіть по по́ясъ у жару́, та́къ яко́ъ горщо́къ на при́пічку, нашъ покійний Бабинець, що ще якъ па́рубкомъ бувъ, то обмира́въ. Я й пізна́ла ёго́. »»За що се ти««, кажу́, »»Семе́не, таку́ му́ку прийма́ешъ?«« — »»Що́ жъ««, ка́же, »»бабу́сю? якъ обмира́въ я па́рубкомъ, то хо́дивъ усю́ди по дру»го́му світу, уся́кі му́ки ба́чивъ, а да́лі зайшо́въ до яко́гось діда. »Сиди́ть и все́ до ку́пи ли́ка зва́зуе. Оце́ одріже одъ жму́тка два »шмато́чки, та зва́же до-ку́пи та й повісить на кило́чку, одріже, »»зва́же та й повісить на кило́чку. »»Дидусю!«« кажу́, »»що оце́ »»ви ро́бите?«« — »»Се««, ка́же, »»я па́ри пару́ю.«« — »»А »»мо́я жъ па́ра тутъ є́сть?«« — »»Есть««, ка́же: »»ось де«« та й, »зва́завъ и повісивъ на кило́чку. »»Якъ же мині пізна́ти свою́ »»па́ру?«« — »»А ось якъ: Якъ пійдешъ ти на свята́хъ у корчму́ »»та загра́ють музи́ки, то вона́ пе́рша пійде въ танець, бо вона́ »»охо́ча до музи́къ: ото́ жъ тво́я й па́ра.«« А я, грішний, и по»ду́мавъ: »»Коли́ жъ бу́де хоро́ша, то бу́ду сва́тать, а якъ-же по»»га́на, то візьму́ ка́меня зъ собо́ю та и вбъю́.«« Узя́въ ка́ме»ня и пішо́въ до корчми́. Коли́ жъ, ско́ро загра́ли музи́ки, ажъ и »вийшла, та така́ жъ нечума́зна! Я якъ хря́пну ії ка́менемъ по́ го»віло, а самъ навтікача! Та якъ пішо́въ, то волочи́всь ро́ківъ,

»мóже зò два, и вже дѐ не свáтавсь? ніхтó не йдѐ та й нѐ йдѐ за »мéне. То я собі й дýмаю: .»»Пійдý ще въ йнше село, та зачнý »»свáтатьця съ крáйнёі хáти, не минáючи жóдноі; мóже, чи не »»оддáсть хто.«« Идý, ажъ стоіть сельцé. Отъ я въ крáйню хà»ту. Дивлю̀сь — дівчúна гàрна, чи вже, мóже, такъ мині тогді »здалò̀сь. Ставъ свàтать — оддалú. Отó жъ и стáвъ я жúть изъ »нéю. Та разъ у свя́то зібрáлись жінкú до-кýпи пообідавши, та »й ськàютця собі підъ хáтою у холодкý, А однá ськáе моій жін»ці въ голові та й питàе, а я й чýю: »»Чогó се««, кáже, въ тебé »»шрàмъ у голові?«« — »»Се я««, кáже, »»ще дівкою гуля́ла »»разъ на святкáхъ у корчмі; а одúнъ врáжий синъ здурівъ, чи »»вúпився, — ухопúвъ каменю̀ку та менé пó голові; то трóхи не вмèр»»ла; та вже я́кось одхàяли.«« А я слýхаю та й догадàвсь, що се »та самá, що звязáвъ мині Богъ у пàру!... Отъ за те-то я тепéръ »у жарý по пóясъ стою́, що пішóвъ протúвъ Бóжоі вòлі.««

»Идемó«, каже, »щѐ дальшъ, ажъ гайдáмака, такúй старúй та здоровéнний, гàдъ рукáми зъ я́ми до я́ми нóсить, а чéрті óстями ёгó поганя́ють. Дідъ и кàже: »»Сей««, кáже, »»багàцько натворúвъ »гріхівъ на тімъ світі, и покýту велúку вúдержавъ, — и покý»та ёгó не слобонúла. Тя́жко велúкі гріхú ёгó! за те вінъ и мý»читця гіршъ надъ усі грíшниі дýши. Дòвго розбивáвъ вінъ на»ро́дъ, різавъ старóго й малóго, дáлі одýмавсь та й пішòвъ спо»відáтьця. Прийшòвъ до одногó попá: »»Вúсповідай менé, па»»ноче, та накúнь якý покýту«« — »»Які жъ твоі гріхú?«« — »»Оттакі й такі: багáцько я дýшъ изъ світа зогнáвъ, и отця́ й мà»»тіръ убúвъ.«« — »»Э, на такі гріхú немà въ менé покýти!«« »Вінъ узя́въ та и вбúвъ того́ попá. Идé до дрýгого: »»Вúспові»»дай менé, паноче, та накúнь покýту.«« — »»Які жъ твоі грі»»хú?«« — »»Оттакі й такі.«« И тòй кáже: »»Немà на іх »»покýти.«« Вінъ и того́ вбúвъ. Дáли бà́чить, що ніхтò ёгó не »вúсповідае, почýвъ, що есть десь такúй пíпъ, що ще малèнь»кимъ бáтько продáвъ ёгó нечúстому, за те, що помíгъ у дорóзі ия«рятовати вóза съ калю̀жи; такъ вінъ и въ пèклі вже бувъ, та

»якось вйкрутивсь звйдти и зробйвсь попòмъ. »»Пійду жъ«« , кáже, »»я шукáть сёгó попà: сей ужé пéвне, пакúне на менé покýту.«« »Идé, ажъ той пíпъ и іде ёмý назýстрічъ. Питáетця: »»Чи ти бувъ »»у пéклі?«« — »»Бувъ.«« — »»А чи бáчивъ же ти тамъ мій па»»трéтъ, мою дýшу?«« — »»Бáчивъ.«« — »»Щóжъ вона тамъ »»рóбить?«« — »»Гадъ«« , кáже, »»рукáми зъ ямú до ямú нó»»сить, а чортú óстями íй поганяють.«« (1)— »»Ну«« , кáже, »»ко»»лú ти вже и съ того́ свíту вернýвсь, то ти на менé накúнешъ »»покýту.«« — »»Які жъ твоі гріхú?«« — »»Оттакі й такі: ба»»гáцько я дýшъ изъ свíта зогнáвъ и отця́ й мàтіръ убúвъ.«« — »»Э, тяжкúй«« , каже, »»твоі гріхú!«« Та повівъ ёгó на гó»ру, на могилкú, та íй кáже: »»Візьмú жъ«« , кáже, »»ти оцю́ яблу»»нéву пàлку ; вонá мúні ще одъ могó діда достáлась; та по садú »»íй оттýтъ на могилкáхъ, та чи бáчишъ гень–гéнь у пóлі кринú»»ця? Ходú ти рáно й вéчіръ до тúі крúнúці, носú вóду рòтомъ »»и поливáй сю пàлку. Колú вонá прúйметься и вúросте зъ нéі »»яблуня, и поспíють яблука, и ти іхъ усі струсишъ, тогді спа»»дýть съ тебé и всі гріхú твоі.«« Сказáвъ та й поíхавъ собí. »Отó жъ, рóківъ, мóже, черезъ трúдцять, іде зновъ той пíпъ черезъ »той лíсъ, мúмо тихъ могилóкъ, іде, та тàкъ ёмý звідкись запáхли »яблука! Гляне, ажъ на могилкáхъ такà хорóша та рясна́ яблуня »стоíть! а на яблуні яблучка все срібні, тілько двóе золотúхъ; а »підъ яблунею сидúть дідъ, сúвий, сúвий, якъ молокò. Побáчивъ »попá, пізнáвъ, да тілько рукóю на яблуню скúнувъ: вже й слóва не »промóвить. Тогді пíпъ : »»Эгé! та се жъ«« , кáже', »»той гай»»дамáка, що я покýту накúнувъ?... »»Ну«« , кáже, »»трусй.««

---

(1) См. Дантовъ »Адъ«, пѣснь XXXIII: »Какъ! сказалъ я: ты уже умеръ?—Онъ же въ отвѣтъ: Я не знаю, какимъ образомъ тѣло мое еще живетъ на землѣ. Эта Птолемея отличается тѣмъ, что часто душа падаетъ въ нее, прежде нежели Атропосъ дастъ ей толчокъ. Чтобы ты охотнѣе освободилъ глаза мои отъ застывшихъ слезъ, знай, что лишь только душа согрѣшитъ предательствомъ, въ чемъ виновенъ и я, тѣло ея дѣлается немедленно добычею демона, который управляетъ имъ до послѣдняго дня жизни, а душа падаетъ въ этотъ ужасный ледникъ и, можетъ быть, тамъ на верху еще кажется въ живыхъ тѣло души, которая дрожитъ позади меня.«

»Струснувъ дідъ яблуню, — усі серібні яблука обсипались, а »двое золотихъ висить. Чого вже не робивъ вінъ? якъ не збивавъ? »висять та й висять!... »»Оце жъ«« , каже, »»твої два гріхи ви »»сить, що ти отця й матіръ убивъ.«« Та, набравши въ хусточку »яблукъ, и поіхавъ собі. А гайдамака тамъ и сконавъ. И му- »читця оттутъ вінъ гірше надъ усіхъ грішниківъ, и ніколи не »буде ёму пільги. Усімъ буде колись пільга, а ёму не буде.««

»Идемо« , каже, »дальшъ, ажъ лежить черезъ провалле кла- дочка така хистка, що вся такъ и колишетця. А провалле таке глибоченне, що й дна не видно, — тілько щось гудѐ, такъ якъ у котлі кипить. Якъ ступила я на ту кладочку, якъ хитнусь, то трохи, трохи не впала. И впала бъ такий, колибъ дідъ не вхопивъ за рукавъ. »»Э, ні!«« каже, »»ще тобі не пора туди: ще ти вер- »неся на той світъ. Багато тамъ людей погубля свої души то »лайкою, то бійкою, то скнаростю, то кражею, то душогуб- »ствомъ безбожнимъ. Отъ же, якъ вернесся,«« каже, »»то гледи »мині, роскажи людямъ про всѐ, що тутъ бачила; нехай вони зна- »ють, що то за муки пекельниі, нехай памятають на праведний »судъ Божий; бо вже«« , каже, »»мученикъ Иванъ у Киеві, въ пе- »черахъ, по шию въ землі стоіть; а якъ увійде зовсімъ у землю, »тогді ніколи буде каятьця.««

И багато, багато роскázувала про той світъ стара Дубиниха. Не можна всёго того жаднимъ розумомъ збагнути. А пані слухае- слухае, да зновъ: »Бабусю-голубонько! а дітокъ же моіхъ якъ ти бачила?« А вона: »Да я жъ кажу тобі, моя добродійко, що ба- чила я іхъ високо, високо въ раю Божому. Мати Божа панчішку плете, а вони передъ нею золоті клубочки держять.«

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПѢСНИ О РАЗОРЕНІИ КІЕВА БАТЫЕМЪ.

Да не славнѣйшій го́родъ Медвѣдівка изъ своіми города́ми,
Якъ славнѣйшій Пили́пъ Орлі́въ зъ двома́ козака́ми:
Оди́нъ Грицько́, дру́гій Андрій, на віру гони́тель,
Всімъ города́мъ Украінськимъ вінъ бувъ розори́тель.

. . . . . .

Въ неділю ра́но-поране́ньку у всі дзво̀ни дзво́нять,
И стари́і, и мали́і въ весь го̀лосъ голо́сять,
На коліна упада̀ють и Бо̀га про́сять:
»Поможи́ намъ, Бо́же, Ки́евъ го́родъ боронѝти,
Дождемо́ Пе́ршоі Пречи́стоі, бу́демъ обі́дъ становѝти.«

. . . . . .

Въ неділю ра́но-поране́ньку го́рода доста̀ли,
Всімъ церква́мъ Украінськимъ верхѝ позбива̀ли,
Полотня́ні образи́ пі́дъ кульба̀ки кла́ли,
Дзво́нами спижо́вими ко̀ні напова́ли,
Въ свяги́хъ церква́хъ ко̀ні становѝли.

. . . . . .

Примѣчаніе. Пѣсня эта записана Э. О. Руликовскимъ въ Васильковскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи и помѣщена въ его прекрасной книгѣ »Opis Powiatu Wasylkowskiego« (стр. 181).

Онъ объясняетъ ее такъ:

»Думу эту надобно отнести ко времени нашествія хана Батыя на Русь и Кіевъ. Хотя въ ея складѣ замѣтно недавнее происхож-

деніе (1), однакожъ она выразительно проникнута этимъ воспоминаніемъ. — — О разореніи Кіева, и именно церквей его, Синопсисъ говоритъ такъ: »Крестъ съ главы церковныя золото»кованный сняша, а верхъ до полу-церкве по окна повелѣніемъ »проклятого Батыя испровергоша, такожде и верхъ олтаря ве»ликого по перси иконы Пресвятои Богородицы избиша«. Изъ этого ясно, что нынѣшняя пѣсня согласна съ историческимъ преданіемъ, ибо упоминаніе о Пилипѣ Орливѣ и его двоихъ товарищахъ ни сколько тому не противорѣчитъ, такъ какъ извѣстно, что народная пѣсня часто замѣняетъ старыя имена своихъ богатырей новыми. Народъ не заботится о томъ, такъ, или иначе, назывался богатырь пѣсни: для него важенъ характеръ, выражаемый воспѣтою личностью, важны мысль и слово, которыми запечатлѣна эта личность. Поэтому Пилипомъ Орливомъ (Филиппъ Орликъ) можетъ быть у него здѣсь Батый, а два его товарища суть Манкý и Пета.«

II.

СТИХИ НА КАРТИНѢ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ЗАПОРОЖЦА-КОБЗАРЯ.

Надъ бандурою:

Струни мої, струни золотні! загра́йте мні стїха,
Ачѣй (2) коза́къ нетя́жище позабу́де ли́ха!

Надъ ковшемъ:

Въ насъ у Січі то и но́ровъ, хто *Отче на̀шъ* зна́е,
Якъ уми́вся, вста́вши вра́нці, то ча̀рки шука́е.

---

(1) Почтенный авторъ ошибается, думая, что народъ способенъ складывать пѣсни о временахъ давно прошедшихъ: это свойственно однимъ писателямъ. *Медведовка*, прославившаяся гайдамачествомъ, и *Пилипъ Орливъ* показываютъ только смѣсь пѣсенныхъ воспоминаній, происходящую отъ забвенія старины. Примѣръ нерѣдкій. — (2) *Ачѣй* — авось-либо.

Чи чàрка то, чи ківшъ бу́де, не глядѝть переміни;
Гладко пъють, якъ зъ лу́ка бъють до ночно́ї тіні.

Внизу картины:

Дивѝся та гада́й, та ба, не вгада̀ешъ,
Відкі́ль ро̀домъ и якъ зову́ть, ні чичи́ркъ не взна́ешъ.
Кому́ тра̀пилось хоть разъ у степу́ гуля́ти,
То мо́же той и прізвище моє́ угада́ти.
Въ мене́ имя́ не одно̀, а есть іхъ до ка̀та:
Такъ зову́ть, якъ набіжѝшъ на яко́го сва́та.
Жидъ зъ бідѝ за рідного ба̀тька почита́е,
Милости́вимъ добро́діемъ Ля̀хъ назива́е;
А ти якъ хо̀чъ назови́, на всѐ позволя́ю,
Аби́ тілько не кра̀маремъ, бо за те й пола̀ю.
Відкі́ль я ро́домъ взя́вся на світі,
Всѐкий зъ васъ хо́че зна́ти приміти.
Жіно́къ въ Сі́чі нема̀е,
Всякъ те до̀бре зна́е.
Хиба́ ска́жешъ — изъ рѝби ро́домъ,
Або́ съ пу́гача дідъ мій плодомъ.
Но въ томъ себе́ мѝлишъ
И на-крѝво цілишъ.
У насъ сугако́ві тілько сліди,
А ди́кіі ко̀ні намъ сусіди;
А Дніпро́ве стрѐмя —
То̀ на́ше пле́мя.
Тро́хи Ляхва́ угада̀ла,
Що лошака̀ дарова́ла.
Гля̀нь на гербъ сей знаменитый, —
Вінъ виси́ть на дубу́ обви́тий.
Пра́вда, якъ кінь въ степовій во́лі,
То такъ коза̀къ на безъ до́лі:
Куди́ схо̀че, туди́ ска́че,
За козако́мъ ніхто̀ не запла́че.

Гай-гай! якъ я бувъ мо̀лодъ, що̀ въ мині була́ за сѝла!

Ляхівъ нещáдно бъючи́, рукá й рàзъ не зомліла.
А тепéръ и вòшъ дýжча відъ Ляхá здаéтця:
Плéчи и нігти болять, якъ день попобъéсся.
Такà-то, бачу, недóвга літъ нáшихъ годи́на:
Скóро цвітé, скóро и вя́не, якъ у пóлі билѝна,
Хочá мині й не стрàшно на степу́ вмирáти,
Тілько жáлко, що нікому бýде поховàти:
Татáринъ цурàетця, а Ляхъ не пристýпить,
Хибá якá звірюка за нóгу у байрàкъ поцýпить.
Та вже жъ пристáрівшись на Рýсь пійти́ мушý,
Ачѐй такѝ одпоминáють попи́ мою́ дýшу.
Тілько жъ мині негòже на лáві вмирáти,
Бо щѐ менé берé охóта зъ Ляхáми гуля́ти.
Хочá вже трóхи й зледащівъ, да щѐ чýють плéчи —
Кáжетця, поборóвся бъ щѐ зъ Ляхáми ꙗъ рéчи,
Ачѐй би що-нéбудь перекѝнули для смéрті...
Або Жи́ду, або Ляху́ мýшу нóса втéрти.
Ищé бъ прогнáвъ Ляхви́ хорýговъ за Ви́слу не трòхи,
Розлетілись би вони́ всі, якъ одъ пожáру блòхи.
Лучàлось мині на степу́ варити пи́во:
Пивъ Тýрчинъ, пивъ Татàринъ, пивъ и Ля̀хъ на-ди́во.
Багáто й тепѐръ лежѝть на степу́ съ похмілля
Мéртвихъ голівъ и кістóкъ одъ того́ весілля.
Надія въ менé пéвна — мушкѐтъ-сіромáха,
Ищé не заржáвіла и шàбля, моя́ свáха.
Хоть ужé не рàзъ пáсокою вми́лась,
Такѝ вонá й тепéръ якъ-би́ розозлѝлась,
То не одѝнъ кателѝкъ лóбомъ догори́ стáне,
Колѝ жъ поквáпитця́ втікàти, на списý застря́не.
Та якъ и лýкъ натягнý, бря́зну тятивòю,
То мýсить утикáти ханъ Кри́мський зъ ордóю.

Эй нýте лишъ, степи́, горіть пожарáми,
Бо вже чàсъ кожýхъ міня́ти на жупáнъ зъ Ляхáми.
Та якъ я́рмарокъ дóбрий удáча покàже,
То въ бариші Жидъ зъ Ляхóмъ не одѝнъ поля́же.

Пѣкъ імъ! якъ намóжутця, то мȕсишъ уступи́ти:
За шкатȕлу червòнихъ и за рòндикъ (1), зóлотомъ ши́тий,
Кожȕхъ скрупíлий ски́нешъ імъ до ка́та,
Аби́ якъ сцура́тися упря́мого сва́та.
Да вже біжи́ чимъ дужъ до Січи могорічȕ пи́ти...
Цȕръ імъ бода́й! якъ зви́кли насъ Ляхи́ дури́ти!

III.

МѢСТА ИЗЪ ДУМЫ РИГОРЕ́НКА О ФЕСЬКѢ ДЕНДЕБЕ́РѢ, НЕВОШЕДШІЯ ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ ДУМЫ АНДРЕЯ ШУТА О ТОМЪ ЖЕ ГЕРОѢ.

»Гей На́сте Горова́я,
Шинка́рко молода́я,
Каба́шнице степо́вая!
Не велю́ я тобі сёго́ козака́ съ ха́ти виганя́ти,
Хочъ я свій осьмàкъ на пи́во викида́ю,
А ти ёго́ съ ха́ти не вибива́й.«

. . . . . .

Исъ-підъ поли́ позлоти́стий недоли́мокъ (2) виньмàе,
По столȕ три ра́зи затина́е,
Коза́цьку пісню співа́е:
»Ой ріко коза́цькая!
Тепе́ръ ме́не або́ зодяга́й,
Або́ до себѐ приньмàй.«

Тоді де взяли́ся три джу́ри мали́хъ-невели́кихъ:
Що пе́рвий джу́ра идѐ,
Па́ру жупа̀нівъ ёмȕ не́се;
Дру́гий джу́ра идѐ,
Жо́вті сапъя̀нці ёмȕ несе́,
А тре́тій джу́ра идѐ,
Широ́кии, що й слідъ замита́ють черво́ні шарова̀ри несе́,

(1) Конскій уборъ.
(2) Келепе́ць. *Пр. п.*

И оксами́тну ша̀пку на го́лову ёму́ несе́.
Вони́ ёму́ приноша̀ли
И до ёго́ промовля̀ли:
»Гей Феськò Дендебе́ре,
Ба́тьку коза́цький, славний лѝцаре!
До́ки тобі ту́та пустова̀ти?
Часъ-пора йти на Вкраіну батькува́ти.«
Тоді Феськó Дендебе́ря пола́тану, подра́ту, узлова́ту оде́жу скида̀е,
Па́ру жупа̀нівъ надіва́е;
Постоли́ бобро́ві,
Ли́чані, вязо́ві,
Знімà е,
Жо́вті сапъя́нці обува́е,
И на своіхъ джу́ръ покликà е:
»Гей, джу́ри ви моі малі-невели́кі!
До̀бре ви до́йте,
Сихъ Ляхівъ,
Ду́ківъ-сріблянико́въ,
По оди́нцю съ ха́ти вивождайте,
Та середъ оболо́ння іхъ покладà йте,
Хорошéнько въ три берéзи по ду́пахъ затинà йте.«

. . . . . .

Тоді ті Ляхи́,
Ду̀ки-сріблянико́й,
Тéе зачува́ли,
До̀бре до́йли,
Зъ шѝнку утіка́ли;
А опісля́ до ёго́ прихожда̀ли,
Соболёвими шу̀бами ёго́ дарува́ли,
Слова̀ми до ёго́ промовля́ли:
»Гей Феськó Дендебе́ря!
Коли́бъ ми тебé були́ зна̀ли,
Сади́ли бъ були́ тебé, не займа̀ли.«
Тоді Феськó Дендебе́ря на шинка̀рку покликà е:
»Гей, шинка́рко Горова́я,
На́сте молода́я,

Кабáшнице степовàя!
Гей, кадукú бъ тобі въ м.....!
Тепéръ мені цéберъ мèду, а дрýгий горілки насипáй,
Велю́ тобі іхъ на скамъі становѝти;
А я, якъ не могу́ тобі заплатѝти,
То стáну до тебé на три гóди грýби топѝти.«
Шинкáрка Горовáя,
Нáстя молодáя,
Кабáшница степовáя,
Тéе зачувáе,
Цéберъ мèду, дрýгий горілки насипáе,
На скамъі постановля́е,
До ёгó словàми промовля́е:
»Гей, Феськó Дендебéря,
Гетьмáнъ Запорòзький, Черкáський,
Товàришу нáський,
Якъ-бú я тебé булá знàла,
То я бъ тебé съ хáти въ потúлицю не вибивàла
А тепéръ, коли хòчъ ищé въ менé дóвше погуля́ти,
Я тобі могу́ ищé въ мáслі каплунівъ зготувàти.«

Якъ погуля́въ Феськó Дендебéря тамъ ще чотúри недѝлі,
То оттáмъ усі ёгó бúті талярѝ засіли.

IV.

ПѢСНЯ О КОЗАКѢ ВАСЮРИНСКОМЪ.

Да встàнь, бáтьку съ того світу, велúкий гетьмáне! (1)
Якъ поідемъ до Царѝці — по прѐжнёму стáне.
»Ой Царѝце, нáша мáти! змúлуйся надъ нáми,
Оддàй же намъ нáші зéмлі съ тéмними лугáми.«
»Не на тèе, мúле брáтте, я Січъ руйновàла,

(1) Не помню, гдѣ-то замѣчено, что этотъ стихъ относится къ Потемкину. Но Потемкинъ умеръ спустя много лѣтъ по разореніи Сѣчи, которое, по свойству народнаго вдохновенія, не могло быть воспѣто такъ поздо. Здѣсь разумѣется Богданъ Хмѣльницкій.

Ой щобъ я вамъ ва̀ші зе́млі, клейно̀ди верта́ла.«
Тече́ річка невели́чка, підмива́е кру̀чи:
Запла̀кали Запоро́зці, одъ Цари́ці йду́чи.
Васюри́нський козарлю́га все пъе та гуля́е,
Ота́мана кошово́го ба̀тькомъ назива́е:
»Позво́ль, ба̀тьку ота́мане, намъ на ба̀шті ста́ти:
Якъ не сти́дно а Цари́ці та Січъ руйнова́ти!
Не позво́лишъ съ шабелька̀ми, позво́ль съ кулака̀ми:
Неха̀й на́ша слава́ не ги́не поміжъ козака́ми!«

V.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПѢСНИ, ПРОКЛИНАЮЩЕЙ БОГДАНА ХМѢЛЬНИЦКАГО ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО ТАТАРАМЪ УКРАИНСКИХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ НЕВОЛЮ.

Кондратъ Тарануха, разсказавъ легенду о Хмѣльницкомъ (см. выше, стр. 114), прибавилъ, что Хмѣльницкій продавалъ Татарамъ *на ясыръ*, т. е. въ неволю, цѣлыя села, и, въ доказательство, припомнилъ слѣдующій замѣчательный отрывокъ изъ забытой имъ пѣсни:

Ой бода́й Хме́ля Хмельни́цького
Пе́рва ку̀ля не мину́ла,
Що велівъ бра́ти парубкі́ й дівкі́
И молоди́і молоди́ці.
Парубки́ йдуть співа̀ючи,
А дівча́та рида́ючи,
А молоди́і молоди́ці
Старо́го Хмѐля проклина́ючи:
»Ой бода́й Хмѐля Хмельни́цького
Пе́рва ку̀ля не мину́ла.....

. . . . . .

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
XII	9	*съ войнати*	*съ войнами*
XIII	27	*пьснь.*	*пьсень.*
XVII	8	Вовчка́.	Вовчка́,
XVIII	5	Ше́рба.	Ще́рба.
—	23	*Кали́вщины.*	*Коли́вщины.*
XXII	9	Стр.	Стр. 315
XXV	1	не *съ* зозаками,	не *съ* козаками,
—	19	Запрожцевъ	Запорожцевъ
—	23	къ спокойному	къ покойному
65	22	не я втерплю	я не втерплю
68	2	еказа̀въ	сказа̀въ
75	5	то́лпятця	то́плятця
88	4	Александръ и Казиміръ Ягеллонъ	Казимиръ Ягеллонъ и Александръ.
95	7	напи́вшлись	напи́вшись
116	9	іхатї	іхати
117	19	не дава́ть	не дава́ть
147	1	се́ме ро	се́меро
156	7	сказа̀ въ, той	сказа̀въ, то й
162	18	А вон якъ́й	А воно́й, якъ
163	22	Запорожцевъ	Запорожецъ.
164	30—31	продолжніжее	продолженіе.
244	32—33	людйи убра лись	людей и убрались
246	4	бесознательно	безсознательно
247	32	А я — говоритъ	А я — говоритъ —
250	9	й жупа̀нъ, добу́въ.	й жупа̀нъ добу́въ.
252	11	побижи́мъ,	побіжи́мъ,
253	10	ка́же́:	ка́же:
258	21—22	*постолахъ* (1).	*постолахъ* (2).
261	30	въ Троицко	въ Троицкой
265	1	думавъ,	ду́мавъ,
—	25—26	плотника	плотинка
268	26	Смиля́нсокму	Смилянскому
272	17	поста́влять	поставлять
—	29	ко́заківъ	козаківъ
278	6	ганчара́	гончара́
280	4	казàкъ,	казàнъ,
—	8	за́разъ	за́разъ
281	17	и зъ	изъ
285	28	Жидинять	Жиденятъ
289	7	да́вніи	да́вніі
296	31	оттуда	откуда

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
300	32	бросиъ	бросилъ
303	15	кра́щихъ-дітóкъ,	кра́щихъ дітóкъ,
306	14	Лизь!	Лізь!
307	17	вивізъ!	ви́візъ!
—	28—29	папіма́тко,	панімáтко,
308	32—33	по́ говіло, а самъ навті-кача!	по́ голові, а самъ навтікача́!
309	8	у холодку́,	у холодку́.
—	29	на іх	на іхъ
—	33	ив« рятовати	»ви́рятовати
310	2	паки́не	наки́не
—	13	по сади	посади
316	28	просходящую	происходящую
317	31	на безъ долі:	не безъ до́лі:
318	29	покваапитця́	покваапитця